

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

2020. Т. 17. № 1

ЕКАТЕРИНБУРГ
Издательство Уральского университета
2020

RUSSIAN LANGUAGE INSTITUTE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL FEDERAL UNIVERSITY
NAMED AFTER THE FIRST PRESIDENT OF RUSSIA B. N. YELTSIN

PROBLEMS OF ONOMASTICS

2020. Vol. 17. № 1

EKATERINBURG
Ural University Press
2020

Журнал основан в 2004 г.
Выходит три раза в год

Учредители:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2;
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Издатель:

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-75393 от 05 апреля 2019 г. Входит в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал индексируется в БД:

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), CiteFactor, DOAJ, EBSCO,
European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS),
Linguistics Abstracts Online, MLA Periodicals Database, Russian Science Citation Index (RSCI)
на платформе Web of Science (WoS), Scopus, Slavic Humanities Index,
Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (WoS)

«Вопросы ономастики» — единственный специализированный ономастический журнал в России. Основу содержания журнала составляют статьи и материалы по следующим направлениям исследований: теоретические проблемы и актуальные вопросы ономастики, методы ономастических исследований; ономастическая лексикография; ономастическое источниковедение; ономастика в различных сферах функционирования: в диалектах и городском просторечии, в фольклоре, художественной литературе, в языке науки и деловом языке, в памятниках письменности и др.; историческая ономастика (топонимика, антропонимика и др.); связи ономастики с другими науками (историей, археологией, этнографией, этимологией, этнолингвистикой, диалектологией, географией и др.), а также с краеведением; методы сбора и хранения ономастического материала; проблемы популяризации ономастических знаний. Преимущественное внимание уделяется славянской, финно-угорской, романской, германской, кельтской, тюркской и иранской ономастике. Материалы публикуются на русском, английском, немецком и французском языках.

Журнал является изданием открытого доступа (open access journal): публикация в журнале бесплатна для авторов, все статьи находятся в свободном доступе на сайте журнала, где они размещаются непосредственно после выхода бумажной версии.

E-mail: voprosy.onomastiki@gmail.com

Сайт: <http://onomastics.ru/>

Адрес редакции: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ком. 306

Уральский федеральный университет, редакция журнала «Вопросы ономастики»

Established in 2004
Published three times per year

Founders:

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
18/2, Volkhonka Str., 119019 Moscow, Russia
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
19, Mira Str., 620002 Yekaterinburg, Russia

Publisher:

Ural University Press
4, Turgenева Str., 620000 Yekaterinburg, Russia

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. Mass media registration certificate PI FS77-75393 as of April 5, 2019. The Journal is included in the Russian Higher Attestation Commission list of leading peer-reviewed academic journals approved for the publication of dissertation research results.

The Journal is indexed in:

CiteFactor, DOAJ, EBSCO, European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS), Linguistics Abstracts Online, MLA Periodicals Database, Russian Science Citation Index (eLibrary and RSCI, Web of Science Platform), Scopus, Slavic Humanities Index, Web of Science Emerging Sources Citation Index (WoS)

Voprosy onomastiki (Problems of Onomastics) publishes original research papers on all aspects of onomastics: theory of proper names and methods of onomastics; lexicography of proper names (presentation of old and new dictionaries); source studies in onomastics; functioning of proper names in different contexts: in dialects and popular language, in folklore and literature, in scientific and administrative discourses; historical studies of anthroponyms and toponyms (including the study of substrate toponymy); onomastics as a crossroad of different disciplines (history, archaeology, ethnology, geography, anthropology, ethnolinguistics, etymology, regional studies, etc.); methods of documentary fieldwork and data processing in onomastics. Preference is generally given to the onomastics of the Slavic, Finno-Ugric, Romance, Germanic, Baltic, Celtic, Turkic and Iranian languages. The journal publishes papers in the Russian, English, German, and French languages.

The journal operates on a no-fee open access basis: the journal does not charge any publication fees, all publications are freely available to the reader on the journal's website immediately after publication.

Email: voprosy.onomastiki@gmail.com
<http://onomastics.ru/en>

Editorial Office Address: 51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Ural Federal University, *Voprosy onomastiki (Problems of onomastics)* Editorial Office

Главный редактор

Березович Е. Л., д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН,
Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Заместители главного редактора

Голомидова М. В., д. ф. н., проф., Уральский
федеральный университет, Екатеринбург

Рут М. Э., д. ф. н., проф., Уральский федеральный
университет, Екатеринбург

Спирidonов Д. В., к. ф. н., доц., Уральский федеральный
университет, Екатеринбург

Заведующая редакцией

Феоктистова Л. А., к. ф. н., доц., Уральский
федеральный университет, Екатеринбург

Ответственный секретарь

Кучко В. С., к. ф. н., ст. науч. сотр., Уральский
федеральный университет, Екатеринбург; Институт
славяноведения РАН, Москва

Редакционный совет

Амбросиани П., PhD, проф., Университет Умео, Швеция

Васильев В. Л., д. ф. н., проф., Новгородский
государственный университет им. Ярослава
Мудрого, Великий Новгород

Васильева Н. В., д. ф. н., глав. науч. сотр., Институт
языкознания РАН, Москва

Галковский А., DrHab, проф., Лодзинский университет,
Польша

Гарвалик М., PhD, вед. науч. сотр., Институт
чешского языка АН Чешской Республики, Чехия

Гринберг М. Л., PhD, проф., Университет Канзаса, США

Дзидицойты Ю. А., к. ф. н., доц., Юго-Осетинский
государственный университет, Цхинвал, Южная
Осетия

Дыбо А. В., д. ф. н., чл.-корр. РАН, Институт
языкознания РАН, Москва

Журавлев А. Ф., д. ф. н., глав. науч. сотр., Институт
славяноведения РАН, Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова, Москва

Кабинина Н. В., д. ф. н., проф., Уральский федеральный
университет, Екатеринбург

Лома А., PhD, проф., акад. Сербской академии наук
и искусств, Белградский университет,
Институт сербского языка Сербской академии наук
и искусств, Сербия

Макарова А. А., к. ф. н., ст. науч. сотр., Уральский
федеральный университет, Екатеринбург; Институт
русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Матасович Р., PhD, проф., акад. Хорватской академии
наук и искусств, Загребский университет, Хорватия

Молчанова О. Т., д. ф. н., проф., Щецинский
университет, Польша

Муллонен И. И., д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН,
Институт языка, литературы и истории КарНЦ
РАН, Петрозаводск

Наполевских В. В., д. и. н., проф., чл.-корр. РАН,
Удмуртский государственный университет, Ижевск

Полякова Е. Н., д. ф. н., проф., Пермский
государственный национальный исследовательский
университет, Пермь

Саарикиви Я., PhD, проф., Университет Хельсинки,
Финляндия

Супрун В. И., д. ф. н., проф., Волгоградский
государственный социально-педагогический
университет, Волгоград

Сурикова О. Д., к. ф. н., ст. науч. сотр., Уральский
федеральный университет, Екатеринбург; Институт
русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Толстая С. М., д. ф. н., проф., акад. РАН,
Институт славяноведения РАН, Москва

Успенский Ф. Б., д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН,
Институт славяноведения РАН, Российский
государственный гуманитарный университет,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва

Фалилеев А. И., д. ф. н., вед. науч. сотр.,
Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург

Хенст К., DrHab, проф., Лейпцигский университет,
Германия

Хольцер Г., DrHab, проф., Венский университет,
Австрия

Экспертный совет

Айниала Т., PhD, вед. науч. сотр., Университет
Хельсинки, Финляндия

Аникин А. Е., д. ф. н., акад. РАН, Институт филологии
СО РАН, Новосибирск

Баики И., PhD, проф., Группа по исследованию
Средней Азии при Венгерской АН, Венгрия

Бергманн Х., PhD, вед. науч. сотр., Институт новой
и новейшей истории Австрийской АН, Австрия

Блажене Г., д. ф. н., проф., акад. АН Литвы,
Вильнюсский педагогический университет, Литва

Бурыкин А. А., д. ф. н., д. и. н., вед. науч. сотр.,
Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург

Егоров Н. И., д. ф. н., глав. науч. сотр., Чувацкий
государственный институт гуманитарных наук,
Чебоксары

Зубов Н. И., д. ф. н., проф., Одесский национальный
университет, Украина

Петросян А. Е., д. ф. н., глав. науч. сотр., Институт
археологии и этнографии НАН РА, Армения

Редька Я. П., к. ф. н., доц., Черновицкий национальный
университет, Украина

Рутковский М., PhD, DrHab, проф., Варминьско-
Мазурский университет, Польша

Стаховский М., PhD, науч. сотр., Ягеллонский
университет, Польша

Сундуева Е. В., д. ф. н., глав. науч. сотр., Институт
монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН, Улан-Удэ

Торкар С., PhD, науч. сотр., Институт словенского языка
Словенской академии наук и искусств, Словения

Хисамитдинова Ф. Г., д. ф. н., проф., Институт истории,
языка и литературы УФИЦ РАН, Уфа

Хоффманн Э., PhD, доц., Венский экономический
университет, Австрия

Цишианг Х., PhD, науч. сотр., Лейпцигский
университет, Германия

Штепан П., PhD, науч. сотр., Институт чешского языка
АН Чешской Республики, Чехия

Editor-in-chief

Elena Berezovich, DrHab, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Deputy editors

Marina Golomidova, DrHab, professor, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Maria Ruth, DrHab, professor, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Dmitry Spiridonov, PhD, associate professor, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Editorial director

Lyubov Feoktistova, PhD, associate professor, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Managing editor

Valeria Kuchko, PhD, senior research fellow, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, Russia

Advisory Board

Per Ambrosiani, PhD, professor, Umeå University, Sweden

Anna Dybo, DrHab, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russia

Yuri Dzitstsoity, PhD, professor, South Ossetian State University, Tskhinvali, Republic of South Ossetia

Alexander Falileyev, DrHab, leading research fellow, Institute for Linguistic Studies of the RAS, Saint Petersburg, Russia

Artur Galkowski, DrHab, professor, University of Łódź, Poland

Marc L. Greenberg, PhD, professor, University of Kansas, Lawrence, KS, USA

Milan Harvalík, PhD, leading research fellow, Institute for the Czech Language of the AS CR, Prague, Czech Republic

Karlheinz Hengst, DrHab, professor, University of Leipzig, Germany

Georg Holzer, DrHab, professor, University of Vienna, Austria

Nadezhda Kabinina, DrHab, professor, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Aleksandar Loma, PhD, professor, full member of the Serbian Academy of Sciences and Arts, University of Belgrade, Serbian Academy of Sciences and Arts, Serbia

Anna Makarova, PhD, senior research fellow, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia

Ranko Matasović, PhD, professor, full member of the Croatian Academy of Sciences and Arts, University of Zagreb, Croatia

Olga Molchanova, DrHab, professor, University of Szczecin, Poland

Irma Mullonen, DrHab, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Language, Literature and History of the KarRC RAS, Petrozavodsk, Russia

Vladimir Napolskikh, DrHab, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Udmurt State University, Izhevsk, Russia

Elena Polyakova, DrHab, professor, Perm State National Research University, Perm, Russia

Janne Saarikivi, PhD, professor, University of Helsinki, Finland

Vasilii Suprun, DrHab, professor, Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, Russia

Olesya Surikova, PhD, senior research fellow, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia

Svetlana Tolstaya, DrHab, professor, full member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, Russia

Fjodor Uspenskij, DrHab, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Slavic Studies of the RAS, Russian State University for the Humanities, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Valery Vasilyev, DrHab, professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia

Natalia Vasilyeva, DrHab, principal research fellow, Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russia

Anatoly Zhuravlev, DrHab, principal research fellow, Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow State University, Moscow, Russia

Reviewers committee

Terhi Ainiala, PhD, leading research fellow, University of Helsinki, Finland

Aleksandr Anikin, DrHab, full member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Division of the RAS, Novosibirsk, Russia

Imre Baski, PhD, professor, Research Group for Central Asia, Hungarian AS, Hungary

Hubert Bergmann, PhD, research fellow, Institute of Modern and Contemporary History of the Austrian AS, Austria

Grasilda Blažienė, DrHab, professor, full member of the Lithuanian Academy of Sciences, Lithuanian University of Educational Sciences, Lithuania

Alexey Burykin, DrHab, leading research fellow, Institute for Linguistic Studies of the RAS, Saint Petersburg, Russia

Nikolay Egorov, DrHab, principal research fellow, Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary, Russia

Edgar Hoffmann, PhD, associate professor, Vienna University of Economics and Business, Austria

Firdaus Khisamutdinova, DrHab, professor, Institute of History, Language and Literature of UFRS RAS, Russia

Armen Petrosyan, DrHab, principal research fellow, Institute of Archaeology and Ethnography of the NAS RA, Yerevan, Armenia

Yaroslav Redkva, PhD, associate professor, Chernivtsi National University, Ukraine

Mariusz Rutkowski, DrHab, professor, University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Poland

Marek Stachowski, PhD, research fellow, Jagiellonian University, Kraków, Poland

Pavel Štěpán, PhD, research fellow, Institute for the Czech Language of the AS CR, Prague, Czech Republic

Ekaterina Sunduyeva, DrHab, principal research fellow, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Division of the RAS, Ulan-Ude, Russia

Silvo Torkar, PhD, research fellow, Fran Ramovš Institute of the Slovenian Language, Ljubljana, Slovenia

Christian Zschieschang, PhD, research fellow, University of Leipzig, Germany

Nikolay Zubov, DrHab, professor, Odessa National University, Ukraine

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Толстая С. М.</i> К этимологии имени <i>Владимир</i>	9
<i>Макарова А. А., Попова Ю. Б.</i> Зооморфная модель в коллективных прозвищах жителей Русского Севера	30
<i>Варникова Е. Н.</i> Семантические и словообразовательные особенности кличек лошадей в истории русского языка (по данным переписных книг вологодских монастырей XVI — начала XVIII в.)	47
<i>Костылев Ю. С.</i> Топонимия острова Врангеля, мотивированная лексикой зоологической сферы	84
<i>Беляев А. Г., Шубницина Е. И.</i> К вопросу о происхождении русскоязычных гидронимов бассейна реки Щугор	95
<i>Дацишина М. В.</i> Топонимия как составная часть политики Германии на временно оккупированных советских территориях	113
<i>Ли Мо, Рябцева Е. С.</i> Годонимия Шанхая и Екатеринбурга: сопоставительный аспект	136
<i>Климкина О. И.</i> Дом как объект именованья в турецком городском ономастиконе: структурно-семантический анализ ойкодомонимов Стамбула	150
<i>Нанзатов Б. З., Тишин В. В.</i> <i>Байырку</i> и <i>баргу</i> : конец одного мифа	168

СООБЩЕНИЯ

<i>Аликберов А. К., Мудрак О. А.</i> Арран и сопредельные страны в парфянском тексте трехязычной надписи III в. на скале Ка'ба-йи Зардушт (ŠKZ)	190
<i>Алексеева А. С.</i> О происхождении фольклорного гидронима <i>Анолевта</i>	203
<i>Загоровская О. В., Лесников С. В.</i> Ономастическая лексика говора села Лойма Прилузского района Республики Коми в аспекте проблем современной диалектной лексикографии	209
<i>Казяба В. В.</i> К вопросу об отборе материала для антропонимических исследований никнеймов (на примере немецкоязычного интернет-сегмента)	223

ОБЗОРЫ

Э. М. Мурзаев (1908–1998). Топонимика: научно-популярные публикации (<i>Р. А. Агеева</i>)	236
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Фалилеев А. И.</i> Географические названия Флинтшира, Уэльс. Рец. на кн.: <i>Owen H. W. Place-names in Flintshire / H. W. Owen, K. L. Gruffydd. — Cardiff: Univ. of Wales Press, 2017. — 272 p.</i>	241
<i>Плотникова А. А.</i> Антропонимы староверов в иноязычной среде. Рец. на кн.: <i>Ziółkowska-Mówka M. System antropimiczny staroobrzędowców mieszkających w Polsce / M. Ziółkowska-Mówka. — Toruń: Eikon, 2018. — 469 s.</i>	253

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

XVII Международная научная конференция «Ономастика Поволжья» (<i>С. О. Горяев</i>)	262
--	-----

CONTENTS

ARTICLES

<i>Tolstaya, S. M.</i> To the Etymology of the Name <i>Vladimir</i>	9
<i>Makarova, A. A., Popova, Yu. B.</i> Zoomorphic Pattern in Collective Nicknames among the Residents of the Russian North	30
<i>Varnikova, E. N.</i> Semantic and Word-Formation Features of Horse Names in the History of the Russian Language (Based on the Inventory Books of Vologda Monasteries in the 16th — Early 18th Centuries)	47
<i>Kostylev, Y. S.</i> Wrangel Island Toponymy Motivated by Zoology Vocabulary	84
<i>Belyaev, A. G., Shubnitsina, E. I.</i> On the Origin of Russian-Language Hydronyms of the Shchugor River Basin	95
<i>Datsishina, M. V.</i> Place Renaming and German Policy-Making in Temporarily Occupied Soviet Territories	113
<i>Li, Mo, Ryabtseva, E. S.</i> Street Names of Shanghai and Ekaterinburg: A Comparative Study	136
<i>Klimkina, O. I.</i> The House as an Object of Naming in the Turkish Urban Onomasticon: Structural and Semantic Analysis	150
<i>Nanzatov, B. Z., Tishin, V. V.</i> <i>Bayırqu</i> and <i>Baryu</i> : Deconstructing One Myth	168

NOTES

<i>Alikberov, A. K., Mudrak, O. A.</i> Arran and the Neighbouring Countries in the Parthian Text of the 3 rd Century Trilingual Inscription at Ka'ba-ye Zartosht (ŠKZ)	190
<i>Alekseeva, A. S.</i> The Origin of the Folklore Hydronym <i>Apolevta</i>	203
<i>Zagorovskaya, O. V., Lesnikov, S. V.</i> Onomastic Vocabulary of the Loyma Sub-Dialect (Komi Republic) and Contemporary Dialectal Lexicography	209
<i>Kaziaba, V. V.</i> Researching Internet Nicknames: On the Methodology of Material Selection (Based On German-Language Internet Communication)	223

OVERVIEWS

E. M. Murzaev (1908–1998). Place Names: Popular Scientific Publications. A Review (<i>R. A. Ageeva</i>)	236
---	-----

BOOK REVIEWS

<i>Falileyev, A. I.</i> Geographic Names of Flintshire, Wales. Review of the book: Owen H. W., & Gruffydd, K. L. <i>Place-names in Flintshire</i> . Cardiff: University of Wales Press, 2017. 272 p.	241
<i>Plotnikova, A. A.</i> Old Believers' Personal Names in a Foreign Language Environment. Review of the book: Ziółkowska-Mówka, M. (2018). <i>System antroponimiczny staroobrzędowców mieszkających w Polsce</i> [Anthroponymic System of Old Believers Living in Poland]. Toruń: Eikon. 469 s.	253

ACADEMIC CURRICULUM

The 17 th International Conference “Onomastics of the Volga Region” (<i>S. O. Goryaev</i>)	262
---	-----

СТАТЬИ

DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.001
УДК 811.16'373.23 + 811.16'373.6 + 811.16'373.45

С. М. Толстая
Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

К ЭТИМОЛОГИИ ИМЕНИ *ВЛАДИМИР**

Имя *Владимир* (**Voldimirь*) неоднократно было предметом этимологического анализа вместе с другими древнеславянскими дохристианскими двусоставными антропонимами. Однако некоторые аспекты этимологии этого имени остаются не до конца выясненными. В статье рассматриваются четыре главных вопроса: 1) морфология первого члена имени (именная или глагольная основа?); 2) семантика второго элемента имени (*-mirь* — ‘рах’ или ‘mundus’?); 3) соотношение др.-рус. *Володимирь* и *Володимѣрь*; 4) общая семантика композита. Автор приходит к заключению, что глагольный характер первого компонента имени подтверждается структурой всего корпуса имен на *-mirь*, в которых на первой позиции в абсолютном большинстве антропонимов стоят глагольные формы (в виде основы императива или чистой основы). Вопреки многим исследователям автор считает, что *-mirь* в составе личных имен имеет значение ‘рах’. Об этом свидетельствует семантика предшествующих этому элементу глаголов (‘хотеть’, ‘хранить’, ‘защищать’, ‘устанавливать’, ‘разрушать, ломать, крушить’ и т. п.), сочетаемость участвующих в сложениях слов (ср. *мир* и *тишина* и **Tixomirь*) и фразеология (ср. *устанавливать мир* и **Stanimirь*, *завоевать мир* и **Ratimirь*, *сокрушить, разорвать мир* и **Lomimirь*, **Krušimirь*, **Rъvimirь*). Вопрос о соотношении финалей *-mirь* и *-mьrь* в качестве второго элемента антропонимических сложений остается наиболее спорным. Большинство этимологов принимают тезис о германском заимствовании элемента *-mьrь* или всего имени **Voldimьrь*, однако высказываются мнения и о возможном славянском происхождении по крайней мере некоторых имен на *-mьrь*. Этимология имени *Владимир* и подобных

* В основе статьи лежит доклад, прочитанный 3 декабря 2019 г. в Институте славяноведения РАН на чтениях, посвященных памяти академика В. Н. Топорова. Автор благодарит акад. А. Е. Аникина и проф. В. Венцеля за ценные замечания и дополнения к статье.

двусоставных имен должна учитывать системные связи каждого компонента с другими лексическими единицами, занимающими ту же позицию в структуре составного имени, морфологию и морфонологию этих сложений, внутренний синтаксис имени, семантику каждого компонента и целого имени.

Ключевые слова: славянские языки, антропонимия, композиты, Владимир, этимология, реконструкция, заимствование.

Памяти В. Н. Топорова

Имя *Владимир* входит в корпус древнейших славянских дохристианских двусоставных личных имен, имеющих праславянское — и далее индоевропейское — происхождение. Среди них наиболее многочисленны и «регулярны» две группы имен — имена с компонентами *мир-* и *слав-*, которые могут занимать как первую, так и вторую позицию (*Миролуб* и *Любомир*, *Славомир* и *Святослав* и т. п.). Этим именам в славянских и других индоевропейских языках посвящена большая литература, начиная с Миклошича и кончая современными работами [Miklosich, 1860–1874; Maretić, 1886; Гинкен, 1893; Leskien, 1914–1915; Taszycki, 1926; Milewski, 1957; 1960; Svoboda, 1964; Поспанд, 1965; Zett, 1970; Schlimpert, 1978; Pohl, 1993; Wenzel, 1–2; Топоров, 1993; Топорова, 1996; Majtan 1996; Pleskalová, 1998; Davies, 2000; Васильев, 2005; Николаев, 2017; Шапошников, 2017], а сами имена этого типа продолжают быть актуальными в антропонимической практике до наших дней (особенно они популярны у южных славян). В целом этимология этих имен достаточно прозрачна, но как раз имя *Владимир* выделяется среди них своей неоднозначной этимологической трактовкой. Наше современное имя *Владимир* имеет южнославянскую (церковнославянскую) огласовку; праславянская форма реконструируется как **Voldi-mirь* с закономерными рефлексами: юж.-слав., словц. **Vladimirь*, чеш., польск. **Vlodimirь*, вост.-слав. **Volodimirь*.

С именем *Владимир* связаны четыре главные проблемы: 1) морфология первого члена имени **Voldi-*: именная или глагольная основа? 2) семантика элемента *-mirь*: ‘рах’ или ‘mundus’? 3) соотношение др.-рус. *Володимирь* и *Володимѣрь*; 4) общая семантика (или актантная структура) композита.

Рассмотрим кратко эти вопросы.

1. Что такое **Voldi* — имя или глагол? Четверть века тому назад В. Н. Топоров посвятил именам с компонентом *-мир* большое исследование [Топоров, 1993]. Это был его доклад к братиславскому съезду славистов, который назывался «Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент **mir-*)». В нем впервые был представлен полный корпус славянских личных имен с компонентом *-мир* (как исторически засвидетельствованных, так и реконструированных на материале разных славянских языков); всего более 300 имен. В. Н. Топорова интересовал в первую очередь историко-культурный аспект этих имен и их соотношение и параллелизм с митраической индоиранской традицией. Но попутно в этой

работе высказываются важные положения, касающиеся структуры, семантики и этимологии славянских имен с компонентом *-мир*.

В частности, В. Н. Топоров указал на то, что позиция, которую занимает элемент *-мир* (или другой какой-либо элемент) в семантическом отношении неравнозначны: «Член, выступающий на первом месте, обладает большей семантической суверенностью и большей практической актуальностью; член, занимающий второе место, часто тяготеет к своего рода “суффиксации”. В имени **Miro-slavъ* акцент лежит на элементе *mir-*, на мире-спокойствии, с которым соотносится как дополнительный признак еще и слава. В ряду **Miro-slavъ*, **Svęto-slavъ*, **Jaro-slavъ* <...> и т. д. “сильная” смысловозначительная и смыслоформирующая позиция — первая, **-slavъ* же выступает и как полуслужебный, к суффиксу приближающийся элемент. В имени **Slavo-mirъ*, напротив, акцент приходится на элемент **Slav-*, на славу, уточняемую как слава мира, мирная или мирская слава» [Топоров, 1993, 66].

Позиция элемента в составе композита имеет значение не только для семантики композита, но и для его морфонологической структуры. В обеих позициях могут выступать как именные, так и глагольные элементы, но их оформление неодинаково. Глаголы в первой (левой, начальной) позиции чаще всего представлены своими императивными основами, оканчивающимися на *-i* (которые для *i*-глаголов совпадают с чистой основой): **Bori-mirъ*, **Borni-mirъ*, **Bōdi-mirъ*, **Budi-mirъ*, **Cvēti-mirъ*, **Āsti-mirъ*, **Desi-mirъ*, **Dyrži-mirъ*, **Goni-mirъ*, **Xodi-mirъ*, **Xoti-mirъ*, **Jezdi-mirъ*, **Kazi-mirъ*, **Kloni-mirъ*, **Koli-mirъ*, **Krasimirъ*, **Kręsimirъ*, **Kupi-mirъ*, **Lomi-mirъ*, **L'ubi-mirъ*, **Meti-mirъ*, **Mōti-mirъ*, **Nosimirъ*, **Prosi-mirъ*, **Prosti-mirъ*, **Pusti-mirъ*, **Rъvi-mirъ*, **Sōdi-mirъ*, **Spasi-mirъ*, **Stani-mirъ*, **Sterži-mirъ*, **Stroji-mirъ*, **Tęši-mirъ*, **Tvori-mirъ*, **Vadi-mirъ*, **Zvoni-mirъ*, **Źali-mirъ*, **Źdi-mirъ* [Топоров, 1993]. Эта же форма глагольной основы выступает и в древнерусских словах со вторым компонентом *-славъ*: *Бориславъ*, *Брячиславъ*, *Будиславъ*, *Воротиславъ*, *Держиславъ*, *Желиславъ*, *Мстиславъ*, *Станиславъ*, *Судиславъ*, *Твердиславъ* [Тупиков, 2005], ср. аналогичное оформление глагольных основ в апеллятивных композитах: *вертихвостка*, *горюцвет*, *сорвиголова*, *держитрава* (растение) и т. п. Реже глагольные элементы в первой позиции выступают в виде чистой основы: **Bra-mirъ*, **Da-mirъ*, **Xotę-mirъ*, **Xotę-slavъ*, **Sta-mirъ*, **Zna-mirъ*, **Načę-mirъ*, др.-рус. *Сдеславъ* и др. И совсем единичны случаи, когда глагольная основа присоединяется с помощью «именного» соединительного элемента *о-*: древнерусское прозвище *Трясоголовъ*, то же в апеллятивных композитах: *вертохвостка*, *вертошейка*, *вертоголов* [Аникин РЭС, 6, 336–338] и т. п.

В конечной позиции композитов глагольные основы не имеют никаких глагольных показателей и оказываются равными корню, например **Vъse-voldъ*, польск. *Inowłod*¹, чеш. *Rohovlad*, др.-рус. *Всеволодъ*, новг. *Имоволодъ*, *Рогволодъ*,

¹ Это имя приводится в [Роспонд, 1965, 19], однако [SSpNO] его не включает.

Яволодь (< *volsti, *volděti), *Сновидь*, *Явидь* (< *viděti), ср. продуктивность этого типа сложений в апеллятивах: *доброхот* (< *xotěti), *углекон* (< *korati), *водноос* (< *nositi), *плотогон* (< *gъnati), *каменотес* (< *tesati), *свинопас* (< *pasti, pasq), *винокур* (< *kuriti), *лоботряс* (< *tręsti), *землемер* (< *měriti), *скалолаз* (< *laziti), *снегопад* (< *pasti, padq) и т. п.

Если же на первом месте стоит именная основа, то она, как правило, оканчивается соединительной гласной *o-* или *e-*: **Dragomirъ*, **Jaroslavъ*, **L'ubomirъ*, **Miloněgъ*, **Miroslavъ*, **Svetoslavъ*, **Tixomirъ*, др.-рус. *Вожславъ* и т. п.; в случае мягких именных основ соединительной гласной может быть *i-*: **Myslidarъ*, **Myslimirъ*, хотя возможна и *o-*: **L'udimirъ* и *L'udomirъ*, др.-рус. *Гостомысль* [Зализняк, 2019, 808], *Ратомиръ* (и *Ратимиръ*), ср. в апеллятивной лексике: *властолюбие*, *людоед*, **l'udožerъ* (и **l'udižerъ*)². Лишь некоторые имена присоединяют именную основу непосредственно к следующей морфеме без соединительного гласного: др.-рус. новг. *Воиславъ* (но есть и *Вожславъ*), *Мирславъ*, *Лудьславъ*, *Людславъ*, *Сольмиръ*, *Радславъ*, *Ратьмир*. Несклоняемые компоненты (наречия, предлоги, местоимения) присоединяются ко второму элементу композита в своем исходном виде: **Boljeslavъ*, **Domažirъ*, **Domaněgъ*, **Domaslavъ*, **Večjeslavъ*, **Iušeslavъ*, **Vьseslavъ*, **Vьsevoldъ*, **Moislavъ* и т. п.

Однако разграничение именных и глагольных основ в составе сложных слов не всегда может быть проведено однозначно, поскольку многие морфемы могут функционировать и как глагольные, и как именные; их неразличению способствует и морфонологический фактор — усечение именных основ перед соединительной гласной и глагольных основ на конце слова. Так, морфема *slav-* может манифестировать как имя **slava*, так и глагол **slaviti* (ср. *xpucтослав* ‘славящий Христа, тот, кто славит Христа’), а **mirъ* может выступать не только как именная основа, но и как основа глагола **miriti*. Имя **Slavomirъ* может трактоваться как состоящее из двух именных основ (‘славный мир’ или ‘слава мира’), а **Miroslavъ* — как сложение именной и глагольной основы (‘славящий мир’); **Dobroslavъ* может пониматься либо как ‘имеющий добрую славу’, «доброславный» (тогда **slavъ* — именной компонент), либо как ‘славящий добро’ (тогда **slavъ* — глагольная основа); морфема *l'ub-* может быть именной, репрезентирующей прилагательное *l'ubъ* (**L'uboslavъ*), а может быть

² Ср. замечание в [ЭССЯ, 15, 201] о вариативных соединительных гласных в праславянских сложениях вообще и в частности в антропонимических композитах **l'udъmila* / **l'udimila* / **l'udmila* / **l'udomila* / **l'udъmilъ* / **l'udomilъ*: «сложные имена, образованные соединением основ **l'udъ* / **l'udъ* и **milъ* / **mila*. Из приведенных <...> вариантов формы **l'udomila* / **l'udomilъ* являются, возможно, наиболее поздними, поскольку соответствуют модели сложений с соединительным гласным *o-*, сохранившей продуктивность вплоть до истории отдельных славянских языков, но и для этих вариантов реальна праславянская древность. Варианты **l'udъmil(a)* / **l'udimila* относятся к числу немногих славянских сложных имен, сохранивших следы древней *-i*-основы в первой части сложения».

чистой основой глагола *l'ubiti* (**Mirol'ubъ*) и т. п. Впрочем, о проблеме общей семантики имени будет сказано дальше.

Именные основы, таким образом, присоединяются, как правило, соединительным гласным *o-*: *Славомир*, *Тихомир*, *Милослав* и т. п. Однако изредка встречаются не чистые основы и соединительная гласная, а падежные формы типа *Богумил*, *Богуслав*, *Братумил*, ср. польск. *Bogurodzica* и *Bogarodzica* [SJPD, 1, 593], с.-х. *Bogurodica*, *Boguživ* [RHSJ, 1, 502], юж.-слав. *братучед*, ст.-слав. **злѡурадын** [Желязкова, 2012, 64, 71, 73], с.-х. *богумрзак*, *богумольа*, *богумил*, *богуслужење*, *богуљубив*, *богомдан* [РСХКНЈ, 2, 1, 11] и т. п. Глагольные же основы в первой позиции перед именной основой, как уже сказано, в большинстве случаев оканчиваются на *-i*. Казалось бы, это может служить надежным критерием разграничения именных и глагольных основ³. Однако такое распределение непоследовательно, поскольку для двусоставных имен характерно явление инверсии компонентов. Немало таких зеркальных форм и среди имен с элементом *мир-* типа *Славомир* и *Мирослав*, *Любомир* и *Миролюб*, польск. **Gněvo-mirъ* и **Miro-gněvъ* и т. п. Отсюда такие колебания или отклонения от исконного (морфологического) распределения именных и глагольных основ в сложениях (когда глагольная основа оформляется и по глагольному, и по именному типу), как **Bqdi-mirъ* и **Bqdomirъ*, **Gněvi-mirъ* и **Gněvo-mirъ*, **L'ubi-mirъ* и **L'ubo-mirъ*, **Miri-slava* и **Mirolava*, **Radi-mirъ* и **Radomirъ* и т. п. (ср. среди нарицательных имен *вертихвостка* и *вертопрах*, *вертоголов*, *трясогузка* и т. п., с оформлением глагольных основ по именному морфонологическому типу).

Итак, имена-композиции вообще могут иметь морфологическую (словообразовательную) структуру следующих типов: 1) глагольная основа + именная основа (**Dьrži-mirъ*); 2) именная основа + именная основа (**Miro-gostъ*); 3) именная основа + глагольная основа (**Miro-l'ubъ*); 4) неизменяемая часть речи (предлог, наречие, местоимение) + именная основа (др.-рус. *Всеславъ*, *Домажиръ* и т. п.) [подробнее см.: Роспонд, 1965]. Но не может быть композита из двух глагольных основ. Это означает, что если одна из основ уверенно определяется как глагольная, другая должна быть именной.

Если теперь с учетом сказанного посмотреть на имя *Владимир* (**Voldi-mirъ*), то оно оказывается вполне вписывающимся в стандартный тип композитов с первым глагольным элементом в императивной форме и вторым именным элементом, функционально приближающимся к суффиксам. Тем не менее этимологи нередко интерпретируют первый элемент имени *Владимир* не как глагольную, а как именную основу. Так, словарь Фасмера дает следующее определение:

³ Ср. этимологию имени **mьstislavъ* в [ЭССЯ, 21, 169–170]: «Сложное имя, образованное из формы повелительного наклонения глагола **mьstiti* и основы *slav-* (см. **slava*). Ср. **borislavъ*, **bornislavъ*. Менее вероятно, что это сложение двух именных основ, преобразованное по типу продуктивных сложений с глаголом на *-i* в качестве первого члена (ср. *Bronislav*, *Stanislav*), т. е. **mьstь-slavъ* > **mьstislavъ*».

Владимир, имя собств. Др.-рус. *Володимѣръ*, церк.-слав. *Владимѣръ*, первая часть которого связана с церк.-слав. *владѣ* ‘власть’ <...> тогда как вторая часть родственна гот. *-mērs* ‘великий’, др.-в.-нем. *māri* ‘знаменитый’, греч. ἐγγεσιμωρος ‘знаменитый [своим] копьем’, ирл. *mór, már* ‘большой, великий’, кимр. *tawr* <...> Таким образом, *Владимир* — «Великий в своей власти». Огласовка *-ла-* церковнославянского происхождения. Окончание *-миръ* возникло под влиянием *мир* ‘спокойствие’, ‘вселенная’ по народной этимологии <...> См. *Володимер* [Фасмер, 1, 326].

Володимер, др.-рус. *Володимѣръ*, собственно исконнорусская форма вместо церк.-слав. *Владимѣръ*. Первоначальное значение — «Славный владением». Лит. *valdymieras* ‘властелин’ восходит к имени Владимира Святого, который в 983 г. победил балтийских ятвягов и завоевал их земли <...> [Фасмер, 1, 341].

Как видим, Фасмер считает первый компонент антропонима *Владимир* именной морфемой, идентифицируемой как **voldь* (церк.-слав. *владѣ*) со значением ‘власть’; не считает его глагольной формой и Миклошич⁴. Между тем имя *владѣ* в этом значении отсутствует в словарях старославянского языка [СБР; ССЯ], в этимологическом словаре старославянского языка [ESJS] и других изданиях (там же, где оно присутствует, оно неизменно означает ‘волосы’)⁵. Но главное, что подобный «амальгамный» способ словообразования, когда один элемент представляет собой стандартную для данного типа двусоставных личных имен исконную основу, а другой — заимствованное слово, не характерен для древнеславянской антропонимии.

Словарь А. Е. Аникина предлагает подобное же толкование для русского имени (выделено мною. — С. Т.):

Владимир — одно из распространенных русских имен собственных, в Древней Руси *Владимѣръ*, *Владимиръ*. Изначально языческое, сохранилось в христианскую эпоху вследствие канонизации крестителя Руси, Владимира Святославича, жившего ок. 960–1015 // блр. *Владзімір* и *Ўладзімір*, укр. *Владимир*, польск. *Włodzimierz* продолжают праславянское имя собственное **Voldiměръ*, **сложение основы сущ. **voldь* ‘власть’ (рус.-слав. *владѣ* и др.) и известного только в связанном виде сущ. *-měръ***. Первая часть этимологически связана с **volděti* и т. п., а вторая — с гот. *-mērs* ‘великий’. Исходное значение славянского имени собственного реконструируется как ‘**великий в своей власти**’ <...> Появление *-миръ* вместо *-měръ* объясняют влиянием рефлексов гетерогенного **mirь*, ср. рус. *мир* и т. п. Топоров рассматривает

⁴ Ср: «*Владимѣръ* мужское имя собственное, *Владимерь*, *Володимерь* — ни первая часть не является императивом, ни вторая часть не означает ‘мир-mundus’» [Miklosich, 1862–1865, 66].

⁵ Это слово дается в словаре Миклошича со ссылкой на источник XV в.: «*владѣ* f. ἐξουσία potestas ‘власть, господство’» [Miklosich, 1862–1865, 66]. Срезневский приводит его в двойственном виде *владѣ=владѣ* ἐξουσία по одному свидетельству XVI в., где слово дано под титулом [Срезневский, 1, 267]; вслед за ним этот же пример приводит [СлРЯ XI–XVII вв., 2, 214], трактуя его как церковнославянизм, производный от *владеть* [ср.: Аникин РЭС, 7, 299], т. е. как вторичное образование, не связанное непосредственно с праславянским глаголом **vlasti, vladq.*

-*měř* и -*mirь* как апофонические варианты одного и того же корня (во всяком случае, с трудом отделяемые друг от друга), что влечет двойственность реконструкции — праслав. **Voldiměřь* и **Voldimirь*, хотя и отнюдь не исключает того, что -*мурь* вытесняет -*мърь* и что история рассматриваемого имени отражает переплетение «своих» и «чужих» элементов. <...> Сходно в [ЭССЯ, 14, 10], см. *ladoměř / ladamir*. <...> [Аникин РЭС, 7, 295–296].

Обратим внимание на то, что, во-первых, исконной праславянской формой имени здесь признается **Voldiměřь*, а форма **Voldimirь* считается вторичной, возникшей под влиянием славянского **mirь*; во-вторых, здесь остается непонятным, какое праславянское имя **měřь* имеется в виду и как именно оно связано с германским -*mērs* ‘великий’. О соотношении финалей **mirь* и **měřь* будет подробнее сказано ниже.

Применительно к русской антропонимической традиции необходимо еще упомянуть аналогичное по структуре имя **Voldislavь* (др.-рус. *Володиславь*, др.-польск. *Włodzislaw, Władysław, Władzislaw*, известное в разных латинских записях с XII в. [SSpNO, 6, 143], а также два поздних русских топонима, образованных по модели имени *Владимир*, — это *Владикавказ* (1774) и *Владивосток* (1860), которые осмысляются как структуры с первым глагольным и вторым именным (объектным) членом: соответственно «владей Кавказом» и «владей Востоком».

На фоне других этимологических словарей, которые, в сущности, воспроизводят этимологию Фасмера⁶, выделяется трактовка, предложенная авторами чешского «Этимологического словаря старославянского языка» (выделено мною. — С. Т.):

Vladimirь, -a m., nom. pr. Jméno kyjevského knížete (980–1015). Doloženo 1x v Ostr ve formě *Volodimirь*. Et.: Psl. **Voldimirь* je zjevné kompozitum, **jehož první část obsahuje derivát od vb. **volsťi, voldq* ‘vládnout’ (v. *vlasti*), ale výklad druhé části — stejně jako u jiných sl. osobních jmen s tímto komponentem (v. **Dragomira**) — není jednoznačný ani u tohoto propria. Převažuje názor, že pův. je podoba **Voldiměřь* (> str. *Volodiměřь* > lit. žem. *valdymieras* ‘vladce’ <...>), jejíž -*měřь* je iz ie. **mēro-* ‘velký, slavný’, a pův. význam byl ‘velký, slavný vládnutím’, přičemž **Voldimirь* vzniklo lidovou et., sekundárním přichýlením k **mirь* ‘svět’ <...> **Alternativně je možno se domnívat, že **Voldiměřь* bylo přijato z germ. a pak přichýleno k *mirь* <...> Zcela vyloučeno ale není ani to,****

⁶ Ср., например, этимологический словарь болгарского языка: «Владимѣр, личное имя; Владимир, село в Радомирской области. — Рус. *Владимир* (из ст.-слав.), др.-рус. *Володимѣрь*, чеш., словац. *Владимѣрь*, польск. *Włodzimierz*. — Произведено от *влади*, формы сущ. *владь* ‘власть’ и *мърь*, отождествленного по народной этимологии с *мур*, родственно гот. -*mērs* ‘великий’, др.-в.-нем. *māri* ‘славный, знаменитый’, греч. εὐχεσί-μορος ‘славен своим копьем’. Первоначальное значение: ‘славен своей властью» [БЕР, 1, 161].

že forma **Voldimirь* existovala paralelně, at' už bylo **Voldiměрь* domácí nebo přejaté <...> *bv* [ESJS, 18, 1066]⁷.

В этом словаре, как видим, отчетливо сказано, что исходной праславянской формой имени является **Voldimirь* (с вторым компонентом *-mirь*) и именно в этой форме (*Volodimirь*) это имя отражено в Остромировом евангелии. Далее, здесь первая часть имени впервые истолкована как глагольная, а не именная форма, как дериват глагола **volsti, voldq* 'владеть' (ст.-слав. *vlasti*), а для имени в целом допускается как заимствованное (германское), так и исконное происхождение.

Таким образом, глагольность первого компонента имени **Voldimirь* подтверждается прежде всего структурой всего корпуса имен на *-mirь*, в которых на первой позиции в абсолютном большинстве антропонимов стоят глагольные формы (в виде основы императива или чистой основы). Если же говорить о самом глаголе **volsti, voldq*, то он фигурирует в этой позиции только еще в одном имени — **Voldislavь*, известном как в русском, так и в других славянских языках (ср. с.-х. *Vladislav* (с XI в.) [RHSJ, 21, 161–162]). На втором месте в антропонимических сложениях этот глагол тоже довольно редок: др.-рус. *Всѣволодь*, новг. *Имоволодь* (реконструируется предположительно из топонима) [Зализняк, 2004, 837], *Рогволодь* [Тупиков, 2005, 393], и его семантика, скорее всего, близка к семантике причастия 'владеющий'.

В работах по антропонимии нередко утверждается, что структура антропонимических сложений существенно отстает от общезыковых закономерностей, и в частности от структуры апеллятивных композитов. В общем виде эту мысль выразила Т. В. Топорова, исследовавшая структуру и семантику древнегерманских личных двусоставных имен: «В целом совершенно очевидно, что морфология древнегерманских двучленных имен имеет свою специфику и строится по законам, существенно отличающимся от общезыковых» [Топорова, 1993, 91]. Другой автор утверждает, что «существует фундаментальное различие между лексическими композитами (*lexical compounds*) и ономастическими композитами (*onomastic compounds*)», заключающееся в том, что, во-первых, ономастические

⁷ «Имя киевского князя (980–1015). Засвидетельствовано один раз в Остромировом Евангелии в форме *Володимирь*. Этимология: праслав. **Voldimirь*, безусловно, является композитом, первая часть которого производна от глагола **volsti, voldq* 'владеть, править', однако толкование второй части — как и у других славянских личных имен с этим компонентом (ср. *Dragomira*) — неоднозначно. Преобладает мнение, что первоначальная форма **Voldiměрь* (др.-рус. **Voldiměрь* > лит. жем. *valdymieras* 'правитель' <...>), тогда как *měрь* восходит к и.-е. **mēro-* 'великий, знаменитый', так что первоначальное значение было 'великий, славный правлением', причем **Voldimirь* возникло по народной этимологии благодаря вторичной связи с **mir* 'мир' <...> В качестве альтернативы можно предположить, что имя **Voldiměрь* было изначально германским заимствованием, а позднее было контаминировано с *mirь* <...> Но вовсе не исключено и то, что форма **Voldimirь* существовала параллельно с **Voldiměрь*, независимо от того, была ли последняя форма исконной или заимствованной...».

сложные имена могут не иметь семантики и, во-вторых, они способны менять местами компоненты (*reversibility of the order of the elements*) [Davies, 2000, 19]. Между тем материал, рассматриваемый в данной работе, не подтверждает этого представления: закономерности словообразовательной и морфонологической структуры составных личных имен полностью соответствуют правилам построения лексических (апеллятивных) композитов. Это касается даже способности к инвертированию элементов: ср. *лизоблюд* и *блюдолуз*, **listopad* и **padolist* ‘ноябрь’, **vodopolъ* и **polovodъje* ‘половодье’ и т. п.

2. Перейдем ко второму пункту, касающемуся семантики второго элемента имени *Владимир* (**mir-*). Многие исследователи трактуют имя *Владимир* как «Владеющий миром», т. е. понимают элемент **mir-* как ‘mundus (мир, вселенная)’. Между тем В. Н. Топоров [1993] убедительно показал, что в большинстве случаев этот элемент в составе личных имен имеет значение ‘рах (мир, покой, согласие)’. Об этом свидетельствует как семантика участвующих в сложениях глаголов (‘хотеть’, ‘хранить’, ‘защищать’, ‘устанавливать’, ‘разрушать, ломать, крушить’ и т. п.), так и сочетаемость участвующих в сложениях слов (ср. *мир* и *тишина* и **Tixomirъ*) и фразеология (ср. *устанавливать мир* и **Stanimirъ*, *завоевать мир* и **Ratimirъ*, *сокрушить, разорвать мир* и **Lomimirъ*, **Krušimirъ*, **Rъvimirъ*). И наконец, только с этим значением (‘рах’) связан отыменной глагол **miriti* [ср.: Толстая, 2019, 17]. Во внушительном перечне древнеславянских составных личных имен (более 300) нет ни одного имени, в котором надежно реконструировалась бы семантика ‘mundus’.

Интересны наблюдения ассириолога В. В. Емельянова над семантикой шумерских и аккадских имен, содержащих элементы со значением ‘mundus’ и ‘рах’: по его данным, семантика ‘mundus’ возможна только для имени верховного правителя-завоевателя, тогда как имена с элементом ‘рах’ (‘тишина, мир, согласие, доброе слово’) широко употребительны в Месопотамии с древнейших времен⁸. Что касается германской антропонимической традиции, то среди данных,

⁸ «Если мы будем искать в клинописи “Владимир” как ‘мир-mundus’, то сразу найдем *Lugal-Kish = shar kishshati* “царь мироздания / вселенной”. Однако такого имени собственного нет, поскольку это титул реального царя, и далеко не всякого, а только великого завоевателя. Если же мы рассмотрим второй вариант с ‘мир-рах’, то должны понять, как же по-шумерски и по-аккадски назывался мир как состояние без войны. Задача оказалась нелегкая, но решаемая. Прежде всего, в шумерском есть древнее составное существительное *inim-du10* “слово хорошее”, означающее смягчение гнева богов, умилоствление, расслабление, отдых богов. И от этого слова образуются имена собственные *Lugal-inim-du10-ga* “Царь доброго слова (= умиротворения)”, *Lu2-inim-du10-ga* “Человек доброго слова”, *Mes3-inim-du10-ga* “Герой доброго слова”. Все три имени встречаются в самом старом шумерском языке начиная с текстов XXV века. И они чрезвычайно распространены, особенно частотное первое имя (83 случая). Далее мы видим, что аккадским соответствием *inim-du10* является *saliimu* ‘мир, благополучие, спокойствие, согласие; мирный договор’. И в аккадском есть выражение *beel saliimi* “владыка согласия”, означающее ‘союзник’. Сюда может относиться и союзник по мирному договору, и член военного союза, и бог-хранитель, стоящий на стороне человека. Что же мы получаем в результате такой аналогии? Мы получаем на шумеро-аккадском материале

приводимых Т. В. Топоровой [1996], имена с элементом ‘рах’, как и с элементом ‘mundus’, практически отсутствуют (при обилии разнообразных сугубо военных имен «ценностей»), которыми славен / знаменит носитель имени: «битва», «победа», «защита», «дружина», «слава», «оружие», «войско», «конь», «медведь», «ум», «доблесть», «воля», «власть», «совет», «сила», «гнев», «благо» и т. д.).

Когда речь идет о семантике элемента **mir-* в славянских композитах, необходимо учесть также немногочисленные имена с начальным компонентом **mir-*: **Miri-slava*, **Miri-slavъ*, **Miro-darъ*, **Miro-gněvъ*, **Miro-godъ*, **Miro-gojъ*, **Miro-gostjъ* (-gost), **Miro-l’uba*, **Miro-lubъ*, **Miro-myslъ*, **Miro-něgъ*, **Miro-slava*, **Miro-slavъ*. В первых двух случаях мы имеем дело, скорее всего, с основой глагола **miriti* (т. е. заведомо с семантикой ‘рах’), а в остальных именах эта же семантика поддерживается общим смыслом древнеславянских именных сложений, в которых, как показал В. Н. Топоров, тема мира объединяет оба смысла на основе «любви, дружбы, братства, лада, милости» [Топоров, 1993, 86], а «единство и целокупность мира, обнаруживающие себя в семье, роде, племени, в любом коллективе, связанном совместным “держанием” некоей общей территории, в целом всего мира, достигается неким основоположным актом с о б и р а н и я данной совокупности людей в д а н н о м месте» [Там же, 87].

3. Самым трудным оказывается вопрос о соотношении праславянского имени **Voldimirъ* и древнерусского имени *Володимѣръ*, или более общий вопрос — о соотношении финалей **mirъ* и **měrъ* в качестве второго элемента антропонимических сложений. Вот что писал об этой проблеме В. Н. Топоров:

Во-первых, речь идет о дублетности **mir-* : **měr-*, связанной с разными апофоническими вариантами одного и того же корня и подкрепленной семантическим тождеством (‘мир’, ‘покой’ и т. п.) и — что касается личных имен — их использованием в одинаковых микроконтекстах, ср. **Kani-mirъ* : **Kani-měrъ*, **Ne-mirъ* : **Ne-měrъ*, **Teši-mirъ* : **Teši-měrъ*, **Gněvo-mirъ* : **Gněvo-měrъ*, **Spyti-mirъ* : **Spyti-měrъ*, **Tato-mirъ* : **Tato-měrъ*, **Kazi-mirъ* : **Kazi-měrъ*, **Rati-mirъ* : **Rati-měrъ* и т. п. О соотношении **mir-* : **měr-* в личных именах существует значительное число мнений и высказываний, к которым можно было бы отослать читателя. В связи же с темой данной статьи важно отметить несколько положений. Совершенно очевидно, что не всякое *-měr-* в личных именах славян должно объясняться из герм. **mēr-*, хотя тенденция именно к такому объяснению чрезмерно гипертрофирована; несомненно, что во многих случаях это *-měr-* исконно славянское (**měrъ* ‘мир-покой’, ‘спокойствие’, ‘согласие’). Также очевидно, что соотношение **mir-* : **měr-* в личных именах

а) невозможность применить эпитет “владыка мира-мундуса” ни к кому, кроме великого завоевателя, б) большую распространенность имен типа “владыка умиротворения” и в) возможность применить этот эпитет не только к людям, но и к богам. Поскольку же имена в древней Месопотамии были теофорными, то, скорее всего, под владыкой умиротворения нужно там понимать божество, которое хранит человека с момента его рождения и которое полностью не прописано в имени (что бывает сплошь и рядом)» [https://www.facebook.com/vladimir.emelianov.589/posts/2584055701825407].

было подвижным: при том, что чаще всего — и это может быть надежно документировано — **mēr-* в именах со временем вытеснялось элементом **mir-*, есть немало примеров (тоже документированных) экспансии элемента **mēr-* в область, где ранее уже присутствовал элемент **mir-* [Топоров, 1993, 15].

Здесь В. Н. Топоров впервые высказывает допущение, что, по крайней мере в некоторых именах, финальное **-mēr̃* может быть не германизмом, а исконным славянским элементом с семантикой ‘мир-покой’, ‘спокойствие’, ‘согласие’ (ср. рус. *умеренность, смиренный, смирение* < **s̃mĕreñje*). Ср. в связи с этим мнение О. Н. Трубачева, разделяемое многими этимологами, о неисконном характере некоторых финалей **-mir̃* (< **-mēr̃*): «Однако *-mir-* как второй компонент сложений может быть и генетически отличным от праславянского **mir̃* ‘рах; mundus’, а их омонимия — следствие вторичного сближения; ср. вариантность типа др.-рус. *Володимѣрь* — рус. *Владимир*, при *-mĕp-* — родственном гот. *-mĕrs* ‘великий’ <...> Вариант на **-mēr̃* можно предположить в польск. *Ludzimierz*, но здесь равно возможно и фонетическое развитие из *-mir-*» [ЭССЯ, 15, 192].

В приведенной выше статье чешского «Этимологического словаря старославянского языка» также высказано предположение, что исконно славянской (праславянской) формой имени было **Voldimir̃*, а возможное германское заимствование с элементом **mēr-* могло появиться позднее и некоторое время сосуществовать с исконным, а затем быть вытесненным последним.

Более определенно о германском заимствовании целого имени со вторым элементом **-mēr̃* (а не только этого второго элемента) говорится в недавней статье С. Л. Николаева, причем он допускает это германское заимствование уже в праславянском:

По традиции *Володимѣрь* считается именем славянского происхождения. Слову славянское имя **Voldi-mir̃* имеет второй компонент **mir̃* ‘мир (*mundus*)’: др.-болг. *Владимирь*, ст.-польск. *Włodzimierz*, ст.-чеш. *Vladimír*, др.-рус. *Володимирь / Владимирь*. По-видимому, рефлексов **voldi-mēr̃* в западнославянских языках нет (современное польск. *Włodzimierz* восходит к **Voldimir̃*). Любопытно, что имена на **-mēr̃* отсутствуют в южнославянских языках. Они есть в западно- (например, ст.-чеш. *Luboměr̃*, чеш. *Litoměr̃*, ст.-польск. *Jaromiar, -mier*) и восточнославянских языках (др.-рус. *Володимѣрь, Домамѣрь, Казимѣрь, Творимѣрь*, в былинах **Будимѣрь, *Долгомѣрь* [Гинкен, 1893, 457–458]), т. е. в ареале интенсивных славяно-германских контактов. В древненовгородском диалекте засвидетельствованы только многочисленные имена на *-mir̃* [Зализняк, 2004, 838]. Возможно, часть имен на **-mēr̃* попала в этот список благодаря древненовгородскому фонетическому переходу *ǰ > u*. <...> Др.-рус. *Володимѣрь* может иметь германское происхождение, возможно — «русско-варяжское» (РВД **Waldimēr̃* < ПСГ **waldē -māraR* ?), с регулярным повышением **ē > [i]*, **ā > [e:] > ê [e]*, поскольку в западногерманских и в «классических» северогерманских языках ПСГ **ā > ā* (др.-в.-нем. *Diot-mār, Waldo-mār*, др.-сев. *Valdi-már, Hreið-már*). В этом случае надо предположить развитие ранне-ПС **vā lđī mē rū >* праслав. **voldimēr̃ >* вост.-слав. *Volodiměr̃* [Николаев, 2017, 24–25].

Здесь несколько положений, которые вызывают сомнения или вопросы. Прежде всего, это традиционное представление о том, что второй элемент имени означает ‘mundus’, см. об этом выше. Далее, нельзя не заметить противоречия в том, что имена на *-*měрь* распространены в регионе интенсивных славяно-германских контактов и в то же время они отсутствуют в западославянских языках (или являются результатом позднейших фонетических изменений) и в древненовгородском диалекте. Наконец, было ли германское влияние ограничено одним именем *Владимир* или же оно затронуло и другие двусоставные имена? Пока речь идет об одном имени *Владимир*, представление о его заимствованном характере кажется допустимым⁹, но, как только мы обратимся к полному корпусу древнеславянских имен, мы увидим, что элемент *-*měрь* встречается и в других именах, заимствование которых в полном виде маловероятно¹⁰. Как тогда объяснить происхождение этого элемента?

Для начала приведем перечень имен на *-*měрь*, включенных в «Этимологический словарь славянских языков» (вып. 1–41). Выборку личных имен из первых 13 выпусков [ЭССЯ] (А–К) произвел О. Н. Трубачев [1988]. Среди них встретилось только одно имя с интересующей нас финалью — **jaroměрь* (и 12 имен с финалью *-*mirь*: **bezmirь*, **bojьmirь*, **bornimirь*, **budimirь*, **čьstimirь*, **dobromirь*, **dorgomirь*, **xornimirь*, **xotimirь*, **xvalimirь*, **kazimirь*, **krěsimirь*). В последующих выпусках обнаружилось следующие имена этого типа (обычно с параллельными финалями *-*měрь* / *-*mirь*): **ladoměрь* / **ladomirь*, **l'uboměрь* / **l'ubomirь*, **l'utoměрь* / **l'utomirь*, **neměra* / **neměрь*, **ordoměрь* / **radoměрь*¹¹. Все они толкуются в [ЭССЯ] с отсылкой к имени *Владимир*. Если во всех этих словах элемент *-*měрь* представляет собой германизм, то это требует своего объяснения¹².

Можно лишь удивляться, что до В. Н. Топорова не делалось никаких попыток объяснения элемента *-*měрь* в личных именах на славянской почве, в частности в связи со слав. **měra* (и далее глаголом **měriti*)¹³, тем более что **měra*, помимо

⁹ Ср. заключение из соответствующего пассажа в работе В. Н. Топорова: «**Voldi-mirь* (далее следуют примеры из славянских языков и их балтийские соответствия. — С. Т.) — Ср. **Voldi-měрь*. — Вся история этого имени отражает переплетение сходных “своих” и “чужих” (ср. *Waldemar* и под.) элементов, причем чужое очень рано начало толковаться как свое, привязываясь к продолжениям праслав. **volděti* (: **voldyka*, **volstь*, см. *Volsti-mirь*)» [Топоров, 1993, 60].

¹⁰ Ср. мнение видного польского специалиста по ономастике С. Роспонда: «Древнерусские личные имена возникали и под скандинавским влиянием, особенно в Новгородской Руси. Это влияние иногда преувеличивают (например, предполагают др.-исл. *Valdemar* > *Volodimir*), хотя с уверенностью можно утверждать, что направление было обратным» [Роспонд, 1965, 12].

¹¹ Ср. еще древнерусские имена *Немѣра*, *Домамѣрь*, ст.-польск. *Niemierza*.

¹² В словаре Миклошича элемент *měрь* приводится как отдельная лексема (*měрь*) и сопоставляется с прус. *mīr* : *ermīr*, гот. *mērjan*, др.-в.-нем. *māri*, ср.-в.-нем. *maere*, греч. μέρ-μνα, μέρ-μερος, санскр. *smr* в значении ‘славный, знаменитый’ [Miklosich, 1862–1865, 392].

¹³ Некоторый намек на возможность сближения (правда, на народно-этимологической основе) элементов *-mirь* и *-měрь* в древнерусских составных именах содержится в старой работе Г. Г. Гинкена: «Для нашей цели важно прежде всего то, что *mirь* в русских именах уже не имело своего первоначального значения, а лишь прислонилося то к *mirь*, то к *mīрь*, а то и к *mъра*» [Гинкен, 1893, 443].

конкретной метрологической семантики, имело широкий круг пространственных значений: 'предел', 'граница', 'край', 'положение' [ЭССЯ, 18, 178–181]. При этом следует обратить внимание на важное в этом контексте замечание О. Н. Трубачева: «В ряду сближаемых форм особо следует выделить соотношение слав. **měra* : др.-инд. *mātrā* 'мера'. Обращает на себя внимание тот факт, что отношение *-r-* : *-tr-* имеет аналогию в слав. **mirь* : др.-инд. **mītrā*» [Там же, 181]. Таким образом, слав. **měra* по крайней мере входит в круг фактов, которые следует учитывать при этимологизации имени *Владимир* и подобных ему имен с финалью **-měrь*, в особенности в связи с проблемой славяно-иранских соответствий.

Итак, вопрос о генетическом соотношении элементов **-mirь* и **-měrь* в двусоставных древнеславянских антропонимах остается открытым, но все-таки в его обсуждении наметилась некоторая перспектива выхода за пределы замкнутого круга устойчивых утверждений о германском заимствовании элемента *-měrь*. Главным препятствием для принятия германской версии остается нестандартная «амальгамная» словообразовательная модель антропонимического композита, использующего в качестве одного из элементов заимствованную лексему, не имеющую самостоятельного статуса в лексической системе праславянского языка. Отчасти это связано с вопросом о семантике составных имен, к обсуждению которого мы и переходим.

4. Как бы ни решался общий вопрос о семантике имен собственных и как бы ни понималась их специфика по отношению к семантике нарицательных имен [ср.: Курилович, 1962], очевидно, что антропонимические композиты занимают в этом отношении особое положение. По крайней мере, при создании древнейших имен семантика соединяемых элементов, безусловно, имела значение (и определяла их внутреннюю форму), как и при образовании любого композита-апеллятива. По мнению Э. Бенвениста, «именное сложение — это микросинтаксис. Каждый тип сложных имен следует изучать как трансформацию какого-либо типа синтаксически свободного высказывания» [Бенвенист, 1974, 241]. Это в полной мере относится и к антропонимическим сложениям, исходную семантику которых можно реконструировать лишь на основе синтаксических отношений между компонентами.

В дальнейшем семантическая связь между составляющими имени могла затемняться или вовсе утрачиваться¹⁴, о чем свидетельствуют разнообразные трансформации морфем и их взаимоперемещение и инвертируемость. Ср. определение С. Роспонда: «Свободная взаимозаменяемость членов говорит о том, что это всего лишь символические структурные схемы, лишённые конкретного содержания» [Роспонд, 1965, 5].

¹⁴ Ср. замечание Г. Г. Гинкена: «В историческое время или, точнее, в эпоху древнейших русских памятников они (двусоставные имена. — С. Т.) (по крайней мере, многие из них), несомненно, употреблялись только по преданию. Судя по правописанию летописи и других памятников, они в это время понимались не более, чем теперь» [Гинкен, 1893, 441].

Наиболее популярные (употребительные) лексические морфемы, занимающие вторую позицию в композитах, могли превращаться в суффиксоиды, а морфемы, занимающие первую позицию, — в своего рода префиксоиды. В особенности это выхолащивание лексической семантики характерно для конечных морфем. Кроме интересующих нас здесь финалей *-mirь и *-měрь, во второй позиции антропонимических сложений праславянского корпуса могут выступать следующие элементы: *-slavь (*Mьstislavь, *Miroslavь, *Dobroslavь, *Xvalislavь и т. д.), *-l'ubь (*Bogol'ubь, *Četol'ubь), *-milь (*Dobromilь, *Dorgomilь), *-xvalь (*Boguxvalь), *-borь (*Daliborь, *Xotiborь, *Ratiborь), *-drugь (*Milodrugь, *Mьstidrugь), *-gostь (*Bьdigostь, *Dobrogostь), *-darь (*Myslidarь), *-sqđь (*Bornisqđь), *-gněvь (*Četogněvь, *Jarogněvь), *-čьstь (*Bol'ečьstь), *-vojь (*Borivojь, *Xotivojь), *-myslь (*Dobromyslь, *Gostomyslь, *L'ubomyslь), *-radь (*Čьstiradь, *L'uboradь), *-bogь (*Čьstibogь, *Xvalibogь, *Mьstibogь), *-gojь (*Domagojь), *-vitь (*Dobrovitь), *-těxь (*Božetěxь), *-žirь (*Domažirь, *Kroměžirь), *-žiznь (*Dobrožiznь). Чем шире круг сочетающихся с ними основ, тем в большей мере они приближаются к служебным морфемам и тем легче утрачивают свою лексическую семантику (наиболее близки к суффиксам финали *-mirь и *-slavь)¹⁵.

Более разнообразен набор первых (начальных) элементов, и, соответственно, они менее подвержены превращению в служебные морфемы и лучше сохраняют свою исконную семантику. Достаточно показателен их перечень в именах с финалью *-mirь в работе В. Н. Топорова [1993], где таких имен, как было сказано, более 300. То же можно сказать об именах с финалью *-slavь, приводимых в [ЭССЯ]: *bojeslavь, *bol'eslavь, *borislavь, *bornislavь, *bręjislavь, *budislavь, *časlavь, *dobroslavь, *dorgoslavь, *gordislavь, *gor'eslavь, *gorislavь, *gostislavь, *xodislavь, *xornislavь, *xotislavь, *xvalislavь, *jaroslavь, *brěsislavь, *kupislavь, *l'ubislavь, *l'uboslavь, *l'udislavь, *manislavь, *milislavь, *miloslavь, *miroslavь, *mьrčislavь, *něgoslavь, *radoslavь, *ortislavь (*ratislavь). Среди первых компонентов антропонимических композитов наиболее близки к префиксоидам именные элементы *bol'e-, *bogo-, *dobro-, *dorgo-, *l'ubo-, *milo-, *svęto-.

Несмотря на признаваемый всеми закономерный процесс утраты или затемнения семантики составных элементов композитов (действительно, мы ни в имени *Владимир*, ни в именах *Владислав*, *Вячеслав*, *Станислав*, *Людмила* не ощущаем никакой семантики), этимологи свободно реконструируют их семантическую структуру и говорят, например, что *Владимир* означает «владеющий миром» или «великий в своей власти» [Фасмер, 1, 326; Аникин РЭС, 7, 295], а *Казимир* — «возмутитель спокойствия» [ЭССЯ, 9, 170], с.-х. *Vladimir* 'pacis gloriam habens'

¹⁵ В древнегерманских антропонимических композитах такими «суффиксоидами» являются прежде всего финали *-mēriz 'знаменитый, славный' (сопоставляемая со слав. *-měрь) и *-waldaz 'властвующий, владеющий' (сопоставляемая со слав. *vold- < *volsti, *volděti 'владеть') [см.: Топорова, 1996].

(«славный миролюбием»); древнейшее свидетельство: *Sergius Vladimiri* (1190) [RHSJ, 21, 160], и т. п.

В работе Т. В. Топоровой [1996] внутреннему синтаксису и семантике древнегерманских составных имен посвящены специальные главы, а сами имена снабжены семантической дефиницией типа ‘знаменитый (славный) дружиной’, ‘знаменитый славой’, ‘знаменитый властью’, ‘знаменитый умом’, ‘знаменитый конем’, ‘знаменитый копьем’ и т. п., ‘владеющий (властвующий) родом’, ‘властвующий судом’, ‘властвующий морем’, ‘владеющий богатством’ и т. п.

Как было показано выше, при всех позднейших исторических изменениях двусоставные древнеславянские имена сохраняют жесткую словообразовательную и морфонологическую структуру (как бы она со временем ни затемнялась). Но эти имена имеют и свою изначальную синтаксическую (актантную) структуру, как любые композиты. Это значит, что составные элементы таких имен находятся по отношению друг к другу в определенных синтаксических отношениях — сочинительных или подчинительных (разного типа). Свидетельством этих синтаксических отношений в именах-композитах могут быть, в частности, реликтовые антропонимические образования, сохраняющие падежные формы управляемых лексем (ср. др.-рус. *Богуславъ*, *Богухваль*, *Богумиль* и т. п., см. выше). Но в большинстве случаев эти отношения затемнены морфонологическими процессами усечения основ и приращения специальных соединительных морфем.

Если наиболее абстрактная семантика антропонимического композита как целого определяется тем, что это всегда и м я л и ц а (субъекта действия, состояния или свойства), то способ характеристики этого лица может быть различным. Это может быть характерное действие или состояние с указанием на объект или способ действия и другие актанты предиката (ср. **Vogumilъ* букв. «Милый Богу», **Dobromyslъ* букв. «Имеющий добрые мысли» или «Добро мыслящий», **Domažirъ* букв. «Живущий дома»). При этом общий смысл имени зависит от прагматической установки именованного: имя может быть «оптативным» («чтобы ты был таким-то, делал то-то или таким способом», ср. др.-рус. *Болеславъ*, *Вышеславъ*, *Ростиславъ*, *Сбыславъ*, *Сновидъ*, *Станиславъ*), «императивным» («будь таким-то», «делай то-то или таким способом», ср. др.-рус. *Мьстиславъ*, *Избыгнѣвъ*, *Творимиръ*), «прохибитивным» («не будь таким-то», «не делай того-то или таким способом»; часто такие именованья носят магический защитный характер, ср. др.-рус. *Неславъ* букв. «Не имеющий славы») или «дескриптивным» («имеющий то-то, делающий то-то или таким способом», ср. др.-рус. *Ярославъ*, *Сдеславъ*, *Радославъ*, *Остромиръ*, *Милонѣгъ*). Эти синтаксические отношения как антропонимических, так и апеллятивных сложений, безусловно, требуют специального изучения.

* * *

Подводя итог рассмотренным антропонимическим данным, можно заключить, что этимология каждого отдельного древнеславянского составного личного

имени (в данном случае нас специально интересовало имя *Владимир*) должна учитывать системные связи каждого компонента с другими лексическими морфемами, занимающими ту же позицию в структуре составного имени, общую структурную схему (морфологию) этих имен, регулярные морфонологические правила сочетания компонентов, внутренний синтаксис имени (т. е. синтаксические отношения между компонентами), семантику каждого компонента и прагматику целого имени. Во многих случаях эти характеристики в реальных антропонимах должны быть реконструированы путем снятия позднейших изменений, но в целом можно исходить из тех же структурных и семантических отношений, которые вполне системно можно наблюдать на материале апеллятивных композитов (а также прозвищ), хорошо сохраняющих словообразовательные и семантические модели номинации. Предлагавшиеся до сих пор этимологии имени *Владимир* недостаточно учитывали эти системные свойства (общие для многих подобных имен).

Источники

- РСХКНЈ — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ. 1–20 / уред. Даринка Гортан Премк и др. Београд : САНУ, 1959–2017.
- СБР — Старобългарски речник : в 2 т. / отг. ред. Д. Иванова-Мирчева. София : Валентин Траянов, 1999–2009.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. / редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.] (вып. 1–6) ; гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 7–10) ; гл. ред. Д. Н. Шмелев (вып. 11–14) ; гл. ред. Г. А. Богатова (вып. 15–26) ; гл. ред. В. Б. Крысько (вып. 27–29) ; Р. Н. Кривко (вып. 30–). М. : Наука ; СПб. : Нестор-История, 1975–. Вып. 1–.
- Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка : в 3 т. СПб. : Отд-ние рус. яз. и словесности Имп. АН, 1893–1903.
- ССЯ — Словарь старославянского языка : в 4 т. Репр. изд. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006.
- Miklosich Fr.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae : G. Braumüller, 1862–1865.
- RHSJ — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. D. 1–23 / ured. Đ. Daničić, M. Valjavec, P. Budmani, T. Maretić, S. Musulin, S. Pavešić. Zagreb : JAZU, 1880–1976.
- SJPD — Słownik języka polskiego. T. 1–11 / red. W. Doroszewski. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 1958–1969.
- SSpNO — Słownik staropolskich nazw osobowych. T. 1–6 / pod red. W. Taszyckiego ; T. 7 : Supplement / pod red. M. Malec. Wrocław etc. : PAN, 1965–1987.

Исследования

- Аникин РЭС — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2007–. Вып. 1–.
- Бенвенист Э.* Синтаксические основы именного сложения // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974. С. 241–256.
- БЕР — Български етимологичен речник / съст. В. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев. София : БАН, 1971–.
- Васильев В. Л.* Архангелская топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2005.

- Гинкен Г. Г. Древнейшие русские двусложные личные имена и их уменьшительные // Живая старина. 1893. Вып. 3–4. С. 440–461.
- Желязкова В. Сложные слова в древнейших славянских списках Пролога (на материале житийной части за сентябрь — февраль) // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика. Слово и текст / отв. ред. А. Ф. Журавлев. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2012. С. 63–78.
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М. : Языки славянской культуры, 2004.
- Зализняк А. А. Древнерусское ударение : общие сведения и словарь. 2-е изд. М. : Языки славянской культуры, 2019.
- Курилович Е. Положение имени собственного в языке // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М. : Издательство иностранной литературы, 1962. С. 251–266.
- Николаев С. Л. К этимологии имен северогерманского происхождения в «Повести временных лет» // Вопр. ономастики. 2017. Т. 14. № 2. С. 7–54.
- Роспюнд С. Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов (имена) // Вопросы языкознания. 1965. № 3. С. 3–21.
- Толстая С. М. К семантической истории слав. **mirь* и **svěť* // Толстая С. М. Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике. М. : Индрик, 2019. С. 13–27.
- Топоров В. Н. Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент **mir-*) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. XI Междунар. съезд славистов (Братислава, сентябрь 1993 г.). Доклады российской делегации / ред. Г. Г. Литаврин. М. : Наука, 1993. С. 3–118.
- Топорова Т. В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М. : Языки русской культуры, 1996.
- Трубачев О. Н. Праславянская ономастика в этимологическом словаре славянских языков. Вып. 1–13 // Этимология. 1985 / отв. ред. О. Н. Трубачев. М. : Наука, 1988. С. 3–10.
- Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М. : Языки славянских культур, 2005.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964–1973.
- Шапошников А. К. Исторические и диалектные ономастические свидетельства Новгородской земли как основа реконструкции древнерусского, восточнославянского и праславянского именника // Ученые записки Новгородского университета. 2017. № 2 (10). С. 1–9.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–39), Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М. : Наука, 1974–. Вып. 1–.
- Davies Anna M. Greek Personal Names and Linguistic Continuity // Greek Personal Names. Their value as evidence / ed. by S. Hornblower, E. Matthews. Oxford : Oxford Univ. Press, 2000. P. 15–39.
- ESJS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Sv. 1–19 / red. E. Havlová. Praha : Academia ; Brno : Tribun EU, 1989–2018.
- Leskien A. Die litauischen zweistämmigen Personennamen // Indogermanische Forschungen. 1914–1915. Bd. 34. S. 296–333.
- Majtan M. Chronológia slovanských zložených osobných mien v Slovenčine // 12. Slovenská onomastická konferencia : zb. referatov / zost. M. Majtán, F. Ruščák. Prešov : Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV, 1996. S. 173–180.
- Maretič T. O narodnim imenima i prezimenima u Hrvata i Srba // Rad JAZU. 1886. № 81–82.
- Miklosich F. Die Bildung der slavischen Personen- und Orstnamen. Wien : Philosophisch-Historische Klasse, 1860–1874.
- Milewski T. Ewolucja morfologiczna indoeuropejskich złożonych imion osobowych // Biuletyn PTJ. 1957. T. 16. S. 37–49.
- Milewski T. Polskie imiona złożone nie znane innym językiem słowiańskim // Slavia orientalis. 1960. T. 20. № 2. S. 101–107.

- Pleskalová J.* Tvoření nejstarších českých osobních jmen. Brno : Vydavatelství Masarykovy univerzity, 1998.
- Pohl H. D.* Die slavischen zusammengesetzten Peronnennamen // Namenkundliche Informationen. 1993. Beiheft 17. Anthroponymica Slavica. S. 7–20.
- Schlimper G.* Slawische Personennamen in mittelalterlichen Quellen zur deutschen Geschichte. Berlin : Akademie-Verlag, 1978.
- Svoboda J.* Staročeské osobní jména a naše příjmení. Praha : ČSAV, 1964.
- Taszycki W.* Najdawniejsze polskie imiona osobowe. Kraków : Polska Akademia Umiejętności, 1926.
- Wenzel W.* Studien zu sorbischen Personennamen. Bd. 1–3. Bautzen : VEB Domowina-Verlag, 1987–1994.
- Zett R.* Beiträge zur Geschichte der Nominalkomposita im Serbokroatischen. Die altserbische Periode. Köln ; Wien : Böhlau Verlag, 1970.

Рукопись поступила в редакцию 15.12.2019

* * *

Толстая Светлана Михайловна
академик РАН, доктор филологических
наук, заведующая отделом этнолингвистики
и фольклора
Институт славяноведения РАН
119991, Москва, Ленинский пр., 32а
E-mail: smtolstaya@yandex.ru

Tolstaya, Svetlana Mikhailovna
DrHab, Full Member of the Russian Academy
of Sciences, Head of the Department
of Ethnolinguistics and Folklore
Institute of Slavic Studies of the RAS
32a, Leninsky Ave., 119991 Moscow, Russia
Email: smtolstaya@yandex.ru

Svetlana M. Tolstaya

Institute of Slavic Studies of the RAS
Moscow, Russia

TO THE ETYMOLOGY OF THE NAME *VLADIMIR*

Amongst other ancient Slavic pre-Christian two-part anthroponyms, the name *Vladimir* (**Voldimirь*) has been a recurrent subject of etymological analysis. However, some aspects of its etymology remain unclear. The article discusses four main issues: 1) the morphology of the first member of the name (is it a noun or a verb stem?); 2) the meaning of the second element of the name (*-mirь* as ‘pax’ or ‘mundus’?); 3) the correlation between Old Russian names *Volodimirь* and *Volodimъръ*; 4) the overall meaning of the compound. The author concludes that the verbal nature of the first component of the name is suggested by the structure of the whole corpus of names ended in *-mirь*, generally preceded by a verbal form, either in the imperative or the pure stem variant. Contrary to many researchers, the author believes that *-mirь*, as part of personal names, should mean ‘pax’. This is evidenced by the meanings of the verbs preceding this element (‘to want,’ ‘to guard,’ ‘to protect,’ ‘to make,’ ‘to destroy / break / crush,’ etc.), the co-occurrence of the words found in name variants (cf., ‘peace’ and ‘silence’ in **Tiximirь*) and phraseology (cf. ‘to reach peace’ in **Stanimirь*, ‘to conquer peace’ in **Ratimirь*, ‘to break peace’ in **Lomimirь*, **Krušimirь*, **Rъvimirь*). Yet, it is the issue

between the final elements *-mirъ* and *-měrъ* that remains the most controversial. The majority of scholars agree upon Germanic origins of the element *-měrъ* or the whole name **Voldiměrъ*, however, some opinions about the possible Slavic origin of the ending formant (at least for some names in *-měrъ*) also persist. The etymology of the name *Vladimir* and similar two-component names should account for the systemic connections of each component with other lexical units having the same position in the structure of the compound name, the morphology and morphonology of these compounds, the internal syntax of the name, the meaning of each component and of the whole name.

Keywords: Slavic languages, anthroponymy, compound names, *Vladimir*, etymology, reconstruction, borrowing.

Acknowledgements

The article is based on a paper presented on December 3, 2019 at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences at a conference dedicated to the memory of acad. Vladimir Toporov. The author is grateful to acad. A. E. Anikin and prof. W. Wenzel for their valuable comments and additions to the article.

- Anikin, A. E. (2007–). *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary] (Vols. 1–). Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.
- Benvenist, E. (1974). *Sintaksicheskie osnovy imennogo slozheniia* [Syntactic Features of Nominal Compounds]. In E. Benvenist, *Obshechaia lingvistika* [General Linguistics] (pp. 241–256). Moscow: Progress.
- Davies, A. M. (2000). Greek Personal Names and Linguistic Continuity. In S. Hornblower, & E. Matthews (Eds.), *Greek Personal Names. Their Value as Evidence* (pp. 15–39). Oxford: Oxford University Press.
- Georgiev, V., Glbov, Iv., Zaimov, I., & Ilchev, St. (Eds.). (1971–). *B'lgarski etimologichen rechnik* [Bulgarian Etymological Dictionary] (Vols. 1–). Sofia: BAN.
- Ginken, G. G. (1893). *Drevneishie russkie dvuslozhnye lichnye imena i ikh umen'shitel'nye* [The Oldest Russian Two-Syllable Personal Names and Their Diminutives]. *Zhivaia starina*, 3–4, 440–461.
- Havlová, E. (Ed.). (1989–2018). *Etymologický slovník jazyka staroslověnského* [Etymological Dictionary of the Old Slovak Language] (Vols. 1–19). Praha: Academia; Brno: Tribun EU.
- Kuryłowicz, J. (1962). *Ocherki po lingvistike* [Essays in Linguistics]. Moscow: Izdatel'stvo inostranoi literatury.
- Leskien, A. (1914–1915). Die litauischen zweistämmigen Personenamen. *Indogermanische Forschungen*, 34, 296–333.
- Majtan, M. (1996). Chronológia slovanských zložených osobných mien v Slovenčine [Chronology of Slavic Compound Personal Names in Slovak]. In M. Majtán, & F. Ruščak (Eds.), *12. Slovenská onomastická konferencia: zb. referatov* [The 12th Slovak Onomastic Conference: a Collection of Papers] (pp. 173–180). Prešov: Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV.
- Maretić, T. (1886). O narodnim imenima i prezimenima u Hrvata i Srba [On Traditional Croatian and Serbian Names]. *Rad JAZU*, 81–82.
- Miklosich, F. (1860–1874). *Die Bildung der slavischen Personen- und Orstnamen*. Wien: Philosophisch-Historische Klasse.
- Milewski, T. (1957). Ewolucja morfologiczna indoeuropejskich złożonych imion osobowych [Morphological Evolution of Indo-European Compound Personal Names]. *Biuletyn PTJ*, 16, 37–49.
- Milewski, T. (1960). Polskie imiona złożone nie znane innym językom słowiańskim [Polish Compound Names Unknown to Other Slavic Languages]. *Slavia orientalis*, 2, 101–107.

- Nikolaev, S. L. (2017). K etimologii imen severogermanskogo proiskhozhdeniia v "Povesti vremennykh let" [Etymology and Comparative Phonology of North Germanic Personal Names in the Primary Chronicle]. *Voprosy onomastiki*, 14(2), 7–54. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.2.009
- Pleskalová, J. (1998). *Tvoření nejstarších českých osobních jmen* [The Origins of the Oldest Czech Personal Names]. Brno: Vydavatelství Masarykovy univerzity.
- Pohl, H. D. (1993). Die slavischen zusammengesetzten Peronnennamen. *Namenkundliche Informationen*, 17, 7–20.
- Rospond, S. (1965). Struktura i klassifikatsiia drevnevostochnoslavianskikh antropomimov (imena) [Structure and Classification of Old East Slavic Anthroponyms (Names)]. *Voprosy yazykoznanii*, 3, 3–21.
- Schlimpert, G. (1978). *Slawische Personennamen in mittelalterlichen Quellen zur deutschen Geschichte*. Berlin: Akademie-Verlag.
- Shaposhnikov, A. K. (2017). Istoricheskie i dialektnye onomasticheskie svidetel'stva Novgorodskoi zemli kak osnova rekonstruktsii drevnerusskogo, vostochnoslavianskogo i praslavianskogo imennika [Historical and Dialectal Onomastic Evidence of the Novgorod Land as the Basis for the Reconstruction of the Old Russian, East Slavic and Pre-Slavic Names]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo universiteta*, 2, 1–9.
- Svoboda, J. (1964). *Staročeské osobní jména a naše příjmení* [Old Czech Personal Names and Our Surnames]. Praha: ČSAV.
- Taszycki, W. (1926). *Najdawniejsze polskie imiona osobowe* [The Oldest Polish Personal Names]. Kraków: Polska Akademia Umiejętności.
- Tolstaya, S. M. (2019). *Mir cheloveka v zerkale iazyka. Ocherki po slavianskomu iazykoznaniiu i etnolingvistike* [The Human World in the Mirror of Language. Essays on Slavic Linguistics and Ethnolinguistics]. Moscow: Indrik.
- Toporov, V. N. (1993). Praslavianskaia kul'tura v zerkale sobstvennykh imen (element *mir-) [Pre-Slavic Culture as Reflected in Proper Names (Element *mir-)]. In G. G. Litavrin (Ed.), *Istoriia, kul'tura, etnografiia i fol'klor slavianskikh narodov. XI Mezhdunar. s'ezd slavistov (Bratislava, sentiabr' 1993 g.)*. *Doklady rossiiskoi delegatsii* [History, Culture, Ethnography and Folklore of the Slavic Peoples. Papers of the 11th International Congress of Slavists (Bratislava, September 1993). Papers of the Russian Delegation] (pp. 3–118). Moscow: Nauka.
- Toporova, T. V. (1996). *Kul'tura v zerkale yazyka: drevnegermanskii dvuchlennyye imena sobstvennye* [Culture in the Mirror of Language: Ancient Germanic Two-Part Proper Names]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.
- Trubachev, O. N. (1988). Praslavianskaia onomastika v etimologicheskom slovare slavianskikh yazykov. Vyp. 1–13 [Pre-Slavic Onomastics in the Etymological Dictionary of Slavic Languages. Vols. 1–13]. In O. N. Trubachev (Ed.), *Etimologiya. 1985* [Etymology. 1985] (pp. 3–10). Moscow: Nauka.
- Trubachev, O. N., Zhuravlev, A. F., & Varbot, Zh. Zh. (Eds.). (1974–). *Etimologicheskii slovar' slavianskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Slavic Languages] (Vols. 1–). Moscow: Nauka.
- Tupikov, N. M. (2005). *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of Old Russian Personal Names]. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.
- Vasilyev, V. L. (2005). *Arkhaischeskaia toponimiia Novgorodskoi zemli (Drevneslavianskie deantroponimnye obrazovaniia)* [Archaic Toponymy of the Novgorod Land (Old Slavic Deantroponymic Place Names)]. Novgorod: NovGU im. Iaroslava Mudrogo.
- Vasmer, M. (1964–1973). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–4). Moscow: Progress.
- Wenzel, W. (1987–1994). *Studien zu sorbischen Personennamen* (Vols. 1–3). Bautzen: VEB Domowina-Verlag.
- Zaliznyak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod Dialect] (2nd ed.). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Zaliznyak, A. A. (2019). *Drevnerusskoe udarenie: obshchie svedeniia i slovar'* [Old Russian Stress: General Information and Dictionary] (2nd ed.). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

-
- Zett, R. (1970). *Beiträge zur Geschichte der Nominalkomposita im Serbokroatischen. Die altserbische Periode*. Köln; Wien: Böhlau Verlag.
- Zheliaskova, V. (2012). Slozhnye slova v drevneishikh slavianskikh spiskakh Prologa (na materiale zhitiinoi chasti za sentiabr'-fevral') [Compound Words in the Ancient Slavic Copies of the Prologue (based on the Hagiographic Part for September — February)]. In A. F. Zhuravlev (Ed.), *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Paleoslavistika. Slovo i tekst* [Slavic and Balkan Linguistics. Paleoslavistic Studies. Word and Text] (pp. 63–78). Moscow: In-t slavianovedeniia RAN.

Received on 15 December 2019

DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.002
УДК 811.161.1'282.2(470.1/2) + 81'373.613

А. А. Макарова*
Ю. Б. Попова**

*Уральский федеральный университет

*Институт русского языка

им. В. В. Виноградова РАН

**Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

ЗООМОРФНАЯ МОДЕЛЬ В КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРОЗВИЩАХ ЖИТЕЛЕЙ РУССКОГО СЕВЕРА

В статье на материале коллективных прозвищ жителей Русского Севера (Архангельской и Вологодской областей) рассматривается продуктивная зооморфная модель номинации. В качестве источников используются коллекции Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (ТЭ УрФУ), включающие материалы полевых экспедиций на Русский Север (1960–2019), а также данные из опубликованных словарей и монографий. В статье выявлен набор лексем, функционирующих в рамках этой модели, определена география коллективных прозвищ, осуществлен тематико-мотивационный, ономаσιологический, контактологический анализ материала. Коллективные прозвища в ряде случаев рассматривались на фоне других разрядов прозвищной антропонимии: семейной и индивидуальной. В анализируемом корпусе прозвищ встречаются номинации, образованные от общерусских лексем типа *вороны*, *ерши*, *зайцы*, *кулики* и др. Фиксируются также более редкие наименования, образованные от диалектных названий животных, птиц, рыб и насекомых (*ревяки*, *свизи*, *сивкуны*, *пепяки*). Логика формирования набора наименований животных, функционирующих в рамках прозвищ (в порядке убывания частотности: птицы, рыбы, дикие животные, домашние животные, насекомые, земноводные), а также существенные количественные расхождения между антропонимиконом Архангельской и Вологодской областей (более 200 единиц против 88) определяются в первую очередь особенностями ландшафта (лесного и водного) и промысловой (охотничьей, рыболовной)

© Макарова А. А., Попова Ю. Б., 2020

специализацией населения. Сравнительно редко реализуются в рамках зооморфных коллективных прозвищ характерологические мотивировки, которые широко представлены в индивидуальной прозвищной антропонимии. Активность некоторых тематико-мотивационных разрядов в прозвищной номинации (особенно «птичьего») объясняется, вероятно, влиянием субстратных финно-угорских языков.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русский язык, диалекты, антропонимия, коллективные прозвища, зооморфная модель, языковые контакты, лингвогеография, Русский Север.

В статье на антропонимическом материале Русского Севера (Архангельская и Вологодская области) рассматриваются коллективные прозвища, образованные от названий животных (домашних и диких), птиц, рыб, земноводных и насекомых. В качестве источников используются, во-первых, богатейшие коллекции Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (ТЭ УрФУ), включающие материалы полевых экспедиций на Русский Север (1960–2019)¹; во-вторых, данные из опубликованных словарей и монографий, главным образом «Словаря коллективных прозвищ» Ю. Б. Воронцовой [2011]², книги «Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность, жанровая природа, этнопоэтика» Н. В. Дранниковой [2004] и некоторых других источников.

Зооморфная модель в коллективных прозвищах является одной из наиболее продуктивных, что дает возможность, анализируя ее, определить номинативные тенденции, присущие изучаемому разряду прозвищ в целом. Кроме того, данная модель реализуется и в других разрядах прозвищ — семейных и индивидуальных (равно как и в апеллативных номинациях, содержащих качественную характеристику человека), а это позволяет высказать предположения о том, в чем состоят особенности реализации этой универсальной модели в каждом из разрядов. Задачи предпринимаемого исследования — выявление набора апеллативов, легших в основу прозвищной номинации, характеристика географии коллективных прозвищ в рамках зооморфной модели, а также анализ тематико-мотивационного, ареального распространения прозвищ, их ономаσιологической специфики. При необходимости для интерпретации привлекаются данные других ономастических разрядов.

Количество коллективных прозвищ жителей Архангельской области, образованных в рамках зооморфной модели, составляет более 200 единиц, Вологодской области — 88 прозвищ (вдвое меньше). При подсчетах учитывалось не количество полевых фиксаций (одно и то же прозвище может быть зафиксировано несколько раз, такие фиксации сводились к одной), а условные ономастические единицы,

¹ Все прозвища и контексты, даваемые без ссылки на источник, извлечены из картотек ТЭ УрФУ.

² Этот словарь тоже включает в себя (среди прочих) материалы ТЭ УрФУ, но хронологически он ограничен записями 1960–2007 гг.

выделенные на референциальном основании (такая единица — прозвище, соответствующее одному объекту номинации). Для изучаемых прозвищ характерны следующие отношения лексической системности — с и н о н и м и я: например, жители одной и той же деревни имеют прозвища *зайцы* и *кролики*; о м о н и м и я: жители 13 различных деревень носят коллективное прозвище *ериши*, причем омонимичными могут быть и прозвища внутри одного административного района; м е т о н и м и я: например, прозвище *кулики* зафиксировано в Онежском районе Вологодской области для наименования жителей двух деревень, расположенных недалеко друг от друга: д. Большой Бор и д. Чекуево; прозвище *стерлядни* относится не только к жителям г. Онега, но и всего Онежского района, и т. п. Такого рода номинативные единицы отражены в подсчетах как разные прозвища.

В анализируемом корпусе прозвищ встречаются номинации, образованные от общерусских лексем и в силу этого получившие широкое распространение, типа *вороны* (15 омонимичных прозвищ в разных районах Русского Севера), *ериши* (13 прозвищ), *зайцы* (11 прозвищ), *кулики* (7 прозвищ). Фиксируются также и более редкие наименования, образованные от диалектных названий животных, птиц, рыб и насекомых. Например, *ревяки* ‘жители д. Солза’ (С-Двин.), ср. арх. *ревяк* ‘небольшая рыбка семейства бычков’ [КСГРС]; *свизы* ‘жители д. Сарчема’ (В-Т), ср. арх. *свизь* ‘порода уток’ [КСГРС]; *сивкунь* ‘жители д. Нокола’ (Карг.), ср. арх. *сивкун* ‘мелкая пресноводная рыба (какая?)’ [КСГРС]; и др.

Далее материал представлен по тематико-мотивационным группам, при этом порядок следования групп определяется их продуктивностью.

«Птицы». Среди коллективных прозвищ жителей Архангельской области, образованных в рамках зооморфной модели, преобладают прозвища, мотивированные названиями птиц: из более чем 200 прозвищ 90 образованы по «птичьей» модели. В Вологодской области данная тематико-мотивационная группа занимает лишь третье место по частотности фиксаций, уступая лидерство группам «Домашние животные» и «Рыбы». Зонами повышенной номинативной плотности для «птичьих» прозвищ являются северные районы Архангельской области — Лешуконский, Мезенский, Онежский и Пинежский, а также Верхнетоемский район Архангельской области и Бабаевский район Вологодской области. Ареалы повышенной номинативной плотности данного типа коллективных прозвищ могут являться показателями субстратных зон. Так, например, учитывая антропонимические данные, субстратные зоны могут быть выделены на севере Архангельской области, в бассейне р. Мезень (*зелезэны*, *тетёры*, *кукúшки*, *сóвы*, *ворóны*, *дрозды́*, *крохали́*, *петухи́*) и в бассейне р. Онега (*ворóны*, *гáлки*, *голубки́*, *журавы́*, *косачи́*, *кулики́*).

В связи с этим заманчиво было бы предположить, что рассматриваемые названия хранят память о финно-угорском населении Русского Севера. Известно, что в ономастике финно-угров широко распространена оттотемная модель номинации, причем птицы — излюбленные тотемы финно-угров. Так, В. А. Агапитов

отмечает, что от птичьих имен происходят не только многочисленные топонимы и антропонимы, но и астронимы (например, фин. *Linnunrata* «Птичий путь» 'Млечный путь') [Агапитов, 1992, 50]. И. Ю. Винокурова на вепсском материале выделяет признаки культа, восходящие к тотемистическим представлениям, для целого ряда птичьих образов (лебедь, утка, журавль, орел и др.) [Винокурова, 2006, 54, 56, 60, 67]. Таким образом, тотемные названия, распространенные в языках аборигенного населения, могли повлиять на создание ономаσιологической модели «коллектив людей ← птицы», которая затем получила новое мотивационное наполнение.

Основными мотивами номинации для прозвищ данной группы служат указания на особенности места проживания номинируемого коллектива (на горе, на болоте, в лесу и т. п.). Очевидно, поэтому лидирующее место занимают названия диких птиц, живущих в наиболее характерных местах обитания — в лесу, на болоте или на морском побережье. Например, *гагáры* 'жители берегов реки Сухона' (М-Реч.) [СВГ, 1, 115]; *журавли́* 'жители д. Медведково' (Он.): «Там болотистые места, журавы всё кричали»; 'жители д. Андреев Починок' (Уст.); 'жители д. Чукшино' (Баб.): «Средь болот жили, вот и звали журавлями»; 'жители к. д. Польченга' (Кир.): «Здесь болот много и журавлей; в лесу живут; кричали, как журавли»; *ка́йки* 'жители к. д. Ротковец' (Кон.), ср. арх., влг. *ка́йка* 'озерная птица типа чайки' [СГРС, 5, 23]: «У нас в Ротковце озеро святое, бабы выйдут на прорубь бельё полоскать, и — кай-кай-кай — как галки галдят»; *кулики́* 'жители части д. Даниловская' (Вил.): «Болотные жители, одни лягухи, другие — кулики»; 'жители д. Гъжег' (Лен.): «Кулики у болота жили»; 'жители д. Большой Бор' (Он.): «Боровляне — кулики, не отходят от реки»; 'жители д. Ключи' (Бел.): «Мы как кулики, на одной ноге здесь стоим, на болоте»; *мошники́* 'жители д. Ближняя Слобода' (Баб.), ср. арх., влг. *мошник*, *мошняк* 'глухарь' [СГРС, 7, 350]: «В лесе жили, как мошники»; *орлы́* 'жители д. Ключинская' (Вил.): «На горке деревушка стоит, они горные жители»; 'жители д. Б. Толша' (Лен.): «Орлы на горе жили».

Часть этих птиц являлась объектом охотничьего промысла, при этом прозвище может указывать на птицу как на объект охоты (а затем «поедания»), ср.: *кулички́* 'жители пос. Каменка' (Мез.): «Говорят, раньше они, особенно дети, ставили всякие силки на небольших пестрых птичек куличков. Поймают они их, а потом развешивают по поселку: то на деревьях, то на ворота повесят» [Дранникова, 2004, 125]; *кúропти* 'жители д. Погорелец' (Мез.), ср. арх. *кúропоть* 'куропатка' [СГРС, 6, 301]: «Рядом кочевали ненцы, и один из погорёл украл у них из котла куропта, а потом и съел его» [Дранникова, 2004, 90]; *куропы* 'жители с. Койда' (Мез.): «Так как любит народ куроптей стрелять и ловить да суп варить, или еще, как у нас говорят, трескать» [Там же, 318]; *со́вы* 'жители с. Дорогорское' (Мез.): «Сов ловили»; «Съели когда-то сову». Несколько иначе дела обстоят с прозвищем *канюки́* 'жители д. Ура' (Пин.), ср. *канюк* арх. 'полярная сова', влг. 'бекас',

‘чибис’ [СГРС, 5, 59]: «Жителей называют канюки, видимо, из-за того, что они к охоте были приучены с детства, ведь деревня расположена в лесу, почти не имела никакой связи с центром» [Дранникова, 2004, 125]. Скорее всего, здесь метафора: жителей деревни сравнивают с лесными птицами, занимающимися охотой.

Таким образом, разнообразие представленных в прозвищах названий птиц свидетельствует, на наш взгляд, о том, что птица играла важнейшую роль в жизни номинаторов и номинируемых, в первую очередь это касается промысловой птицы — наиболее широкая вариативность за счет диалектных вариантов представлена для утки и тетерева. При этом прозвище, образованное собственно от лексемы *утка*, зафиксировано лишь для одного объекта: *ўтки* ‘жители д. Нижняя Ваеньга’ (Вин.): «Охотой занимались»; «Болот у их много». Остальные прозвища образованы либо от диалектных названий утки, либо от названий разновидностей утки: *крохалі* ‘жители д. Усть-Низемье’ (Леш.): «Во время войны они ели крохалей»; «Назвали их так потому, что они ездили на сенокос на лодках и гребли веслами, и это у них быстро получалось. Поскольку есть такая птица крохаль, водная, быстроплавающая, так жителей и назвали крохали» [Дранникова, 2004, 314]; *свизі* ‘жители д. Сарчема’ (В-Т): «Сарчемёна — свизи, у топи живут. Свизи — это утки, у них така тоня есть»; «Свизи, потому что Пинега разливалась и их топило — на три части разделяло деревню, как свизи на воде жили», ср. арх. *свизь* ‘порода уток’ [КСГРС]. Из обозначений разновидностей тетерева в прозвищном материале зафиксированы следующие варианты: *косачі* ‘жители д. Шиленьга’ (Вин.); ‘жители д. Макарьино’ (Он.); ‘жители д. Лохново’ (Пин.); *польникі* ‘жители пос. Усть-Ваеньга’ (Вин.): «Охотники были»; «Охотой занимались»; ‘жители д. Дальняя Слобода’ (Баб.); ‘жители д. Суборная’ (Ник.), ср. арх., влг. *пóльнік* ‘тетерев’ [КСГРС]; *тетёры* ‘жители Ваеньгского сельсовета’ (Вин.): «Все мужики — охотники у нас»; «В тайге деревня, видимо, птиц больше ловили»; «У их там все охотники»; ‘жители д. Ручьи’ (Мез.): «Тетёры там, что ли, водятся».

Из названий домашней птицы в коллективных прозвищах фиксируется лишь одна лексема, номинирующая три объекта: *петухі* ‘жители д. Пучужская’ (В-Т); ‘жители д. Некрасово’ (Леш.); ‘жители д. Инцы’ (Мез.). Отметим, что данные населенные пункты находятся в районах Архангельской области, для которых концентрация «птичьей» модели наиболее высока: так, в Верхнетоемском районе в системные отношения входят следующие прозвища: *ворóны*, *гагáи*, *лесніе ворóны*, *свизі*, *соловьі*, *тетэри*, в Лешуконском районе — *ворóна*, *ворóны*, *воронята*, *гагáрники*, *голубята*, *дрозды*, *крохалі* (про «птичью» систему в бассейне р. Мезень упоминалось выше). В связи с этим можно предположить, что коллективное прозвище *петухи* не имеет столь яркой коннотации, как при индивидуальной номинации, а лишь вписано в логику номинативной модели, преобладающей в данных районах. Тот факт, что при индивидуальной номинации прозвище выполняет яркую характеризующую функцию (внешний вид),

подтверждается следующими примерами: *Митя́й-Петушо́к* ‘житель б. д. Никулинская’ (Карг.): «Маленький такой старичок, востренький, бородак вперёд, глаз неупокойный, всё в разные стороны головой дёргает, глазами моргает, чисто петушок»; *Серёжка-Петушо́к* ‘житель д. Кузнецово’ (Котл.): «Он худенький, маленький»; *Пету́х* ‘житель д. Кянда’ (Он.): «Этот-то маленькой ростом — Курица, а Колька высокий — Петух называют»; *Пету́х* ‘житель д. Горка-Ладковщина’ (Холм.): «Петух-от кудрявый парень, волосы густые, петухами такими, хохлы-те во все стороны торчат».

Кроме того, необходимо учитывать тесную связь именно этого типа зооморфных прозвищ с фамилиями местного населения, ср.: *воробьи́* ‘жители д. Сырья’ (Он.), все жители которой носят фамилию *Воробьёвы* [см. об этом: Макарова, Чекан, 2019, 18], однако более всего указанное взаимодействие характерно для семейных прозвищ типа *Петухи́* (*Петухо́вы*, *Петуша́та*, *Петушкí*), в большинстве мотивировок для которых актуализирована связь с фамилией *Петуховы*. При этом исследователю не всегда удается точно установить направление взаимодействия фамилии и прозвища.

«Рыбы». Еще одна продуктивная модель образования коллективных прозвищ — наименования, производные от обозначений рыб. Такие коллективные прозвища сконцентрированы, во-первых, в районах, расположенных в поморской зоне (Онежский, Приморский, Мезенский), а во-вторых, в бассейнах крупных промысловых рек — Ваги, Верхней Тоймы, Мезени, Онеги, Пинеги, Суды — и местных озер — Воймозеро, Нижмозеро, Нюхчезеро и др. В «рыбных» прозвищах отражаются ландшафтные особенности (наличие моря, реки, озера), а также промысловая специализация населения. Выбираются названия тех рыб, которые наиболее распространены в водоемах того или иного региона, ср. *ельцы́* (4 прозвища), *ерши́* (13 прозвищ) и др., ср. прозвище *попонаволоцкие ерши́* (*ёришки*), которое носили жители Попонаволоцкого сельсовета Вельского района Архангельской области: «Ершей много ловили». Эти примеры показывают, что могут выбираться те рыбы, которые не являются особо ценными, но ловятся близко к дому, в больших количествах, повседневно (неслучайно, рассказывая о рыбалке, информанты подчеркивают, что рыбу типа ершей или ельцов ловят даже дети и «бабы»). Однако нельзя исключать и возможность другой мотивации — характерологической. Так, в контекстах к коллективному прозвищу *ерши́ семовские* ‘жители д. Семово’ (Чаг.) сообщается, что «Семовских-то мы звали *ерши*, дрались шибко»; «Молодёжь больно у них не ладила, да и на берегу они жили». При этом в последнем контексте на характерологическую мотивацию накладывается локативная («жили на берегу»).

Учитывая, что рыба типа ерша не имеет особой ценности, можно заключить, что в мотивации большей части прозвищ локативная линия сильнее, чем промысловая. Сугубо промысловые прозвища находятся на периферии «рыбной» модели: *пáлтусники* ‘жители д. Климово’ (Вел.), *стерлядни́ки* ‘жители г. Онега

и Онежского района Архангельской области' [Дранникова, 2004, 50, 111], *ры́бники* 'жители д. Новосело' (Ваш.).

Выделяются специфичные производящие основы, характерные только для определенной территории: так, лексема *палтус* используется в коллективных прозвищах только на территории Вельского района Архангельской области: (*гнилбóй*) *пáлтус*, *палтася́та* 'жители д. Климово'; в семейных же прозвищах оно известно жителям смежного Верховажского района Вологодской области (*Палтасо́вские*, *Палтасёнок*), а также Холмогорского района Архангельской области (*Палтусо́вичи*). Уникальными являются наименования *гарьюса́* 'жители д. Кипарово' (Прим.), ср. арх. *га́рюс* 'рыба хариус' [СГРС, 3, 17]; *нава́жьи го́ловы* 'жители побережья Белого моря' (Он.): «Наважьи головы рыбы много ловили»; *кíслая кáмбала* (*кíслые кáмбалы*) 'жители д. Заозерье' (Мез.): «Камбалы они много ловили»; «Озеро у нас есть — Кислое, мы как раз за ним живем. А камбалы — оттого что мы их раньше много ловили»; (*андомо́горские*) *корю́и́нья* 'жители к. д. Андомская Гора' (Выт.): «Што мы корюха-то ловим»; (*со́лзины*) *ревя́ки* 'жители д. Солза' (С-Двин.), ср. арх. *ревя́к* 'небольшая рыба семейства бычков' [КСГРС]: «Они в море ревяков ловили»; *ряпу́са́* 'жители с. Лекшмозеро' (Карг.): «Название пошло от рыбы ряпус, которая ловится только у этой деревни» [Дранникова, 2004, 311]; «Лекшмозёрские — *ряпу́са*: у нас в этом озере ряпус водится, а у них <в соседних деревнях> нет» [Каргополье, 428, 432]; и др. Целую россыпь уникальных коллективных прозвищ, образованных от местных наименований рыб, дает прозвищная антропонимия Бабаевского района Вологодской области (граничащего с Карелией): *курча́ги* 'жители д. Гашково', ср. влг. *курча́г*, *курча́га* 'рыба подкаменщик' [СГРС, 6, 307]; *ли́паки* 'жители д. Межерье', ср. влг. *липа́к* 'рыба подлещик' [СГРС, 7, 94]; (*верхнеко́нская*) *наса́ра* 'жители д. Верхний Конец', ср. влг. *наса́ра* 'мелкая речная рыба' [КСГРС]: «Насары полно было, чугуны в реку ставили — ловили»; а также образованные от общерусских лексем (*га́шковские*, *новоде́ревенские*) *нали́мы*, *пескари́*.

Прозвища с финалью *-еды*, очевидно, сообщают о кулинарных предпочтениях жителей. Анализ группы таких прозвищ провела К. В. Осипова: по ее мнению, они указывают на основную промысловую породу на данной территории [Осипова, 2017, 100]. Так, жители д. Патракеевка Приморского района Архангельской области носили прозвище *ревчаёды* за то, что ели *рэвчу*: «Есть рыба *ревча*, на вид она очень страшная, вся в бугорках. Жители деревни ее ловят и едят» [Дранникова, 2004, 330]. Наиболее популярными прозвищами, образованными в рамках данной модели, являются *ершеёды* (6 прозвищ) и *трескоёды* (9 прозвищ), причем интересно, что они оказываются противопоставленными территориально: если наименование *трескоеды* используется исключительно по отношению к жителям Архангельской области (как отдельных городов и деревень, так и области в целом), то *ершеёдами* называют преимущественно жителей северо-запада Вологодской области (Белозерский район, д. Устье Вытегорского района,

к. д. Киснема, д. Тарасьево, с. Липин Бор Вашкинского района): «Рыболовы были, ершей ловили»; «Нас называли киснемские ершееды, потому что Киснема больше всех ловила ершей»³. Единственным исключением является ситуация с жителями д. Заозерье Мезенского района Архангельской области, которые имеют два «антонимичных» прозвища — *ершееды* и *трескоеды*. Подобную природу имеют и прозвища типа *векшееды*, перенесенные с наименований профессиональной группы (охотников на белок) на обозначения жителей определенной территории, ср. влг. *векшееды* ‘прозвище жителей Верховинского сельсовета’ (Бабуш.): «Говорят, они белок ели», ‘прозвище жителей Никольского и Яренского уездов Вологодской губернии’: «Охотничий промысел, и преимущественно за белкою, — один из главных промыслов в губернии и в особенности уездах Никольском, Устюжинском, Сольвычегодском, Яренском и Устьсысольском» [СРНГ, 4, 105].

«**Дикие животные**». Одной из особенностей прозвищного антропонимикона Архангельской области является заметное число единиц, образованных от слова *зайцы*, в форме собственно *зайцы* (Вел., Вил., В-Т, Котл., Леш., Он., Пин.), а также *зайчики*, *зайчата* (В-Т), *заюшки* (Он.), *зайки*, *заячане* (Леш.) и даже *зайка-трусишка* (Котл.). В Вологодской области таких прозвищ заметно меньше, только *зайцы* (Баб.) и (*мишинские*) *зайцы* (Чаг.). Такой дисбаланс не может объясняться разницей фауны: очевидно, что зайцы представлены в природном мире и той, и другой территории. Для прочих названий диких животных в составе коллективных прозвищ характерна корреляция с наиболее популярным объектом охоты в данной местности или же охотничьей «специализацией» той или иной деревни, что подтверждается контекстами. В случае же с зайцами, судя по всему, следует искать другие причины.

Мотивация «заячьих» коллективных прозвищ размыта. Большинство из них, по всей видимости, являются локативными, поскольку в контекстах указано, что носители прозвища жили «в лесу», иногда с уточнением «за рекой», ср.: *зайцы* ‘жители д. Лыковская’ (Вил.): «Лесные жители, о деревню лес»; ‘жители д. Смutowo’ (Пин.): «Живут в глухом лесу, вот и прозвали зайцами»; «Зайцами жителей деревни Смutowo называли, потому что они жили за рекой, и во время распуты они перебирались через реку, и про них говорили: “Не иначе как зайцами через реку скакали”» [Дранникова, 2004, 326] и др.

В ряде контекстов, кроме локативной, отражена также социально-профессиональная мотивация прозвища: так, для *зайцев* из д. Смutowo указывается:

³ Аналогичные коллективные прозвища, отражающие предпочтения в пище, широко распространены и в прибалтийско-финской антропонимии [Карлова, 2014, 78–80; Mäkinen, 2007, 98–101]. В функции, аналогичной русскому компоненту *-еды*, в карельском используется компонент *-marat*, от карел. *mara* ‘пузо, брюхо’ [Карлова, 2014, 78]: *kiiskimarat*, ср. карел. *kiiski* ‘ерш’; *kuurehmarat*, ср. карел. *kuoreh* ‘корюшка’ и др. [Там же, 79]. В финском языке используется компонент *-mahat*, от фин. *maha* ‘брюхо’: *kiiskimahat*, ср. фин. *kiiski* ‘ерш’; *kuoremahat*, ср. фин. *kuore* ‘корюшка’; *muikkumahat*, ср. фин. *muikku* ‘ряпушка’ и др. [Mäkinen, 2007, 98–101].

«Охотники все хорошие». Размытость, множественность мотивации подтверждается, на наш взгляд, тем, что данные прозвища обладают большим количеством дублетов, представленных наименованиями других животных (и даже птиц и рыб), ср. параллельно существующие наименования *зайчики // рыбицы* (В-Т); *зайцы // клестята* (Вел.), *зайцы // кроты, собаки* (Котл.). Показательно также вовлечение указанных имен в длинные ряды зооморфных прозвищ, называющих жителей соседних деревень, ср.: «Сура — *галички* (галки), Засурье — *заецы* (зайцы), <...> а в Прилуке — *крохали*, Осаново — *вороны*» [Дранникова, 2004, 126].

Некоторые антропонимы, судя по контекстам, являются характерологическими, ср. *зайцы* ‘жители д. Мишино’ (Чаг.): «Эти мишинские пугливые были»; «Драчливые они очень, прискакивали зайцами». Возможно, в прозвищах может содержаться намек на типичный внешний вид местных жителей, на что косвенно указывают параллельные наименования *зайцы // зубаны* (Леш.). Эти коллективные прозвища сближаются с семейными, для которых такая мотивация характерна в большей степени.

В связи с этим обратим внимание на продуктивность «заячьей» модели в семейных прозвищах Архангельской области: *Зайцы* (Вин., В-Т, Он., Прим., Уст.), а также *Зайчата* (Вел., Он.), *Зайчики* (Вил.). Фиксируются даже соответствующие уличные фамилии *Зайцевы* (Карг., Он.) и *Зайковы* (Карг., Плес.), в том числе восходящие к индивидуальному прозвищу — дед *Заюшка* (Карг.). В основу этого прозвища положен признак внешнего вида основателя рода: «Дед этой семьи жил очень долго, носил бороду. Борода, как и волосы, была седая, белая, как заяц-беляк. И деда стали звать Заюшкой, отсюда и прозвище потомков» (Карг., Скороходовская). Мотивационные признаки, лежащие в основе «заячьих» семейных прозвищ, могут видаться информантам и по-другому: «Дедка Заюшком прозвали — косой был» (Карг., Андреевская); «Дед мог догнать зайца» (Плес., Самковская); «Дано за быструю походку» (Уст., Бестужево). В семейных прозвищах работает и еще одно мотивационное основание, отсутствующее в коллективных, — указание на большое количество детей в семье, ср. контексты: «У них самое большое семейство» (Он., Абрамовская)⁴; «Зайчиков много в семье было» (Вил., Меньшая); «Мальчиков у них в семье много было, бегали шибко» (Вил., Дресвянка).

Таким образом, география приведенных прозвищ более чем наполовину пересекается с ареалом соответствующих коллективных. Поэтому можно предположить, что указанные модели в семейной и коллективной прозвищной антропонимии поддерживают друг друга. В Вологодской области ситуация схожая: как и соответствующих коллективных прозвищ, семейных прозвищ, образованных от слова *зайцы*, зафиксировано существенно меньше — только *Зайцы* (В-Важ., В-Уст.) и *Зайчата* (В-Уст.).

⁴ Любопытно, что онежское семейное прозвище *Зайцы* имеет вариант *Кролики*: как известно, именно кролики характеризуется повышенной скоростью размножения.

Еще одну частотную номинативную модель реализуют наименования, образованные от слова *волк* (9 номинаций). Соответствующие коллективные прозвища представлены в Пинежском и Устьянском районах Архангельской области, а также на западе Вологодской области (Бабаевский, Вашкинский и Грязовецкий районы). Мотивация этих наименований различна. С одной стороны, они могут быть характерологическими: *вóлки* ‘жители д. Сумароково’ (Баб.): «Ругались всегда, кричали»; ‘жители с. Липин Бор’ (Ваш.): «Злые они, как собаки»; ‘жители д. Покровское’ (Ваш.): «Покровские волки худой народ». С другой стороны, часть этих прозвищ, как и прозвищ, образованных от слова *зайцы*, — локативные номинации, которые указывают на место проживания их носителей — в лесу: ‘жители к. д. Поречье’ (Ваш.): «Лесные жители, вот и волки»; ‘жители к. д. Слободка’ (Ваш.): «У леса жили».

«Волчьи» имена зафиксированы и среди семейных прозвищ, где они также распространены не повсеместно, а лишь на некоторых территориях: в Котласском и Пинежском районах Архангельской области, а также в Верховажском, Великоустюгском и Грязовецком районах Вологодской области, частично накладываясь на зону распространения соответствующих коллективных прозвищ. В целом же семейные прозвища являются характерологическими: «Лаются они сильно» (Котл., Б. Рычково), в некоторых случаях восходят к индивидуальным прозвищам: «Иваська Волк нелюдимый был» (В-Уст., Подворские).

Остальные «животные» прозвища, такие как *ёжики* (Уст., Ваш.), *кроты* (Котл., Пин.), *крысы* (Вел., Уст.), *олени* (Прим.)⁵, *песцы* (Мез.) и *хорьки* (Он.), представлены единичными примерами. Они редко получают мотивационные пояснения. В контексте к имени *олéни* отражена локативная мотивация: «Тёмные они, лесные жители» — о жителях д. Пушлахта (Прим.). *Кроты* имеют характерологическую мотивировку: «Как кроты, доберутся до сути, выведут на свое, выроют себе нору» [Калуцков, Иванова, 2006, 27, 78] — о жителях д. Большое Кротово (Пин.), однако это прозвище явно наведено названием населенного пункта. Реестр диких животных, получивший отражение в сфере семейных прозвищ, несколько шире: встречаются и *медведи* (по охотничьей «специализации» семьи), и *кабаны* (по внешнему виду), и *лисы* (обычно по рыжему цвету волос), и даже *куницы*.

«**Домашние животные**». Во всех рассмотренных ранее тематико-мотивационных группах число прозвищ, отмеченных на территории Архангельской области, существенно выше числа вологодских прозвищ. Исключением являются антропонимы, образованные от названий домашних животных: 27 прозвищ в Вологодской области, 20 — в Архангельской. Дело в том, что животноводство для жителей Архангельской области менее значимо, чем для вологжан.

⁵ Такая география соответствует ареалу одной из двух наиболее крупных популяций оленей на территории Архангельской области — Онежской.

Выделяется несколько зон номинативной плотности для группы «Домашние животные»: в Архангельской области — Вельский и Устьянский районы, в Вологодской — Никольский район, при этом если в других районах Архангельской области прозвища этого типа практически отсутствуют, то в Вологодской области они фиксируются в каждом районе, просто в меньшем количестве, что подтверждает высокую значимость скотоводства именно для данной территории. Об этом говорит и репертуар наименований животных, которые легли в основу прозвищ. Лидирующее положение — у названий тех животных (*бараны, лошади, козы, коровы, овцы*), от которых зависит ежедневное существование и пропитание крестьян (дают молоко, мясо, масло, шерсть; помогают обрабатывать землю и т. п.). Например, *козлы* ‘жители д. Леонтьевская’ (Уст.): «Козлов держали»; *коровники* ‘жители д. Соунино’ (Карг.): «Самые большие скотные дворы-коровники были в этой деревне» [Дранникова, 2004, 312]. При этом прозвищ, образованных от наименований наиболее распространенных домашних животных (*кошек и собак*), в коллективных онимах насчитываются единицы. Показательно, что в рамках индивидуальной прозвищной антропонимии процент «кошачье-собачьих» прозвищ резко возрастает, причем мотивировки являются в первую очередь характерологическими, например *Кот* ‘житель д. Бестужево’ (Уст.): «Ласковый он очень, семь раз женился»; (*Вася*) *Котко* ‘житель д. Гришинская’ (Вил.): «У него усы были, пришёл он раз грустный, ему говорят: “Ты что, как кот, усы повесил?” — с тех пор и пошло». Это обстоятельство подчеркивает различия в принципах номинации в разных разрядах прозвищной антропонимии (коллективная преимущественно отталкивается от видов деятельности, в то время как индивидуальная — от поведенческих черт человека).

«Насекомые». Еще одной зооморфной сферой, к которой обращаются носители диалекта в качестве источника коллективных прозвищ, являются наименования насекомых. Количество этих прозвищ существенно меньше, чем онимов, образованных от названий рыб и птиц: в материале фиксируется 19 прозвищ, причем 13 из них записаны в Архангельской области. Лидирующую позицию в данной группе занимает прозвище *тараканы*: ‘жители д. Мелеховская’ (Вел.), ‘жители д. Бор’ (В-Т), ‘жители д. Карашелье’ (Леш.), ‘жители д. Нивы’ (Баб.), которое является ярким пейоративом. Мотивация «тараканьих» прозвищ стерлась: для них не отмечено ни одного мотивировочного контекста. Возможно, в основе представление о низкой санитарной культуре жителей соответствующих деревень.

В ряде случаев антропонимы данной группы мотивированы особенностями местности, т. е. реализуют локативные мотивировки. Например, *комары* ‘жители д. Пылема’ (Леш.): «Так называли из-за того, что в д. Пылема много комаров, так как деревня окружена множеством покосов»; ‘жители д. Бычье’ (Мез.): «У их леса, всё комары летали»; *пепяки (попяки)* ‘жители д. Павловский Бор’ (Он.): «Павлобора “пепяки”, у них до сих пор воды нет, озерко небольшое, в нем пепяки

живут», ср. *пепя́к* ‘водяной жук’ (Он.) [КСГРС]. Данная модель также часто используется для указания на большое количество жителей, например *саранчи́* ‘жители к. д. Сельцо’ (Холм.): «Много их завелось, как саранчи»; *мо́шки* ‘жители д. Долгощелье’ (Мез.): «На зверобойню поедут, как мошки их там, потому мошками и зовут»; *мураши́* ‘жители д. Керас’ (В-Т); ‘жители д. Пурышевская’ (В-Т). Хотя для последнего прозвища возможна и другая мотивация: «Они такие работные — так мураши-то и говорят». Во всех этих случаях номинация коллектива отталкивается от вторичных лексических значений слов (много как саранчи, мошки, муравьев).

«Земноводные». Данная тематико-мотивационная группа для образования прозвищ используется сравнительно редко. Среди идеограмм лидирует «лягушка»: *лягу́хи* ‘жители части д. Даниловская’ (Вил.): «Болотные жители, одни лягухи, другие кулики [прозвище другой части жителей этой же деревни]»; ‘жители д. Мироново’ (Бел.): «Болотные жители»; *лягуши́та* ‘жители д. Левково’ (Бел.); *лягуши́тники* ‘жители д. Мамоново’ (Баб.): «Там, вероятно, сыро было и водились лягухи»; *лягушечники* ‘жители г. Вологда’: «Вологда стоит на низком, болотистом месте; масса лягушек, и лягушечьи концерты можно летом слышать почти повсюду» [Дилакторский, 2006, 62, 244]. К наименованиям земноводных также может быть отнесено прозвище с единичной фиксацией *зме́и* ‘жители д. Летняя Золотица’ (Прим.). Все эти прозвища указывают на особенности ландшафта местности, где проживают номинируемые коллективы.

В коллективных прозвищах засвидетельствовано одно имя, образованное от обозначений ракообразных: *рачки́* ‘жители д. Лаврово’ (Бел.). При этом в сфере семейных прозвищ данная модель является довольно продуктивной: зафиксировано 5 номинаций *Раки* (*Рачки*).

* * *

Таким образом, наиболее широко представлены тематико-мотивационные разряды зооморфных прозвищ, образованные от наименований птиц и рыб, что обусловлено ландшафтными (наличие моря и крупных рек) и хозяйственными (рыболовный промысел, охота и т. п.) особенностями территории, в первую очередь Архангельской области, а также, возможно, субстратным влиянием. Ландшафтные особенности, очевидно, определяют и продуктивность прозвищ, в основе которых лежат названия диких животных (волки, зайцы и др.), мотивированных признаком «живут в лесу». Такие прозвища могут также сохранять информацию об охотничьей специализации или о характере / поведении, приписываемых местным жителям. Две последние мотивационные линии сближают коллективные прозвища с семейными: судя по нашим материалам, между этими двумя разрядами нередко происходит взаимообмен моделями, производящими основами и конкретными единицами, которые со временем могут менять свой

статус (чаще всего происходит переход из семейной антропонимии в коллективную, реже — наоборот). Наиболее «насыщенными» коллективными прозвищами оказываются поморская и лесная зоны Русского Севера, демонстрирующие разнообразие номинативных моделей и богатство конкретных лексических воплощений, содержащих немалое количество севернорусских диалектных лексем.

Эти основные выводы могут быть дополнены другими, вытекающими из рассмотрения представленного в статье материала в следующих аспектах:

- **о н о м а с и о л о г и ч е с к и й:** через призму зооморфной модели можно выявить типологические черты коллективных прозвищ в целом. В коллективных прозвищах, как и в индивидуальных, а также семейных, отражается образ «соседа» (только речь идет не об одном человеке и не о семье, а о целом социуме). Однако в отличие от индивидуальной антропонимии коллективные прозвища базируются скорее не на характерологических мотивировках, а на менее субъективных видах запечатлеваемой в прозвищах информации. Коллективные прозвища передают представления о месте жительства и роде занятий номинируемых. Например, в прозвище *комары* ‘жители д. Пылема’ (Леш.) отражена «локальная» мотивация: «В деревне много комаров, так как она окружена множеством покосов». В индивидуальных же прозвищах чаще проявляются субъективные мотивы номинации, например, *Комар* ‘житель д. Алексейково’ (Бабуш.): «Нос у него длинный»; *Комарик* ‘житель д. Маурино’ (Вил.): «Мой прадед был малинькой, краснинькой, как комарик, када напьёцца, и звали Комарик»;

- **а р е а л ь н ы й:** анализ материала в данном аспекте позволяет говорить об ареальной дистрибуции прозвищ, под которой следует понимать особенности распределения объектов номинации в рамках определенного номинативного пространства, выявить зоны «номинативной плотности» прозвищ, уточнить частотность фиксации той или иной тематико-мотивационной группы в рамках зооморфной модели для каждого района Архангельской и Вологодской областей. Так, зонами высокой номинативной плотности исследуемой модели коллективных прозвищ в Архангельской области можно назвать Вельский, Верхнетоемский, Мезенский, Онежский и Пинежский районы, в каждом из которых насчитывается 20–25 прозвищ, образованных от названий животных, птиц, рыб или насекомых. В Вологодской области зоной номинативной плотности является фактически только Бабаевский район, количество фиксаций в котором (25 прозвищ) сопоставимо с Архангельской областью. Еще в трех районах — Белозерском, Вашкинском и Никольском — насчитывается по 10–15 прозвищ. Значит, наибольшее количество изучаемых прозвищ отмечено на западе области, в Белозерье. Остальные же районы Вологодской области можно назвать зонами номинативной разреженности, так как количество прозвищ в них не превышает пяти или прозвища отсутствуют вовсе;

- **к о н т а к т о л о г и ч е с к и й:** некоторые тематические группы позволили проследить генезис анализируемой модели в контактологическом ключе.

В первую очередь внимание привлекает «птичья» модель, номинативный импульс для которой на территории Русского Севера, скорее всего, был дан финно-угорским населением, соседствовавшим здесь с русскими;

- **этнолингвистический:** рассмотрение коллективных прозвищ в данном аспекте позволяет реконструировать фрагмент традиционной языковой картины мира. Так, доминирование в Архангельской области прозвищ, образованных от названий птиц и диких животных, говорит, на наш взгляд, о «промысловом» (охота и рыболовство) мировоззрении номинаторов этой территории. В то же время в Вологодской области основной массив зооморфных прозвищ образован от названий домашних животных, что характеризует основное занятие жителей данного региона — разведение скота. Это же глобальное отличие прослеживается и в прозвищах жителей данных областей в целом: прозвище жителей Архангельской области — *трескоеды*, прозвище жителей Вологодской области — *телята, телёнки*. Это противопоставление неслучайно и емко характеризует особенности ландшафта каждой области, основные занятия населения, предпочтения в еде и т. п.;

- **семантическая реконструкция:** благодаря устойчивости и хорошей сохранности коллективных прозвищ в сознании носителей некоторые прозвища, основанные на диалектной лексике, позволяют произвести мотивационную реконструкцию диалектных слов, которые активно уже не употребляются. Например, наименование жителей д. Павловский Бор Онежского района Архангельской области *пяккí* (*попякí*) зафиксировано изначально в ономастическом материале, в лексическом корпусе слово уточнено позднее и только «от прозвища», так как в узусе оно употребляется редко, находясь на грани исчезновения.

Источники

- Дилакторский, 2006 — Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб. : Наука, 2006.
- Каргополье : фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни и присловья) / сост. М. Д. Алексеевский и др. ; под общ. ред. А. Б. Мороза. М. : ОГИ, 2009.
- КСГРС — картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- СВГ — Словарь вологодских говоров : в 12 вып. / ред. Т. Г. Паникаровская. Вологда : Вологод. гос. пед. ин-т : Русь, 1983–2007.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетова (вып. 23–42), С. А. Мызникова (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

Исследования

- Агапитов В. А.* Об орнитотопонимах островов архипелага Кижские шхеры (отражение родовых и фратриальных связей в топонимии Заонежья) // Заонежский сборник / науч. ред. Ю. Ю. Сурхаско, К. К. Логинов. Петрозаводск : [б. и.], 1992. С. 48–60.

- Винокурова И. Ю.* Животные в традиционном мировоззрении вепсов. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2006.
- Воронцова Ю. Б.* Словарь коллективных прозвищ. М. : АСТ-Пресс Книга, 2011.
- Дранникова Н. В.* Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность, жанровая природа, этнопоэтика. Архангельск : Правда Севера, 2004.
- Калуцков В. Н., Иванова А. А.* Географические песни в традиционном культурном ландшафте России. М. : Изд-во ПФОП, 2006.
- Карлова О. Л.* Коллективные прозвища жителей карельских деревень // Вопросы ономастики. 2014. Т. 16. № 1. С. 75–83.
- Макарова А. А., Чекан К. О.* Коллективные прозвища жителей Онежского района Архангельской области // Живая старина. 2019. № 3 (103). С. 16–19.
- Осипова К. В.* Диалектные прозвища Русского Севера, образованные от названий пищи: этнолингвистический аспект. DOI 10.15826/vopr_onom.2017.14.1.005 // Вopr. ономастики. 2017. Т. 14. № 1. С. 87–109.
- Mäkinen K.* Lollot ja kollot: Suomalaista naapurihuumoria. Helsinki : Otava, 2007.

Рукопись поступила в редакцию 18.11.2019

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях говоров русского языка

арх.	архангельские	влг.	вологодские
------	---------------	------	-------------

В названиях административно-территориальных единиц

Баб.	Бабаевский р-н Вологодской обл.	Котл.	Котласский р-н Архангельской обл.
Бабуш.	Бабушкинский р-н Вологодской обл.	Лен.	Ленский р-н Архангельской обл.
Бел.	Белозерский р-н Вологодской обл.	Леш.	Лешуконский р-н Архангельской обл.
Ваш.	Вашкинский р-н Вологодской обл.	Мез.	Мезенский р-н Архангельской обл.
В-Важ.	Верховажский р-н Вологодской обл.	М-Реч.	Междуреченский р-н Вологодской обл.
Вел.	Вельский р-н Архангельской обл.	Ник.	Никольский р-н Вологодской обл.
Вил.	Вилегодский р-н Архангельской обл.	Он.	Онежский р-н Архангельской обл.
В-Т	Верхнетоемский р-н Архангельской обл.	Пин.	Пинежский р-н Архангельской обл.
В-Уст.	Великоустюгский р-н Вологодской обл.;	Плес.	Плесецкий р-н Архангельской обл.
	Великоустюжский у. Вологодской губ.	Прим.	Приморский р-н Архангельской обл.
Выг.	Вытегорский р-н Вологодской обл.	С-Двин.	Северодвинский р-н Архангельской обл.
Карг.	Каргопольский р-н Архангельской обл.	Уст.	Устьянский р-н Архангельской обл.
Кир.	Кирилловский р-н Вологодской обл.	Холм.	Холмогорский р-н Архангельской обл.
Кон.	Коношский р-н Архангельской обл.	Чаг.	Чагодощенский р-н Вологодской обл.

В названиях географических объектов

к. д.	куст деревень
-------	---------------

* * *

Макарова Анна Андреевна

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
топонимической лаборатории
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ком. 306
научный сотрудник
отдела этимологии и ономастики
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2
E-mail: toponimist@yandex.ru

Попова Юлия Борисовна

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка, общего языкознания
и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51,
ком. 306
E-mail: yu.b.vorontsova@urfu.ru

Makarova, Anna Andreevna

PhD, Senior Research Fellow,
Toponymic Laboratory
Ural Federal University
51, Lenin Ave., office 306,
620000 Ekaterinburg, Russia
Research Fellow
Department of Etymology and Onomastics
V. V. Vinogradov Russian Language Institute
of the RAS
18/2, Volkhonka Str., 119019 Moscow, Russia
Email: toponimist@yandex.ru

Popova, Yulia Borisovna

PhD, Associate Professor
Department of Russian Language, General
Linguistics and Verbal Communication
Ural Federal University
51, Lenin Ave., office 306,
620000 Ekaterinburg, Russia
Email: yu.b.vorontsova@urfu.ru

Anna A. Makarova***Yulia B. Popova****

*Ural Federal University

*V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS

**Ural Federal University

Ekaterinburg, Russia

ZOOMORPHIC PATTERN IN COLLECTIVE NICKNAMES AMONG THE RESIDENTS OF THE RUSSIAN NORTH

The paper studies collective nicknames of the residents of the Russian North (Arkhangelsk and Vologda regions) to describe a productive zoomorphic naming pattern. The research is based on findings of the Toponymic Expedition of the Ural Federal University which includes materials from field trips to the Russian North (1960–2019) as well as data published in dictionaries and monographs. The paper identifies lexical composition of the pattern, describes the geography of collective nicknames, and provides analysis of the material in terms of motivation, onomasiology, and language contacts. In some cases, collective nicknames are considered against the background of other types of nickname anthroponymy: family and individual nicknames. The analyzed body of nicknames includes both units formed from all-Russian vocabulary such as *vorony*, *ershi*, *zaitsey*, *kuliki*, etc., and less common names based on dialectal names of animals, birds, fish and insects (*revyaki*, *svizi*, *sivkuny*, *pepyaki*). The choice of animal species used in nicknames (in decreasing order: birds, fish, wild animals, pets, insects,

amphibians) as well as substantial quantitative differences between Arkhangelsk and Vologda region (more than 200 units vs 88) are attributable to landscape features (forest and water) and occupations of the population (hunting, fishing). Characterological motivations, widely used in individual nickname anthroponymy, are relatively rare among zoomorphic collective nicknames. The prevalence of some thematic and motivational categories (especially “birds”) in the nicknames is probably due to the influence of substrate Finno-Ugric languages.

К e y o r d s: Russian language, dialects, anthroponymy, collective nickname, zoomorphic naming pattern, language contacts, linguistic geography, Russian North.

- Agapitov, V. A. (1992). Ob ornitotoponimakh ostrovov arhipelaga Kizhskie shkhery (otrazhenie rodovykh i fraternal'nykh svyazei v toponimii Zaonezh'ia) [On Ornithotoponyms of the Kizhi Skerries Archipelago Islands (Reflection of Ancestral and Fraternal Ties in the Toponymy of Zaonezhye)]. In Yu. Yu. Surkhasko, & K. K. Loginov (Eds.), *Zaonezhskii sbornik* (pp. 48–60). Petrozavodsk: [s. n.].
- Drannikova, N. V. (2004). *Lokal'no-gruppovye prozvischa v traditsionnoi kul'ture Russkogo Severa. Funktsional'nost', zhanrovaia priroda, etnopoetika* [Local Group Nicknames in the Traditional Culture of the Russian North. Functionality, Genre Nature, Ethnopoetics]. Arkhangelsk: Pravda Severa.
- Kalutskov, V. N., & Ivanova, A. A. (2006). *Geograficheskie pesni v traditsionnom kul'turnom landshafte Rossii* [Geographical Songs in the Traditional Cultural Landscape of Russia]. Moscow: PFO Publ.
- Karlova, O. L. (2014). Kollektivnye prozvischa zhitelei karel'skikh dereven' [Collective Nicknames of Karelian Villagers]. *Voprosy onomastiki*, 1, 75–83.
- Makarova, A. A., & Chekan, K. O. (2019). Kollektivnye prozvischa zhitelei Onezhskogo raiona Arkhangel'skoi oblasti [Collective Nicknames of the Residents of the Onega District of the Arkhangelsk Region]. *Zhivaia starina*, 3, 16–19.
- Mäkinen, K. (2007). *Lollot ja kollot: Suomalaista naapurihuumoria* [Humor of Finnish People's Neighbours]. Helsinki: Otava.
- Osipova, K. V. (2017). Dialektnye prozvischa Russkogo Severa, obrazovannye ot nazvanii pishchi: etnolingvистический аспект [North Russian Dialectal Nicknames Derived from Names of Food: An Ethnolinguistic Approach]. *Voprosy onomastiki*, 14(1), 87–109. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.1.005
- Vinokurova, I. Yu. (2006). *Zhivotnye v traditsionnom mirovozzrenii vepsov* [Animals in the Traditional Worldview of the Veps]. Petrozavodsk: PetrGU Press.
- Vorontsova, Yu. B. (2011). *Slovar' kollektivnykh prozvisch* [A Dictionary of Collective Nicknames]. Moscow: AST-Press Kniga.

Received on 18 November 2019

DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.003
УДК 811.161.1'373.2:599.723.2 + 81'38

Е. Н. Варникова
Петрозаводский
государственный университет
Петрозаводск, Россия

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
ОСОБЕННОСТИ КЛИЧЕК ЛОШАДЕЙ
В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА
(по данным переписных книг вологодских монастырей
XVI — начала XVIII в.)***

Статья посвящена историческому аспекту зоонимики. На материале данных переписных книг вологодских монастырей XVI — начала XVIII в., московской «Росписи лошадям» 1665 г., а также архивных документов специализированного объединения совхозов «Севмаслотрест» 1930-х гг. рассматриваются факты истории русских кличек лошадей. Выявляется лексический состав старорусских гиппонимов, определяется семантика апеллятивов и онимов, от которых они образованы, анализируется структура кличек лошадей, описываются способы гиппонимообразования. В использованных источниках отражается процесс формирования основных лексико-семантических моделей русской гиппонимии. По своему составу старорусская гиппонимия почти полностью совпадает с древнерусской антропонимией, что может свидетельствовать об их генетическом единстве. Вместе с тем отмечается употребление в роли кличек и христианских имен, получивших к описываемому периоду широкое распространение. Определяются структурные типы старорусских гиппонимов: зоонимы, имеющие субстантивную форму (клички, образованные от ономастической, агентивной, зоологической и предметной лексики, зоонимы-компози́ты, суффиксальные компози́ты); зоонимы, имеющие адъективную

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00810 «Карельское Поморье: лексика и ономастика (XVI—XXI вв.)».

форму; составные наименования. В роли гиппонимов, зафиксированных в монастырской письменности XVI — начала XVIII в., преимущественно используются готовые номинативные единицы, случаи создания формально новых лексем немногочисленны, причем зоонимы, как правило, образуются по суффиксальным моделям агентивной и антропонимической лексики. Основными способами зоонимообразования являются онимизация апеллативов (иногда на метафорической основе), субстантивация имен прилагательных, трансонимизация антропонимов и топонимов. Близость старорусской гиппонимии и древнерусской антропонимии по лексико-семантическим и структурно-словообразовательным признакам не только позволяет рассматривать гиппонимикон XVI–XVIII вв. как надежный источник пополнения сведений о древнерусском именовании, но и во многом объясняет «антропонимоподобный» характер современной русской зоонимии, а также активное использование в настоящее время личных именовании в качестве кличек животных. Эти явления, как оказывается, имеют глубокие исторические корни.

Ключевые слова: русская зоонимика, гиппонимия, история гиппонимов, семантика, структура гиппонимов, способы зоонимообразования.

На фоне общей малоизученности русской зоонимии исторический аспект анализа кличек животных является совсем не разработанным. Незавершенность этого аспекта зоонимических исследований во многом объясняется спецификой самих зоонимов: сравнительной непродолжительностью их функционирования, употреблением преимущественно в устной речи и отсутствием систематической фиксации в исторических документах. Поэтому зоонимические факты, которые удастся извлечь из памятников письменности, имеют для ономастики особую ценность.

В статье рассматриваются клички лошадей, выбранные из опубликованных и рукописных документов монастырской письменности Вологодского края XVI — начала XVIII в. (см. список источников)¹. Кроме того, анализу подвергаются гиппонимы из переписных книг лошадей и скота в некоторых селах, принадлежавших Вологодскому архиерейскому дому 1680–1682 гг., а также клички лошадей, извлеченные Г. Ф. Одинцовым из московской «Росписи лошадям» 1665 г., частично включенные в «Словарь русского языка XI–XVII вв.» [Одинцов, 1980, 193–196]. К сожалению, автор оставил этот уникальный материал без подробного описания, ограничившись «немногими попутными замечаниями по поводу того или иного слова» [Там же, 193]. Кроме того, как объект сравнения привлекаются гиппонимы 1930-х гг., выбранные нами из архивных документов специализированного объединения совхозов «Севмаслотрест» [МРКСС]. Сравнимые данные совпадают по территории, но различны по времени.

Всего в работе рассматривается 507 зоонимов, из них десять — клички, выбранные из источников XVI в., 297 — из источников XVII в., 123 — из источников начала XVIII в., 77 — из источников XX в.

¹ Выражаем искреннюю благодарность доктору исторических наук М. С. Черкасовой за помощь в поиске рукописных источников.

Клички лошадей в монастырской деловой письменности старорусского периода

Как свидетельствует Г. Ф. Одинцов, в древнерусских текстах XI–XIV вв. клички лошадей не отмечены, они «обнаружены лишь в более поздних списках древних памятников: *Ветреница*, *Гром*, *Молния* в “Девгениевом деянии”² <...> Что же касается народных “прозвищ”, “прозваний” лошадей (так клички именуются в документах XVII в.), то их неизмеримо больше» [Одинцов, 1980, 192].

Однако и в текстах XVI — начала XVIII в. гиппонимы достаточно редки. Их можно обнаружить лишь в определенных видах документов. В частности, клички лошадей фиксируются в описных и приходо-расходных книгах монастырей, хотя и в этих источниках они встречаются далеко не всегда. Так, в опубликованных описях восьми наиболее значительных вологодских монастырей клички зафиксированы лишь в документах трех из них — Евфимиева Сямженского (1550-е — начало 1560-х гг.), Введенского Корнилиево-Комельского (1676 г.) и Спасо-Прилуцкого (1688 г.) монастырей [ПКВМ, 95, 247, 332]. По-видимому, фиксация кличек связана с традициями ведения описей отдельных вотчинных хозяйств этих монастырей: например, в описях Спасо-Прилуцкого мужского монастыря гиппонимы фиксируются последовательно в 1654–1655, 1655–1656, 1662, 1688 и 1702 гг. При этом нужно подчеркнуть, что в данных документах клички отмечены лишь у незначительной части лошадей. Следует также учитывать временные изменения рассматриваемых источников: по свидетельству историков, описные книги монастырей в своем развитии прошли путь от краткой фиксации компонентов монастырской вотчины к развернутому описанию монастырского землевладения и хозяйства [Башнин и др., 2011, 424].

Важно отметить, что из всех видов зоонимов в монастырской деловой письменности XVI — начала XVIII в. зафиксированы только гиппонимы, другие виды кличек отсутствуют. Очевидно, данный факт объясняется особой значимостью лошадей в монастырском вотчинном хозяйстве: они использовались и в качестве средств передвижения, и как тягловая сила на полевых работах. О множестве хозяйственных функций, выполнявшихся лошадьми, свидетельствуют их определения по назначению: «ездовые / езжалые», «санники», «возовые», «деловые / работные», «стоялые», «ездовые и деловые меринь», «пашенные меринь» и др. [Башнин и др., 2011, 428–429]. Многочисленность таких определений в монастырских описях соответствует тенденциям развития гиппологической лексики старорусского периода. По свидетельству Г. Ф. Одинцова, почти все гиппологические термины XI–XV вв. обозначают лошадь верховую, названий неверховых

² Древнерусское переложение XII–XIII вв. средневековой поэмы X в. «Дигенис Акрит», повествующей о подвигах легендарного героя-акрита Дигениса. Дошло до наших дней в трех списках XVII–XVIII вв.

лошадей очень мало. «В XVI–XVII вв. соотношение меняется: основная масса слов <...> указывает на лошадь неверховую, упряжную» [Одинцов, 1980, 198].

Количество лошадей в крупных монастырях было весьма значительным. Так, согласно описи 1688 г., в «конюшенном дворе» Спасо-Прилуцкого мужского монастыря было 305 «стоялых», «езжалых», «пахотных и работных» жеребцов, меринов, кобыл и жеребят. В монастырских селах на «скотьих дворах» содержалась 31 лошадь (мерины, кобылы, жеребята) [Башнин и др., 2011, 429]. Между тем в книге приводится только семь гиппонимов [ПКВМ, 95].

Конюшни, или «конюшенные дворы», как правило, располагались за пределами монастырей и в монастырских селах. Описи свидетельствуют о том, что это были комплексы различных построек: дворы, где находились стойла для содержания животных, избы, в которых жили ухаживавшие за ними люди, амбары и сенные сараи. В состав работников входили старцы-конюшие, сельские конюхи; слуги-санники, хомутинники, ясельничие. Конюшенные старцы заботились о монастырских конюшнях, вели специальные книги, куда тщательным образом записывали всех монастырских лошадей, следили за всеми службами, где они использовались. Перечни лошадей были достаточно подробными: кроме определений по назначению, они включали в себя видовые характеристики (жеребцы, мерины, кобылы, жеребята и др.), указания на возраст («жеребчики-селетки», «жеребчики-лонщики», «третьячины»), масть, отличительные особенности внешнего вида [Башнин и др., 2011, 429].

В качестве иллюстрации приведем фрагмент из переписной книги Евфимиева монастыря (1702 г.): «На дворе лошадей. Мерин ворон, грива на обе стороны. Мерин рыж, грива налево. Мерин гнед, грива на обе стороны. Мерин рыж, грива направо. Мерин рыж, грива на обе стороны. Мерин ворон, грива направо. Мерин кар. Кобыла гнедая, грива направо. Кобыла рыжа, грива налево. Кобыла рыжа ж, грива налево. А все те лошади лето срослые. Да рогатого скота. Восемь коров дойных и недойных, шесть быков да восемь телиц двое годовых да годовых, шестнатцать бычков, да две телушки, да сегодных шесть бычков, да телушка, девятнатцать овец, боран, боров, да свинья» [ПКВМ, 255]. Как видно, лошади записаны по отдельности, указаны их внешние признаки, при этом отмечено лишь общее количество других животных. Важным отличительным признаком лошадей является их масть — она указывается в обязательном порядке. Приведенный фрагмент отражает формулу описания внешних особенностей этих животных в монастырской деловой письменности старорусского периода.

Отмечено существование специальных книг учета лошадей. Так, переписная книга конюшенного двора Спасо-Прилуцкого монастыря 1702 г. [ПККД] содержит перечень 168 лошадей этого двора по видам: жеребцы (6), кони (5), мерины (50), кобылы (62), «кобылки» (32) и «жеребчики» (13). Взрослые лошади перечислены с указанием масти, других внешних особенностей (цвета и расположения гривы, наличия отметин, увечий и пр.), кличек или именованний посессивного либо

локативного характера (очевидно, в данной микросистеме такие именованья де-факто становились кличками). Молодые лошади («кобылки» и «жеребчики») не индивидуализированы, лишь указано их общее количество.

Лексико-семантическая характеристика зоонимов

Несмотря на наличие в монастырских документах подробных описаний внешних особенностей лошадей, а также общих указаний на их видовые и функциональные характеристики, этих сведений во многих случаях оказывается недостаточно для определения мотивировочных признаков, послуживших основанием для номинации животных. Поэтому при классификации собранного материала прежде всего учитывается семантика гиппонимопроизводящих апеллятивов и онимов. Такое основание классификации имен собственных признается ономастологами наиболее объективным [Рут, 2015, 232]. Значения производящих слов определяются с помощью исторических, диалектных и ономастических словарей. Однако и этот подход к рассмотрению исторической зоонимии не свободен от вопросов и противоречий. Предлагаемая классификация гиппонимов во многом гипотетична, что в ряде случаев усиливается многозначностью и семантическим синкретизмом исторической лексики как производящей базы гиппонимообразования. Понимая неоднозначность подобной интерпретации гиппонимии, все же используем ее как способ презентации рассматриваемого материала.

1. Гиппонимы, образованные на основе названий внешних признаков животных. Это самая большая группа (см. табл. 2 ниже). При ее выделении учитываются не только семантические особенности производящих, но и дополнительные сведения о лошадях, содержащиеся в использованных документах. Производящими для гиппонимов служат названия различных внешних признаков животных:

▪ цвета шерсти и отметин на основной масти: *Белогуз*³, *Белогузка* (ср. *гузно* 'задняя часть тела у человека или животного' [СлРЯ XI–XVII вв., 4, 155]), *Белокрыл* («мерин врыже пѣг грива направо во лбу звѣзда белоног прозванием Белокрыл» [Там же, 7, 252]), *Белоуско*, *Булань*, *Буланиха*, *Желтоусиха*, *Звездуха*, *Звеска* (ср. *звезда*, *звездочка* 'пятно белой шерсти на лбу' [Гуревич, Рогалев, 1991, 66]), *звѣздина* 'светлое пятно на лбу животного' [СлРЯ XI–XVII вв., 5, 346]), *Краснокрыл* ('с красноватым покровом на плечевых лопатках' [Одинцов, 1980, 195]), *Крылат*, *Лыскабрынка*⁴ (ср. *Лыска* смол., калуж., пск. 'кличка коровы

³ Клички приводятся в упрощенном написании: с заменой дублетных знаков и использованием прописных букв, но в остальном сохраняется их графический вид в источниках.

⁴ Нецветовая интерпретация гиппонима, думается, маловероятна: однокоренные пск., твер. *лыскануть* 'быстро скрыться, шмыгнуть куда-л.', пск., твер. *лыскать* 'уклоняться от дела, избегать работы', 'шляться, шататься, проводить время празднично вне дома', 'бегать рыскасть', пск., твер. *лыскача* (дать лыскача 'уйти, убежать') [СРНГ, 17, 224] возникли, по-видимому, через зоонимическое посредство.

с белым пятном на лбу’, пск., новг., смол., твер., ряз., ворон. ‘кличка собаки с белым пятном на лбу’, *Лыско* перм. ‘кличка лошади’, перм., вят., твер., горьк., новг., арх. ‘кличка собаки’, *лысуха* томск., челяб., перм. ‘кличка лошади с белым пятном на лбу’, без указ. м. ‘животное с лысиной’ [СРНГ, 17, 224–225], ср. также: *лысина* ‘белое пятно на лбу животного (чаще лошади)’ [СлРЯ XI–XVII вв., 8, 317] и влг. *Брыня, Брынька* ‘прозвище рыжего человека’ [СРНГ, 3, 219]), *Пестрогузая, Пестроногая, Седои* (2)⁵, *Сиволобь, Синюха* (ср. одно из значений прилагательного *синий* в [СлРЯ XI–XVII вв., 24, 150]: ‘черный, темный, почерневший’, ‘иссиня-черный’ — «Мерин рыж лыс грива налево синя»; ср. также влг. *синюха* ‘лошадь светлой масти с голубоватым оттенком’ — «Иди запрягай синюху» и влг. *синёк* ‘то же’ — «У нас в хозяйстве два синька было, отец на них робиу» [КСВГ]);

- размера и степени упитанности: *Глаткоу, Житкоу, Жиряк, Круглая, Круглышка* (ср. *круглышка* ‘то, что имеет округлую форму’, ‘тот, кто имеет округлые формы, плотное сложение’ — «Кобыла на гнѣде чала звезда во лбу прозванием Круглышка» [СлРЯ XI–XVII вв., 8, 81]), *Маленкая, Маленкоу, Малко, Маслена, Мякоу, Мякота, Сухан* (2), *Сухая, Тонкоу* (2);

- особенностей телосложения (экстерьера): *Веслоух, Веслоуха* (2), *Веслоухая, Веслоухои, Вислоух* (2), *Вислоуха, Голован* (ср. юж.-сиб., влг., онеж. *голован* ‘человек или животное с несоразмерно большой головой’ [СРНГ, 6, 301]), *Горбун* (2), *Горбунья* (3), *Долгогрива, Долгуша, Кривохвост, Кривохвостая, Крутогуз, Лобан, Лобанья* (ср. *лобань* ‘человек с большим широким лбом’ [СлРЯ XI–XVII вв., 8, 262]), *Низкопередая, Нископереда, Остроухои, Роскоряка, Слизь* (ср. р. Урал *слизами*, нареч. ‘сужаясь книзу (о хвосте лошади)’ [СРНГ, 38, 280]), *Сутулая*;

- возраста: *Стар*;

- физических недостатков, врожденных или появившихся в результате болезни или какого-либо внешнего воздействия: (мерин) *Безмудоу, Гнилобокуша, Голец, Клопоедина, Корноух, Кривая, Одноглаз, Рубец, Хромуша*.

Отметим, что среди «цветовых» гиппонимов в рассмотренной группе лишь отдельные отражают основную масть животных — *Булань, Буланиха, Седои, Синюха*. Кличек, занимающих ядерное положение в современном русском гиппонимиконе (*Сивка, Бурка, Каурка* и пр.), в вологодских материалах почти нет, как нет их и в московских материалах Г. Ф. Одинцова. Встретилась только одна пара имен: «мерин сер грива налево с отметом *Булань*» и «кобыла сера *Буланиха*» [Одинцов, 1980, 194]. Но, как видно, масть не соответствует кличкам: в современном русском языке *буланный* — ‘желтоватый, разных оттенков, особенно светлых; иногда при темном хвосте и гриве и с такой же полосой на хребте (о масти лошади)’ [ССРЛЯ, 1, 682]. Возможно, это несоответствие объясняется различиями в семантике слова *буланный* в разных говорах: ср. сиб. *буланный* ‘белый (о коне,

⁵ С помощью цифр отмечена повторяемость гиппонимов.

лошади)» [СРНГ, 3, 267]. Кстати, по свидетельству Г. Ф. Одинцова, в болгарских диалектах слово *балан* имеет значение ‘светло-серый вол, буйвол’ [Одинцов, 1973, 203].

Немногочисленность кличек по основному цвету шерсти лошадей в использованных источниках может быть объяснена рядом причин. Во-первых, рассматриваемый в статье гиппонимический материал фрагментарен. Во-вторых, лексико-семантическая группа названий мастей лошадей в старорусский период еще находилась в процессе формирования: «семантика и состав гиппологических цветообозначений, известных в современном русском языке, устанавливается в XVI–XVII вв.» [Одинцов, 1978, 212]. В-третьих, многие названия по масти представляют собой заимствования из тюркских языков (*буланный, бурый, игрневый (игрений), караковый, карий, каурый, саврасый, чалый, чубарый*), взаимодействие которых с исконными мастеобозначениями (*гнедой⁶, вороной, железый, мышастый, пегий, половый, рыжий, серый, сивый, соловый* и др.) было довольно сложным [Там же]. В-четвертых, как исконные, так и заимствованные цветообозначения в указанный период активно использовались в качестве личных именовании [Чайкина, Варникова, 2012, 146–147], на основе которых впоследствии образовались фамилии: *Буланин, Буланов, Буров, Буренин, Гнедов, Игрнев, Каражелез, Каракулин, Карев, Мухортов, Пегашев, Саврасов, Сивожелезов, Чалый, Чабарухин (?), Чубаров* и др.

К началу XVIII в. лексико-семантическая система названий мастей лошадей в основном уже сложилась [Одинцов, 1978, 172–173]. Многие мастеобозначения стали производящими для гиппонимов. Исторические словари русского языка отражают процессы, сопровождающие образование кличек: субстантивацию прилагательных и возникновение названий лошадей по соответствующей масти (см. табл. 1).

Таблица 1

Названия мастей лошадей в исторических словарях

Современное название масти	Данные [СлРЯ XI–XVII вв.]	Данные [СлРЯ XVIII вв.]
<i>буланный</i>	<i>буланный</i> , прил. ‘буланный’ [1, 352]	<i>буланный</i> , прил. ‘светло-рыжий’ (о масти лошади), <i>буланный</i> , субст.; <i>буланка</i> ‘лошадь буланой масти’ [2, 163]

⁶ Этимология слова *гнедой* окончательно не выяснена [Фасмер, 1, 420; Черных, 1, 194–195; ЭССЯ, 6, 167].

Окончание табл. 1

Современное название масти	Данные [СлРЯ XI–XVII вв.]	Данные [СлРЯ XVIII вв.]
<i>бурый</i>	<i>бурый</i> , прил. ‘бурый’, <i>бурко</i> ‘конь бурой масти’ [1, 358]	<i>бурый</i> , прил. ‘темно-коричневый с красноватым или сероватым отливом’ [2, 172]; <i>бурка</i> ‘конь бурой масти’ [2, 169]
<i>вороной</i>	<i>вороной</i> , прил. ‘черный или близкий к черному (о масти лошадей)’, в знач. сущ. ‘лошадь вороной масти’ [3, 34]	<i>вороной</i> , прил. ‘черный с лоском (о лошадиной масти)’, <i>вороной</i> , субст. [4, 73]
<i>гнедой</i>	<i>гнедой</i> , прил. ‘гнедой’ [4, 43]	<i>гнедой</i> , прил. ‘темно-рыжий (о лошади)’; <i>гнедко</i> ‘гнедая лошадь’; <i>гнедуха</i> ‘гнедая кобыла’ [5, 140–141]
<i>игрений</i>	<i>игрений</i> , (<i>игриненый</i>), прил. ‘светло-рыжего цвета, со светло-серой гривой и хвостом (о масти лошади)’; <i>игренец</i> ‘конь игреневои масти’ [6, 82]	<i>игрений</i> (<i>игриненый</i>), прил. ‘светло-рыжий, со светлой, белой гривой и хвостом (о масти лошади)’ [8, 249]
<i>карий</i>	<i>карий</i> (<i>карый</i>), прил. ‘красно-черный, каштановый, кофейный — о цвете шерсти, меха животных // о масти лошадей // о цвете глаз’ [7, 79]	<i>карий</i> (<i>карый</i>), прил. ‘темно-гнедой (о лошадиной масти)’ // ‘темно-коричневый (о цвете глаз, реже волос)’; \approx <i>доѣхать на карих</i> (кого) ‘донять, поставить в трудное положение’ [9, 258]
<i>каурый</i>	<i>каурый</i> (<i>коурый</i> , <i>ковурый</i> , <i>кувурый</i>), прил. ‘каурий, светло-рыжий, светло-каштановый (главным образом, о масти лошади)’ [7, 93]	<i>каурий</i> , прил. ‘светло-каштановый (о масти лошади)’; <i>каурка(-ко)</i> ‘лошадь каурой масти’ [10, 15]

Приведенные данные показывают, что вслед за исконными названиями мастей заимствованные прилагательные также начинают употребляться в значении существительных, которые затем превращаются в клички. Ядерное положение этих кличек в традиционном гиппонимиконе обусловлено тем, что масть лошади — это очень яркий и важный внешний признак, имеющий наследственный характер.

Обязательное описание лошадей по масти (при наличии / отсутствии кличек)⁷ в монастырской письменности старорусского периода, очевидно, не столько было показателем стиля или жанра произведений, сколько отражало общеупотребительность такой номинации. Неслучайно поэтому почти все названия мастей имеют в современном русском языке переносные значения, развившиеся по линии «масть → конь соответствующей масти», а также дериваты типа *буланка*, *бурка*, *гнедко*, *каурка*, *савраска* и пр. (с учетом диалектных слов количество этих дериватов увеличивается). Такие образования возникают на основе заимствованных цветообозначений сравнительно поздно — в XVII–XVIII вв.

2. Гиппонимы, производные от различных наименований лиц, нейтральных и экспрессивных. Это вторая по численности группа кличек. Среди них преобладают гиппонимы, созданные на основе нейтральных названий лиц по различным признакам:

- этнически м: *Башкирец*, *Колмакъ* (ср. *колмак* урал. ‘название народности: калмык’, новг. ‘прозвище (какое?)’ [СРНГ, 14, 139]), *Татарин*, *Татарка* (зоонимы могут указывать на породу или происхождение лошадей);

- территориальны м: *Галечанин*, *Заозерь*, *Каргопол*, *Новгородец*, *Холмогориха* (зоонимы могут отражать место приобретения или рождения животных);

- социальны м: *Бобыл*, *Дворянка*, *Князекъ*, *Княиня*, *Новожил* (ср. вят., новг., смол. *новожил* ‘переселенец’ [СРНГ, 21, 257]), *Привал* (ср. нижегор., влг. *привал* ‘муж, принятый в семью жены, живущий в доме жены’, вят. ‘пришлый человек, принятый в общину’, влг. *привала* ‘приемыш’ [СРНГ, 31, 127–128]), *Холоп* (зоонимы *Новожил*, *Привал* могут быть связаны с особенностями и последовательностью появления лошадей в монастырском хозяйстве);

- профессиональны м: *Водовоз*, *Воеводиха*, *Воеводька* (2), *Воевотка* (ср. *воеводка* ‘военачальник’, ‘управитель, должностное лицо’ [СлРЯ XI–XVII вв., 2, 262]), *Детеньши*⁸ (ср. *детеньши* ‘дворовый, работающий по найму в монастырской вотчине’ [Там же, 4, 237]), *Извоцик*, *Плясун*, *Поп* (2), *Попадья*, *Просвирня* (2), *Просвиряк* (2) (ср. *просвирня* ‘женщина, занимающаяся выпечкой просвир’ [Там же, 20, 215]), *Трапезница* (2) (ср. *трапезник* ‘церковный староста, ктитор’, вят. ‘церковный сторож, который встарь жывал в сторожке в самой церкви’ [Даль, 4, 426]), *Фонарникъ* и др. (зоонимы *Воеводиха*, *Воеводька*, *Воевотка* могут свидетельствовать об особенностях нрава лошадей — вольности, независимости; клички *Водовоз*, *Извоцик*, *Просвирня*, *Трапезница* могут отражать

⁷ При совпадении кличек в одном конюшенном дворе (единичные случаи) масть лошадей, очевидно, служила главным средством их различения: «кобыла каряя кривая Тотемская» — «кобыла сера грива на обѣ стороны Тотемская», «меринь гнѣдь грива на обѣ стороны правое ухо сверху рѣзано Стрелицкои» — «меринь игрень грива налево Стрелицкои» [ПККД, 5 об., 7–8].

⁸ Некоторые примеры из этой группы выражают не только профессиональную, но и социальную характеристику лиц.

функциональное назначение или место постоянного использования животных; зооним *Плясун* — особенности бега лошади);

- в о з р а с т н ы м⁹: *Девка, Девочка, Молодка, Молотка*.

Клички, созданные на базе э к с п р е с с и в н ы х агентивов, хотя и уступают по количеству рассмотренным выше, также довольно многочисленны: *Волынец* (ср. ряз. *волынец* ‘своевольник, вольный гуляка, сорванец’, *волынить* дон. ‘затевать драку, толкаться’, перм. ‘шалить, толкаться’ [СРНГ, 5, 83]), *Дира* (ср. однокоренные *деряга, диряга* влг., вят. ‘вздорный, сварливый человек’, перм. ‘драчун, драчунья, сорванец, забияка’ [СРНГ, 8, 32, 67]), *Заворуи* (ср. *заворуй* иван., перм. ‘вор, воришка’, влад. ‘озорник, повеса, плут’, перм., костр. ‘прозвище’ [СРНГ, 9, 340]), *Колотило* (ср. *колотило* ‘тот, кто колотит, стучит, — о сварливом человеке’ [СлРЯ XI–XVII вв., 7, 252]), *Лодыба, Лодыга* (ср. перм. *лодыга* ‘лодырь’ [СРНГ, 17, 106], ср. также *Ленко* ‘кличка-характеристика лошади (медлительный, ленивый, вялый?)’ [СлРЯ XI–XVII вв., 7, 205]), *Маравка* (ср. пенз. *маравка* ‘нечистоплотный, неряшливый человек’ [СРНГ, 17, 368]), *Мина* (возможно, от ср.-урал. *минать* ‘много есть’ [СРНГ, 18, 166]), *Мозоха* (ср. однокоренное дон. *мозань* ‘неряха, грязная женщина’ [Там же, 201]), *Непоглас* (ср. влг. *непогласным голосом кричать* ‘ругаться’ [СРНГ, 21, 112]), *Обух* (ср. *обух* ‘тупой, глупый человек’, ‘упрямый человек’ [Даль, 2, 1615–1616]), *Подуруи* (ср. влад. *подуруй* ‘полусумасшедший человек’, пск., твер., пенз. *подурчивый* ‘своенравный, взбалмошный’, пск., твер. *подурь* ‘своенравие, упрямство’ [СРНГ, 28, 229]), *Розбойник, Ругачек* (ср. юж., горьк., р. Урал *ругачка* ‘сварливая, склонная к ругани женщина’ [СРНГ, 35, 231]), *Шило, Шилохвост, Шилохвостая* (ср. урал., прион. *шило* ‘пронырливый человек’, мурм. *шилохвостина* ‘непоседа’, карел. *шилать* ‘ходить без дела, проводить время впустую’ [Кюршунова, 2010, 612]), *Шпынь* (ср. *шпынь* др.-рус. ‘не желающий работать, скитающийся повсюду человек’, твер. ‘плут, бездельник’, влг. ‘шутник, шут’ [Чайкина, 1989, 64]). Можно предполагать, что гиппонимы, образованные от экспрессивных наименований лиц, отражают особенности нрава и поведения лошадей (вольность, игривость, агрессивность, леность, нечистоплотность и пр.). Им близки клички, представляющие прямые номинации указанных качеств (см. группу 5).

Некоторые отагентивные клички по семантике производящих апеллятивов могут быть интерпретированы неоднозначно: *Кикимора* (ср. калуж. *кикимор* ‘домосед, нелюдим’, *кикимора* вят. ‘домосед, нелюдим’, влг. ‘о тихом, скромном человеке’, новг., перм., урал. ‘о беспокойном, неуживчивом человеке’, костр. ‘о хитром настойчивом человеке невзрачной наружности’, олон. ‘о хитрой, злой

⁹ Возможна и иная (невозрастная) интерпретация кличек *Девка, Девочка*: ср. моск., латв. (рус.) *мальчик* ‘обычное название коня; кличка лошади’ [СРНГ, 17, 345]. Зоонимизации нарицательного *девка* могло способствовать употребление его в говорах в функции обращения к лицам женского пола, независимо от возраста (курск., смол., твер., ср.-урал., прибайк., ворон., калуж., влад., костр., олон., свердл., перм., приангар. [СРНГ, 7, 317]). В этой функции слово фиксируется и [СВГ, 2, 15]. Вокативная функция, как известно, является основной и для зоонимов в устной речи.

женщине', орл. 'о худошавом человеке' [СРНГ, 13, 205]), *Ляма* (ср. *ляматы* пск., арх., перм. 'медленно, вяло пережевывать пищу, есть', пск. 'жевать (о жвачных животных)', арх., курск. 'делать что-л. неохотно, еле-еле', арх. 'медленно двигаться'; *ляма* сев.-двин. 'высокорослый долговязый человек; дылда', оренб., свердл., пск., влад., курск. 'вялый, нерасторопный человек; мямля, разиня', костр. 'изнеженный человек, неженка' [СРНГ, 17, 274]), *Пестер* (ср. *пестерь* в переносных значениях: юж.-сиб., свердл., сев., вост., перм., влг., арх., краснаяр. 'бран. о неуклюжем, неловком человеке', костр. 'о полном человеке', влг., свердл. 'бран. о простоватом, бесхитростном человеке', вят., перм., кемер., енис. 'бран. о глупом, пустом человеке', барнаул., томск., кемер. 'о бестолковом человеке', перм. 'о ребенке' [СРНГ, 26, 312]), *Шарап* (2) (ср. производные карел. *шараповатый*, *шарапова голова* 'экспр. растрепанный, непричесанный человек' [СРГК, 6, 835] и влг. *шарап* 'человек с кривыми ногами' [Чайкина, 1989, 62], а также однокоренное ленингр., новг. *шарапора* 'человек, идущий медленно, плохо, вперевалку' [СРГК, 6, 835] — так могли назвать лошадь с дефектами постановки передних (косолопостью) или задних ног (О-образностью) [Гуревич, Рогалев, 1991, 155]).

3. Гиппонимы, образованные от антропонимов. Незначительно уступают по количеству кличкам рассмотренной группы зоонимы, в основе которых лежат личные именованья: *Аника*, *Афонка*, *Вавила*, *Власко*, *Костя*, *Лука*, *Максимко*, *Матюшка* (2), *Микулка*, *Огафонко*, *Оленка*, *Павел*, *Панка*, *Петрушка*, *Прохорь*, *Сергушка*, *Сидорка*, *Спиридон*, *Улита*, *Филка*. В роли кличек используются полные и уменьшительные (преимущественно) формы христианских имен, пришедших к описываемому времени на смену языческим древнеславянским именам. Возможно, отантропонимическое происхождение имеет и кличка *Сунгур* (если это не фантом, возникший при прочтении скорописи), производящим для которой могло быть личное имя тюркского происхождения (ср. фамилия *Сунгуров* и топонимы *Сунгурово* — названия деревень в Курганской и Нижегородской областях, *Сунгуровка* — название деревни в Башкортостане). Но на фоне других отыменных гиппонимов в рассматриваемых источниках эта кличка выглядит инородно. Антропогиппонимы в монастырской письменности XVI — начала XVIII в. свидетельствуют о давней традиции использования личных имен в качестве кличек животных в русском языке.

Производными от антропонимов могут быть и адъективные клички лошадей: *Бердяевь*, *Блохинь*, *Вахромеевской*, *Домниньская*, *Домнинской*, *Засодемской*, *Лукина*, *Лягушкинская*¹⁰, *Мумарин*, *Пановская* (купленная «у Михаила Панова» [Одинцов, 1980, 195]), *Сергеевской*, *Симановской*, *Сыдашин*, *Федоровской*, *Федосиевской*, *Фрязинской*, *Хабаров* и др. По-видимому, в таких именованьях сохранились имена и фамилии лиц, у которых были куплены лошади, или лиц,

¹⁰ Ср. твер. *лягушки* 'прозвище жителей деревни, расположенной в болотистой местности' [СРНГ, 17, 258].

внесших вклад в монастырское хозяйство: ср. «конь буланъ грива на обе стороны дар Силина», «конь бурь грива направо дар Громова» [КУПРД, 33], «на конюшенном дворе на стойле жеребец гнед — вклад Якова Волинскова» [ПКВМ, 332]. На это указывают и генитивные конструкции с посессивным значением: «мерин рыж грива налево Ивана Якимова», «мерин голуб грива на обѣ стороны Ивана Якимова» [ПККД, 4 об.–5].

Своеобразны по структуре отантропонимические клички кобыл в переписной книге конюшенного двора Спасо-Прилуцкого монастыря 1702 г.: *Игнатиха, Исаиха, Козиха, Коледиха, Кузнечиха, Мумариха, Петриха, Ребриха, Шестачиха* [ПККД, 6 об.–9 об.]. Одноструктурность этих кличек, скорее всего, определена действием гиппонимической микросистемы. Связь с личными именованиями подтверждает повторяемость основ в кличках мерин и кобыл этого двора: *Мумарин — Мумариха*.

4. Гиппонимы, образованные от топонимов. Довольно многочисленны топонимы: *Бориловской (Борилово — деревня в окрестностях Спасо-Прилуцкого монастыря), Боровской, Бурдуковской (Бурдуково — деревня в Вологодском районе), Васильевской, Великорецкая, Великорецкой, Волоцкой, Вычегда, Вычегодской, Глубоковская, Глушицкая (Глушица — деревня в Вологодском районе), Григорьевской, Дмитриевка, Ивановская, Ивановской, Кириловской, Лукина, Оларевской, Самара, Скопин, Скопинская, Стрелицкая, Стрелицкой, Тотемская, Тотемской* и др. Предполагаем, что клички, образованные от названий вологодских деревень и городов, могли отражать перемещение животных внутри монастырских вотчин; клички, возникшие на базе названий других городов, — место приобретения или рождения лошадей.

5. Гиппонимы, образованные от названий особенностей нрава и поведения лошадей. Такие клички представляют собою прямые или (иногда) образные номинации свойств животных: *Баловень, Быстрая, Визгуша, Грязка, Гряска, Добрыня, Добрынька, Лягунья, Обнимало, Опрелко, Пуло* (ср. однокоренные арх., олон. *пулевастик, пулевастый, пулеватик, пулеватый* ‘о том, кто неопрятен и слюняв’ [СРНГ, 33, 121]), *Рыкуша* (ср. олон. *рыкучий* ‘издающий рык, рыкающий (о животном)’ [СРНГ, 35, 308]), *Сапун, Слина* (ср. *слина* ‘слюна’ [СлРЯ XI–XVII вв., 7, 25]), *Сосунья, Спиха, Сцака, Толкун, Тыркунь* (ср. перм. *тыркать* ‘ударять, стучать’, карел., арх., свердл., влад. *тыркнуть* ‘ударяя, стучать, производить шум’, ‘толкать кого-, что-л.’, свердл., *тыркнуть*, ср. также вят. *тыркуша* ‘спорщик, сварливый человек’ [СРНГ, 45, 333, 335]), *Хохотун* (кличка, по-видимому, отражает особенности ржания этого мерина), *Частоступ* и др.

6. Гиппонимы, образованные от названий животных других видов. Отдельную группу составляют клички, производные от названий животных, птиц и насекомых (преимущественно птиц): *Блоха, Варнавка* (ср. зап.-сиб. *варнава, варнавка* ‘птица семейства утиных; красная утка’ [СРНГ, 4, 55]), *Воробей, Гагара, Гогара, Гнида, Гоголь (2), Клоп, Коза, Козел, Медвѣдь, Медвид, Орел, Петух (2), Синица (2), Таракан, Щука*. Такие клички также могли быть связаны с теми или

иными свойствами лошадей, но описи не содержат необходимой информации об этом. Лишь в некоторых случаях возможна предположительная интерпретация: *Варнавка* — «кобыла бура» [ПККД, 7], *Воробей* — «жеребец темно сѣр» [Одинцов, 1980, 193], *Таракан* — «конь ворон» [ОИ-1, 96]: основой номинации может быть масть животных.

7. Гиппонимы, образованные от названий различных предметов. Ряд кличек соотносится с наименованиями предметов (в отдельных случаях веществ): *Гудок*, *Заплата*, *Копыл*, *Копылиха* (ср. *копыл* 'каждый из вдолбленных в санные полозья брусков, которые служат для прикрепления к полозьям верхней части саней' [СлРЯ XI–XVII вв., 7, 299], без указ. м. *копыл* 'стояк, вставленная во что-л. торцом деревяшка' [СРНГ, 14, 300]), *Ожегъ* (одно из значений слова *ожегъ* (*ожегъ*) в [СлРЯ XI–XVII вв., 12, 305] — 'палка с обожженным концом, используемая как кочерга; обожженное на конце древко — примитивное копье'), *Сметана*, *Сума*, *Труба*. Клички этой группы могли возникнуть на основе различных мотивировочных признаков. Зоонимы *Гудок* и *Труба* могли быть связаны с особенностями нрава и поведения лошадей (ср. с ранее рассмотренными кличками *Визгуша* и *Рыкуша*). Имена *Заплата* и *Сметана* могли обозначать отметины (врожденные белые или темные пятна на волосяном покрове лошади [Гуревич, Рогалев, 1991, 136]) на основной масти животных: *Заплата* — «мерин карь грива налево с отметом» [КУПРД, 35], *Сметана*¹¹ — «мерин в рыже чал» [Там же] (чалую масть коневоды рассматривают как природенную «примесь отдельных белых волос к волосам основного цвета на туловище (особенно на крупе) и в меньшей степени на голове и ногах у рыжих, гнедых, вороных лошадей (рыже-чалая, гнедо-чалая, вороно-чалая)» [Гуревич, Рогалев, 1991, 301]). Клички *Копыл*, *Копылиха* и *Ожегъ* могли отражать степень упитанности лошадей: ср. однокоренное яросл. *копыловатый* 'худощавый, костлявый' — «Мерин-то не что, да добре копыловат» [СРНГ, 14, 301] — так могли назвать худую, костлявую лошадь.

8. Гиппонимы, образованные на основе способов фиксации родственных связей животных. Такие клички образуют микросистемы: жеребец *Брызгало* — кобыла *Брызгалова мати*; жеребец *Воеводька* — кобыла *Воеводка* — кобыла *Воевоткина мати* — кобыла *Воевоткина сестра*; кобыла *Дмитриевка* — кобыла *Дмитриевкина дочь*; кобыла *Просвирня* — кобыла *Просвирнина доч*; мерин *Шевяк* — кобыла *Шевякова мати*. Зоонимические микросистемы организованы по образцу антропонимических, хорошо изученных в исторических описаниях личных именований официально-деловой письменности старорусского периода. Для отражения родственных связей лошадей в гиппонимии, как и в исторической антропонимии, последовательно используются термины родства. Но если в антропонимах обычно употребляются слова *сын*, *дети*, то в зоонимах — слова

¹¹ Ср. кличку *Сметанка* светло-серого арабского жеребца, родоначальника орловской рысистой породы.

дочь, сестра, мать. Кроме того, в антропонимии номинация лиц, как правило, осуществляется по направлению от старшего поколения к младшему, в гиппонимии же, как видно из примеров, возможен и обратный порядок именованья — от младшего поколения к старшему.

9. Гиппонимы, образованные от названий частей тела. Отдельные клички соотносятся с соматической лексикой: *Копыто, Лодышка, Нога, Нос.* Гиппонимы-соматизмы, на наш взгляд, могут быть связаны с какими-либо внешними признаками лошадей — особенностями окраса или физическими недостатками.

10. Наконец, фиксируются отдельные гиппонимы, не составляющие особых групп, но имеющие прозрачную внутреннюю форму. Это прежде всего типично «лошадиные» клички: *Катай, Косько* (2) (ср. *козь-козь* смол., дон., брян., ворон., калуж., орл., курск., тул., пенз., ставроп., кубан., краснодар., свердл., ср.-урал., новосиб., эст. (рус.), латв. (рус.) ‘слово, которым подзывают лошадей’, кубан., сарат. ‘слово, которым отгоняют жеребенка’ [СРНГ, 15, 95]). Сюда же можно включить гиппонимы, интерпретация которых представляется затруднительной или неоднозначной: *Болона* (ср. *болонка* казан., яросл., влад., новг., твер. ‘шишка, опухоль, нарост на теле человека’, симб., яросл. ‘надоедливый человек’ [СРНГ, 3, 77]), *Брызгалиха* (ср. влад. *брызгало* ‘человек, который, не выслушав, что ему говорят, спорит и ссорится’ [Там же, 214]; не исключаем также, что кличка отражает особенности бега лошади), *Воротинец* (ср. однокоренные арх. *воротило* ‘упрямец, самовольник’, новг., влг. *воротины* ‘возвращение, возврат’, влг., иван. *воротить* ‘выполнять какую-л. тяжелую работу; делать что-л. с напряжением, с усердием’ [СРНГ, 5, 119–120]), *Жила* (ср. *жила* казан., астрах., твер., арх., ворон. ‘упрямец’, ‘спорщик’, дон. ‘тот, кто жульничает в игре’, орл. ‘несправедливый человек’ [СРНГ, 9, 173], также ср. *жила* и *жиля* ‘жеребенок’ [СлРЯ XI–XVII вв., 5, 110]), *Зыбка* (возможно, кличка отражает плавность бега лошади — ср. *зыбка* ‘зыбка, люлька’ [Там же, 6, 71], но возможны и другие варианты интерпретации: ср. петерб., пск. *зыбка* ‘корзинка’ [СРНГ, 12, 31] — в этом случае кличка может быть связана с упитанностью животного, ср. также *зыбать* яросл., перм. ‘есть, кушать’, твер. ‘делать что-л. продолжительно и напряженно, изо всех сил’, калуж., курск. ‘идти медленно, с трудом, тащиться’, новг., влг., перм., урал., бурят. (рус.), хакас., краснояр. ‘сильно стучать, колотить во что-л.; стучаться’, перм., якут. ‘колотить, тузить кого-л.’ [СРНГ, 12, 28]), *Коробь* (2), *Коробица, Королек* (ср. *королёк* арх. ‘красивый, видный человек (или животное)’ — «С телом (выхоленная) лошадь — королек, а без тела — коробок», влад. ‘женщина с плавной, красивой походкой’, в народных названиях животных (без указ. м.) — ‘красивое и редкое по каким-л. качествам животное’, а также влг. ‘человек маленького роста’, [СРНГ, 14, 360–361]), *Корона* (2), *Коронной, Косадка, Кружиха* (возможно, кличка связана с особенностями поведения лошади: ср., например, одно из значений глагола *кружить* — ‘шалить, озорничать’ (енис.) [СРНГ, 15, 311]), *Кручина, Лодейка, Натек* (ср. пск., твер. *натек* ‘отек, опухоль (лица, ног) при

водянке’, яросл. *натёк* ‘пришлый человек, чужак (не местный житель)’, влад. *натёка* ‘пришлый человек, чужак (пришедший на промыслы)’ [СРНГ, 20, 217], *натека́ти* ‘устремляться, нападать’ [СлРЯ XI–XVII вв., 10, 284], *Опалиха* (ср. *опаль* ‘горячность’, *опала* ‘гнев, неудовольствие’, *опалати* ‘приводить в состояние гнева, распалять’, *опалатися* ‘гневаться’ [Там же, 12, 379]), *Подтилигуз* (скорее всего, кличка связана с особенностями телосложения — размером задней части тела животного), *Понарья* (ср. *Панарии* (*Понарии*) ‘название сочинения Епифания Кипрского «Панарии»’ [Там же, 14, 143–144]), *Пилай*, *Пылай* (ср. прозвище калуж. *Пылай* [СРНГ, 33, 119] и современную фамилию *Пылаев*), *Пупыш* (ср. *пупыш* влг. ‘карбункул на теле’, сев.-зап., арх. ‘о низкорослом полном человеке’ [Там же, 134], *пупышь* ‘выпуклое украшение из металла’ [СлРЯ XI–XVII вв., 21, 47]), *Скипка* (ср. одно из значений слова *скипа* — ‘что-л. большое, толстое’ (олон.) [СРНГ, 38, 6]), *Субота*, *Троекопытная* (возможно, кличка отражает особенности окраса лошади), *Харчевка*, *Харчевник* (ср. *харчевник* без указ. м. ‘хозяин харчевни’, влг., сиб. *харчать* ‘хрипло дышать и говорить’, арх. *харчить* ‘сипеть’ [Даль, 4, 1169]), *Часовня*, *Шепел* (ср. *чепель*, *шепель* ‘железная лопатка для очистки пеньки от кострыки’ [Веселовский, 1974, 350, 366], орл. *чепель* ‘железная лопаточка для отрепки, очистки пеньки от кострыки, кострыки’ [Даль, 4, 1305], смол., калуж. *чепела* ‘сковородник’ [Даль, 4, 1305; Веселовский, 1974, 366; Фасмер, 4, 333] — возможно, таким образом в кличке отразился мотив худобы животного).

Результаты лексико-семантического анализа гиппонимов, отмеченных в вологодских материалах, отражены в табл. 2.

Таблица 2

Количественные показатели по лексико-семантическим группам гиппонимов

Группы гиппонимов по семантике производящих онимов и апеллятивов	Количество клик в группе
Гиппонимы, образованные от названий внешних признаков животных:	
— цвета шерсти и отметин на основной масти;	20
— степени упитанности;	15
— особенностей телосложения;	28
— возраста;	1
— физических недостатков	9
Всего	73
Гиппонимы, производные от наименований лиц по различным признакам:	
— этническим;	4
— территориальным;	5
— социальным;	7

Окончание табл. 2

Группы гиппонимов по семантике производящих онимов и апеллятивов	Количество кличек в группе
— профессиональным;	18
— возрастным;	4
— поведенческим	23
Всего	61
Антропогиппонимы	60
Топогиппонимы	53
Гиппонимы, образованные от названий особенностей нрава и поведения лошадей	21
Гиппонимы, образованные от названий животных других видов	20
Гиппонимы, образованные от названий различных предметов	8
Гиппонимы, возникшие на основе фиксации родственных связей животных	6
Гиппонимы, образованные от названий частей тела	4
Гиппонимы, не составляющие отдельных групп, а также клички, имеющие затруднительную или вариантную интерпретацию	26

Сопоставим рассмотренные гиппонимы с кличками лошадей, выбранными Г. Ф. Одинцовым из московской «Росписи лошадям» 1665 г. Анализ этих кличек обнаруживает почти полное соответствие семантическим моделям вологодской гиппонимии. Выделяются те же самые группы гиппонимов.

1. Клички, образованные от названий различных внешних признаков животных — размера, степени упитанности, особенностей телосложения, цвета шерсти, отметин на основной масти и пр.: *Бородавка, Заплата, Короткои, Космач (2), Остроухои, Седои, Тонкои, Усачь*.

2. Гиппонимы, образованные от различных наименований лиц: *Болда* (ср. *балда* ‘дурак, тупица’ [Веселовский, 1974, 12]), *Вихляи, Вихляи Большой, Вихляи Меньшой* (ср. *вихляй* ряз. ‘тонкий, худой и высокий человек’, влг. ‘долговязый, мешковатый, вялый человек и лентяй’, влг., новг. ‘ленивый, неуклюжий, неповоротливый человек’, тамб. ‘разиня, ротозей, нерасторопный человек’, смол. ‘лодырь, лентяй’, влад. ‘разгильдяй’, олон. ‘прозвище по характеру’ [СРНГ, 4, 304–305]), *Глот, Глутон* (ср. *глот* арх., влг., костр. ‘*бран.* прожорливый человек, обжора’, костр., яросл. ‘*бран.* жадный человек’, курск., моск. ‘человек, притесняющий людей и присваивающий чужое’, сиб., енис., костр., иван., моск., куйбыш., ряз. ‘крикун, горластый человек’, моск., костр. ‘*бран.* воришка’ [СРНГ, 6, 201]), *Дворянка, Дъвка, Дикуша* (ср. *дикуша* арх., вят. ‘шаловой, малоумный, слабоумный человек’, томск. ‘слабоумный, неразвитый человек’, вят. ‘беспокойный,

назойливый, сварливый, придиричивый человек', 'застенчивая нелюдимая женщина' [СРНГ, 8, 65]), *Дылда*, *Золотаренок* (ср. *золотарь* 'золотых дел мастер, ювелир, позолотчик' [СлРЯ XI–XVII вв., 6, 56]), *Крикун*, *Перелыга* (ср. без указ. м. *перелыга* 'сплетник, сплетница; лживый человек' [Даль, 3, 159]), *Розбоиницьк*, *Халда* (ср. без указ. м. *халдить* 'шататься, таскаться без дела', 'кричать, драть горло', 'беспутно браниться, нахальничать' [Даль, 4, 541], вят., костр., яросл., смол. *халда* 'дерзкий, бесстыдный человек', 'наглец, нахал' [КСРНГ; Фасмер, 4, 217; Даль, 4, 541], смол. *халдей* 'нахал', 'плут, проходимец' [Кюршунова, 2010, 565–566]), *Чабань*, *Чебань*, *Шарапець*, *Шерап* (анализ двух последних гиппонимов см. выше).

3. Гиппонимы, образованные от названий особенностей нрава и поведения лошадей: *Крутой*, *Кусаика*, *Кусака*, *Немир* (ср. *немирь* 'вражда, раздор; война', *немирникъ* 'неприятель, враг', *немирный* 'находящийся во вражде', *немирование* 'враждебные отношения', *немирье* 'несогласие, раздор, вражда' [СлРЯ XI–XVII вв., 11, 171–175], без указ. м. *немир* 'разлад, раздор, ссора' [Даль, 2, 1358], пск., смол. *немирный* 'недружественный, неприязненный' [СРНГ, 21, 81]), *Рыкуша*, *Северга*, *Сиверга* (ср. пск., твер. *северга* 'торопыга, нетерпеливый' [Даль, 4, 115]), *Угримко*, *Частоступъ* (2).

4. Клички, образованные от названий животных: *Барашикъ* (2), *Воробеи*, *Воробеико*, *Гус*, *Жеравь*, *Жоравликъ*, *Заецъ*, *Заяцъ*, *Кочат*, *Кочеть*, *Лосенок*, *Медвѣдоко* (2), *Орель*, *Сауга*, *Синица* (2), *Шогол*.

5. Клички, возникшие на основе фиксации родственных связей животных: кобыла *Нырок* — кобыла *Нырчонок Хохина* — кобыла *Ныркова дочь Ляля*; кобыла *Улита* — жеребец *Улитичь*.

6. Антропогиппонимы: *Улита*, «кобыла хозяина Просвиренка».

7. Топогиппонимы: *Дунай*¹².

Выделяется также значительная часть кличек, интерпретация которых затруднительна или предположительна: *Былинка*, *Веретенцо* (возможно, кличка отражает особенности экстерьера (худобу) или поведения (привычку ласкаться) лошади), *Глагол*, *Змеика* (ср. *змѣйка* 'узор, имеющий сходство с ползущей змеей, т. е. витой, волнистый' [СлРЯ XI–XVII вв., 6, 37]), *Дериглаз*, *Козановскои*, *Кулантеи* (ср. ряз. *кулан* 'торговец лошадьми' [СРНГ, 16, 53]), *Лапа* (возможно, кличка связана с отметиной на шерсти животного: ср. латв. (рус.) *лапа* 'заплата' [Там же, 260]), *Левикъ*, *Лихорадец* (ср. однокоренное вят. *лихорадный* 'злобный, недоброжелательный' [СРНГ, 17, 81]), *Моклок* (ср. *маклак*, *маклок* тул., арх. 'плут, мошенник; проныра', тамб. 'своекорыстный, скупой человек, скряга', а также костр., тамб., ленингр., эст. (рус.), латв. (рус.) *маклок* 'мосол, выступающая кость' [Там же, 310–311]), *Нырок* (ср. *нырок* пск., твер. 'о маленьком ребенке, начинающем

¹² Этимология антропонима *Дунай* признается учеными неясной [Чайкина, 1989, 21; Кюршунова, 2010, 158].

бегать', нижегор. 'о резвом мальчике' и *нырок* влад. 'нарыв', байкал., свердл. 'гноящаяся рана, язва', калуж., тул. 'воспаление плечевого мышца у лошадей', твер. 'болезненный желвак на теле лошади, «ныряющий» при прикосновении' [СРНГ, 21, 325], а также *ныривый* 'злой, коварный' [СлРЯ XI–XVII вв., 11, 452]), *Прибавокъ* (ср. арх. *прибавок* 'прибавка, добавка' [СРНГ, 31, 103], влг. *прибава* 'прибавка' [СВГ, 8, 37]), *Сакович*, *Слеза*, *Чапчикъ* (ср. олон. *чапать* 'трогать, брать, хватать', 'качать', карел. *чапа*, *чапка* 'сковородник', арх. *чапала* 'тот, кто выполняет работу недобросовестно' [Кюршунова, 2010, 579–580]), *Шадура Перелыгина*, *Шимоха*, *Шутик*.

Хотя выделенные группы гиппонимов в вологодских и московских материалах почти полностью совпадают (разницу составляют малочисленные группы кличек), их лексическое и количественное наполнение различно. Эти различия представлены в табл. 3.

В то же время выделяется интегральная часть кличек, отмеченных как в вологодском, так и в московском зоонимиконах: *Воробей*, *Дворянка*, *Девка*, *Заплата*, *Медвѣдь* — *Медвѣдко*, *Рыкуша*, *Тонкои*, *Частоступъ* — *Частоступ*, *Шарап*. Очевидно, клички, повторяющиеся на разных территориях, дают представление об основном репертуаре гиппонимов старорусского языка.

Своеобразие старорусского гиппонимикона отражает сопоставление его с кличками лошадей из архивных документов 1930-х гг. Покажем это на примере некоторых наиболее типичных групп гиппонимов (см. табл. 4).

Данные таблицы, с одной стороны, наглядно свидетельствуют о преемственности семантических моделей в гиппонимии Вологодского края на протяжении XVI–XX вв., с другой стороны, показывают различия в лексическом наполнении одних и тех же групп гиппонимов. Так, среди кличек, образованных от названий внешних признаков животных, в XX в. уже преобладают номинации по масти лошадей, в группе гиппонимов отагентивного происхождения появились новые названия лиц по профессии (*Балерина*, *Лоцман*, *Матрос*, *Пилот*), в группе кличек, образованных от названий животных, лидируют производные от орнитонимов (эта тенденция наметилась еще в старорусской гиппонимии¹³), кроме того, модели гиппонимов получили словообразовательное развитие (ср. *Орел* — *Орлик*, *Соколик I*, *Соколик II*), существенно изменился состав антропогиппонимов, в него вошли производные от имен, пополнивших русский антропонимикон к началу XX в.

Однако такая преемственность не может быть определена как узколокальное явление, характерное только для вологодской гиппонимии. Скорее рассматриваемые материалы отражают формирование семантических моделей данного вида зоонимов в русском языке в целом: клички лошадей, производные от названий лиц по физическим и нравственным качествам, по действию, должности, титулу,

¹³ Ср. устойчивые сравнения *кони-птицы*, *птица-тройка* и под. в фольклоре и классической литературе.

Таблица 3

Различия в лексическом и качественном наполнении групп гиппонимов в вологодских и московских материалах

Группы кличек	Вологодские материалы		Московские материалы	
	Количество	Примеры	Количество	Примеры
Клички, образованные от названий различных внешних признаков животных	73	<i>Белогуз, Белокрыл, Вислоух, Заплата, Крутогуз, Лобанья, Малко, Маслена, Остроухои, Сутулая</i>	9	<i>Бородавка, Заплата, Космач, Остроухои, Сеодои, Тонкои</i>
Клички, образованные от различных наименований лиц	61	<i>Башкирец, Воеводька, Дворянка, Извоицки, Фонарникъ</i>	19	<i>Болда, Глутон, Дьвка, Золотаренок, Халда</i>
Антропогиппонимы	60	<i>Аника, Афонка, Вавила, Власко, Пановская</i>	2	<i>Улита, «кобыла хозяйина Просвиренка»</i>
Топогиппонимы	53	<i>Великорецкои, Волоцкои, Самара</i>	1	<i>Дунай</i>
Клички, образованные от названий особенностей нрава и поведения лошадей	21	<i>Баловень, Быстрая, Визгуша, Добрыня, Лягунья, Обнимало, Рыкуша</i>	10	<i>Крутой, Кусаика, Кусака, Немир, Рыкуша, Частоступ</i>
Клички, образованные от названий животных	20	<i>Блоха, Воробей, Гагара</i>	19	<i>Барашикъ, Воробеико, Жеравль</i>
Клички, образованные от названий различных предметов	8	<i>Заплата, Ожегъ, Сума, Труба</i>	—	—
Клички, возникшие на основе фиксации родственных связей животных	6	<i>Дмитриевка — Дмитриевкина дочь</i>	3	<i>Улита — Улитич</i>
Клички, образованные от названий частей тела	4	<i>Копыто, Лодышка, Нога, Нос</i>	—	—
Клички с неясной и вариантной интерпретацией	26	<i>Болона, Зылка, Корона, Путыш</i>	20	<i>Глагол, Змеика, Козановскои, Кулантеи</i>
Общее количество	337		83	

Таблица 4

Своеобразие старорусского гиппонимикона в сопоставлении с кличками лошадей 1930-х гг.

Группы кличек	XVI–XVIII вв.	XX в.
Клички, образованные от названий различных внешних признаков животных	<i>Белозуз, Белогузка, Блокерыл, Вислоух, Глаткой, Гнилобокуша, Голец, Голован, Горбун, Долгогрива, Долгуша, Желтоусиха, Житкой, Жиряк, Заплата, Звезда, Краснокрыл, Кривохвост, Круглая, Круглышка, Крутозуб, Маслена, Молодка, Мяжон, Низкопередая, Остроухои, Роскоряка, Седои, Стар, Сухан, Сухая, Тонкой, Хромуша</i> и др.	<i>Белоногий, Буланко, Бурко, Буско, Воронуха, Гнедая, Звезда, Звёздочка, Звёздка, Малютка, Рыжик, Рыжко, Серко</i> и др.
Гиппонимы, образованные от различных наименований лиц	<i>Баширеч, Бобыл, Воеводица, Водовоз, Галечанин, Дворянка, Девка, Девочка, Извоицк, Каргопол, Князекъ, Колмакъ, Новгородец, Новожил, Поп, Привал, Просвирык, Татарка, Трапезница, Холоп</i>	<i>Балерина, Богатырь, Вестник, Гетман, Лоцман, Мальчик I, Мальчик II, Матрос, Пилот, Попадья, Рыцарь, Цыганка</i>
Клички, образованные от названий животных	<i>Блоха, Воробей, Гагара, Гогара, Гнида, Гоголь, Клоп, Коза, Козел, Медвѣдь, Медвид, Орел, Петух, Синица, Щука</i>	<i>Баклан, Векиша, Ласточка, Орлик, Соколик I, Соколик II</i>
Антропогиппонимы	<i>Аника, Афонка, Вавила, Власко, Игнатиха, Костя, Лука, Матюшка, Микулка, Мумариха, Оленка, Павел, Панка, Петрушка, Прохорь, Сергушка, Сидорка, Спиридон, Улита, Филка</i>	<i>Аза, Граня, Егор, Ермак, Ида, Мавра, Макарко, Маруська, Марфа, Масалиха, Розка, Стѣпка, Танька, Федька, Филька</i>

от названий животных и птиц, а также антропо- и топогиппонимы и наименования по масти приводятся в числе продуктивных подмножеств в русской гиппонимии XIX–XX вв. [Щетинин, 1994, 108–110].

По лексическому составу старорусская гиппонимия почти полностью совпадает¹⁴ с древнерусскими именами, прозвищами и современными фамилиями¹⁵. Примеры такого совпадения приведены в табл. 5.

Таблица 5

Совпадения старорусских гиппонимов и антропонимов

Гиппоним	Антропоним
<i>Белогуз</i>	<i>Белогуз</i> [Веселовский, 1974, 18]; совр. <i>Белогузов</i> ¹⁶
<i>Белокрыл</i>	<i>Белокрыльцев</i> [Там же]; совр. <i>Белокрыльцев</i>
<i>Вислоух</i>	<i>Вислоух, Вислоуховы</i> [Там же, 36], <i>Вислоухъ</i> [Тупиков, 2004, 142]; совр. <i>Вислоухов</i>
<i>Долгогрива</i>	совр. <i>Долгогривов</i>
<i>Звезда</i>	совр. <i>Звездин</i>
<i>Короб, Коробица</i>	<i>Коробъ</i> [Там же, 329], <i>Коробьев</i> [Кюршунова, 2010, 251–252]; совр. <i>Коробицын, Коробков, Коробов</i>
<i>Кривохвост</i>	совр. <i>Кривохвостов</i>
<i>Мозоха</i>	совр. <i>Мозохин</i>
<i>Немир</i>	<i>Немира, Немиръ</i> [Тупиков, 2004, 254], <i>Немир, Немирко, Немиров</i> [Кюршунова, 2010, 371–372]; совр. <i>Немиров</i>
<i>Подуруй</i>	совр. <i>Подуруев</i>
<i>Субота</i>	<i>Субота</i> [Тупиков, 2004, 432–433], <i>Суббота, Субботин</i> [Кюршунова, 2010, 515]; совр. <i>Субботин</i>
<i>Сума</i>	<i>Сума</i> [Тупиков, 2004, 435], <i>Сума, Сумка, Сумкин</i> [Кюршунова, 2010, 518]; совр. <i>Сумкин</i>
<i>Халда</i>	<i>Халдей, Халдеев</i> [Кюршунова, 2010, 579–566]; совр. <i>Халдеев</i>
<i>Шевяк</i>	совр. <i>Шевяков</i>
<i>Шаран</i>	<i>Шаранов</i> [Тупиков, 2004, 888], <i>Шаран, Шаранов</i> [Кюршунова, 2010, 604]; совр. <i>Шаранов</i>

¹⁴ Конечно же, речь идет о «разумном» совпадении: так, среди гиппонимов-соматизмов нет клички *Рука*, среди гиппонимов, соотносительных с агентивами, выражающими различные качества характера, отсутствуют лексемы со значениями ‘невнимательный человек’, ‘пьяница’, ‘невежественный человек’ и др.

¹⁵ Не удалось найти таких соответствий среди современных фамилий для гиппонимов *Гнилобокуша, Клопоедина, Краснокрыл, Лыскабрынка, Низкопередая* и др.

¹⁶ Здесь и далее: современные фамилии принадлежат пользователям Рунета.

Подобные совпадения не только указывают на сходство номинативных признаков людей и животных¹⁷, отраженных в исторической антропонимии и гиппонимии, свидетельствуют о взаимодействии этих ономастических разрядов в процессе их исторического формирования [см. об этом: Варникова, 2011, 60], но и могут служить подтверждением генетического единства антропонимов и зоонимов. Возможно, такое единство этих классов имен имел в виду и П. Т. Поротников: «Следует полагать, что в течение длительного времени происходил “естественный” ономастический отбор материала, в результате чего выработались типичные клички животных, ставшие своеобразными “именами”, не употребляющимися в качестве прозвищ людей» [Поротников, 1972, 243]. Думается все же, что ономастический отбор был не «естественным», а «революционным»: как известно, к концу XVII в. древнерусские антропонимы исчезли из активного употребления, уступив место заимствованным христианским именам, но, как показывает анализ использованных нами материалов, продолжали функционировать в качестве кличек лошадей в начале XVIII в. И уже в источниках XVI–XVII вв. начинают появляться в роли кличек животных христианские личные имена, получившие особенно широкое распространение в современной зоонимии. Таким образом, можно утверждать, что вслед за сменой именника в русской антропонимии такая смена произошла и в зоонимии.

Приведенные факты во многом объясняют «антропонимоподобный» характер современной русской зоонимии [Супрун, 2000, 6], а ее сходство с нехристианскими русскими именами и современными прозвищами, отмечаемое всеми ономатологами [Смирнов, 1971, 300; Поротников, 1972, 211; Романова, 1988, 3–4; и др.], как оказывается, имеет глубокие исторические корни. С иных позиций оценивается и активное использование в настоящее время в качестве кличек животных личных именований, о чем пишут авторы многих публикаций [Поротников, 1972, 233–235; Фоякова, 1984, 115; Рядченко, 1988, 92; Романова, Салмина, 2003, 178; и др.]. Это не есть результат отхода от традиций позапрошлого века, когда, по наблюдениям В. И. Даля, «грешно было кликать собаку человеческим именем» [Рядченко, 1994, 80], а, напротив, продолжение традиций зоонимической номинации, сложившихся исторически и отражающих единство всего живого [см. об этом: Чайкина, Варникова, 2012, 148].

¹⁷ Сходство этих признаков отражает не только именная, но и глагольная лексика: ср. *крякнути* ‘издать крик, кряканье (об утке)’, ‘издать отрывистый горловой звук (о людях)’ [СлРЯ XI–XVII вв., 8, 99] — *крякать* ‘издавать крик, кряканье (об утке)’, ‘издавать отрывистый горловой звук вроде утино крика, кряканья’ [ССРЛЯ, 5, 1768]; *лаяти* ‘лаять’, ‘ругать, бранить, поносить кого-л.’, ‘бесчестить’, ‘злобствовать неистовствовать’; *лаятися* ‘бранить, поносить друг друга’ [СлРЯ XI–XVII вв., 8, 181–182] — *лаять* ‘издавать лай’; ‘устар., прост. бранить, ругать кого-л.’ [ССРЛЯ, 6, 85]; *пискати* ‘играть на свирели, дудке’, ‘пищать, щебетать (о птицах)’ [СлРЯ XI–XVII вв., 15, 54] — *пищать* ‘издавать писк (о птенцах, насекомых, маленьких животных)’; ‘разг. говорить писклявым (или тихим) голосом’ [ССРЛЯ, 9, 1275].

Тесная историческая связь русской зоонимии с антропонимией, формирование зоонимии как самостоятельного ономастического класса под воздействием антропонимии, а также инерционное продолжение некоторых антропонимических явлений в зоонимии позволяют рассматривать старорусскую зоонимию как надежный источник пополнения сведений о древнерусском именовании. Во-первых, с помощью зоонимических данных выявляются личные именованья, до настоящего времени не отмеченные в исторических антропонимических словарях: *Долгогрива, Звезда, Кривохвост, Мозоха, Подуруй, Шевяк* и др. (см. табл. 6). Во-вторых, зоонимическая лексика в ряде случаев помогает уточнить семантику личных именованья. Обратимся к конкретному примеру. Антропонимы *Копыль, Копыловъ* без интерпретации приводятся в словарях Н. М. Тупикова и С. Б. Веселовского [Тупиков, 2005, 610; Веселовский, 1974, 84]. Правда, С. Б. Веселовский замечает, что В. И. Даль указывает разные значения производящего нарицательного *копыл*. И. А. Кюршунова приводит несколько этимологий имени *Копыл*, опираясь на данные исторических, этимологических и диалектных словарей, но прежде всего отмечает, что «мотив именованья был каким-то образом связан с нарицательным *копыль*, известным древнерусскому языку в следующих значениях: ‘каждый из вдолбленных в санные полозья брусков, которые служат для прикрепления к полозьям верхней части саней’, ‘род лопаты’» [Кюршунова, 2010, 244–245]. В процессе анализа старорусского гиппонима *Копыл* нами, как было показано выше, устанавливается направление его связи с производящим апеллятивом *копыл* при помощи диалектного производного *копыловатый* ‘худощавый, костлявый’ — «Мерин-то не что, да добре копыловат» (яросл.) [СРНГ, 14, 301], что дает основания предполагать это же значение и у антропонима *Копыл*. Продуктивность данной семантической модели в антропонимии и гиппонимии, по-видимому, позволяет выстроить целый ряд именованья с тем же значением ‘худощавый, костлявый’: *Копыл, Ожегъ, Чапчик, Шепел* (см. выше анализ этих гиппонимов). Впрочем, не исключена также обусловленность антропонимов и гиппонимов *Копыл* значением производящего нарицательного *копыл* ‘стояк, вставленная во что-л. торцом деревяшка’, реализованным в производном глаголе смол., яросл. *копылиться* ‘ломаться’, ‘упрямиться’, ‘чваниться’, ‘гордиться’ [СРНГ, 14, 301; Даль, 2, 405–406] и прилагательном яросл. *копыльный* ‘упрямый’, ‘любящий спорить’ [СРНГ, 14, 302].

Структура и словообразование гиппонимов

Лексико-семантический анализ старорусских кличек лошадей, проведенный с использованием исторических, диалектных и ономастических словарей, свидетельствует о том, что в роли гиппонимов, зафиксированных в монастырской письменности XVI — начала XVIII в., преимущественно использовались готовые номинативные единицы, а случаи создания формально новых лексем

для именования животных немногочисленны: *Гнилобокуша, Клопоедина, Лыскабрынка, Рыкуша* и др.

Рассмотрим структурные и словообразовательные особенности гиппонимов.

Абсолютное большинство кличек лошадей, отмеченных в документах вологодских монастырей XVI — начала XVIII в., являются однословными. Только семь номинаций (из 337) представляют собою словосочетания, почти все они отражают родственные связи животных: *Брызгалова мати, Воевоткина мать, Воевоткина сестра, Дмитриевкина дочь, Просвирнина доч, Шевякова мать*, лишь одна кличка указывает на принадлежность лицу или отношению к месту: *Василевская Домнина*. В московских материалах Г. Ф. Одинцова составные наименования также отмечены среди кличек, связанных с родословными животных (*Ныркова доч Ляля*), и посессивных образований: *кобыла хозяина Просвиренка* (конечно, это еще не кличка, но письменная фиксация отличительного признака животного, по-видимому, отражает процесс образования адекативных гиппонимов на основе таких описательных конструкций). Кроме того, с помощью добавочных компонентов дифференцируются тезоименные номинации: *Вихляи Большої — Вихляи Ме(н)шої*.

Среди однословных кличек преобладают гиппонимы, имеющие субстантивную форму. Это клички, образованные от ономастической, агентивной, зоологической и предметной лексики. Гиппонимообразование на базе разных лексических групп осуществлялось разными способами. Путем трансонимизации образовались многие антропогиппонимы и некоторые топогиппонимы: *Аника, Афонка, Вавила, Власко; Самара, Скопин* и др. Гиппонимы, соотносительные с нарицательными агентивами, возникли преимущественно в результате их онимизации: *Башкирец, Водовоз, Галечанин, Горбун, Татарин* и др. Онимизация части агентивной лексики, нейтральной и экспрессивной (но прежде всего экспрессивной), осуществлялась, по-видимому, на метафорической основе: *Новожил, Ругачек, Привал, Плясун, Подуруи* и др. Метафоричными могли быть и клички, образованные от названий животных других видов и предметов: *Воробей, Орел, Таракан, Щука; Гудок, Заплата, Копыл* и др. На основе синекдохи возникли гиппонимы-соматизмы: *Копыто, Лодышка, Нога, Нос*. Клички, образованные подобными способами, характерны и для московской гиппонимии: *Улита, Девка, Крикун, Лосенок, Синица, Заплата* и др.

Особую группу составляют клички-субстантивы, образованные от существительных, прилагательных и глаголов суффиксальным способом (суффиксация играет здесь гиппонимообразующую роль): *Брызгалиха, Грязка, Долгуша, Звезда, Звеска, Лягунья, Обнимало, Опрелко, Рыкуша, Хромуша* и др. Большая часть этих гиппонимов — клички кобыл, обозначающие их внешние и поведенческие признаки, поэтому неслучайно для гиппонимообразования в большинстве примеров использованы суффиксы, выражающие значение 'лицо (или животное) женского пола': *-их(a), -к(a), -уш(a), -ух(a), -j(a)*. В переписной книге конюшенного

двора Спасо-Прилуцкого монастыря 1702 г., как уже отмечалось выше, продуктивны отантропонимические производные с суффиксом *-иха*: *Игнатиха*, *Исаиха*, *Козиха*, *Коледиха* и др. Образование суффиксальных кличек, очевидно, осуществлялось по готовым моделям. Среди этих моделей фиксируются древние, известные еще с праславянского периода структуры на *-ло*¹⁸ (*Обнимало*) и *-ай* (*Катай*) [см. об этом: Азарх, 1984, 86–88, 127–129]. Суффиксальные образования встречаются и в московской гиппонимии: *Дykuша*, *Рыкуша*.

В вологодских материалах родовые характеристики гиппонимов-субстантивов строго соответствуют полу животных. В московской гиппонимии неоднократно встречаются несоответствия по роду: «кобыла *Гус*, кобыла *Жоравлик*», «кобыла *Мѣрино*к *Ивашкова* ездовая», «аргамак *Синица*», «жеребец *Синица*», «кобыла *Шогол*» [Одинцов, 1980, 193–194].

Адъективные образования (субстантивированные прилагательные) отмечены в группах кличек, производных от названий внешних признаков животных: *Гладкой*, *Нископередая*, *Остроухой*, *Сухая*, *Тонкой* и др., особенностей их нрава и поведения: *Быстрая*, *Пулеватыи*, а также от прилагательных, выражающих отношение к какому-либо лицу или месту: *Вахромеевской*, *Домнинская*, *Домнинской*, *Засодемской*; *Борилевской*, *Боровской*, *Бурдуковской*, *Глушицкая* и др. В вологодской гиппонимии субстантивированные прилагательные довольно многочисленны (около трети всех кличек), в московских материалах они единичны и отмечены только в группе именовании по внешним признакам лошадей: *Короткой*, *Остроухой*, *Седой*, *Тонкой*.

По-видимому, на базе сложных прилагательных возникли и гиппонимы-композицы, зафиксированные в документах в субстантивной форме: *Белогуз*, *Белокрыл*, *Веслоух*, *Долгогрива*, *Кривохвост*, *Крутогуз*, *Нископереда* и др. На отадъективное образование таких кличек указывает, в частности, наличие пар зоонимов типа *Нископереда* и *Нископередая*: вторая кличка представляет собою обычное субстантивированное прилагательное, в первой вследствие субстантивации происходит усечение окончания. Очевидно, таким образом первоначально формировалась данная модель, и затем уже по сложившемуся образцу создавались гиппонимы.

Думается, отадъективное происхождение имеют и суффиксальные композицы, отмеченные главным образом среди кличек кобыл: *Белогузка*, *Белоуско*, *Желтоусиха*, *Гнилобокуша* и др. Для образования таких кличек используются те же морфемы, что и в собственно суффиксальных структурах: *-к(а)*, *-их(а)*, *-уш(а)*. Эти суффиксы непосредственно выполняли гиппонимообразующую функцию, но движущей силой гиппонимообразования в данном случае была субстантивация сложных прилагательных. Образование кличек осуществлялось по готовым суффиксальным моделям. Все гиппонимы-композицы зафиксированы в вологодских материалах, в московском гиппонимиконе они отсутствуют.

¹⁸ Эта модель отмечается и в кличках отапельлятивного происхождения: *Колотило*.

Структурно-словообразовательные особенности зоонимов представлены в табл. 6.

Таблица 6

Структурно-словообразовательные особенности гиппонимов

Структурные особенности гиппонимов	Словообразовательные особенности гиппонимов	
	Вологодские материалы	Московские материалы
Гиппонимы-словосочетания	<i>Брызгалова матери, Воевоткина сестра, Дмитриевкина дочь</i>	<i>Ныркова дочь Ляля, Вихляй Большой — Вихляй Меньшой</i>
Гиппонимы в субстантивной форме: антропо- и топогиппонимы	трансонимизация <i>Аника, Власко Самара, Скопин</i>	трансонимизация <i>Улита, Дунай</i>
гиппонимы, производные от агентивов	онимизация апеллятивов (возможна метафоризация) <i>Башкирец, Привал</i>	онимизация апеллятивов (возможна метафоризация) <i>Глот, Дёвка, Халда</i>
гиппонимы, производные от названий животных и предметов	онимизация апеллятивов на основе метафоры <i>Медвид, Орел, Таракан Заплата, Копыл</i>	онимизация апеллятивов на основе метафоры <i>Барашикь, Воробей, Гус, Синица, Шогол</i>
гиппонимы-соматизмы	онимизация апеллятивов на основе синекдохи <i>Копыто, Лодышка</i>	—
гиппонимы-композицы	субстантивация прилагательных и как ее следствие — усечение окончания <i>Нископереда Белогуз, Белокрыл</i>	—
суффиксальные композицы	суффиксация, образование по модели <i>Желтоусиха, Гнилобокуша</i>	—
суффиксальные образования	суффиксация, образование по модели <i>Брызгалиха, Грязка</i>	суффиксация, образование по модели <i>Дикуша, Рыкуша</i>
Гиппонимы в адъективной форме	субстантивация прилагательных: <i>Гладкой, Нископередая, Стрелицкой, Тотемской</i>	субстантивация прилагательных: <i>Короткой, Остроухой, Седой, Тонкой</i>

Данные таблицы свидетельствуют о том, что в вологодском и московском гиппонимиконах структурные типы кличек в основном совпадают. Отсутствие гиппонимов-композигов и незначительное количество кличек в форме прилагательных в московских материалах может быть объяснено их меньшим количеством в сравнении с вологодскими, возможными региональными различиями в старорусской гиппонимии, особенностями гиппонимических микросистем (так, например, большая часть адъективных образований зафиксирована в переписной книге конюшенного двора Спасо-Прилуцкого монастыря, в описях других монастырей такие структуры немногочисленны) и пр. Более объективные объяснения установленных различий могут дать только сравнительно-сопоставительные исследования старорусской гиппонимии других регионов России.

Подводя итоги, еще раз подчеркнем, что близость старорусской гиппонимии (и шире — зоонимии) и древнерусской антропонимии по лексико-семантическим и структурно-словообразовательным признакам не только позволяет рассматривать зоонимикон XVI–XVIII вв. как надежный источник пополнения сведений о древнерусском именовании, но и во многом объясняет «антропонимоподобный» характер современной русской зоонимии, а также активное использование в настоящее время в качестве кличек животных личных именованных.

Приложение

Список гиппонимов, использованных в статье (с указанием источников)

Источник	Клички
XVI век	
Переписной список имущества и казны (1550-е — начало 1560-х гг.) [ПКВМ, 244–247]	<i>Скипка, Симановской, Петух, Левкиевский, Лыскабрынка, Федосиевской, Лодыба, Поп, Мина</i> (с. 247)
Приходо-расходные книги Корнильева Комельского монастыря 1576–1577 гг. Рукоп. ЛОИИ. К. 11. № 100 [Одинцов, 1980, 194]	<i>Афонка</i> (с. 194)
XVII век	
Приходо-расходная книга Вологодского архиерейского дома за 1626–1627 гг. // ГАВО. Ф. 948. Оп. 1. Д. 5	<i>Волоцкои</i> (л. 253)
Приходо-расходная книга Вологодского архиерейского дома за 1627–1628 гг. // ГАВО. Ф. 948. Оп. 1. Д. 6	<i>Волоцкои, Бобыл, Микулка</i> (л. 193 об.); <i>Костя, Шило, Засодемскои</i> (л. 194)
Приходо-расходная денежная книга Вологодского архиерейского дома за 1632 г. // ГАВО. Ф. 948. Оп. 1. Д. 7	<i>Водовозь</i> (л. 289 об.); <i>Шепель</i> (л. 294 об.)

Продолжение приложения

Источник	Клички
Опись имущества Спасо-Прилуцкого мужского монастыря за 1654–1655 гг. // ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 44	<i>Торокан, Колмакъ, Воротинец, Пановъ, Любимъ, Пылаи</i> (л. 96)
Опись имущества Спасо-Прилуцкого мужского монастыря за 1655–1656 гг. // ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 47	<i>Торокан, Колмакъ, Воротинец</i> (л. 46 об.)
Книга учета прихода и расхода денег Вологодского Спасо-Прилуцкого мужского монастыря за 1662 г. // ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 57	<i>Кикимора, Суханъ, Вахромеевской, Василевской</i> (л. 32 об.); <i>Горбун, Волюнец, Извощикъ, Хабаровъ, дар Силина, дар Громова, дар Перхурьева</i> (л. 33); <i>Филка, Башкирец, Нога, Сергушка, Голец, Вавила, Бурдуковской</i> (л. 33 об.); <i>Власко, Субота, Бурдуковской, Оларевской, Великорецкой, Унской (?)¹⁹, Фрязинской, Сума, Нос, Семеновской, Жила</i> (л. 34); <i>Крутогузь, Шепел, Панка, Вавила, Опрелко, Стар, Петрушка</i> (л. 34 об.); <i>Кривоховость, Баловень, Сметана, Боровской, Крылат, Бориловской, Заплата</i> (л. 35); <i>Лука, Жирякъ, Веслоухъ, Сапун, Сергеевской</i> (л. 35 об.)
Роспись лошадям (1665 г. — Столбцы Архива Оружейной палаты, Рукоп. ЦГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 8. № 9803) [Одинцов, 1980, 193–194]	<i>Барашикъ, Болда, Бородавка, Былинка, Веретенцо, Вихляи, Вихляи Болюшой, Ме(н)шой, Воробей, Воробейко, Глагол, Глот, Глутон, Гус, Дворянка, Дѣвка, Дерглаз, Дикуша, Дунаи, Дылда, Жеравль, Жоравликъ, Заецъ, Заяцъ, Заплата, Змеика, Золотаренок, Козановской, Короткой, Космачъ, Космач, Кочат, Крикун, Крутой, Кулантеи, Кусаика, Кусака, Лапа, Левикъ, Лихорадецъ, Лосенок, Ныркова доч Ляля, Медвѣдко, Меринок Ивашикова ездоя, Моклокъ, Немиръ, Нырокъ, Нырчонок Хохина, Орель, Остроухой, Перелыга, Прибавокъ (с. 193), Хозяина Просвиренка, Розбоиник, Рыкуша, Сага, Саковичъ, Северга, Сиверга, Седои, Саница, Слез, Тонкой, Угримко, Улита, Улитичъ, Халда, Чабанъ, Чапчикъ, Частоступ, Частоступъ, Чебан, Шадура Перелыгина, Шарапец, Шерап, Шимоха, Шутикъ, Шогол</i> (с. 194)

¹⁹ Сложности в прочтении скорописи и некоторая доля сомнения в правильности расшифровки написанного.

Продолжение приложения

Источник	Клички
Переписная книга имущества, казны и вотчин, составленная иподьяконом вологодского архиепископа Симона К. В. Щоткиным на игумена Ефрема (1676 г. октября) [ПКВМ, 310–332]	<i>Орел, Копыл, Копыто, Пуло</i> (с. 332)
Переписные книги лошадей и скота в некоторых селах, принадлежавших Вологодскому архиерейскому дому (1680–1682 гг. — Рукоп. ГПБ. Шифр QX. № 10) [Одинцов, 1980, 194–196]	<i>Белогуз, Белогуска, Белокрыл, Блоха, Брызгалиха, Брызгалова мати, Булань, Буланиха, Быстрая, Василевская Домнина, Веслоуха, Вислоуха, Воеводиха, Воеводька, Воеводка, Воевоткина мать, Воевоткина сестра, Воробей, Гагара, Гогара, Галечанин, Гладкой, Глушицкая, Гнида, Гнилобокуша, Гоголь, Голован, Горбун(ь)я, Горбунья, Горьбунь, Грязка, Гряска, Гудок, Дворянка, Дѣвка, Детеныш, Дира, Дмитриевка, Дмитриевкина дочь, Добрынька, Добрыня, Долгогрива, Долгуша, Домнинская (с. 194); Домнинской, Желтоусиха, Житкой, Заворуи, Звездуха, Зыпка, Катаи, Клопъ, Князекъ, Княиня, Козель, Колотило, Копыл, Копылиха, Коробица, Коронной, Косадка, Коско, Кос'ко, Краснокрыл, Круглая, Круглышка, Кручина, Лобань, Лобанья, Лодыга, Лягунья, Лягушкинская, Ляма, Маслена, Матюшка, Медвид, Медвѣдъ, Мозоха, Молотка, Мякота, Натекя, Нископереда, Нископередая, Новожил, Обнимало, Обух, Ожегъ, Оленка, Опалиха, Павел, Пановская, Плясун, Понарья, Привал, Просвирнина доч, Просвирня, Просфирня, Просфиряк, Просфирякъ, Пылаи, Роскоряка, Рубец, Синюха, Сидорка, Скопин, Скопинская, Слина, Сосунья, Спиха, Сухан, Сухая, Татарка, Толкунь, Тонкой, Трапезница, Тряпезница, Труба, Тыркунь, Харчевка, Холопъ (с. 195); Хромуша, Шарапъ, Шевякъ, Шевякова мать, Шилохвость, Ш'пын(ь), Щука. В других источниках: Визгуша, Корона, Розинка, Самара (с. 196)</i>
Переписка архиепископа Симона с игуменом духовных дел Софийского дома	<i>Григорьевской, Кириловской, Безмудой, Петухъ, Коробъ, Воевотка, Харчевник,</i>

Продолжение приложения

Источник	Клички
<p>Феодосием, казначеем старцем Афана- сием, дяками Иваном Алениным, Бори- сом Марковым, Кириллом Борисовым: о посылке домовых людей и лошадей в Москву за архиепископом (лл. 1, 2, 6, 7, 13, 24, 25, 15 об.). Роспись лошадей с при- метами и кличками (л. 26). 1682 г. // ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 5802</p>	<p><i>Крюковской (?), Звеска, Фролка (?), Корноухъ, Белоуско, Сунгур (?), Шаран, Королек, Лодышка, Ругачек (?), Волк (?), Подуруи (?), Непоглас (?)</i> (л. 26)</p>
<p>Переписная книга имущества, казны и вотчин, составленная сыном боярским вологодского архиепископа П. Ташлыко- вым, отписавшим монастырь на архиман- дрита Иону с соборными старцами (1688 г. января) [ПКВМ, 45–108]</p>	<p><i>Каргопол, Пылай, Федоровской, Спири- дон, Мумарин, Ивановской, Пилай</i> (с. 95)</p>
XVIII век	
<p>Переписная книга конюшенного двора Спасо-Прилуцкого монастыря 1702 г. // РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 129</p>	<p><i>Сычугов, Ребрихинъ, Блохинъ, Мяковъ, Бердяевъ, Шестачихинъ</i> (л. 2 об.); <i>Дья- коновской, Порошын, Сурин, Гневашевъ, Пикиныхъ</i> (л. 3); <i>Супоросинъ, Тотемской, Бестужев, Вараксин, Сорокинъ, Троец- кои, Слизъ, Сиволобъ, Хохотун</i> (л. 3 об.); <i>Заозерь, Огафонко, Малко, Лукининъ, Сони- ковской, Фонарникъ, Копыловской, Губкин- ской, Поченской, Прохоръ, Ивановской, Шестачихинъ</i> (л. 4); <i>Попъ, Ребрихинъ, Кулеберевская, Шиленской, Чижихинъ, Янгасыркинъ, Звонаревъ, Ивана Яки- мова, Мумарин</i> (л. 4 об.); <i>Фетининской, Коробъ, Тонкои, Чашы, Луховитинъ, Козленской, Ивана Якимова, Максимко, Ребрихинъ, Александровской, Вагинской</i> (л. 5); <i>Стрелицкои, Веслоухои, Хвоцевской, Маленкои</i> (л. 5 об.); <i>Шестачиха, Ямская, Попадья, Ребриха, Жолвуня, Кружиха, Игнатиха, Козиха</i> (л. 6 об.); <i>Домышинская, Холмогориха, Красковская, Стрелицкая, Великорецкая, Варнавка, Тотемская, Под- пилигуз, Лодеика, Кривая, Поляниха</i> (л. 7); <i>Сычугова, Панья, Вычегоцкая, Колоколов- ская, Мумариха, Единская, Коциха, Коле- диха, Поляниха</i> (л. 7 об.); <i>Глубоковская,</i></p>

Окончание приложения

Источник	Клички
	<i>Василевская, Короваевская, Исаиха, Вычегда, Тотемская, Маравка, Домшинская, Пестроногая (л. 8); Красковская, Пупышь, Сцака, Шилохвостая, Ивановская, Пестрогузая, Болона, Веслоуха, Троекопытная (л. 8 об); Кривохвостая, Маленская, Веслоухая, Кузнечиха, Богороцкая, Боярони, Поляниха, Игнатиха (л. 9); Горбунья, Ребриха, Лушка, Мумарина, Часовня, Замаеская, Сутулая (л. 9 об.)</i>
XX век	
Материалы о развитии коневодства в совхозах Севмаслотреста в 1932–1933 гг. // ГАВО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 181	<i>Орлик, Белоногий, Гордый, Буланко, Воронуха, Бурко (л. 46); Цыганка, Граня, Танька, Верный, Буско, Буланко, Попадья, Мальчик, Красотка, Егор, Совхозный, Звезда, Рыжко, Попадья (л. 47); Шарик (прозвище Клубок), Федька (прозвище Кривой), Планета, Векиша, Ермак, Буско, Лафет, Рыжик, Баян, Фимка, Экстра, Мавра, Ида, Гнедая, Вестник, Балерина, Маруся, Ласточка, Зорька Молодая, Малютка, Орлик, Соколик I, Матрос (л. 53); Ракета, Аза, Макарко, Мальчик I, Мальчик II, Зорька Старая, Лоцман, Соколик II, Тюфяк, Звёздочка, Масалиха, Марфа, Степка, Гетман, Злодей, Ромба, Минорка, Ракета, Рыцарь, Сердечный, Богатырь, Звездка, Розка (л. 54); Соколик, Серко (прозвище Грек), Баклан, Ветерок, Непобедимка, Пилот, Матис, Муха (л. 55)</i>

Источники

- Веселовский С. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М. : Наука, 1974.
 ГАВО — Государственный архив Вологодской области.
- Гуревич Д. Я., Роголев Г. Т.* Словарь-справочник по коневодству и конному спорту. М. : Росагропромиздат, 1991.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Прогресс : Универс, 1994.
- КСВГ — картотека «Словаря вологодских говоров» (кафедра русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета, Вологда)
- КСРНГ — картотека «Словаря русских народных говоров» (Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН).

- КУПРД — Книга учета, прихода и расхода денег Вологодского Спасо-Прилуцкого мужского монастыря за 1662 г. // ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 57.
- Кюришнова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб. : Дмитрий Буланин, 2010.
- МРКСС — Материалы о развитии коневодства в совхозах Севмаслотреста в 1932–1933 гг. // ГАВО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 181.
- ОИ-1 — Опись имущества Спасо-Прилуцкого мужского монастыря за 1654–1655 гг. // ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 44.
- ОИ-2 — Опись имущества Спасо-Прилуцкого мужского монастыря за 1655–1656 гг. // ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 47.
- Переписка архиепископа Симона с игуменом духовных дел Софийского дома Феодосием, казначеем старцем Афанасием, дьяками Иваном Алениным, Борисом Марковым, Кириллом Борисовым: о посылке домовых людей и лошадей в Москву за архиепископом (лл. 1, 2, 6, 7, 13, 24, 25, 15 об.). Роспись лошадей с приметами и кличками (л. 26). 1682 г. // ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 5802.
- Переписная книга имущества, казны и вотчин, составленная иподьяконом вологодского архиепископа Симона К. В. Щоткиным на игумена Ефрема (1676 г. октября) // Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв. : исследование и тексты / отв. ред. М. С. Черкасова. Вологда : Древности Севера, 2011. С. 310–332.
- Переписная книга имущества, казны и вотчин, составленная сыном боярским вологодского архиепископа П. Ташлыковым, отписавшим монастырь на архимандрита Иону с соборными старцами (1688 г. января) // Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв. : исследование и тексты / отв. ред. М. С. Черкасова. Вологда : Древности Севера, 2011. С. 45–108.
- Переписной список имущества и казны (1550-е — начало 1560-х гг.) // Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв. : исследование и тексты / отв. ред. М. С. Черкасова. Вологда : Древности Севера, 2011. С. 244–247.
- ПКВМ — Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв. : исследование и тексты / отв. ред. М. С. Черкасова. Вологда : Древности Севера, 2011.
- ПККД — Переписная книга конюшенного двора Спасо-Прилуцкого монастыря 1702 г. // РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 129.
- Приходо-расходная денежная книга Вологодского архиерейского дома за 1632 г. // ГАВО. Ф. 948. Оп. 1. Д. 7.
- Приходо-расходная книга Вологодского архиерейского дома за 1626–1627 гг. // ГАВО. Ф. 948. Оп. 1. Д. 5.
- Приходо-расходная книга Вологодского архиерейского дома за 1627–1628 гг. // ГАВО. Ф. 948. Оп. 1. Д. 6.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
- СВГ — Словарь вологодских говоров : в 12 вып. / ред. Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина. Вологда : Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. / редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.] (вып. 1–6) ; гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 7–10) ; гл. ред. Д. Н. Шмелев (вып. 11–14) ; гл. ред. Г. А. Богатова (вып. 15–26) ; гл. ред. В. Б. Крысько (вып. 27–29) ; Р. Н. Кривко (вып. 30–). М. : Наука ; СПб. : Нестор-История, 1975–. Вып. 1–.
- СлРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII в. / под ред. Ю. С. Сорокина, З. М. Петровой, А. А. Алексеева. Вып. 1–21. Л. ; СПб. : Наука, 1984–. Вып. 1–.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994–2005.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В. И. Чернышева и др. М. ; Л. : Наука, 1948–1965.

Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М. : Русский путь, 2004.

Щетинин Л. М. Клички лошадей // Русская ономастика и ономастика России : словарь / под ред. О. Н. Трубачева. М. : Школа-Пресс, 1994. С. 107–114.

Исследования

Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М. : Наука, 1984.

Башин Н. В., Черкасова М. С., Шамина И. Н. Описи вологодских монастырей как источник по аграрной и демографической истории // Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв. : исследование и тексты / отв. ред. М. С. Черкасова. Вологда : Древности Севера, 2011. С. 424–449.

Варникова Е. Н. Зоонимы: место в ономастическом пространстве // Вопросы ономастики. 2011. Т. 10. № 1. С. 51–62.

Одинцов Г. Ф. Два ногайских заимствования в русском языке // Этимология. 1971 / отв. ред. О. Н. Трубачев. М. : Наука, 1973. С. 201–204.

Одинцов Г. Ф. К истории русских гиппологических цветообозначений // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка / под ред. Р. И. Аванесова. М. : Наука, 1978. С. 172–221.

Одинцов Г. Ф. Из истории гиппологической лексики в русском языке. М. : Наука, 1980.

Поротников П. Т. Из уральской зоонимии // Восточнославянская ономастика / отв. ред. А. В. Суперанская. М. : Наука, 1972. С. 210–250.

Романова Т. П. Система русских официальных иппонимов и формирование ее типологических черт : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 1988.

Романова Т. П., Салмина О. В. Традиционный пласт русской зоонимии (на материале кличек животных с. Покровка Самарской области) // Proceedings of the 3rd International Congress of Dialectologists and Geolinguists (Lublin, 24–29 July 2000). Vol. 1 / ed. S. Warchol. Lublin : MCSU Press, 2003. P. 221–231.

Рут М. Э. Ономастиология? Мотивация? Семантика? Идеография? О классификациях имен собственных // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы III Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г.) / отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 231–233.

Рядченко Н. Г. Зоонимия как класс ономастической лексики // Актуальные вопросы русской ономастики / отв. ред. Ю. А. Карпенко. Киев : ОГУ им. И. И. Мечникова, 1988. С. 88–96.

Рядченко Н. Г. Зоонимика. Зоонимия русская // Русская ономастика и ономастика России : словарь / под ред. О. Н. Трубачева. М. : Школа-Пресс, 1994. С. 77–84.

Смирнов А. А. Из зоонимии Горьковской области // Ономастика Поволжья. Вып. 2 : материалы II Поволжской конф. по ономастике / отв. ред. Т. А. Исаева, В. А. Никонов. Горький : [б. и.], 1971. С. 299–302.

Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2000.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М. : АСТРЕЛЬ-АСТ, 2004.

Фонякова О. И. О взаимодействии литературной и диалектной лексики в зоонимии // Литературный язык и народная речь / гл. ред. Е. Н. Полякова. Пермь : ПГУ, 1984. С. 111–116.

Чайкина Ю. И. История вологодских фамилий : учеб. пособие. Вологда : ВГПИ, 1989.

Чайкина Ю. И., Варникова Е. Н. Антропозоонимы // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. Т. 39. № 2. С. 144–149.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Русский язык, 1994.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / О. Н. Трубачева (вып. 1–32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–39), Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М. : Наука, 1974–. Вып. 1–.

Рукопись поступила в редакцию 25.03.2019

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях говоров русского языка

арх.	архангельские	оренб.	оренбургские
астрах.	астраханские	орл.	орловские
байкал.	русские говоры бассейна оз. Байкал	пенз.	пензенские
барнаул.	барнаульские	перм.	пермские
брян.	брянские	петерб.	петербургские
бурят. (рус.)	русские говоры Бурятии	приангар.	приангарские
влад.	владимирские	прибайк.	прибайкальские
влг.	вологодские	прион.	прионежские
ворон.	воронежские	пск.	псковские
вост.	восточные	р. Урал	русские говоры бассейна р. Урал
вят.	вятские	ряз.	рязанские
горьк.	горьковские	сарат.	саратовские
дон.	русские говоры бассейна р. Дон	свердл.	свердловские
енис.	русские говоры бассейна р. Енисей	сев.	северные
зап.-сиб.	западносибирские	сев.-двин.	русские говоры бассейна р. Северная Двина
иван.	ивановские	сев.-зап.	северозападные
казан.	казанские	сиб.	сибирские
калуж.	калужские	симб.	симбирские
карел.	русские говоры Карелии	смол.	смоленские
кемер.	кемеровские	ср.-урал.	среднеуральские
костр.	костромские	ставроп.	ставропольские
краснодар.	краснодарские	тамб.	тамбовские
краснояр.	красноярские	твер.	тверские
кубан.	кубанские	томск.	томские
куйбыш.	куйбышевские	тул.	тульские
курс.	курские	урал.	уральские
латв. (рус.)	русские говоры Латвии	хакас.	русские говоры Хакасии
ленингр.	ленинградские	челяб.	челябинские
моск.	московские	эст. (рус.)	русские говоры Эстонии
мурм.	мурманские	юж.	южные
нижегор.	нижегородские	юж.-сиб.	южносибирские
новг.	новгородские	якут.	русские говоры Якутии
новосиб.	новосибирские	яросл.	ярославские
олон.	олонецкие		
онеж.	русские говоры бассейна р. Онега		

Прочие

без указ. м.	без указания места записи	субст.	субстантив
--------------	---------------------------	--------	------------

* * *

Варникова Евгения Николаевна

кандидат филологических наук, доцент,
научный сотрудник Лаборатории
лингвистического краеведения и языковой
экологии
Гуманитарного инновационного парка
Петрозаводский государственный
университет
185910, Петрозаводск, пр. Ленина, 33
E-mail: e-varnikova@yandex.ru

Varnikova, Evgenia Nikolaevna

PhD, Associate Professor, Research Associate
Laboratory of Regional Language Studies and
Linguistic Ecology
Humanities Innovation Park
Petrozavodsk State University
33, Lenin Ave., 185910 Petrozavodsk, Russia
Email: e-varnikova@yandex.ru

Evgenia N. Varnikova

Petrozavodsk State University
Petrozavodsk, Russia

**SEMANTIC AND WORD-FORMATION FEATURES OF HORSE NAMES
IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE
(Based on the Inventory Books of Vologda Monasteries
in the 16th — Early 18th Centuries)**

The paper considers a historical aspect of zoonymic studies which has not been sufficiently developed. The history of Russian horse names (hipponyms) is explored using zoonymic data from the inventories of the Vologda monasteries in the 16th — early 18th centuries, the materials from *Listings of horses* (Moscow, 1665), and archival documents of the Soviet farms of *Sevmaslotrest* from 1930s. The author identifies the lexical structure of Early Modern Russian hipponymy, delves into the meaning of names and appellatives they derive from, analyses the structure of horses' names, and describes the name formation techniques. The studied sources bring the picture of the general development of lexical patterns in the Russian hipponymy. As it turns out, the vocabulary of Early Modern Russian hipponymy is almost identical with the Old Russian anthroponymy, which attests to their genetic unity. At the same time, the use of Christian names is noted, with these becoming more popular in the given period. The article also deals with structural types of Early Modern Russian hipponyms: zoonyms having a substantive form (nicknames formed from onomastic, agential, zoological, and object nouns; zoonymic compounds; suffixal compounds); adjective-based zoonyms; mixed names. In monastic scripts of the 16th — early 18th centuries, the vast majority of units used as hipponyms are “prefabricated” traditional names, the cases of creating original animal names are rare. In the latter case, zoonyms are usually formed using suffixal patterns peculiar for agentive and anthroponomic vocabulary. The word-building patterns include the onymisation of appellatives (sometimes by metaphoric transfer), substantivisation (nominalization) of adjectives, transonymisation of personal and place names. Due to the semantic, structural, and word-formation proximities between Early Modern Russian zoonymy and Old Russian anthroponomy, zoonymic vocabulary of the 16th–18th centuries provides a reliable source on Old Russian onomasticon, as well as explains the “anthroponymic”

nature of modern Russian zoonymy and the active use of personal names for animals at present. This practice turns out to have deep historical roots.

К е у о р д с: Russian zoonymy, horse names, hipponymy, history of horse names, semantics, structural features of hipponyms, principles of word-formation in zoonymy.

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (grant 18-012-00810, *Karelian Pomorye: Lexicon and Onomastics (16th–21st Centuries)*).

- Azarkh, Yu. S. (1984). *Slovoobrazovanie i formoobrazovanie sushchestvitel'nykh v istorii russkogo yazyka* [Word Formation and Morphology of Nouns in the History of the Russian Language]. Moscow: Nauka.
- Bashnin, N. V., Cherkasova, M. S., & Shamina, I. N. (2011). Opisi vologodskikh monastyrei kak istochnik po agrarnoi i demograficheskoi istorii [Inventories of Vologda Monasteries as a Source of Agricultural and Demographic History]. In M. S. Cherkasova (Ed.), *Perepisnye knigi vologodskikh monastyrei XVI–XVIII vv.: issledovanie i teksty* [Census Books of the Vologda Monasteries of the 16th–18th Centuries: Studies and Texts] (pp. 424–449). Vologda: Drevnosti Severa.
- Chaikina, Yu. I. (1989). *Istoriia vologodskikh familii: ucheb. posobie*. [The History of Vologda Surnames: A Textbook]. Vologda: VGPI.
- Chaikina, Yu. I., & Varnikova, E. N. (2012). Antropozoonimy [Anthroponymic Zoonims]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2, 144–149.
- Chernykh, P. Ya. (1994). *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language] (Vols. 1–2). Moscow: Russkii yazyk.
- Foniakova, O. I. (1984). O vzaimodeistvii literaturnoi i dialektnoi leksiki v zoonimii [On the Interaction of Literary and Dialect Vocabulary in Zoonymic Vocabulary]. In E. N. Polyakova (Ed.), *Literaturnyi yazyk i narodnaia rech'* [Literary Language and Folk Speech] (pp. 111–116). Perm: PGU.
- Odintsov, G. F. (1973). Dva nogaiskikh zaimstvovaniia v russkom iazyke [Two Nogai Borrowings in the Russian Language]. In O. N. Trubachev (Ed.), *Etimologiya. 1971* [Etymology. 1971] (pp. 201–204). Moscow: Nauka.
- Odintsov, G. F. (1978). K istorii russkikh gippologicheskikh tsветоoboznachenii [To the History of Russian Hippological Color Designation]. In R. I. Avanesov (Ed.), *Issledovaniia po slovoobrazovaniiu i leksikologii drevnerusskogo iazyka* [Research on Word Formation and Lexicology of the Old Russian Language] (pp. 172–221). Moscow: Nauka.
- Odintsov, G. F. (1980). *Iz istorii gippologicheskoi leksiki v russkom iazyke* [From the History of Hippological Vocabulary in the Russian Language]. Moscow: Nauka.
- Porotnikov, P. T. (1972). Iz ural'skoi zoonimii [From the History of Ural Zoonymy]. In A. V. Superanskaia (Ed.), *Vostochnoslavianskaia onomastika* [East-Slavic Onomastics] (pp. 210–250). Moscow: Nauka.
- Romanova, T. P. (1988). *Sistema russkikh ofitsial'nykh ipponimov i formirovanie ee tipologicheskikh chert* [The System of Russian Official Hipponyms and the Formation of its Typological Features] (habilitation dissertation). Voronezh State University, Voronezh.
- Romanova, T. P., & Salmina, O. V. (2003). Traditsionnyi plast russkoi zoonimii (na materiale klichek zhitovnykh s. Pokrovka Samarskoi oblasti) [Russian Traditional Zoonymy (Based on Animal Nicknames from the Village of Pokrovka in the Samara Region)]. In S. Warchol (Ed.), *Proceedings of the 3rd International Congress of Dialectologists and Geolinguists (Lublin, 24–29 July 2000)* (Vol. 1, pp. 221–231). Lublin: MCSU Press.
- Rut, M. E. (2015). Onomasiologiya? Motivatsiia? Semantika? Ideografiia? O klassifikatsiakh imen sobstvennykh [Onomasiology? Motivation? Semantics? Ideography? On Classifications of Proper Names]. In E. L. Berezovich (Ed.), *Etmologivistika. Onomastika. Etimologiya: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 7–11 sentiabria 2015 g.)* [Ethnolinguistics. Onomastics.

- Etymology: Proceedings of the 3rd International Conference (Ekaterinburg, 7–11 September, 2015)] (pp. 231–233). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta
- Ryadchenko, N. G. (1988). Zoonimii kak klass onomasticheskoi leksiki [Zoonymy as Part of Onomastic Vocabulary]. In Yu. A. Karpenko (Ed.), *Aktual'nye voprosy russkoi onomastiki* [Topical Issues of Russian Onomastics] (pp. 88–96). Kiev: OGU im. I. I. Mechnikova.
- Ryadchenko, N. G. (1994). Zoonimika. Zoonimii russkaia [Animal Names. Russian Zoonymy]. In O. N. Trubachev (Ed.), *Russkaia onomastika i onomastika Rossii: slovar'* [Russian Onomastics and Onomastics of Russia: A Dictionary] (pp. 77–84). Moscow: Shkola-Press.
- Smirnov, A. A. (1971). Iz zoonimii Gor'kovskoi oblasti [From the Zoonymy of the Gorky Region]. In T. A. Isaeva, & V. A. Nikonov (Eds.), *Onomastika Povolzh'ia* [Onomastics of the Volga Region] (pp. 299–302). Gorky: [s.n.].
- Suprun, V. I. (2000). *Onomasticheskoe pole russkogo iazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskii potentsial* [Onomastic Field and the Russian Language and its Creative Capacity] (habilitation dissertation). Volgograd State Pedagogical University, Volgograd.
- Trubachev, O. N., Zhuravlev, A. F., & Varbot, Zh. Zh. (Eds.). (1974–). *Etimologicheskii slovar' slavianskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Slavic Languages] (Vols. 1–). Moscow: Nauka.
- Varnikova, E. N. (2011). Zoonimy: mesto v onomasticheskom prostranstve [Zoonymy and its Place in Onomastic Vocabulary]. *Voprosy onomastiki*, 1, 51–62.
- Vasmer, M. (2004). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–4). Moscow: ASTREL''-AST.

Received on 25 March 2019

ТОПОНИМИЯ ОСТРОВА ВРАНГЕЛЯ, МОТИВИРОВАННАЯ ЛЕКСИКОЙ ЗООЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЫ

В работе рассматриваются наименования географических объектов острова Врангеля, мотивированные лексикой зоологической сферы. В качестве мотивирующей представлена лексика, обозначающая не только различные виды и группы животных, но и характерные черты их облика и поведения, а также лексика материальной культуры, связанной с охотничьим промыслом, животноводством и охраной природы. В качестве источника материала использовались специализированные топонимические справочники, мемуарная и очерковая литература, картографические материалы и информация, полученная из интервью с заместителем директора по охране окружающей среды ФГБУ «Государственный природный заповедник “Остров Врангеля”» Г. Ю. Федоровым. Анализ отобранного материала позволяет проследить характерные особенности различных исторических периодов освоения острова на сравнительно небольшом (около 150 лет) отрезке времени, отраженные в таком важном элементе духовной культуры, как топонимия. На исследуемой территории обращает на себя внимание относительно большое количество (19 % от общего числа) топонимов, мотивированных лексикой зоологической сферы, что объясняется важностью животного мира для острова Врангеля. При этом выбор конкретной лексики из этой сферы тесно связан с характером деятельности человека на острове. Выделяются три периода освоения острова: 1) открытие и первичное обследование территории; 2) охотничье-промысловое освоение; 3) организация заповедника и природоохранная деятельность, — для каждого из которых характерен особый набор лексики, используемой в качестве мотивирующей для топонимии. При этом частотное

распределение мотивирующих лексем обусловлено не только важностью для номинатора того или иного тематического блока, но и объективными особенностями животного мира, связанными с разнообразием фауны острова. На основании анализа приведенного материала можно сделать вывод о том, что топонимия служит как иллюстрацией, так и непосредственным источником весьма определенной исторической информации, относящейся к конкретному участку территории.

К л ю ч е в ы е с л о в а: топонимия, топонимическая система, мотивационная модель, остров Врангеля, Северный морской путь, Российская Арктика, зоологическая метафора.

Историю активного освоения острова Врангеля можно условно разделить на три этапа, отразившихся в формировании топонимической системы острова:

1) 1849–1926 гг.: открытие острова и нерегулярное его посещение английскими, канадскими и американскими исследователями. Наименования различным точкам острова давались на английском языке, и количество топонимов этого периода сравнительно невелико;

2) 1926–1960-е гг.: закрепляется принадлежность данного географического объекта Советскому Союзу, ведется хозяйственное освоение острова. Благодаря активному хозяйствованию (промыслу зверя, геологическим изысканиям, организации полярных станций) на осваиваемой территории возникает большое количество топонимов. Именно в это время в основном складывается топонимическая система острова. Большая часть географических наименований создается на русском языке, но фиксируется также некоторое количество эскимосских и чукотских по происхождению топонимов;

3) 1960-е гг. — настоящее время: хозяйственная деятельность на острове ограничивается, поскольку на его территории создается заказник, а затем заповедник. Охотничий промысел уступает место природоохранной деятельности, учету и изучению животных. В этот период создается некоторое количество топонимов, в основном русских по происхождению.

В качестве источника материала использовались специализированные справочники [ТМСА; ТССВ], воспоминания и очерки участников экспедиций, зимовок, исследовательских работ [Громов, 1961; Минеев, 1936; 1946; Обручев, 1933; Ушаков, 1936; 1990; Шенталинский, 1988; Bartlett, Hale, 1916; Muir, 1918]. При сборе топонимии широко привлекались картографические источники, кроме того, огромную помощь в сборе материала оказал заместитель директора по охране окружающей среды ФГБУ «Государственный природный заповедник «Остров Врангеля»» Г. Ю. Федоров. Общее количество зафиксированных топонимов острова Врангеля составило 333 единицы.

Особенно выделяется большая группа топонимов, мотивированных лексикой, относящейся к сфере животного мира. Было обнаружено 63 таких топонима (19 % общего количества выявленных географических названий острова Врангеля). Большая часть из них (41 единица, 65 % числа анализируемых топонимов)

представляет собой блок названий, произведенных от конкретного видового наименования животного (*Песцовая*, бух.; *Осьминог*, г.; *Тулес*¹, руч. и пр.). При этом нужно иметь в виду, что такие наименования часто образуют метонимические системы (*Мамонтовая*, г.; *Мамонтовая*, р.; *Мамонтовые Горы*, хр.), сложные морфологические единицы (*Гусиная*, р.; *Верхняя Гусиная*, часть р. Гусиная; *Среднегусиная*, часть р. Гусиная) либо представляют собой географически не связанные топонимы с одним корневым элементом (*Медвежий*, пер. в восточной части острова; *Медвежий*, руч. на юго-восточном побережье; *Медвежий Проспект*, дом на метеостанции в юго-западной части острова). Кроме того, в анализируемую мотивационную сферу входят топонимы, мотивированные названиями частей тел животных (*Бивней*, коса), особенностями их жизнедеятельности (*Гнездовье Белых Гусей*, ур.) и элементами материальной культуры, связанными с животными (*Коральный*, пер.). Интересно проследить, каким образом столь значимый пласт топонимии отражает историю острова и демонстрирует различные подходы к его освоению.

Следует отметить, что формы существования анализируемых языковых единиц и их узуальность различны. Некоторые из зафиксированных топонимов широко представлены на картах, в справочниках, литературе и характеризуются информантами как общеупотребительные (например, *Мамонтовая*, р.), другие же определенно вышли из употребления (например, *Скелетон*, речной о-в; объект назван так в 1881 г., к 1926 г. уже исчез [Ушаков, 1990, 117]) или использовались сравнительно небольшим кругом лиц (например, *Умка-стрит*, жилой дом на метеостанции мыса Блоссом [Шенталинский, 1988, 35]). Вопрос сохранности и узуальности топонимов острова Врангеля довольно сложен, поскольку формально коренного населения на острове нет, а сменный состав работников заповедника и базирующейся на острове метеостанции невелик.

При анализе топонимии острова Врангеля не всегда удается точно установить время появления того или иного топонима и период его функционирования. В таких случаях приходится прибегать к более или менее достоверной реконструкции, позволяющей увязать появление наименования с определенным историческим периодом или фактом.

К первому из рассматриваемых периодов относится всего один топоним анализируемой мотивационной сферы. Остров *Скелетон* в устье р. Кларк был назван так по найденному там скелету кита лейтенантом Берри в 1881 г. Как уже говорилось выше, этот объект исчез еще до начала периода активного освоения острова Врангеля. Примечательно, что Г. А. Ушаков, первый советский начальник острова, воспользовавшись, очевидно, картой лейтенанта Берри или капитана Бартлетта [Bartlett, Hale, 1916, 162], на своей карте обозначил названием *Скелетон* реку Кларк [Минеев, 1946, 219] — интересный случай метонимического переноса

¹ Тулес — птица семейства ржанковых. Гнездится в арктической тундре.

наименования с уже исчезнувшего объекта. В дальнейшем этот вариант названия реки стал восприниматься как ошибочный [Обручев, 1933, 153].

Более интересной представляется картина, сложившаяся в период промыслового освоения территории и возникновения на ней природоохранной зоны.

Одной из основных задач, стоящих перед первопоселенцами в 1920–1930-х гг., было снижение убыточности колонии на острове [Минеев, 1946, 82]. Главным способом, позволяющим добиться этого, был охотничий промысел, обеспечивающий не только потребности колонии, но и дающий возможность получить необходимые товары и припасы, а также покрывать расходы, связанные с организацией колонии. Вследствие этого особое внимание первопоселенцев было сосредоточено на местах обитания животных, пригодных для промысла. Этот факт нашел отражение в топонимии острова. Так, р. *Гусиная* названа по месту гнездования белых гусей (гусиная охота была важна с точки зрения продовольственного обеспечения населения острова). Этот топоним входит в метонимическую систему вместе с названиями *Гнездовье Белых Гусей*, ур. и *Гнездовый*, руч. Все эти объекты расположены в западной части острова. При этом неизвестно, возникли ли названия урочища и ручья в тот же период или позже. Во всяком случае, на их появление явно повлияла как объективная характеристика местности, так и наличие крупного объекта (реки), именование которой стало первым звеном локальной топонимической системы. Бухта *Песцовая* названа по обилию на ее берегах песка, добыча которого являлась важнейшей частью товарного промысла. Так же называется и одна из крупных рек, впадающих в эту бухту.

Таким образом, в первые годы освоения острова топонимы рассматриваемой сферы образовывались от названий важных в промысловом отношении животных.

В период развития на острове природоохранного дела в качестве мотивирующих для топонимов элементов используются названия животных, не представляющих промысловой ценности, но свидетельствующих о разнообразии островной фауны и интересе специалистов к животному миру острова (*Камнешарки*², руч.; *Журавлиный*, руч.). Следует полагать, что в этот период названия, построенные по такому принципу, появлялись у сравнительно небольших объектов, поскольку все более или менее примечательные объекты были названы ранее.

Вероятно, наиболее важным для острова Врангеля животным как в промысловом, так и в природоохранном отношении является белый медведь. Собственно, обилие белых медведей и стало одним из факторов, позволивших завезти на остров значительное количество промысловиков, а одной из основных целей организации заповедника была охрана и изучение именно белого медведя. Этот факт нашел отражение в топонимии острова. Примечательно, что топонимы, образованные от названия этого животного, представлены на острове на трех языках: русском, эскимосском и чукотском. Объясняется это тем, что носители именно

² Камнешарка — вид птиц из семейства бекасовых.

этих языков занимались освоением острова в советский период. Наименования, мотивированные названием медведя, в отличие от других топонимов встречаются более или менее равномерно на территории всего острова и не всегда образуют метонимические системы. Русскоязычные по происхождению единицы представлены следующими примерами: *Медвежий*, пер.; *Медвежий*, руч.; *Медвежьи*, г., *Медвежья*, р. Крупные и заметные объекты (перевал, река, горы) были названы в период промыслового освоения территории, а более мелкие (ручей), вероятно, в период организации заповедника. Кроме того, фиксируется явно малоузнаваемый топоним *Медвежий Проспект* (название дома на выносной метеостанции мыса Блоссом), являющийся результатом языковой игры: три строения на этой метеостанции были объявлены отдельными «улицами» и получили свои названия от наименований животных. Следует указать, что остальные два строения получили названия *Гагачья* (гальюн) и *Моржовая* (сарай), а жилой дом фигурировал под двумя названиями: *Медвежий Проспект* и *Умка-стрип*³ [Шенталинский, 1988, 35]. Сам по себе характер такой языковой игры свидетельствует, во-первых, о продуктивности на рассматриваемой территории модели именованного объекта по названию животного, во-вторых, о том, что именно медведь является наиболее значимым мотивирующим объектом, от названия которого получил имя жилой дом.

От чукотского названия белого медведя образовано неофициальное чукотское название собственно острова Врангеля *Умкилир* «Остров белых медведей», руч. *Умка* и уже упомянутого названия дома *Умка-стрип*. Нужно заметить, что чукотское население острова всегда было невелико, но воспринималось как коренное для региона, так что возникновение чукотских по происхождению топонимов можно рассматривать как дань уважения местному населению⁴. Эскимосское именование белого медведя мы находим в составе метонимической микросистемы *Нанук*, р.; *Нанук*, г. Время появления топонима установить не удалось — вполне вероятно, что это название было дано первопоселенцами. В специализированном справочнике дается следующая мотивировка: «Названа именем шхуны “Нанук” Роберта Бартлетта <...> примерно в 1911 г.» [ТССВ, 267]. Она явно ошибочна, поскольку судно Бартлетта называлось «Карлук», и на остров он прибыл в марте 1914 г. [Bartlett, Hale, 1916, 161]. При этом версия, возводящая топоним непосредственно к названию белого медведя, подтверждается продуктивностью модели, связывающей название местности именно с животным.

Англоязычные по происхождению единицы в общем объеме топонимов острова фиксируются сравнительно широко, но содержащие отсылки к белому

³ Интересно, что воспринимаемый как иноязычный элемент *Умка* сопровождается малоузнаваемым указанием на вид объекта — *стрип*.

⁴ Сравнительно большое количество топонимов с этим корнем можно было бы объяснить популярностью одноименного мультфильма, но как минимум топоним *Умка-стрип* был зафиксирован ранее выхода мультфильма (в 1960 г., тогда как мультфильм вышел в 1969 г.), да и название *Умкилир*, вероятно, более раннего происхождения.

медведю среди них не встречаются. Однако Дж. Мьюр, один из участников плавания парохода «Томас Корвин» в 1881 г., прямо говорит о том, что *Землю Врангеля* (*Wrangell Land*) можно было бы назвать *Землей Белого Медведя* (*Land of the White Bear*) [Muir, 1918, 193]. Все эти факты подтверждают особую значимость образа белого медведя для данной территории.

Логично предположить, что наиболее крупные объекты острова были названы в более ранний период, тогда как именование сравнительно небольших объектов приходится, по всей видимости, на более позднее время. Поэтому наиболее крупные и заметные объекты носят наименования, связанные с названиями промысловых животных, а многочисленные небольшие гидрообъекты получили обозначения, мотивированные названиями птиц, не имеющих промыслового значения (*Журавлиный*, руч.; *Камнешарки*, руч.; *Куликовый*, руч.; *Совиный*, руч.; *Тулес*, руч.).

Большая метонимическая система, называющая крупные объекты, связана с наименованием животного, не представляющего интереса ни для промысловой, ни для природоохранной деятельности. Речь идет об основе *мамонт* (*Мамонтовая*, р.; *Мамонтовая*, г.; *Мамонтовые Горы*, хр.). Эти названия мотивированы ситуативно, а ядро системы сложилось в 1920–1930-е гг. [Минеев, 1936, 92]. Хронологически первым элементом в этой системе стало наименование реки, получившей свое название из-за большого количества обнаруживаемых там костных останков мамонтов. Говоря, однако, о *Мамонтовых Горах*, геолог Л. В. Громов отмечает также их схожесть с мамонтами по форме: «Массивные кряжи, более пологие к югу и круто обрывающиеся к северо-западу, необычайно напоминают стадо уснувших мамонтов, как бы склонившихся перед студеным дыханием севера. Именно в таком положении увековечен Березовский мамонт в музее Академии наук» [Минеев, 1946, 223–224]. Так что в каком-то смысле можно говорить о двойной мотивировке топонима, хотя метонимический перенос здесь, очевидно, первичен. Нужно отметить, что и эти топонимы указывают на специфику территории, поскольку обилие останков мамонтов на острове могло бросаться в глаза первопоселенцам, а их сравнительно позднее вымирание и пребывание на этой территории большого количества мамонтов с уникальными признаками позднее было подтверждено биологами [Vartanyan et al., 1993]. Кроме того, сбор, обработка и сдача мамонтовой кости входили в сферу деятельности поселенцев [Минеев, 1936, 245], так что все же перед нами топонимы, мотивированные значимым с хозяйственной точки зрения объектом.

Некоторые топонимы, образованные от названий животных, являются довольно темными с точки зрения понимания смысла, легшего в основу признака. Так, очевидно, название г. *Осьминог* в центральной части острова не может быть объяснено интересом к этому животному ни промысловиков, ни природоохранников — логичнее предполагать метафору по форме. Названия р. и г. *Кит*, возможно, входят в одну метонимическую систему и могут быть объяснены

ситуативно — например, по обнаружению в устье реки кита, с дальнейшим переносом названия на находящуюся сравнительно недалеко гору. Вероятным кажется также именование горы по форме, с последующим переносом названия на реку. Схожесть горы по внешнему облику с китом подтверждается Г. Ю. Федоровым и Л. В. Громовым, ср.: «Очень ясно выделяются, например, гора Первая, пик Тундровый, гора Кит, Гробница и другие. Уже сами эти названия, данные горам полярниками и местными эскимосами, говорят о внешней форме указанных гор. <...> Лежащего кита напоминает гора, расположенная на границе Северной горной гряды с большой северной равнинной областью» [Громов, 1961, 38]. Оба объекта названы первопоселенцами [Минеев, 1946, 221, 339]. Хотя начальник острова А. И. Минеев сообщает, что «за все пять лет мы не видели ни одного кита» [Минеев, 1936, 30], им, очевидно, имеются в виду киты, пригодные для промысла, поскольку туши и костные останки мертвых китов поселенцам явно попадались [Там же, 99], что и могло послужить основанием для именованья реки. На самом деле вопрос о метонимическом переносе в данном случае довольно сложен, поскольку г. *Кит* находится в 10 км от истоков р. *Кит*, т. е. на довольно большом расстоянии, позволяющем, однако, как кажется, осуществиться метонимическому переносу.

Интересным представляется наименование руч. *Кэглячин*. Так именуется морж, живущий отдельно от стада [ЧРС, 60], которому приписывается хищничество и даже людоедство [Леонтьев, 1984, 105]. Топоним, скорее всего, мотивирован ситуативно — по факту встречи с подобным моржом. А. И. Минеев сообщает, что за пять лет пребывания на острове ему лично моржи-хищники не встречались, но их существование он вполне допускает [Минеев, 1946, 393].

Наряду с охотничьим промыслом на острове предпринимались попытки организации культурного животноводства. В конце 1940-х гг. на остров было завезено стадо оленей и организован оленеводческий совхоз. Возможно, отголоском этого является название руч. *Олений*, расположенного в северной, тундровой, части острова, пригодной для оленеводства.

Название мыса *Собачий*, отмеченное на карте 1919 г., составленной по материалам гидрографической экспедиции 1911 г. [Минеев, 1946, 218], больше нигде не встречается и может являться ситуативно мотивированным топонимом, так или иначе связанным с ездовыми собаками.

Сравнительно мало (22 единицы) представлена на острове топонимия, не мотивированная непосредственно названиями животных, но отсылающая к названиям частей тел животных, характерным чертам их жизни и облика и элементам материальной культуры, связанным с животными. Топонимы, мотивированные названиями частей тела животного, могут представлять собой как метафору по форме: *Хобот / Слоновый Хобот*, ск.; так и объясняться ситуативно: *Бивней*, коса — по найденным на косе бивням мамонта; *Клыковый*, руч. — вероятно, по обнаруженным или складировемым клыкам моржа; *Кладбище Костей*, часть мыса Блоссом — по большому количеству костей моржей, погибших

в результате давки, вызванной деятельностью человека. Элементы образа жизни животных представлены в таких топонимах, как *Птичий Базар*, мыс (в порядке конденсации и языковой игры неофициально именуемый современными сотрудниками заповедника *Базар*, *Бичий Базар*, *Птичий Рынок*); *Гнездовье Белых Гусей*, ур.; *Гнездовый*, руч. Эти топонимы дают буквальную характеристику объекта, обращающую на себя внимание именно характерным поведением животных. Ручей *Хромоножки* имеет ситуативную мотивировку и назван В. А. Шенталинским по встрече с олененком, обладающим недоразвитыми конечностями [Шенталинский, 1988, 208]. Элементы материальной культуры, связанные с животными, представлены топонимами *Подковный*, руч. (устье ручья напоминает конскую подкову); *Коральный / Кораль*, пер. (по находившемуся там кораллу⁵); *Забойный*, руч. (по забойной площадке совхоза). Время появления названия оз. *Заповедное* установить не удалось. Можно предположить, что оно возникло в связи с организацией на острове заповедника. Интересно, однако, что А. И. Минеев сообщает: «Особенно большое количество гнездовищ наблюдалось в районе бухты Песцовой (где и находится оз. Заповедное. — Ю. К.), на северо-западе острова. Поэтому я этот участок острова выделил как заповедный и там не разрешал охотиться не только на песца, но и вообще охотиться, чтобы не распугивать животных» [Минеев, 1936, 95]. Топоним *Красная Долина* (место на мысе Уэринг) также связан с природоохранной деятельностью: «Так ее окрестили потому, что по меньшей мере три обитателя долины — белый медведь, Бэрдов песочник (куличок размером чуть больше воробья) и сердечник пурпуровый (растение, встречающееся в СССР только на острове Врангеля) — занесены в Красную книгу» [Шенталинский, 1988, 160]. Один из первых топонимов, появившихся на острове, — *Драги*, бух. — также связан с исследуемой сферой, поскольку бухта была названа так Г. А. Ушаковым по найденной зоологической драге, оставленной, вероятно, экспедицией Р. Бартлетта.

В целом топонимы этого ряда вполне укладываются в общую топонимическую «зоологическую» систему острова и чаще всего характеризуют объекты с точки зрения важности для промысловой, хозяйственной и природоохранной деятельности.

Косвенно к «зоологической» сфере относятся и топонимы *Хищников*, р. и *Хищников*, гг., но именование свое они получили не по группе животных, а по метафорическому обозначению участников англо-канадской экспедиции, обнаруженной на острове в 1924 г.

Интересно взглянуть на относительное количество топонимов с точки зрения таксономической принадлежности мотивирующего объекта. Безусловное лидерство здесь принадлежит птицам. Из всего массива анализируемого материала так или иначе к сфере орнитологии относится 21 единица (33 % общего количества

⁵ *Кораль* — загон для оленей.

«зоологических» топонимов). Обилие орнитологической лексики в качестве мотивирующей объясняется большим видовым разнообразием птиц, представленных на острове. Видов птиц на этой территории довольно много, что дает большой простор для номинации. Кроме того, как говорилось выше, орнитологическая лексика здесь, как правило, характерна для небольших объектов, что косвенно свидетельствует о позднем возникновении топонимов, мотивированных ей. Из этого можно заключить, что подобного рода наименования давались в период развития заповедника биологами, внимательными к видовому разнообразию острова. Однако большое количество видов птиц отмечал по отношению к видам млекопитающих еще Г. А. Ушаков: «Из птиц зимует здесь ворон, а на лето прилетает около 30 видов. <...> Менее разнообразен, но не менее богат мир млекопитающих» [Ушаков, 1936, 28]. На втором месте находятся топонимы, мотивированные различными наименованиями медведя, — десять единиц (16 %). Это неудивительно в силу особого места, которое занимает это животное в жизни острова. Кроме того, сравнительно большое количество топонимов возникло благодаря наличию трех языков-источников для его обозначения. Но при этом белый медведь представляет собой один биологический вид, так что его наименование в качестве донорной сферы для топонимии не может конкурировать с многочисленными названиями птиц. На третьем месте — топонимы, мотивированные названием мамонта: пять единиц (8 %). Мамонт для жизни на острове имел некоторое значение, но попадание в «тройку лидеров» по частотности объясняется скорее «технической» причиной, а именно созданием метонимической системы с ядерным элементом *Мамонтовая*, р. На четвертом месте находятся топонимы, относящиеся к ластоногим и оленю, — по пять единиц (8 %), на пятом — отсылающие к киту — три единицы (5 %). Такое распределение по частотности вполне объясняется как особенностями исторического развития острова (лидерство в топонимии важных с природоохранной или хозяйственной точки зрения животных), так и собственными характеристиками именуемого географического объекта (например, обилие ручьев, названия которых мотивированы лексикой орнитологической сферы). При этом нужно учитывать то, что реальное видовое разнообразие конкретных биологических классов сильно влияет на их представленность в топонимии.

Интересно отметить, что наличие овцебыка, обильно представленного на острове, никак не отражено в топонимии. Это можно объяснить тем, что вид этот был интродуцирован, причем довольно поздно, в 1975 г. [ЛП 1981, 9], а значит, топонимическая система ко времени его появления уже сложилась и для отражения в топонимии просто не осталось подходящих неназванных объектов.

Топонимическая система острова Врангеля достаточно ярко демонстрирует особенности истории острова. Это в полной мере относится к топонимии, мотивированной лексикой зоологической сферы. На первоначальном («англо-американском») этапе перед участниками экспедиций не стояла задача планомерного хозяйственного освоения острова — некоторые из них попали на остров случайно,

перед другими же стояла цель закрепления над территорией политического суверенитета своей страны. Задачи, которые стояли перед этим людьми, сводились в лучшем случае к топографическому и гидрографическому описанию острова. Вследствие этого животному миру острова уделялось мало внимания, а это привело к отсутствию топонимов, мотивированных зоологической лексикой. Советский период освоения острова характеризуется повышенным вниманием к животным, населяющим его. При этом такой интерес вызван разными, противоположными по своему характеру факторами. Если на раннем этапе был важен охотничий промысел, что отразилось в именовании объектов по названиям промысловых животных, то на более позднем — природоохранном — этапе мы видим возникновение топонимов, отражающих разнообразие фауны острова. Таким образом, анализ топонимии острова Врангеля позволяет продемонстрировать не просто синхронный срез массива наименований, но и проследить наиболее существенные и характерные этапы освоения территории в диахроническом аспекте. В этом случае топонимия может служить существенным источником информации для весьма подробного описания истории территории на сравнительно небольшом отрезке времени.

Источники

- Громов Л. В. Остров Врангеля. Магадан : Магадан. кн. изд-во, 1961.
 Леонтьев В. В. Пора охоты на моржей. Магадан : Магадан. кн. изд-во, 1984.
 ЛП 1981 — Летопись природы. Т. 1. Кн. 2. 1981 год. Ушаковское : [б. и.], 1982.
 Минеев А. И. Пять лет на острове Врангеля. Л. : Молодая гвардия, 1936.
 Минеев А. И. Остров Врангеля. Л. : Изд-во Главсевморпути, 1946.
 Обручев С. К орографии острова Врангеля // *Арктика* : в 5 кн. / под ред. В. Ю. Визе и Р. Л. Самойловича. Л. : Изд-во Всесоюз. арктич. ин-та, 1933. Кн. 1. С. 151–155.
 ТМСА — Топонимика морей советской Арктики / сост. С. В. Попов, В. А. Троицкий. Л. : Гидрогр. предприятие ММФ, 1972.
 ТССВ — Топонимический словарь Северо-Востока СССР / сост. В. В. Леонтьев, К. А. Новикова. Магадан : Магадан. кн. изд-во, 1989.
 Ушаков Г. А. Остров Врангеля // *Советская Арктика*. 1936. № 8. С. 16–30.
 Ушаков Г. А. Остров метелей. По нехоженой земле. Л. : Гидрометеоздат, 1990.
 ЧРС — Чукотско-русский словарь / сост. Т. А. Молл, П. И. Инэнликэй ; под ред. П. Я. Скорика. Л. : Гос. уч.-пед. изд-во, 1957.
 Шенталинский В. А. Дом человеку и дикому зверю. М. : Мысль, 1988.
 Bartlett R. A., Hale R. T. *The Last Voyage of the Karluk: flagship of Vilhjalmar Stefansson's Canadian Arctic Expedition of 1913–1916*. Toronto : McClelland, Goodchild and Stewart, 1916.
 Muir J. *The Cruise of the Corwin*. Boston ; New York : Houghton Mifflin Company, 1918.

Исследования

- Vartanyan S. L., Garutt V. E., Sher A. V. Holocene dwarf mammoths from Wrangel Island in the Siberian Arctic DOI 10.1038/362337a0 // *Nature*. 1993. Vol. 362. № 6418. P. 337–340.

Рукопись поступила в редакцию 20.11.2019

* * *

Костылев Юрий Сергеевич

кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Уральский государственный медицинский
университет
620109, Екатеринбург, ул. Ключевская, 7, ком. 310
E-mail: jurij-kostylev@yandex.ru

Kostylev, Yuri Sergeevich

PhD, Associate Professor
Department of Foreign Languages
Ural State Medical University
7, Klyuchevskaya Str., office 310,
620109 Ekaterinburg, Russia
Email: jurij-kostylev@yandex.ru

Yuri S. Kostylev

Ural State Medical University
Ekaterinburg, Russia

WRANGEL ISLAND TOPONYMY MOTIVATED BY ZOOLOGY VOCABULARY

The paper deals with the names of geographical objects of Wrangel Island motivated by zoology vocabulary. These lexical units may refer to various species and groups of animals, characteristic features of their appearance and behavior, or include notions and terms of material culture related to hunting, animal breeding, and nature conservation. The study builds on specialized toponymic guides, memoirs and essays, cartographic materials, as well as materials of an interview with the deputy director for environmental protection of the Wrangel Island State Nature Reserve, G. Fedorov. An analysis of the selected material allows us to trace several phases of the island's development over the rather short (about 150 years) history of its exploration, captured in toponymy as a major element of spiritual culture. Interestingly enough, a relatively large number (19%) of toponyms are motivated by zoology vocabulary, which is explained by the importance of the animal world for Wrangel Island. Moreover, the choice of specific vocabulary from this sphere is associated with the nature of human activity on the island. The island history falls into three periods, each having specific source vocabulary for place naming: 1) discovery and initial inspection of the territory; 2) hunting and fishing development; 3) reserve foundation and environmental activities. The distributional prevalence of motivating tokens speaks not only of the time the name was created or of the nominator's occupation but also points to the objective features of the island's animal world and the diversity of its fauna. The analysis of the presented data leads to conclude that toponymy serves both as an illustration and as a direct source of unique historical information related to specific parts of the studied area.

Key words: toponymy, toponymic systems, motivational model, Wrangel Island, Northern Sea Route, Russian Arctic, zoological metaphor.

Vartanyan, S. L., Garutt, V. E., & Sher, A. V. (1993). Holocene Dwarf Mammoths from Wrangel Island in the Siberian Arctic. *Nature*, 362(6418), 337–349. <https://doi.org/10.1038/362337a0>

Received on 20 November 2019

DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.005
УДК 811.161.1'373.215(282.2) +
+ 811.511.13'373.215(282.2)

А. Г. Беляев
Е. И. Шубницина

Национальный парк «Югыд ва»
Вуктыл, Россия

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ГИДРОНИМОВ БАССЕЙНА РЕКИ ЩУГОР

В статье рассматривается история гидронимов *Щугор, Паток, Глубник, Торговая, Волоковка, Пятидырка, Семидырка* — имен собственно реки Щугор и нескольких ее притоков первого и второго порядка. В настоящее время эти названия большей частью имеют «русский» фонетический облик, однако, как свидетельствуют их исторические варианты, некоторые гидронимы являются результатом семантической адаптации дорусских названий. Так, согласно гипотезе авторов, гидронимы *Пятидырка* и *Семидырка* возникли на основе ненецких названий с составным детерминантом *-дырма*, выражающим многократность и место действия. В других примерах отмечается параллельное сосуществование нескольких схожих по смыслу разноязычных вариантов гидронима: рус. *Торговая*, к.-зыр. *Торгвöй-ю*, нен. *Меняйлава*, что также свидетельствует о былых и нынешних контактах русского населения с аборигенными народами — носителями финно-угорских и самодийских языков. Авторы отмечают и те случаи, когда дорусский гидроним, зафиксированный в исторических документах, полностью утрачен, т. е. заменен русскоязычным без какого-либо влияния субстратного названия. Например, коми-зырянский гидроним *Пыжженюц* (от к.-зыр. *пыж* ‘лодка’, букв. «Река, по которой могут пройти лодки») в древнерусскую эпоху сменился названием *Падун*, а далее названием *Паток* — оба последних гидронима являются собственно русскими. В статье анализируются также исконно русские названия, для которых с опорой на географические данные устанавливается наиболее вероятная мотивация. Так, подвергается сомнению традиционная трактовка названия речки *Глубник* как «глубокой реки» или «реки с глубокими местами», поскольку такая трактовка не соответствует физико-географическим реалиям, авторы толкуют

© Беляев А. Г., Шубницина Е. И., 2020

название как «Речка, текущая из глубины тайги». Все представленные в статье языковые наблюдения и этимологические трактовки гидронимов основаны на анализе большого массива картографических источников XVI–XX вв.; отдельно приведены примеры искажения написания гидронимов Щугорского Урала в картографии различных времен.

К л ю ч е в ы е с л о в а: бассейн реки Печора, река Щугор, гидронимия, этимология, русский язык, коми-зырянский язык, мансийский язык, ненецкий язык, хантыйский язык, семантическая адаптация топонимов.

Основательное изучение речных и других названий может иметь для истории России благотворные и, может быть, неожиданные последствия. Нужно только сначала основательно изучить инородческие языки... на которых говорят внутри России.

А. И. Шёгрен [Sjogren, 1861, 304]

Введение

Объектом данного микрорегионального исследования является гидронимия бассейна реки Щугор — правого притока Печоры, протекающего в Вуктыльском и Печорском районах Республики Коми, на территории национального парка «Югыд ва». Изучались в первую очередь русскоязычные гидронимы и автохтонные гидронимы, прошедшие русскоязычную адаптацию. Материал извлекался из разных источников: современных географических карт, исторических карт XVI–XX вв., научных и научно-популярных работ, архивных данных, статистических справочников, словарей, записей путешественников, отчетов туристических групп. При необходимости в качестве консультантов привлекались специалисты по языкам и этнографы. По возможности проводилась корреляция между версией толкования гидронима и природными характеристиками соответствующего водного объекта.

Гидронимы изучаемого региона восходят к языкам нескольких коренных народов, которые первыми осваивали этот суровый край: хантов (остяков), ненцев (самоедов), манси (вогулов), коми (зырян). Существовавшие между ними тесные контакты, относительное сходство образа жизни, промыслы на одних и тех же реках и озерах зачастую приводили либо к совместному использованию определенной формы названия, либо к ее видоизменению в соответствии с нормами «своего» языка. Несомненное влияние на форму гидронимов оказал русский язык, носители которого впервые стали появляться на рассматриваемой территории уже с XI в. В дальнейшем в связи с нарастающим русским влиянием многие местные топонимы претерпели фонетико-морфологическую, а иногда и смысловую трансформацию.

В связи с высокой значимостью р. Щугор как одного из основных маршрутов трансуральских переходов, его важностью для понимания этноисторических процессов, связанных с освоением Зауралья, топонимия данного региона привлекала внимание таких выдающихся ученых, как А. К. Матвеев [1984; 1990; 2008], А. И. Туркин [1986], А. П. Афанасьев [1996].

Щугор

Гидроним *Щугор* достаточно широко распространен на Урале и в Приуралье: как минимум девять рек в Пермском крае и Республике Коми содержат в своих названиях это слово. Ниже речь пойдет о самой крупной и известной из них — правом притоке Печоры.

Исторически р. Щугор известна тем, что по ее долине проходил «зырянский путь» в Сибирь, с выходом в городок Ляпин (нынешний Саранпауль). Этот путь использовали новгородцы во время военных походов «на Югру». Так, в 1483 г. по Щугору возвращалось из похода на Югру войско Федора Курбского Черного [Каргалов, 1983, 177–182]. Есть версия, что в 1499–1501 гг. по этому же пути прошло в Сибирь войско под предводительством московских воевод Семена Курбского и Петра Ушатого. Позже этой дорогой «инородцы» — остяки и вогулы — возили ясак в Усть-Вымь, тогдашнюю столицу Припечорья. В 1880-х гг. по этому маршруту был проложен Сибиряковский тракт — для перевозки товаров, в первую очередь хлеба, из Западной Сибири в Печорский край.

На карты р. Щугор (*Schuchogora*) впервые была нанесена в 1546 г. С. Герберштейном, еще до выхода в свет его «Записок о Московии» (см. рис. 1). Герберштейн составил еще как минимум три карты России: в 1550, 1556 и 1566 гг. — и на всех показана р. Щугор. В «Записках о Московии» Щугор впервые упоминается в тексте как приток Печоры [Герберштейн, 1, 367].

Рис. 1. Карта «MOSCOVIA SIGISMVNDI LIBERI BARONIS IN HERBERSTEIN NEIPERG ET GVTENHAG MDXLVI». 1546. Фрагмент [МИРК, II]

В русских официальных документах первое описание Щугора появилось в «Книге Большому чертежу» (1627 г.): «А с правой стороны выше Усы реки 150 верст пала в Печеру Счегур река, а в Чугур реку пала Пыженюц река, обе вытекли из одной горы, а промеж их верховий, горою Каменем, 200 верст <...> А Счюгура реки протоку 325 верст» [КБЧ, 162, 163].

В известной российской картографии р. Щугор (*Счюгур*) впервые показана в «Чертежной книге Сибири» Ремезова в 1701 г. Там же отмечена и возможность «чрезкаменного» пути по Щугору за Урал: «С камни все реки переход к Сибири» [ЧКС]. В 1731 г. в «Атласе Всероссийской империи» И. Кирилова на карте «Новая и достоверная ландкарта Провинции Соли Камской, верхняя часть» изображены две реки с названием *Щугорь*: одна, в нижней части карты, относится к бассейну Камы; вторая, в самом верху карты (приток Печоры), является предметом данного исследования. У печорского Щугора впервые указаны притоки: рр. *Кадун Большой* и *Кадунь Малой*, *Тольнась*, *Торгоная* (см. рис. 2).

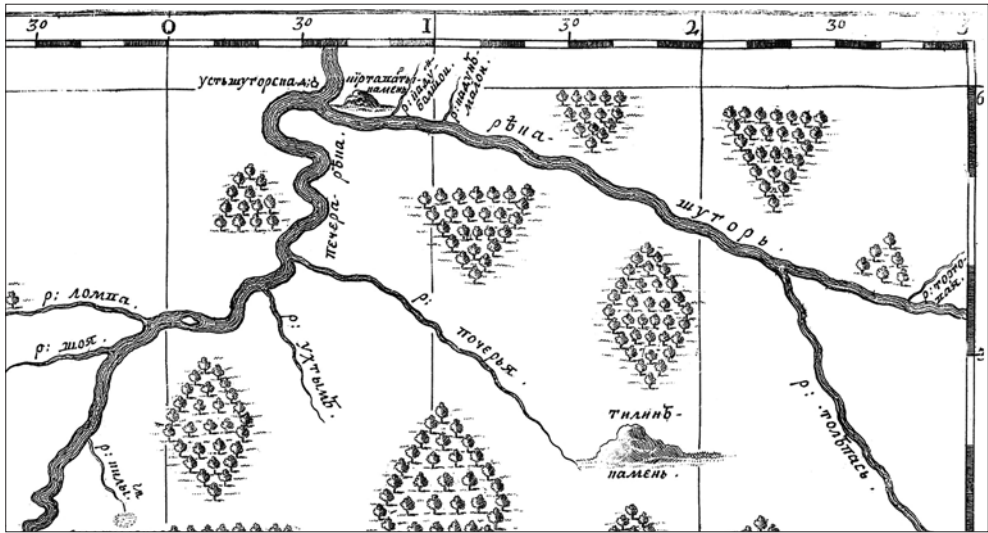

Рис. 2. Карта «Верхняя часть Провинции Соли Камской» Ивана Кирилова. 1731. Фрагмент [Атлас Всероссийской империи, 20]

На современных картах основные правые притоки Щугора имеют русскоязычные названия: *Большой Паток*, *Малый Паток*, *Глубник*, *Торговая*, *Волоковка*. До прихода русских все эти реки наверняка имели свои названия на языках коренных народов. Часть этих древних названий сохранилась лишь в книгах и на старых картах, а некоторые существуют и по сей день параллельно с русскоязычными. Например, р. *Торговая* на современных картах иногда подписана как *Хатемалья*, а верховья р. Щугор — как *Сакурья*.

При первом упоминании в «Книге Большому чертежу» (1627 г.) р. Щугор фигурирует под тремя названиями: *Счегур*, *Чюгур* и *Счюгур* [КБЧ, 162, 163], что говорит, вероятно, о малоизвестности и «непонятности» гидронима. В «Отписке Чердынского воеводы Семена Кондырева» от 1681 г. представлена форма *Щугорь*: «... и кто изъ нихъ сверхъ прежняго оброку болши наддасть, тому тотъ Печерской падунъ, рѣку Щугоръ и рыбные ловли и отдать» [ДАИ, 8, 322]. На карте С. Ремезова 1701 г. название отражено как *Счюгур*; на карте И. Кирилова 1731 г. «Верхняя часть Провинции Соли Камской» — *Щугоръ*, деревня в устье — *Устьщугорска*. Однако в том же 1731 г. в «Атласе Всероссийской империи», на карте «Тобольской провинции верхняя часть» р. Щугор изображена, но не подписана, а деревня в ее устье названа по-русски *Усть щогурска* и на латыни *Ostium-Szogursca*. В атласе 1745 г. [Атлас Российский] мы видим *Чугоръ*, на карте Вологодского наместничества 1792 г. — *Щугоръ* [РА, 14]. Эти варианты повторяются в ряде последующих карт, вплоть до карт Североуральской экспедиции 1847–1850 гг., где фиксируется *Щугурь*, — и на «Отчетной карте» Юрьева [Юрьев, 1852, л. 2], и на «Карте Северного Урала и берегового хребта Пай-Хой» [КСУПХ]. В дальнейшем чаще встречается вариант *Щугор*, реже *Щугур* или *Щугер*; иногда можно встретить и мансийский вариант названия *Саккурья*.

Существует две основные версии происхождения русского названия реки. А. П. Афанасьев трактует «*Щугер*, *Щекурья*, *Сакурья* из манс. *сукр я* ‘сиговая река’, где *сукр* ‘щёкур (вид сиговых)’, *я* ‘река’. Коми-зырянская форма *Тшугор* образована из мансийского оригинала не без влияния русской официальной формы» [Афанасьев, 1996, 160]. По мнению А. К. Матвеева, манс. *Саккурья* может быть переделкой немансийского топонима, а поскольку звук [ш'] для нерусских названий Приуралья совершенно не характерен, начальное *щ* в этих названиях восходит к *ч*: «Не исключено, что эти названия указывают на места обитания или выпаса оленей: в коми языке есть слово *чукор* ‘куча’, ‘табун’, ‘стадо’, в саамском — *чигар* ‘стадо оленей’ и ‘место выпаса стада’, в хантыйском — *сяхыр* ‘пастбище’ <...> Возможно, топонимы *Щугор*, *Чугор* и нарицательные существительные *чугор*, *сюгор* восходят к какому-то вымершему финно-угорскому или самодийскому языку...» [Матвеев, 2008, 326, 327].

Большой и Малый Патоки

Приток Щугора под названием *Большой Паток* упомянут еще в «Книге Большому чертежу» как *Пыженюц река* [КБЧ, 162]. Топоним *Пыженюц*, по версии А. К. Матвеева, происходит от к.-зыр. *пыж* ‘лодка’ и буквально обозначает «Река, по которой могут пройти лодки» [Матвеев, 2008, 209].

На карте Кирилова из-за своеобразия почерка не все названия читаются однозначно. Так, название *Щугоръ* можно прочесть как *Шугоръ*, но такой вариант не встречается в других источниках. Буква *к* в слове «ланкарта» читается однозначно как *к*, а в слове «камской» — скорее как *п*. Первую букву в названиях

двух нижних притоков Щугора можно прочесть и как *n* (*падун*), и как *к* (*кадун*). Однако слово *кадун* в словарях русского языка отсутствует, а вот слово *падун* есть (см., например, *падунь* ‘водопад; стремление вод с речных порогов’ [САР, 4, 678]). В пользу именно формы *Падун* свидетельствует Г. Ф. Миллер: «в нее [реку Щугор] с северо-востока впадает река Падунок, которая описывается такой же большой, как и сама р. Щугор» [Элерт, 1996, 243]. Таким образом, к первой четверти XVIII в. гидроним *Пыженюц* уже не существовал, а название *Паток* еще не укоренилось. В первом официальном атласе Российской империи — «Атласе Российском» 1745 г. — Большой и Малый Патоки также фигурируют как *Большой* и *Малый Кадуны* (см. рис. 3).

Рис. 3. Карта «Части реки Печоры, Оби и Енисея вместе с их устьями, в Северный океан впадающими». 1745. Фрагмент [Атлас Российский, 14]

Слово *падун* в современном русском языке имеет значение ‘водопад’ [ССРЛЯ, 9, 37]. Однако в данном случае это значение не подходит — обе реки не имеют порогов и тем более водопадов. В севернорусских говорах глагол *падать, пасть* имеет другое значение, не встречающееся в литературном языке, — ‘впадать, вливаться’ [Дерягина, 1984, 48]. В XIV–XVII вв. на Руси *падунами*, или *падучими реками*, называли притоки [Беляев, Шубницина, 2018, 38]. Тем самым можно сделать вывод, что первоначально, на местности, слово *падун* в топонимах *Большой* и *Малый Падун* было термином, обозначающим приток. В 1720-х гг., когда «кондуктор Федор Молчанов» производил съемку в провинции Соли Камской, слово *падун* в значении ‘приток’ было уже подзабыто, и на карте провинции 1731 г. для атласа Кирилова появились «Р: Кадун Большой» и «Р: Кадунъ Малой». В 1745 г., при создании для первого официального «Атласа Российского» карты «Части рек Печоры, Оби и Енисея вместе с их устьями, в Северный океан впадающими»,

такое написание названий рек было закреплено; они подписаны с заглавной буквы, как имена собственные: «Р. Кадунъ большъ», «Р. Кадунъ малой».

Топоним *Паток* (*Ydshed Patek* и *Jtsched Patek*) впервые появляется на карте, созданной по итогам экспедиции Министерства финансов и Корпуса горных инженеров 1843 г. под руководством П. И. Крузенштерна и А. А. Кейзерлинга (см. рис. 4) [GGÜPL]; следом на карте, составленной по итогам Североуральской экспедиции Гофмана 1847–1848 гг., появился топоним *Иджидъ Паток* (*иджид* — от к.-зыр. *ыджыд* ‘большой’, *ичет* — от *ичот* ‘малый’) [Юрьев, 1852, 154]. В 1850 г. *Иджид Паток* как приток Щугора был указан в «Военно-статистическом обозрении Российской империи» [ВСО, 99].

В 1847 г. в Вологде Гофману Д. Т. Паренсовым, начальником по выделу корабельных лесов Северного округа, были переданы карты и результаты топографической съемки примыкающей к горам части Вологодской губернии [Гофман, 2, 4, 9]. Вероятнее всего, там Большой и Малый Патоки уже фигурировали под этими названиями, но обнаружить эти документы нам не удалось.

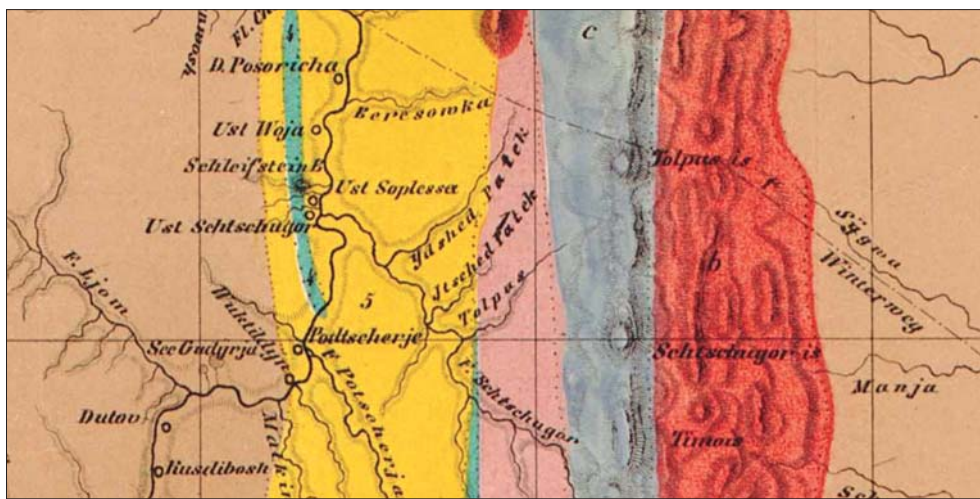

Рис. 4. Карта «Geognostisch-Geographische Übersicht des Petschora Landes». 1846. Фрагмент [GGÜPL]

По мнению А. П. Афанасьева, «гидроним *Паток* связан с рус. *поток* ‘стремительно текущая водная масса’, ‘небольшая река, речка’. *Ыджыд Паток* — ‘большая (река) поток» [Афанасьев, 1996, 33]. А. К. Матвеев отмечает, что «слово *паток* ‘приток’ отсутствует в словарях русского языка, но зато в них есть всем известное слово *патока* и диалектное *паточина* ‘источник’, ‘родник, текущий из болота или озера» [Матвеев, 2008, 209]. В [СРНГ, 25, 273] *паточина* — ‘сочащийся из земли ключ, родник’, ‘сырое болотистое место’. Существовало общеславянское слово *патока*, которое, согласно М. Фасмеру, образовано из приставки

па- и слова *токъ*, связанного чередованием гласных с *теку* в значении ‘течь; двигаться; бежать’ [Фасмер, 3, 216, 217; 4, 37, 69, 70]. В белорусском языке есть слово *пато́к* в значении ‘ручей’ [Мурзаев, 1984, 306]. В Пермской области слово *паточина* означает ‘небольшой исток воды с берега в речку, родник’; в Западной Сибири — ‘болото между гривами’ [Мурзаев, Мурзаев, 1959, 169], в Верхотурском районе Свердловской области — ‘сырое, болотистое, топкое место’ [Таскаева, 1976, 114]. Река *Паточина* (приток р. Ельховка, басс. р. Юг) упоминается в [ВСО, 49, 210]. Приведенные географические термины и онимы относятся большей частью к Уральскому региону и близлежащим территориям, а значения терминов (‘ручей’, ‘источник’, ‘болотный источник’, ‘болото’) полностью соответствуют географическим реалиям: правые притоки Большого Патока текут из огромного болота Ыджыд-Нюр.

Не вполне понятным остается то, по какой причине менее чем за сто лет один русский топоним (*Падун*) сменился на другой, русский же (*Паток*). Возможно, еще до изменения названий Большого и Малого Падунов среди мелких притоков Щугора существовали микропонимы с компонентом *пато́к* — такие, как не существующие ныне, но указанные в [ВСО, 99] *Паток-ди-бёж-ель* (к.-зыр. *di böž* — ‘нижний (по течению реки) конец острова’, *ель* — ‘ручей в лесу, лесная речка’) — на современных картах руч. *Межболотный* ниже устья Малого Патока, а также руч. *Паток-Ель* ниже устья Большого Патока. В дальнейшем этот термин распространился вверх по течению Большого и Малого Патоков: рр. *Паток*, *Патоквож* (к.-зыр. *вож* ‘ответвление, приток’), *Паток-Войвож* (к.-зыр. *вой вож* ‘северный приток’), руч. *Паток-Ёль* перед впадением Малого Патока; два озера *Паток* (исток Малого Патока и исток Патока); оз. *Паток-ты* (к.-зыр. *ты* ‘озеро’), исток р. Нянга; вершины *Патокъиз* (к.-зыр. *из* ‘камень’) и *Северный Паток*. На карте 1853 г., составленной по итогам экспедиции 1847–1850 гг. [КСУПХ], показан приток *Лунь-Вож-Паток* (к.-зыр. *лун вож* ‘южный приток’), не сохранившийся на современных картах.

Пятидырка и Семидырка

Ассоциации сходства делают возможным творчество в языке. Слова, связанные слабыми узами сходства с другими словами или вовсе на них непохожие, весьма легко забываются. Они подвержены бессознательному процессу, который делает их более похожими на другие слова.

Н. В. Крушевский [1883, 69]

Впадающая в Щугор р. Тельпос имеет два главных притока, оба с русско-язычными названиями: *Пятидырка* и *Семидырка*. Названия необычны — непонятно, что за «дырки» имеются в виду. Т. Д. Слинкина со ссылкой на сведения

информантов связывает происхождение этих названий с каровыми озерами, из которых вытекают речки: «Гидроним связан с названием каровых озер, с которых начинаются ее истоки. По периметру склонов горы есть обрывы с вертикальной стеной, образующие глубокие каровые ямы-мешки, цирки и озера <...> Их называют перен. “дырками”. Гора, имеющая пять таких “дырок”, — *Пятидырка*»; «Река протекает у горы Семидырка с семью глубокими каменными карами с высокими стенами и с озерами. Их называют перен. “дырками”» [Слинкина, 2011, 149, 152].

Такое объяснение представляется сомнительным. Во-первых, на спутниковых снимках (см. рис. 5) видно, что ни в истоках Пятидырки — на западных склонах хр. Кузь-Кудинер, г. Ханавечелья и г. Мытсей, ни в истоках Семидырки, на западном склоне г. Оссяур, нет ни каров, ни озер.

Рис. 5. Истоки р. Пятидырка и р. Семидырка. Спутниковый снимок

Во-вторых, само слово *дырка* в применении к такому крупному геологическому объекту, как кар, несет, на наш взгляд, уничижительную, негативную коннотацию. Русскоязычный человек, даже не имеющий специального образования,

мог бы подобрать более уместные слова для подобной формы рельефа: *впадина*, *жерло*, *зев*, *пасть*, *полость*, *провал*, *пролом*, *чаша*, *яма* и т. п. Кстати, геолог Е. Д. Сошкина, работавшая в этом районе в 1920-е гг., упоминает названные гидронимы в несколько иной фонетической форме: *Пятидырка* и *Семидырка* [Сошкина, 1929, III].

Откуда же взялись и что означают названия *Пятидырка* / *Пятидырка* и *Семидырка* / *Семидырка*? «Подсказка» находится относительно близко: примерно в 60 км к северо-северо-востоку от рассматриваемых рек есть гора и река с названием *Пыртиндырма*. Возможно, наши топонимы являются типичным примером ложной (народной) этимологии: незнакомое нен. *-дырма* преобразовалось в знакомое русским, хотя и малопонятное, *-дырка*.

Пыртиндырма — топоним ненецкого происхождения: это существительное, образованное от *пырдё* ‘поворот назад, обратно’, с закономерным оглушением согласного *д* после *р*. После *пырдё-* (*пыртё-*) идет глаголообразующий суффикс *н-*, а далее *дырма-* — ненецкий составной суффикс: *да-* + *р''-* + *ма-*, где *да-* — суффикс глагола несовершенного вида, *р''-* — суффикс многократного действия, *ма-* — суффикс места действия. Гласный *а* перед согласным *р''* заменяется на срединный гласный *ы*; таким образом, *дырма-* — это формант, определяющий многократность и место действия [см.: Куприянова и др., 1977, 136, 168–171]. В результате получаем *Пыртёндырма*, а далее название трансформируется в *Пыртиндырма*. В таком случае *Пыртиндырма* — букв. «Место, где постоянно поворачивают, переходят обратно»¹. Как раз напротив горы расположены несколько бродов, где идущая вдоль реки тропа переходит с берега на берег. Это подтверждает и Т. Д. Слинкина: «Нартовая дорога <...> у юго-восточного отрога данной горы, чуть выше устья реки Пыртиндырма <...> переходила на правый берег, но через несколько километров переходили обратно на левый» [Слинкина, 2011, 117, 118]. Можно предположить, что от созвучных ненецких топонимов образовались и названия *Пятидырка* и *Семидырка*.

Вблизи истоков Пятидырки находится г. *Ханавечелья*. В ненецком языке *ханавэй* — ‘ястреб’ [Алекса, 1971, 73], в коми языке *тиелля* — ‘крутой, высокий берег; круча; утес’ [КРС, 663]. Тем самым, видимо, перед нами гибридный топоним **Ханавэй-Тиелля* с буквальным значением «Ястребиный утес». Известно, что в большинстве коми-зырянских диалектов — верхневычегодском, вымском, ижемском, лузско-летском, нижневычегодском, печерском, присыктывкарском, среднесыольском и удорском — ястреб обозначается словом *варыш* [ССКЗД, 39]. Коми-ижемцы, наиболее тесно соприкасавшиеся с ненцами, переняли у последних для обозначения ястреба слово *ханэвей* [Там же, 402]. Возможно, у ненцев гора называлась **Ханавэй-Тальбя* — «Ястребиная скала» (*тальбя* — ‘скала’

¹ Авторы выражают благодарность за консультации по ненецкому языку М. Я. Бармич и М. Д. Люблинской.

в большеземельском диалекте ненцев [Алекса, 1971, 64]), а пришельцы коми адаптировали это название, сохранив понятное *Ханавэй* и трансформировав *Тальбя* в созвучное и близкое по смыслу *Тшелля*. Название «Ястребиный утес» подразумевает, что на этой скале гнездятся ястребы. Гнездо в ненецком языке обозначается словом *пидя* [Пырерка, Терещенко, 1948, 58]. Тем самым, возможно, изначальным названием реки было *Пидядырма* — «Место гнездования [ястребов]», преобразованное в дальнейшем уже русскоязычным населением в название *Пятидырка*.

Что касается гидронима *Семидырка*, то один из возможных вариантов его толкования — от нен. *синё* ‘туман’ [Пырерка, Терещенко, 1948, 285] или *синёд* ‘туманный, пасмурный’, ‘маревое’ (ср. ненецкое название ручья *Синёдтосё*) [Алекса, 1971, 59]. В низовьях Семидырка разбивается на множество рукавов, рядом обширные болота: в таких местах часто бывают туманы. В этом случае исходным могло быть *Синёдырма* — «Туманное место».

Глубник

В 159 км от устья в Щугор справа впадает р. *Глубник*. Т. Д. Слинкина объясняет наименование реки так: «*Глубник* — русский термин со значением ‘северо-западный ветер’» [Слинкина, 2011, 119]. Такое объяснение представляется неубедительным. Во-первых, перенос воздушных масс с западных направлений характерен для Европейской равнины в целом, и нет доказательств того, что именно в данном месте такие ветра особенно часты. Во-вторых, «*глубник* — ветер “из глубины” моря в сторону суши. В устье р. Печора это северо-западный ветер, на Енисее западный, в Архангельске юго-западный» [Прох, 1983, 66].

А. П. Афанасьев дает иное толкование гидронима: «Название связано с русским апеллятивом *глубь* ‘глубина’, *ник-* — словообразовательный суффикс. *Глубник* — ‘(река) с омутами, с глубокими местами’ или ‘(река) с глубоким руслом’» [Афанасьев, 1996, 54]. Однако эта характеристика Глубнику не подходит: глубины в реке на всем протяжении около полуметра, дно твердое; отсутствуют даже приустьевые ямы, имеющиеся у других притоков Щугора. Поэтому более вероятным представляется другое толкование гидронима — от *глубь* в значении ‘глубина леса, степи и т. п.’ [ССРЛЯ, 3, 141, 142], в нашем случае это ‘глубина тайги’, откуда вытекает небольшая речка, впадающая в Щугор.

Торговая

Самый, наверное, значимый из всех притоков Щугора — р. *Торговая*, впадающая в 183 км от устья. Значимость ее подтверждает тот факт, что название реки сохранилось в нескольких разноязычных вариантах: рус. *Торговая*, к.-зыр. *Тöргöвöй-ю*, нен. *Меняйлава*, манс. *Хатемалья*. На картах отмечают первое и последнее названия — как наиболее устоявшиеся.

Первые три названия во всех источниках объясняются от слов *торговать* (*менять*). Река являлась одной из важнейших магистралей в щугорском узле трансуральских переходов — она известна как древний «чрезкаменный» путь за Урал в Сибирь: «Гидроним отражает старые торговые пути, которые проходили по Щугору через Урал в Сибирь» [Туркин, 1986, 37]; «Первоначально название реки — *Торговая* — было дано русскими, для которых торговый и военный путь по Щугору в Сибирь был в свое время одним из основных» [Матвеев, 1984, 60].

Коми-зырянская форма *Törgöwöi-yu* является очевидной адаптацией русского названия. Первоначально это кажется не вполне понятным, поскольку в языке коми-зырян для обозначения торговли есть свои слова. О. И. Уляшев, коми писатель, ведущий научный сотрудник ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, комментирует: «Торговля по-коми, конечно, *взасьём*, однако все, что связано с крупными торговыми местами, куда нужно было добираться, с ярмарками, с купеческими операциями, а не просто с торговлей в магазине или с обыденным взаимобменом, обозначалось чаще заимствованиями: *ярманга*, *мангазея*, *тöргуйтны* ‘заниматься торговлей как купец’. Поэтому название *Törgöwöi-yu* вполне понятно — это не просто река, на которой торговали, а река, которая являлась важным торговым путем» (устное сообщение).

Аналогично объясняют ненецкое название реки *Меняйлава*: «русское заимствованное *меняй* ‘мена, обмен’, *лава-* — суффикс места обычного действия. *Меняйлава* — ‘место обычного обмена’» [Туркин, 1986, 37].

Название *Хатемалья*, сохраняющееся наряду с русским *Торговая* на картах до наших дней, А. И. Туркин относит к мансийским [Туркин, 1986, 37]; по свидетельству А. К. Матвеева, манси пользуются этим названием, но не могут его перевести [Матвеев, 1990, 95].

Таковы имеющиеся версии толкования названий реки. Ниже мы предлагаем свою гипотезу толкования гидронима *Хатемалья*.

Если манси пользуются этим названием как своим, но при этом не могут его объяснить, то оно, вероятно, досталось им «по наследству». От кого? Ближайшими соседями манси издавна были ханты (остяки). Река Хатемалья течет по узкой межгорной долине в южном направлении вдоль главного уральского водораздельного хребта. Основное русло реки проходит в непосредственной близости от линии водораздела, местами менее чем в 1,5 км. С восточной стороны хребта ручьи и речки принадлежат бассейну притока Северной Сосьвы, р. Ляпин. На берегах этих рек издревле проживали ханты. Так, В. В. Напольских в книге «Введение в историческую уралоистику» пишет: «В конце XVI века остяки русских источников, которых можно с большей или меньшей надежностью считать хантами, упоминаются на <...> Северной Сосьве» [Напольских, 1997, 75], и далее: «с конца XVII века усиливается давление с запада — вследствие переселения теснимых русскими и коми манси на Конду и в бассейн Северной Сосьвы, а затем — и вследствие притока русского (а на севере и коми) населения на южные и западные

хантыйские земли» [Напольских, 1997, 78]. Об этом же пишет Е. П. Мартынова: «археологический материал X–XIII вв. бассейна Северной Сосьвы и Ляпина <...> связывается с северными хантами» [Мартынова, 1998, 98]. Она же сообщает, что «в XVII–XVIII вв. Северную Сосьву и Ляпин населяли ханты, которых затем вытеснили мигранты-манси» [Там же]. О вытеснении к XVII в. «сосьвинско-ляпинских хантов мигрантами-манси» говорит и Е. В. Первалова: «Вероятнее всего, заселение сосьвинско-ляпинского бассейна манси завершилось к XVII в. и, как свидетельствуют фольклорные материалы, носило характер как военных захватов, так и мирных миграций» [Первалова, 2004, 150].

Возможно, именно ханты, уйдя дальше на восток, оставили это название. В диалекте казымских хантов *хътэмэты* означает ‘скатиться’ [Соловар, 2014, 329], ‘скатиться’ на шурышкарском диалекте — *хътмэты* [Скамейко, Сязи, 1992, 93], *хътэмэты* [Вальгамова и др., 2011, 136], *хътэмэл* — ‘скатывающийся’ [СГ ЯНАО, 196]. С мансийским *я* ‘река’ получаем гидроним с буквальным значением «Скатывающаяся река» (ср., например, гидроним *Хатемальсойэм* в Шурышкарском районе ЯНАО — от хант. *хътэмэл* ‘скатывающийся’ + *сойэм* ‘ручей’ — «Скатывающийся ручей») [Там же, 196]. Такое название полностью соответствует характеру этой быстрой реки — Хатемалья действительно «скатывается»: общее падение реки за 50 км пути — с отметки 721,7 м над уровнем моря (исток оз. Торговое) до отметки 216,7 м (впадение в Щугор) — составляет более 500 м.

Таким образом, гидроним *Хатемалья* можно рассматривать как топонимический след пребывания хантов в рассматриваемом районе. И этот след здесь не единственный. Так, в 40 км к востоку, сразу за водораздельным хребтом, в р. Большая Поляя впадает ручей с хантыйским названием *Люльнэсоим* [<http://loadmap.net/ru/m67567>] (вероятно, от *лүлэу* ‘сыро’, ‘сырой’ + *сойэм* ‘ручей’ [Соловар, 2014, 162, 283]). А в 65 км от Хатемальи начинается р. Ляпин, хантыйское название которой — *Сак юган* [Мартынова, 1998, 99].

Если наши предположения верны, то р. Торговая имеет названия на языках четырех исторически присутствовавших здесь народов: *Торговая* на русском, *Төргөвөй-ю* на коми-зырянском, *Меняйлава* на ненецком и *Хатемалья* с атрибутивом на хантыйском (+ манс. *я* ‘река’) — это свидетельствует о высокой значимости реки в истории и культуре региона.

Волоковка

В 192 км от истока в Щугор впадает приток с русским названием *Волоковка*. Это типичный топоним, отражающий «дорожную» лексику: по Волоковке проходил самый южный и самый короткий путь в щугорском узле трансуральских переходов за Урал — через невысокий перевал и далее вниз по рр. Сёртынья, Ятрия и Щекурья к Ляпину.

История названия полна ошибок или опечаток. Впервые река была упомянута среди притоков Щугора в «Военно-статистическом обозрении Российской

империи» в 1850 г. под именем *Волковка* [ВСО, 98]. Это первая опечатка или ошибка в истории топонима. Почти одновременно, в 1852 г., вышел отчет Уральской экспедиции 1847, 1848 и 1850 гг., где Волоковка встречается под названиями *Нанг-Соры-Я* [Юрьев, 1852, 48, 51, 77], *Наксорья* и собственно *Волоковка* [Там же, 150]. *Нанг-Соры-Я* — название реки на языке манси. «На правом берегу Щугура, по притокам его, рекам Нанга-Соры-Я и Хатемаль-Я, находится тоже значительное пространство лиственничного лесу, который, по мнению Г. Бранта, годен для кораблестроения» [Там же, 51]: здесь, по сути, объясняется смысл мансийского названия — «Лиственничная река». «Наңк-Сори-Я — река, [протекающая по] межгорному лиственничнику» [Слинкина, 2011, 138], букв. «Река лиственничной седловины (между вершинами)». *Наксорья* — искаженная передача мансийского названия. Созданная в 1853 г. по вышеуказанному отчету «Карта Северного Урала и берегового хребта Пай-Хойя» открыла новую страницу путаницы с названием реки: оно читается скорее как *Панг-Сорыя* (см. рис. 6).

Рис. 6. Карта Северного Урала и берегового хребта Пай-Хойя. 1853. Фрагмент [КСУПХ]

Вполне обоснованный авторитет этой карты сослужил для Волоковки недобрую службу. Совершенно очевидно, что информацией карты пользовались многие последующие картографы, и название *Панг-Сорыя* перешло, например, на «Специальную карту Европейской России» Стрельбицкого (1865–1871 гг.) [СКЕР, л. 123], «Генеральную карту Европейской России» Ильина (1885 г.) [ГЕР], «Большой всемирный настольный атлас Маркса» (1910 г.) [Атлас Маркса, 18].

Несмотря на это, в устной русской традиции сохранилось название *Волоковка*. Именно так речку называет А. М. Сибиряков: «Русские названия впадающих в р. Щугор речек, сохранившиеся до настоящего времени, как, например, речки Торговая, Волоковка, идущая на перевал через Урал, Глубник, — как будто указывают, что тут когда-то была какая-то дорога» [Сибиряков, 1907, 131]. Правда, в ранее изданной его книге «К вопросу о внешних рынках Сибири» на карте Ляпин-Печерского волока повторяется та же опечатка, что была в [ВСО, 98]: *Волоковка* названа *Волковкой* [Сибиряков, 1894, карта № 1].

Вновь название *Волоковка* отмечено на картах 1940-х гг. На современных картах Волоковка — это *Волоковка*, а *Наксорья* (*Нанссорья*) — ее главный приток.

Источники

- Алекса А. П.* Словарь терминов и других слов, встречающихся в ненецких географических названиях. М. : Глав. управл. геодезии и картографии при Совете Министров СССР, 1971.
- Атлас Всероссийской империи : собр. карт И. К. Кирилова. 1722–1737 гг. Репр. изд. СПб. : Альфарет, 2008.
- Атлас Маркса — Большой всемирный настольный атлас Маркса, начатый под редакцией покойного профессора Э. Ю. Петри, законченный в 1903 г. 2-е изд. / под ред. Ю. М. Шокальского. СПб. : Изд. Т-ва А. Ф. Маркс, 1910.
- Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненный по правилам географическим и новейшим наблюдениям, с приложенною при том Генеральною картою великия сея империи, старанием и трудами Императорской академии наук. СПб. : Тип. Имп. АН, 1745.
- Афанасьев А. П.* Топонимия Республики Коми : словарь-справочник. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1996.
- Вальгамова С. И., Кошкарева Н. Б., Онина С. В., Шиянова А. А.* Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) / под ред. Н. Б. Кошкаревой. Екатеринбург : Баско, 2011.
- ВСО — Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. 2. Ч. 3 : Вологодская губерния. СПб. : Тип. Деп. Ген. Штаба, 1850.
- ГЕР — Генеральная карта Европейской России с пограничными частями западной Европы, Турции, Персии, Сибири и Туркестана, составленная по новой специальной карте России и новейшим сведениям. СПб. : Изд. картогр. заведения А. А. Ильина, 1885.
- Герберштейн С.* Записки о Московии : в 2 т. М. : Памятники ист. мысли, 2008.
- Гофман Э. К.* Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. СПб. : Тип. Имп. АН, 1853–1856.
- ДАИ — Дополнения к «Актам историческим» : в 12 т. / сост. Я. Берединов, М. Коркунов и др. СПб. : Тип. II Отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1846–1872.
- КБЧ — Книга Большому чертежу / подгот. к печати и ред. К. Н. Сербиной. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950.
- КРС — *Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И.* Коми-роч кывчукор = Коми-русский словарь. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2000.
- Крушевский Н. В.* Очерк науки о языке. Казань : Тип. Имп. ун-та, 1883.
- КСУПХ — Карта Северного Урала и берегового хребта Пай-Хойя, составленная с топографических съемок и астрономических определений, произведенных Уральской экспедицией, снаряженной Императорским РГО в 1847, 1848 и 1850 годах. СПб. : Воен.-топогр. депо, 1853.
- Куприянова З. Н., Бармич М. Я., Хомич Л. В.* Ненецкий язык : пособие для пед. училищ. Л. : Просвещение, 1977.
- МИРК — Материалы по истории русской картографии / под ред. В. А. Кордта. Вып. 1 : Карты всей России и южных ее областей до половины XVII века. Киев : Изд. Комиссии для разбора древних актов, 1899.
- Мурзаев В., Мурзаев Э.* Словарь местных географических терминов. М. : Географгиз, 1959.
- Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М. : Мысль, 1984.
- Прох Л. З.* Словарь ветров. Л. : Гидрометеиздат, 1983.
- Пырерка А. П., Терещенко Н. М.* Русско-ненецкий словарь. М. : ОГИЗ, 1948.
- РА — Российский атлас, из сорока четырех карт состоящий и на сорок два наместничества Империю разделяющий. СПб. : При Горном училище, 1792.
- САР — Словарь Академии Российской : в 6 т. СПб. : Имп. АН, 1789–1794.
- СГ ЯНАО — *Вальгамова С. И., Вануйто Г. И., Ириков С. И., Хэно И. С., Янгасова Н. М.* Словарь гидронимов Ямало-Ненецкого автономного округа. Екатеринбург : Науч. центр изуч. Арктики, 2012.
- Скамейко Р. Р., Сязи З. И.* Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (шурышкарский диалект). СПб. : Просвещение, 1992.

- СКЕР — Специальная карта Европейской России / под ред. Стрельбицкого. СПб. : Воен.-топогр. отд. Главного штаба, 1865–1871.
- Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Ханты-Мансийск : Формат, 2014.
- Сошкина Е. Д. Тельпос-Из. Высочайшая вершина Северного Урала // Северная Азия. Кн. 2. М. : Общ-во изуч. Урала, Сибири и Дальнего Востока ; Комитет содействия народностям Северных окраин при ВЦИК, 1929. С. 111–120.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетова (вып. 23–42), С. А. Мызникова (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.
- ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / под ред. В. А. Сорвачевой. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1961.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В. И. Чернышева. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.
- Туркин А. И. Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1986.
- ЧКС — Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Факсимил. изд. М. : ПКО Картография, 2003.
- Элерт А. Х. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996.
- Юрьев Д. Ф. Топографическое описание Северного Урала, исследованного Уральскою экспедицией в 1847 и 1848 годах. СПб. : Воен.-топограф. депо, 1852.
- GGÜPL — Geognostisch-Geographische Übersicht des Petschora Landes / Zusammengetragen nach fremden und eigenen Beobachtungen von A. v. Keiserling und P. v. Krusenstern. St Petersburg : C. Kray, 1846.

Исследования

- Беляев А. Г., Шубницина Е. И. История становления термина *приток* в русской географической науке // Лексический атлас русских народных говоров : материалы и исследования. 2018 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб. : ИЛИ РАН, 2018. С. 37–45.
- Дерягина З. С. Гидрографическая терминология в говорах Русского Севера : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Урал. гос. ун-т. Свердловск, 1984.
- Каргалов В. В. Сибирский поход 1483 года и его последствия // Вопросы истории. 1983. № 11. С. 177–182.
- Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1998.
- Матвеев А. К. От Пай-Хоя до Мугоджар. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1984.
- Матвеев А. К. Вершины Каменного пояса: Названия гор Урала. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1990.
- Матвеев А. К. Географические названия Урала : топонимический словарь. Екатеринбург : Сократ, 2008.
- Напольских В. В. Введение в историческую уралистику. Ижевск : Удмурт. ин-т истории, языка и лит-ры УрО РАН, 1997.
- Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург : УрО РАН, 2004.
- Сибиряков А. М. К вопросу о внешних рынках Сибири. Тобольск : Тип. Губ. правл., 1894.
- Сибиряков А. М. О путях сообщения Сибири и морских сношениях ее с другими странами. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1907.
- Слинкина Т. Д. Мансийские оронимы Урала. Ханты-Мансийск : Новости Югры, 2011.
- Таскаева Л. А. Тельмографическая терминология в русских говорах Среднего Урала // Вопросы ономастики. Вып. 11 / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1976. С. 105–116.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М. : Прогресс, 1986–1987.
- Sjogren J. A. Gessammelte Schriften. Bd. 1 : Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. St Petersburg : Akademie der Wissenschaften, 1861.

Рукопись поступила в редакцию 13.02.2019

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков

к.-зыр.	коми-зырянский язык	нен.	ненецкий язык
манс.	мансийский язык	хант.	хантыйский язык

* * *

Беляев Андрей Геннадиевич

научный сотрудник
Национальный парк «Югыд ва»
169570, Республика Коми, г. Вуктыл,
ул. Комсомольская, 5
E-mail: andrey.optic@gmail.com

Belyaev, Andrey Gennadievich

Research Assistant
“Yugyd va” National Park
5, Komsomolskaya Str., 169570 Vuktyl, Russia
Email: andrey.optic@gmail.com

Шубница Елена Игоревна

кандидат технических наук, доцент,
заместитель директора по научной работе
Национальный парк «Югыд ва»
169570, Республика Коми, г. Вуктыл,
ул. Комсомольская 5
E-mail: shub07@yandex.ru

Shubnitsina, Elena Igorevna

PhD, Associate Professor,
Deputy Director for Research
“Yugyd va” National Park
5, Komsomolskaya Str., 169570 Vuktyl, Russia
Email: shub07@yandex.ru

Andrey G. Belyaev
Elena I. Shubnitsina
“Yugyd va” National Park
Vuktyl, Russia

ON THE ORIGIN OF RUSSIAN-LANGUAGE HYDRONYMS OF THE SHCHUGOR RIVER BASIN

The article discusses the history of the hydronyms *Shchugor*, *Patok*, *Glubnik*, *Torgovaya*, *Volokovka*, *Pyatidyrka*, and *Semidyrka*, i.e. the names of the Shchugor River and its several tributaries of the first and second orders. Presently, these names mostly have a “Russian” phonetic appearance, however, their historical variants suggest that some of them may be a result of semantic adaptation of pre-Russian names. The authors suggest that the hydronyms *Pyatidyrka* and *Semidyrka* originated from Nenets names with a composite determinant *-dyrma*, expressing recurrence and place of action. In other examples, there is a parallel coexistence of several similar versions of one hydronym belonging to different languages, cf.: Russian *Torgovaya*, Komi-Zyryan *Törgövöy-yu*, Nenets *Menyaylava*. This can be regarded as a testimony to the past and current contacts of the Russian population with indigenous peoples — speakers of Finno-Ugric and Samoyedic languages. In some cases, the older pre-Russian form of a hydronym might be missing, i.e. replaced by a Russian-language variant without any trace of the substrate name. For example, the Komi-Zyryan hydronym *Pyzhenyuts* (from Komi-Zyryan *pyzh* ‘boat,’ literally “River on which boats can sail”) was replaced in the Old Russian period by the name *Padun* and, later, by the name *Patok*, both of the latter hydronyms being originally Russian. The article also analyzes native Russian names for which the most probable motivation can be

established based on geographic data. Incidentally, the traditional interpretation of the name of the river *Glubnik* as “deep river” or “river with deep places” is called into question, since such an interpretation does not correspond to physical and geographical features of the river, the authors interpret the name as “River flowing from the depths of the taiga.” All linguistic observations and etymological interpretations of hydronyms presented in the article are based on the analysis of a large array of cartographic sources of the 16th–20th centuries; finally examples are given of the distortion of the spelling of the hydronyms of the Shchugorsk area of the Urals on the maps of various times.

К е у о р д с: Pechora river basin, Shchugor river, hydronymy, etymology, Russian language, Komi-Zyryan language, Mansi language, Nenets language, Khanty language, semantic adaptation of toponyms.

- Belyaev, A. G., & Shubnitsina, E. I. (2018). Istorii stanovleniia termina *pritok* v russkoi geograficheskoi nauke [The History of the Formation of the Term *pritok* in Russian Geographical Science]. In S. A. Myznikov (Ed.), *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov: materialy i issledovaniia. 2018* [Lexical Atlas of Russian Dialects: Materials and Research. 2018] (pp. 37–45). St Petersburg: ILI RAN.
- Deryagina, Z. S. (1984). *Gidrograficheskaiia terminologiia v govorakh russkogo Severa* [Hydrographic Terminology in the Dialects of the Russian North] (doctoral dissertation). Ural State University, Sverdlovsk.
- Kargalov, V. V. (1983). Sibirskii pokhod 1483 goda i ego posledstviia [Siberian Campaign of 1483 and its Consequences]. *Voprosy istorii*, 11, 177–182.
- Martynova, E. P. (1998). *Ocherki istorii i kul'tury khantov* [Essays on the History and Culture of the Khanty]. Moscow: In-t etnologii i antropologii RAN.
- Matveyev, A. K. (1984). *Ot Pai-Khoia do Mugodzhara* [From Pay Khoy to Mugodzhary]. Sverdlovsk: Sredneural. kn. izd-vo.
- Matveyev, A. K. (1990). *Vershiny Kamennogo poiasa: Nazvaniia gor Urala* [Peaks of the Stone Belt: The Names of the Mountains of the Urals]. Chelyabinsk: Iuzhnoural. kn. izd-vo.
- Matveyev, A. K. (2008). *Geograficheskie nazvaniia Urala: toponimicheskii slovar'* [Geographical Names of the Urals: Toponymic Dictionary]. Ekaterinburg: Sokrat.
- Napolskikh, V. V. (1997). *Vvedenie v istoricheskuiu uralistiku* [Introduction to Historical Uralic Studies]. Izhevsk: Udmurt. in-t istorii, iazyka i lit-ry UrO RAN.
- Perevalova, E. V. (2004). *Severnye khanty: etnicheskaiia istoriia* [Northern Khanty: Ethnic History]. Ekaterinburg: UrO RAN.
- Sibiriyakov, A. M. (1894). *K voprosu o vneshnikh rynkakh Sibiri* [On the Foreign Markets of Siberia]. Tobolsk: Tip. Gub. pravl.
- Sibiriyakov, A. M. (1907). *O putiakh soobshcheniia Sibiri i morskikh snosheniiakh ee s drugimi stranami* [On the Ways of Communication of Siberia and its Sea Relations with other Countries]. St Petersburg: Tip. M. M. Stasiulevicha.
- Sjogren, J. A. (1861). *Gessammelte Schriften. Bd. 1 : Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden*. St Petersburg: Akademie der Wissenschaften.
- Slinkina, T. D. (2011). *Mansiiskie oronimy Urala* [Mansi Oronyms in the Urals]. Khanty-Mansiisk: Novosti Yugry.
- Taskaeva, L. A. (1976). Tel'mograficheskaiia terminologiia v russkikh govorakh Srednego Urala [Telmographic Terminology in Russian Dialects of the Middle Urals]. In A. K. Matveyev (Ed.), *Voprosy onomastiki* (Iss. 11, pp. 105–116). Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta.
- Vasmer, M. (1986–1987). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language] (2nd ed., Vols. 1–4). Moscow: Progress.

Received on 13 February 2019

DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.006
УДК 811.112.2'373.21 + 81:304.2

М. В. Дацишина
Российский государственный архив
социально-политической истории
Москва, Россия

ТОПОНИМИЯ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ НА ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННЫХ СОВЕТСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ

В статье рассмотрен экспорт технологий по переформатированию пространства, который был предпринят нацистской Германией из Европы на оккупированные территории СССР; выделены основные направления в области переименований. Мероприятия в области топонимии и ономастики в целом были неотъемлемой частью политики Третьего рейха. Поскольку в 1942 г. зона оккупации нацистской Германией на территории СССР достигла максимума за весь период войны, то инструкции о переименованиях были изданы именно в это время. Инструкции должны были ликвидировать путаницу в переписке оккупационных администраций в разных странах и их берлинского руководства. Автор показывает, что на принятие конкретного решения о переименовании могли влиять несколько факторов, тем не менее конечной целью переименований оставалась легитимизация оккупационного режима в целях последующей германизации захваченных территорий. Переименование географических объектов на немецкий лад шло в нескольких направлениях. Самым популярным было встраивание идеологии нацизма в контекст европейской и мировой истории. Национал-социалисты объявляли себя наследниками великого прошлого Германии, продолжателями ее лучших традиций. В разных зонах оккупации онемечивание топонимов имело различную динамику. Чем дальше от западной границы СССР находились оккупированные области, тем реже использовались немецкие названия при переименовании. В статье показано, как политика в области топонимии использовалась не только в целях стирания у населения представлений о советском

© Дацишина М. В., 2020

прошлом, дерусификации и разжигания сепаратистских настроений, но и для закрепления с помощью языка ожиданий победы нацистов в «молниеносной войне». Вновь созданная топонимия использовалась также в целях снижения сопротивления населения оккупационным властям и для нейтрализации или привлечения населения на сторону оккупантов. Статья написана на основании архивных документов, оккупационной прессы, воспоминаний очевидцев событий.

Ключевые слова: нацистская Германия, языковая экспансия, временно оккупированные советские территории, топонимия, дискурс завоевателя, социальная лингвистика.

Европейский опыт нацистской Германии

К середине 1930-х гг. в Германии сохранилось значительное число топонимов славянского происхождения. В названиях многих деревень в Мекленбурге¹, в окрестностях Котбуса² и Дрездена³ встречалось прилагательное *wendisch* ‘вендский’, т. е. ‘лужицкий, относящийся к сорбам, лужицким сербам’. Переименования становились неотъемлемой частью политики Третьего рейха. 15 ноября 1942 г. газета «Dresdener Zeitung» писала, что в Померании⁴ было онемечено 120 славянских названий, в Бранденбурге⁵ — 175, в Силезии⁶ — 2 700, в округе Гумбиннен⁷, где встречалось значительное количество литовских названий, из 1 851 населенного пункта было переименовано 1 146 [Клемперер, 1998, 67]. Нацистская Германия расчленяла Европу, где сначала изменялись, а затем исчезали названия целых стран. После плебисцита 10 марта 1938 г., когда в обстановке террора, с одной стороны, и пропагандистской шумихи, с другой, большинство австрийцев высказалось за аншлюс с Германией, из официальных немецких документов стали исчезать все упоминания суверенитета бывшей Австрийской Республики.

¹ Мекленбург (нем. *Mecklenburg*) — немецкое герцогство, основанное в Средние века на части земель полабских славян, подчиненных германским феодалам. Крупные города — Росток и Шверин.

² Котбус (нем. *Cottbus*) — административный округ в бассейне рек Одер и Шпрее. В качестве символа уничтожения следов славян и их истребления одна из крупнейших и едва ли не самых жестоких акций против белорусских партизан была названа «операция “Котбус”».

³ Дрезден (нем. *Dresden*) — крупный город на юго-востоке Германии — в Саксонии, на реке Эльба.

⁴ Померания (нем. *Pommern*) — территория на Балтийском побережье Германии. После 1945 г. территория с центром в г. Щецин (польск. *Szczecin*) вошла в состав ПНР, сейчас — Польша.

⁵ Бранденбург (нем. *Brandenburg*) — немецкое княжество, которое в Средние века было основано на захваченных землях полабских славян. Крупный город-порт Бранденбург на реке Хафель.

⁶ Силезия (нем. *Schlesien*) — исторически славянская область в вернем и среднем течении реки Одер. Была в разное время в составе империи Габсбургов, Польши, Чехословакии, нацистской Германии. В 1945 г. передана ПНР, сейчас в составе Польши.

⁷ Гумбиннен (нем. *Gumbinnen*) — название (до 1946 г.) г. Гусев, районного центра Калининградской области, вошедшей в состав СССР. Сейчас входит в состав России.

Поначалу слово *Австрия* было заменено на слово *Остмарк*. Следующим шагом стало распоряжение начальника Имперской канцелярии от 8 апреля 1942 г., официально заменявшее термин *Австрия* названием *Альпийские и Дунайские имперские округа* [Семиряга, 2000, 160].

В оккупированной Польше политика по онемечиванию получила продолжение. Так, в июле 1940 г. Гитлер решил уточнить название Генерал-губернаторства (одной из трех частей Польши, оккупированной Германией). Гитлер настаивал, что нужно прекратить называть его *Генерал-губернаторство для оккупированных польских областей*, а обозначать просто *Генерал-губернаторство*. Таким образом, с топографических карт и из устного употребления исчезало не только название отдельного государства *Польша*, но и какое-либо упоминание о Польше [Семиряга, 2000, 165].

В ряде оккупированных стран Европы города или улицы стали носить немецкие названия. Как правило, исчезали имена известных исторических деятелей конкретной страны. Так, после оккупации Страсбурга улица, названная в честь Жана Батиста Клебера⁸, была переименована в улицу *Адольфа Гитлера*. Польский город Лодзь был переименован в *Литцманнштадт* (нем. *Litzmannstadt*, от фамилии немецкого генерала Карла Литцмана⁹) и носил это название с 1940 г. по 1944 г.

Новые названия для «восточного пространства»

На захваченных советских территориях нацисты использовали опыт, приобретенный в Европе. Летом-осенью 1942 г. площадь оккупированных советских территорий была максимальной за все время Великой Отечественной войны, под оккупацией оказалось от 37 до 42 % населения СССР. До войны на этой территории проживали от 80 до 88 млн человек [Дацишина, 2018в, 50–63].

На оккупированных территориях возникали новые географические названия, которые прежде не существовали. Известная инструкция «О языковых понятиях на Востоке» (18 июля 1942 г.) должна была ликвидировать путаницу в переписке оккупационных администраций в разных странах и их берлинского руководства. Назовем основные термины, которые обозначались в инструкции.

1. «Оккупационные восточные районы» (*besetzte Ostgebiete*) охватывали все оккупированные советские территории, кроме районов Белостока, Львова, Транснистрии и Карелии.

⁸ Клебер Жан Батист (фр. *Jean-Baptiste Kleber*, 1753–1800) — уроженец Страсбурга, известный военачальник, сподвижник Наполеона Бонапарта.

⁹ Литцман Карл (нем. *Karl Litzmann*, 1850–1936) — германский генерал пехоты, участник франко-прусской войны 1870–1871 гг. В период Первой мировой войны возглавил 3-ю Гвардейскую дивизию. Дивизия успешно действовала в Восточной Пруссии. Во время лодзинской операции попал в окружение, откуда прорвался с боем. После подписания Версальского мира вел прогерманскую пропаганду в Латинской Америке, вступил в НСДАП.

2. «Немецкий восток» (*Deutscher Osten*) — немецкая имперская территория на востоке, которая включала Восточную Пруссию, Данциг, Западную Пруссию, Варгаланд (Вартегау), Верхнюю и Нижнюю Силезию. Данные территории входили в состав Третьего рейха.

3. «Восток» (*Osten*) — вводимое географическое понятие включало районы Прибалтики, Генерал-губернаторства (часть Польши и Западной Украины) и СССР. Данное понятие не включало Японию, Китай, Маньчжурию — эти территории в немецких документах относились к «Восточной Азии» (*Ostasien*).

4. «Восточное пространство» — это вся территория СССР в границах на 22 июня 1941 г.

5. «Восточная Европа» (*Osteuropa*) — географическое понятие, включавшее Прибалтику и СССР (с Кавказом и территорией до Урала). В эту территорию не включалось Генерал-губернаторство на территории Польши, которое сразу было отнесено к Германии.

6. «Балты» (*Balten*) — это не вообще жители Прибалтики, а лишь проживающие там немцы.

7. «Украина» — это понятие включало только территорию созданного на оккупированной территории рейхскомиссариата «Украина», без Транснистрии и Галиции¹⁰.

8. «Советская Россия» — это определение распространялось не на весь Советский Союз, а только на территорию РСФСР [Семиряга, 2000, 229].

Стратегической целью переименований на немецкий лад было объяснение и оправдание немецкого присутствия на советских территориях, а со временем — убеждение населения в том, что оккупация является ничем иным, как торжеством исторической справедливости. Выделим основные тенденции в топонимии на оккупированных советских территориях.

¹⁰ После утраты государственности Украинской ССР в рамках СССР был создан рейхскомиссариат «Украина», разделявшийся на шесть генеральных округов: «Волинь» (Ровенская, Волинская, Каменец-Подольская области, а также южные районы Брестской и Пинской областей БССР), «Житомир» (Житомирская, северные районы Винницкой, а также южные районы Полесской областей БССР), «Киев» (Киевская и Полтавская области), «Николаев» (Николаевская без западных районов и Кировоградская области), «Таврия» (левобережные районы Николаевской и Запорожской областей), «Днепропетровск» (Днепропетровская и часть Запорожской областей). <...> 5 северных и восточных областей Украины... оставались под управлением военной администрации... 1 сентября 1942 г. часть левобережья и северная часть Крыма были переданы РКУ (рейхскомиссариат «Украина»). <...> В августе 1941 г. Львовская, Дрогобычская и Станиславская (ныне Ивано-Франковская) и Тернопольская (без северных районов) образовали дистрикт (округ «Галиция»)... в составе Генерального губернаторства <...> Румыния создала три губернаторства — «Бессарабия» (6 уездов Молдавской ССР, Измаильская область УССР); «Буковина» (некоторые районы Черновицкой области и северные районы Молдавской ССР) и «Транснистрия» (левобережные районы МССР, Одесская область, южная часть Винницкой и западная Николаевской областей) [История Украины].

Онемечивание: пошаговая инструкция

5 октября 1942 г. в передовой статье газеты «Das Hamburger Fremdenblatt» указывалось: «В разрешении задач, связанных с восточным пространством, большое значение уделяется национальному вопросу. Укрепление могущества немецкого народа — предпосылка для разрешения этих проблем. Только при этом условии деятельность немцев приведет к онемечиванию восточного пространства. Впоследствии земли на востоке будут предоставлены немецким крестьянам в больших размерах, однако все эти планы должны быть отложены до окончательной победы» [РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 7, 189].

Говоря о захваченных территориях СССР, Гитлер прямо заявлял, что он заменит славянские географические названия немецкими. Крым надлежало называть *Готенланд*. Во время Нюрнбергского процесса на вечернем заседании 17 апреля 1946 г. бывший министр по делам оккупированных восточных территорий Альфред Розенберг подтвердил, что планировалось переименовать Симферополь в *Готенбург*, Севастополь — в *Теодорихсгафен* [Нюрнбергский процесс, 2017]. В Киеве были переименованы известные улицы: Крещатик стал называться *фон Эйхгорнитрассе*, бульвар Шевченко — *Ровновершитрассе*, ул. Кирова — ул. *Доктора Тодта*, появились улицы *Гитлера*, *Геринга*, *Муссолини* [Кузнецов, 2010, 363]. В центре Одессы и Риги появились улицы *Адольфа Гитлера* [Отечество в Великой войне..., 185].

Топонимия была составной частью оккупационной политики. В пропагандистском дискурсе понятия «свобода» и «освобождение» [Дацишина, 2011б, 216–222; 2012, 66–87; 2019, 31–40] имели две интерпретации: «освобождение от сталинского социализма» и «освобождение от советского / московского / русского присутствия / влияния».

Первым направлением стало исключение из названий советских терминов¹¹. Для новых обозначений, как правило, использовали дореволюционные названия, выведенные из употребления после 1917 г., либо закрепляли названия, конвенционально использовавшиеся местными жителями. Первомайская волость переименовывалась в *Ливскую*, Красноармейская — в *Нацёкинскую*, Красная — в *Сутокскую*, Луначарская — в *Езерищевскую*, Пролетарская — в *Лопатовскую*, Знаменская — в *Чайкинскую*, Калининская — в *Лужковскую*, Чайкинская — в *Луковскую* [РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 1142, 224]. В отдельных случаях использовалось двойное переименование (А меняется на В; В меняется

¹¹ О значимости топонимии советского периода в постсоветской России читатель может судить на основании данных Классификатора адресов Российской Федерации [КЛАДР]. «Декоммунизация» на постсоветском пространстве заимствует известные практики, но идет дальше: в 1942 г. *Кировоград* не был переименован [Жосан, 2013]. Город получил новое название в 2016 г. и по решению Верховной Рады Украины был переименован в *Кропивницкий*.

на С; при этом достигалась главная цель — уничтожались советские обозначения населенных пунктов).

В Брянске улицу Урицкого стали называть улицей *Успенской*; Луначарского — *Старо-Соборной*; пригородный поселок Урицкий — поселком *Мальцевским* [РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 7, 107].

Вторым направлением в топонимике стало переименование топонимов на немецкий лад. Так, например, 29 октября и 1 ноября 1942 г. коллаборантская газета «Вольное Приазовье» напечатала распоряжение и уточнение ортскомендатуры о переименовании улиц Азова [Вольное Приазовье]. Содержание переименования отражает табл. 1.

Таблица 1

Переименование улиц г. Азов во время немецкой оккупации

Довоенное название улиц Азова	Название улиц Азова во время оккупации
Спортивная	Спортивная
Молотова	Ейская
Комсомольская	Пятигорская
Сталина	Гимназическая
Пушкинская	Армавирская
Ленина	Майкопская
Толстовская	Екатеринодарская
Ленинградская	Новороссийская
Московская	Главная
К. Либкнехта	Базарная
Гоголевская	Торговая
Дзержинская	Восточная
Октябрьская	Пейзажная
Коммунистическая	Краснова
Чеховская	Солнечная
<i>Осипенко пер.</i>	<i>Манычский пер.</i>
<i>Сталина пер.</i>	<i>Терский пер.</i>
<i>Колонтаевский пер.</i>	<i>Эльбрусский пер.</i>
<i>Луначарский пер.</i>	<i>Кавказский пер.</i>
<i>Красноармейский пер.</i>	<i>Кубанский пер.</i>

Продолжение табл. 1

Довоенное название улиц Азова	Название улиц Азова во время оккупации
<i>Бибелевский пер.</i>	<i>Почтовый пер.</i>
<i>Буденновский пер.</i>	<i>Атаманский пер.</i>
<i>К. Маркса пр.</i>	<i>Германский пр.</i>
<i>Ворошилова пер.</i>	<i>Косой пер.</i>
Лермонтовская	Чайковская
Крепостная	Сазанская
Генуэзская	Рыбная
Брайловского	Чехонская ¹²
Советская	Окуньская
Энгельса	Рыбацкая
Турецкая	Речная
<i>Пролетарский сп.</i>	<i>Задонский сп.</i>
Шмидта	Северный
Водопьянова	Водопроводный
Р. Люксембург	<i>Сельдяной сп.</i>
Калинина	Ростовская
Ломоносова	Таганрогская
Урицкого	Мариупольская
Достоевская	Севастопольская
Февральская	Крымская
Тургеневская	Керченская
Чкалова	Киевская
Некрасова	Полтавская
Межевая	Межевая
Макаровская	Одесская
Кагановича	Николаевская
Свердлова	Бердянская
Кирова	Очаковская

¹² Уточнение было напечатано 1 ноября 1942 г. В номере от 29 октября 1942 г. было ошибочно указано *Чеховская*.

Окончание табл. 1

Довоенное название улиц Азова	Название улиц Азова во время оккупации
Андреевская	Ялтинская
Куйбышева	Азовская
Украинская	Донская
Киевская	Анатолийская
Донская	Ольгинская
Черноморский	Черноморский
Днепровский	<i>Варварийский пр.</i>
Киевский	Софийский
Кольцовский	Александрийский
Депутатская	Кривая
Крупской	Александровская
Коммунистический	Садовый
Комитетский	Петровский
Морской	Морской
Островский	Павловский

В восточной части города Азова были улицы, традиционно называвшиеся *линиями*, как во многих портовых городах. *1-я линия* была переименована в *Итальянскую*, *2-я линия* — в *Румынскую*, *3-я линия* — в *Японскую*, *4-я линия* — в *Финляндскую*, *5-я линия* — в *Словацкую*, *6-я линия* — в *Испанскую*, *7-я линия* — в *Венгерскую*, и *8-я линия* — во *Фландрийскую* [Вольное Приазовье, № 20]. Союзники нацистской Германии в войне против СССР получали «свой уголок» на оккупированной территории.

В Минске улицы также были переименованы оккупационными властями [Дацишина, 2012, 66–87; РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 7, 124–125] (см. ил.).

Возвращение к дореволюционным топонимам было характерно для всех периодов и зон оккупации. Так, на Кубани, которая была оккупирована летом 1942 г., проводилась активная политика в области топонимии. Станице Ленинградской было возвращено название *Уманская*. В Майкопе улицу Краснооктябрьскую переименовали в *Садовую*, Ленина — в *Клубную*, Пролетарскую — в *Купеческую*, Пионерскую — в *Михайловскую*, Советскую — в *Александровскую*, Карла Маркса — в *Офицерскую* [Кринко, 2000, 44].

В отдельных случаях, если название улицы было написано (выбито) на номерных знаках домов, советские названия улиц могли оставаться.

Мини Минск 124

НАИМЕНОВАНИЕ УЛИЦ гор. МИНСКА
По состоянию на 1.5.43 года

УЛИЦЫ

<u>Новое название</u>	<u>Прежнее название</u>
1) Адрадцениа	1) Мопровская
2) Алеси Гаруна	2)
3) Аэропорта	3) Московская
4) Артиллерийская	4) Пролетарская
5) Бахрейн	5) Чичеринская
6) Бахудевича	6) Краснознаменная
7) Бенца	7) Пульховская
8) Бисмарка	8) Белорусская
9) Брестская	9) Брестская
10) Базарная площадь	10) Свободы площадь.
11) Базарная улица	11) Ленинская
12) Вокзальная	12)
13) <u>Викрова</u>	13)
14) Волоцкая	14) Красновзвездная
15) Варшавская	15) Московская
16) Водный переулок	16)
17) Виленская	17) Виленская
18) Гаусса	18) 2-я Долгобродская
19) <u>Гнейзенау</u>	19)
20) Гродненская	20)
21) <u>Гутенберга</u> переулок	21)
22) <u>Ганзейская</u>	22)
23) Главная	23) Советская
24) <u>Дайшера</u>	24)
25) <u>Дрезденская</u>	25)
26) Длинная	26) Раковского
27) Железнодорожная	27)
28) <u>Западных казарм</u> улица	28) Двержинского
29) Ивановский переулок	29)
30) <u>Ген дер Шляйфе</u> улица	30) 2-я Леккерта

Наименование улиц г. Минска по состоянию на 01.05.1943

- 2 -

31) Камнец улица	31) Григорьевская
32) Кальварии переулоч	32) .
33) Комендантская	33) Карла Маркса
34) Коперника	34)
35) Льняная	35) Новозамковая
36) Левского переулоч	36)
37) Лип	37) Володарского
38) Луцкевича переулоч	38)
39) Луцкевича улица	39) Толстого
40) Лыцова	40) Ново-Романовская
41) Лесная	41)
42) Молодости	42) Тарасовский переулоч
43) Марцинкевича	43)
44) Могилевская	44) Могилевское шоссе
45) Молодечно улица	45)
46) Московская	46)
47) <u>Немецкая</u>	47) Карла Либкнехта
48) <u>Нашенивский переулоч</u>	48) Сергеевская
49) Новый переулоч	49)
50) Николаевская	50) Кропоткина
51) Новоградская	51)
52) Набережная	52) Кожевенная
53) Оперная площадь	53) Парижской коммуны площадь
54) Оперная улица	54) Пролетарская
55) Пивная	55) Александровская
56) Полевая	56)
57) Пехотная	57)
58) Первомайская	58) Первомайская
59) Парковая	59) Госпитальная
60) <u>Потсдамская</u>	60) Красноармейская
61) Поперечная	61)
62) Победа	62) Свердловская
63) Речной переулоч	63)
64) Радио	64) Моисеевская
65) Рижская	65) Комаровская
66) <u>Роберта Коха</u>	66)

- 3 -

125

67) Рентгеновский переулок	67)
68) Рутенский переулок	68)
69) Старовашковая	69) 1-я Долгобродская
70) Стадионная	70) Университетская
71) Садовая	71) Комсомольская
72) Стенная	72) Нижне-Серпуховская
73) Средняя	73) Республиканская
74) Северная	74) Логейский тракт
75) Саперная	75) Московская
76) Сергея Палуяна улица	76)
77) Смоленская	77)
78) Своячный переулок	78)
79) Тиремная	79) Урицкого
80) Танковая	80) Интернациональная
81) Театральная улица	81) Энгельса
82) Театральный переулок	82)
83) Университетская	83)
84) Фабияна-Шантыр	84)
85) Фабричная	85) Оранская
86) Флемир-Шилка	86) Пугачевская
87) Флорион переулок	87)
88) Фуггера	88) Розы Люксембург
89) Хохплац (Высокая площадь)	89) Нижний базар.
90) Церковная	90) Революционная
91) Черный переулок	91)
92) Черноморский переулок	92)
93) Шоссейная	93) Кальварийская
94) Шилл переулок	94)
95) Шверинская	95)
96) Кшная	96) Червеньский тракт
97) Явела Лессика	97)

Ст. дом. Нач. С/О ЦШПЦ
Калитин

(Карпов)

"___" октября 1943г.

Выделим основные направления в области переименований.

1. Общим для всех оккупированных городов стало исчезновение советских названий улиц, мотивированных идеологемами советской эпохи и именами деятелей советского и мирового коммунистического движения: *Интернациональная*, *Революционная*, *Карла Либкнехта*, *Розы Люксембург*, *Луначарского*, *Чичерина*¹³, *Ленина*¹⁴ (например, центральная улица в Курске перестала носить имя Ленина, а стала называться *Хауптштрассе (Hauptstrasse)* [Мелешина, 2005, 44]), *Урицкого*¹⁵, *Энгельса*, *Пролетарская*, *Парижской коммуны*¹⁶, *Комсомольская*, *Кропоткина*¹⁷, *Володарского*¹⁸, *Раковского*¹⁹. С исчезновением советских названий стирался целый период жизни общества, равный жизни одного поколения (20–25 лет).

Была еще одна причина смены конкретных топонимов. В Германии в составленные перечни запрещенных авторов и книг вошли научные труды в области левых социальных учений (марксизм, коммунизм); книги о Веймарской республике; книги, которые без пиетета описывали Первую мировую войну — «смешивали с грязью фронтовиков»; самым широким образом трактовалась графа о книгах, «не отражающих национальные интересы». Поскольку в списки авторов запрещенных книг вошли Роза Люксембург, Карл Либкнехт, Карл Маркс, Иосиф Сталин, Леонид Пантелеев, Бертольд Брехт, Ярослав Гашек, Федор Гладков, Илья Ильф и Евгений Петров, Валентин Катаев, Александра Коллонтай, Глеб Кржижановский, Фердинанд Лассаль, Владимир Ленин, Джек Лондон, Анатолий Луначарский, Карл Маркс, Эрих-Мария Ремарк, Осип Пятницкий, Генрих, Томас и Клаус Манны и др. [www.library.arizona.edu/exhibits/burnedbooks/documents.htm],

¹³ Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936) — советский дипломат, нарком иностранных дел в 1918–1930 гг. В 2016 г. в Российской Федерации 31 улица, семь населенных пунктов и других объектов носили имя Чичерина [http://regforum.ru/kladr/].

¹⁴ После Октябрьской революции 1917 г. улица *Ленина* традиционно была одной из центральных улиц каждого населенного пункта в СССР.

¹⁵ Урицкий Моисей Соломонович (1873–1918) — российский революционный деятель, после Октябрьской революции возглавил Петроградскую ЧК. Широкую известность получил после того, как был застрелен в Петрограде Леонидом Кенигиссером. Имя Урицкого закрепилось как имя борца с белым террором, со сторонниками возвращения царизма. На постсоветском пространстве до сих пор значительное число населенных пунктов, улиц, предприятий носит имя Урицкого.

¹⁶ Парижская коммуна (фр. *Commune de Paris*) — революционное правительство в Париже, которое продержалось 72 дня в 1871 г. После Октябрьской революции 1917 г. посвящение Парижской коммуне стало популярным в урбанистике, поскольку Коммуна расценивалась правящей партией ВКП(б) как образец революционного влияния общества на политические события.

¹⁷ Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921) — российский теоретик анархизма, деятель революционного движения.

¹⁸ Володарский В. (наст. Моисей Маркович Гольдштейн, 1891–1918) — деятель российского революционного движения.

¹⁹ Раковский (наст. Станчев) Христиан Гергиевич (болг. *Кръстьо Георгиев Раковски*, 1873–1941) — деятель международного рабочего движения, один из организаторов советской власти на Украине. В 1919–1923 гг. назначен председателем Совета народных комиссаров Украины.

то исключение производных от данных имен топонимов было почти автоматическим.

2. С учетом политики дерусификации, которая проводилась на территории БССР, УССР и в республиках Прибалтики, из названий исчезали не только советские наименования, но и имена российских исторических деятелей и представителей российской культуры, последовательно уничтожались «следы русского влияния». В рамках поддержки сепаратистских настроений на Дону (Азов) уничтожались топонимы, связанные не только с российскими деятелями культуры (исчезали улицы *Пушкинская*, *Толстовская*, *Тургеневская*), но и свидетельства украинского присутствия (*Украинская*, *Гоголевская*) [Вольное Приазовье].

3. Поддерживая сепаратистские и националистические настроения, оккупационные власти называли некоторые улицы именами национальных деятелей культуры. В целях внесения раскола между казачеством и кавказскими народами в пропаганде подчеркивалось дружеское расположение германской армии к казачеству, с одной стороны, и превосходство казачества над горским населением, с другой стороны. Пропаганда обещала восстановить сословные привилегии казачества и даже создать особое казачье государство [Кринко, 2000, 78]. В 1942 г., во время наступления на Кавказ, в целях мобилизации населения в названии оккупационных изданий использовались лексемы *воля*, *казак* и производные от них: «*Вольное Приазовье*», «*Вольный казак*», «*Воля народа*», «*Казачий смех*», «*Казачий вестник*», «*Казачий листок*», «*Казачьи думы*», «*Казачья земля*», «*Казачья лава*», «*Казак*», «*Казачий клинок*» и пр. [Грибков, 2016, прил. 1, 240–253].

При оккупации Кавказа ставка на национальный и этнический раскол находила отражение в пропагандистском дискурсе: акцент переносился на непокорность кавказских народов Москве; исторические сюжеты войн Шамиля²⁰ и колонизаторскую политику царизма. При этом подчеркивалось, что немецкая армия лишь следует по пятам за отступающим врагом и не имеет цели поработить кавказские народы [Кринко, 2000, 78; Дацишина, 2018а, 385–406; 2018б, 52–58]. Немцы провозглашали, что будут уважать языки семидесяти двух народов Кавказа (см. фильм «*Kameraden Unterm Edelweiss*», 1943, реж. Вольфганг Гортнер [Товарищи под знаком Эдельвейса]). При этом 21 июня 1944 г. в речи, не предназначенной для публикации в германской прессе, Гиммлер отмечал, что его прежде всего устраивает «удобство» ислама, поскольку это упрощает мотивацию солдат: «С организацией мусульmano-боснийской дивизии СС создана совершенно “церковная дивизия”. Вы правильно услышали <...> Каждый батальон имеет своего имама <...> я ничего не имею против ислама, ибо он воспитывает для меня своих людей в этой дивизии и обещает им рай, если они дрались и погибли в бою <...>»

²⁰ Шамиль (авар. *Шамил*, 1797–1871) — предводитель горцев в войне против Российской империи.

Религия очень практичная и симпатичная для солдат!» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 322, 171; Himmler Speeches].

Отметим, что советская контрпропаганда также учитывала многоязычие кавказских народов. В ноябре 1942 г. из Тбилиси были организованы радиотрансляции для оккупированных территорий на кабардинском, адыгейском и осетинском языках [РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 125, 42].

В апреле 1942 г. отделы пропаганды вермахта направляли указания в воинские подразделения: «украинский народ видит в Германии своего освободителя от коммунистического господства <...> только при деятельном сотрудничестве с украинским населением станет возможным полностью использовать для нашего хозяйства большую производительную силу страны» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 96, 168].

В рамках политики дерусификации в оккупированных белорусских городах улицы были названы именами лидеров белорусской эмиграции в Литве, которые объединялись вокруг журнала «Наша нива» в 1920-х гг. В качестве примера приведем наименование улиц и переулков в честь деятелей Белорусской Народной Рады периода 1920-х гг. — братьев Луцкевичей и Сергея Полуяна, Фабиана Шантыра; наименование *Нашенивский* пер. (от названия журнала «Наша Нива»; журнал был трибуной белорусской эмиграции в Литве в 1920-х гг.). Одна из минских улиц была названа в честь поэта Алеся Гаруна. Этот псевдоним носил Александр Владимирович Прушинский, активный участник национального и революционного движения начала XX в. [РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 7, 124–125]. Он провел девять лет в иркутской ссылке, активно выступал за белорусское национальное возрождение, умер в Польше в 1920 г.

В нацистской пропаганде использовался один из приемов снижения сопротивления населения: путем различных туманных обещаний пропаганда старалась нейтрализовать население либо привлечь его на свою сторону. В плакатах и листовках, напечатанных миллионными тиражами, содержались намеки на решение вопроса о государственной самостоятельности: «пробил час вашего освобождения», «вы теперь можете взять власть в свои руки», «помогайте германскому командованию установить власть, свободную от большевистских тиранов». Однако в действительности ни о каком создании даже марионеточных правительств речи не шло. Значительная часть националистов оказалась в тюрьмах. В рижской тюрьме, нередко в одной камере, находились и лояльные советской власти жители Риги, и откровенные националисты. Режим оккупации лишал государственности, культуры, средств к существованию, истреблял народы тысячами, но в пропаганде преподносил оккупацию как освобождение и защиту национальных интересов [РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 13, 26 об.].

4. Ставка на победу в молниеносной войне также нашла отражение в топонимии: улицы нередко получали название *Виктория штрассе*. В конце лета — начале осени 1941 г. в переписке различных инстанций на оккупированных территориях

стали появляться распоряжения о необходимости подготовки празднований на открытом воздухе по случаю взятия Москвы, а также обязательного переименования кафе, ресторанов и одной из улиц населенных пунктов с использованием названия *Виктория*. С учетом последовательного раскола славянских народов особое внимание этому событию должно было уделяться на территории оккупированной Польши и Чехословакии. Часть питейных заведений и улиц действительно была переименована с учетом данных указаний. После разгрома немцев под Москвой прежние названия не возвращались [РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 262, 135–140].

5. В документах различных ведомств нацистской Германии подчеркивалось, что вся Прибалтика должна стать частью рейха. Летом 1941 г. рейхсминистр по делам оккупированных восточных территорий А. Розенберг писал, что целью имперского уполномоченного в Эстонии, Латвии и Литве должно быть создание германского протектората с тем, чтобы впоследствии превратить эти области в составную часть «Великой Германской империи путем германизации подходящих в расовом отношении элементов, колонизации представителями германской расы и уничтожения нежелательных элементов. Балтийское море должно стать внутренним германским морем под охраной великой Германии» [Нюрнбергский процесс, 2, 549–551]. После того как в рейхскомиссариате «Остланд» немецкий язык стал государственным, улицы Риги были переименованы на немецкий лад: улица *Бривибас* («Свободы») была переименована в улицу *Адольфа Гитлера*; именно на этой улице печатались учебники для оккупированных территорий [Дацишина, 2011а, 80–88]. Исчезли улицы *Яна Райниса*²¹ и *Вальдемара*²², названные в честь известных деятелей национального движения за независимость Латвии. 14 июля 1943 г. в рейхскомиссариате «Эстония» глава Эстонского самоуправления обязал все эстонские учреждения и организации «употреблять в переписке с немецкими учреждениями наименования на немецком языке: 1) при именовании уездов, уездных городов и городов, не подчиненных уездам; 2) при употреблении географических названий для именовании островов Сааремаа и Хийумаа, озер Пейпси и Пихква, реки Эмайыги и Пярну» [Немецко-фашистская оккупация..., 21]. 6 ноября 1942 г. в сообщении бригаденфюрера СС Шталекера Главному имперскому управлению безопасности в Берлине упоминалось о распоряжении Гимmlера: «онемечивание Эстонии должно занять продолжительный срок (приблизительно 20 лет) с тем, чтобы онемечить крепкую и расово полноценную часть эстонского народа в культурном

²¹ Райнис Ян (наст. Пликшанс Янис, лтш. *Pliekšāns Rainis*, 1865–1929) — латышский поэт, переводчик, политик, один из авторов конституции Латвии, духовный лидер латышского народа.

²² Вальдемар Кришьянис (лтш. *Krišjānis Valdemārs*, 1825–1891) — латышский общественный деятель второй половины XIX в. В 1862–1865 гг. А. Вальдемар вместе с Ю. Алунан и К. Барон издавали в Петербурге газету «Петербургас авизес» («Петербургская газета»). В 1878 г. при его участии было основано Благотворительное общество петербургских латышей.

и политическом отношении. Кроме того, следует среди них поселить имперских немцев» [Немецко-фашистская оккупация..., 20].

Deutschland uber alles?

Переименование улиц на немецкий лад шло в нескольких направлениях. Самым популярным направлением было встраивание нацизма в контекст европейской и мировой истории. Национал-социалисты объявляли себя наследниками великого прошлого Германии, продолжателями ее лучших традиций.

Во-первых, улицы стали носить имена политических лидеров Германии, которые символизировали ее величие в прошлом (Отто фон Бисмарк²³, Фуггер²⁴). Во-вторых, улицы назывались в честь представителей немецкой науки и культуры, которые действительно внесли значительный вклад в мировую науку и культуру (улицы и переулки, названные в честь Вильгельма Рентгена²⁵, Фридриха Гаусса²⁶, Роберта Коха²⁷; культовыми для политической элиты нацистской Германии были имена автомобильных конструкторов Карла Бенца²⁸, Готтлиба Даймлера²⁹). В-третьих, переименования осуществлялись в честь военных деятелей, которые являлись знаковыми фигурами для политической и военной элиты нацистской Германии (Адольф фон Лютцов³⁰, ср. также *Лютцовплац* и *Лютцовитрассе* в Берлине во время Второй мировой войны [Васильчикова, 1994, 124], Вильгельм

²³ Бисмарк Отто фон (нем. *Otto von Bismarck*, 1815–1898) — крупнейший немецкий государственный деятель. Первый канцлер Германской империи (Второй рейх). В течение 1859–1862 гг. был посланником прусского императора в Санкт-Петербурге.

²⁴ Фуггер (нем. *Fugger*) — знаменитый род купцов и банкиров Германии в XV–XVII вв.

²⁵ Рентген Вильгельм Конрад (нем. *Conrad Wilhelm Rontgen*, 1845–1923) — знаменитый немецкий физик, которому принадлежит открытие рентгеновских лучей. Стал первым лауреатом Нобелевской премии (1901) в области физики. Переименование белорусской улицы в улицу *Рентгена* не помешало немцам разбомбить в 1942 г. в течение одного дня Институт Рентгена и улицу Рентгена, а также разрушить бронзовый памятник Рентгену в Ленинграде.

²⁶ Гаусс Фридрих Карл (нем. *Carl Friedrich Gauss*, 1777–1855) — немецкий математик с мировым именем. В 1824 г. был избран членом Петербургской академии наук.

²⁷ Кох Роберт (нем. *Robert Koch*, 1843–1910) — крупнейший микробиолог, открывший бациллу сибирской язвы, холерный эмбрион. В 1905 г. за открытие туберкулезной палочки и исследования туберкулеза был награжден Нобелевской премией в области физиологии и медицины.

²⁸ Бенц Карл (нем. *Carl Benz*, 1844–1929) — немецкий изобретатель, инженер, автоконструктор. В 1926 г. объединил свою компанию с фирмой Даймлера, образовал известную «Даймлер-Бенц», которая существует до сегодняшнего дня.

²⁹ Даймлер, Готтлиб (нем. *Gottlib Daimler*, 1834–1900) — немецкий инженер, конструктор и промышленник. Разработал вместе с Вильгельмом Майбахом первый автомобиль (1889) и несколько типов двигателей внутреннего сгорания.

³⁰ Лютцов Адольф фон (нем. *Adolf Wilhelm Freiherr von Lütow*, 1782–1834) — «немецкий Денис Давыдов»; будучи бароном, возглавил партизанскую войну в тылу врага во время оккупации Пруссии Наполеоном Бонапартом. В его честь в Германской империи был назван линейный крейсер «Лютцов»; в нацистской Германии — тяжелый крейсер «Лютцов» и дивизия СС.

Гнейзенау³¹). В-четвертых, использовались немецкие топонимы (*Хохплац*³², *Флориан*³³). В-пятых, улицы получали имена, символизировавшие историческую обусловленность оккупации, так как захваченные области якобы традиционно входили в сферу немецкого влияния (*Ганзейская*³⁴). В-шестых, улицы назывались в честь немецких городов или аналогичных улиц в них (*Потсдамская*, *Дрезденская*, *Немецкая*; улица *Lip* семантически отсылала к знаменитой берлинской *Unter den Linden* — «Улице под липами»). Иногда представители оккупационных администраций, участвовавшие в программе переименования, называли улицу оккупированного города в честь своего родного города. Аналогия с немецкими топонимами часто встречается в переписке сотрудников Имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий. Например, 10 июля 1941 г. один из них в письме Розенбергу, описывая размеры лагеря для советских военнопленных в Минске, уточнял, что он занимает территорию не более, чем Вильгельмплац в Берлине [В непокоренном Минске, 30].

О параллельных процессах в антропонимии

В Германии после прихода к власти нацистов новорожденным стали давать древнегерманские имена. Например, если родители до прихода к власти нацистов давали дочери имя *Christa*, то впоследствии начинали записывать ее как *Krista*, что более соответствовало германскому написанию. Вторую дочь называли уже старогерманским именем: *Хильде*, *Хельга*, *Хайдрун* — так назвал своих дочерей и Геббельс. Популярными после прихода нацистов к власти стали имена *Дутер*, *Детлев*, *Уве*, *Маргит*, *Ингрид*, *Ута* [Клемперер, 1998, 100].

³¹ «Гнейзенау» (нем. *Gneisenau*) — немецкий линкор Второй мировой войны (особенно активно использовался против британских конвоев и боевых соединений в 1940 г.), названный в честь фельдмаршала и реформатора Прусской армии Августа Вильгельма Гнейзенау и в память о затопленном в годы Первой мировой войны одноименном немецком крейсере. *Гнейзенау* во всех трех смысловых контекстах — крейсера двух мировых войн и имя собственное известного прусского военного деятеля периода антинаполеоновских войн — были знаковыми для представителей военной элиты нацистской Германии. В марте 1945 г. Геббельс записал в дневнике, что читает меморандумы 1808 г. военного деятеля периода Наполеоновских войн Гнейзенау и там черпает новые сведения об организации народной войны [Геббельс, 1998, 76].

³² *Хохплац* — предположительно, транслитерация с немецкого в донесениях с оккупированных территорий: от нем. *Hoher Platz* ‘высокая площадь’.

³³ Название может восходить к имени *Флориан Гайер* (один из наиболее почитаемых героев Крестьянской войны XVI в. в Германии; в нацистской Германии 9 сентября 1942 г. имя Флориана Гайера было присвоено 8-й Кавалерийской дивизии СС).

³⁴ Ганза (от нем. *Hanza*) — союз немецких городов XII–XVII вв. для защиты торговли, с одной стороны, от власти феодалов, с другой стороны — от пиратства. В союз входили немецкие города или города с немецким населением, которые имели право самостоятельного управления. Ганза имела свои представительства в ряде городов Европы, в том числе в русском Новгороде. Захват Данцига освещался в нацистской пропаганде как законное возвращение Германии города — члена Ганзейского союза.

По поводу увлечения национал-социалистов старогерманскими именами иронизировали известные писатели-антифашисты. В романе Ремарка «Возлюби ближнего своего» нацист-осведомитель так комментирует свое имя:

— Вас зовут Гайнц?

<...>

— Гайнц-Карл-Госвин. Госвин с одним «с».

— Госвин довольно редкое имя.

— Но зато истинно германское. Древнегерманское. Некий король Госвин жил еще во времена переселения народов [Ремарк].

С началом войны против СССР лидеры нацистской партии стали давать своим новорожденным имена «в честь святой веры в германскую победу, в честь величайшей эпохи в германской истории»: так, Роберт Лей свою четвертую дочь, родившуюся в июне 1941 г., назвал *Глория* [Герцштейн, 1996, 218]. В архивах автор пока не обнаружил документов о рекомендациях в выборе имен при регистрации младенцев на оккупированных советских территориях. Не располагает он и информацией о том, какие имена были самыми популярными при записи новорожденных.

Проявлением смежного процесса можно считать введение системы новых обращений в зоне оккупации. Так, на собраниях по выбору сельских старост в дд. Жилетово, Тонино, Осеньевская Слободка и др. Московской области было заявлено, что называть друг друга «товарищами» не нужно, обращаться друг к другу «гражданин», а к старосте — «господин» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 94, 18].

Очень сложно наблюдать процесс, который от изменений, внесенных в вербальную сферу, приводит к изменениям в реальной жизни. Однако можно видеть результаты данного процесса. Язык «проговаривается». 14 сентября 1942 г. в докладной записке на имя главного редактора газеты «Правда» П. Н. Поспелова военный корреспондент Борис Полевой писал, что после освобождения населенных пунктов, обращаясь к представителям Красной армии, местное население называет их «господин командир», «господин комиссар» и даже почему-то «пантоварищ» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 104, 148].

Заключение

Когда Красная армия освобождала города, переименованные на немецкий лад улицы раздражали советских солдат: «действовало на нервы то, что названия наших деревень написаны по-немецки, да еще с искажениями, выявляющими чужой акцент» [Ржевская, 2010, 43], раздражали «кривляющиеся на домах готические буквы» [Эренбург, 2004, 468]. Переименование улиц на оккупированных территориях СССР помогало в последовательном решении нескольких задач: 1) стирание 25-летнего периода советской истории; 2) отбрасывание

на исторический отрезок начала XX в.; 3) последовательная дерусификация топонимов; 4) агрессивная экспансия другого языка; 5) утверждение превосходства страны-оккупанта; 5) насаждение новых героев, новых образцов для подражания; 6) декларация исторической предопределенности оккупации, убеждение населения, что данные территории были исторически интегрированы в экономические и культурные отношения с немецкими городами, испытали значительное немецкое влияние. Адресация к средневековому Ганзейскому союзу красной нитью проходила в публичных выступлениях глав оккупационных администраций. В январском выступлении 1942 г. глава рейхскомиссариата «Остланд» Генрих Лозе утверждал: «Мы, вступившие подобно рыцарскому ордену и ганзейским купцам на исторический путь великих политических традиций, путь, ведущий с Запада <...> на Восток, вдвойне почувствовали величие и ответственность нашей задачи» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 92, 150].

В разных зонах оккупации онемечивание топонимов имело различную динамику. Чем дальше оккупированные области находились от западной границы СССР, тем реже использовались немецкие названия при переименовании. На территории БССР, УССР и республик Прибалтики новые названия чаще имели немецкое происхождение, чем на оккупированной территории РСФСР. С одной стороны, это было связано с сохранившимися топонимами немецкого происхождения и территориями, где немецкое население компактно проживало с XVIII в. (в 1940 г. только в Западной Белоруссии проживало около 30 000 протестантов, большинство из которых были немцами и литовцами [РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 44, 15]). По данным переписи 1927 г., исправленным и дополненным, количество немецкого населения в СССР представлено в табл. 2 [РГАСПИ, ф. 17, оп. 114, д. 316, 87].

Таблица 2

Немецкое население в СССР до Великой Отечественной войны

Территория	Тыс. чел.
Немецкая республика	380
Украина и Молдавия	450
Северный Кавказ	110
Западная и Восточная Сибирь	120
Крым	50
Нижневолжский край (кроме Немецкой республики)	45
Средневолжский край	25
Казахстан	80

Окончание табл. 2

Территория	Тыс. чел.
Киргизия	8
Башкирия	30
Закавказье	25
Среднеазиатские республики	8
Белоруссия	7
Ленинградская область	80
Московская область (кроме иностранных немецких рабочих ³⁵)	10
Дальний Восток	8
Центрально-Черноземная область	7
Всего	1 393

С другой стороны, западные области оккупации воспринимались как надежно завоеванные, где новая власть чувствует себя уверенно, а потому данные территории можно было смело объявлять «областью рейха». Топонимия отражала планы нацистской Германии в отношении каждой из частей СССР. Вне зависимости от зоны оккупации главной целью переименований на немецкий лад было обоснование легитимности оккупационного режима в целях дальнейшей германизации захваченных территорий.

Источники

Васильчикова М. Берлинский дневник 1940–1945. М. : Наше наследие, 1994.

В непокоренном Минске : документы и материалы о подпольной борьбе советских патриотов в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — июль 1944) / сост. Л. В. Аржаева, П. П. Липило. Минск : Беларусь, 1987.

Вольное Приазовье (Азов). № 20. 29.10.1942; № 21. 01.11.1942.

Геббельс Й. Дневники 1945 года: Последние записи. Пер с нем. / вступ. слово и общ. ред. А. А. Галкина. Смоленск : Русич, 1998.

КЛАДР — Классификатор адресов Российской Федерации. URL: <http://kladr-rf.ru/>.

Кузнецов А. Бабий Яр. М. : Астрель, 2010.

³⁵ К середине 1932 г. в Советском Союзе находилось около 11 000 немецких рабочих, приглашенных на различные виды производств (Московская область — 1 600, Ленинград — 2 000, Урал — 3 000, Донбасс — 1 000, Нижневолжский край — 800, Северный Кавказ — 500, Сибирь — 500, в других городах СССР — около 1 000 человек). Вместе с членами семей число иностранных немецких рабочих составляло до 17 000 человек. В СССР на немецком языке выходили центральные, областные, районные газеты, их тираж составлял от 1 500 до 20 000 экземпляров. Общее число достигало 24 наименований. Часть приехавших изъявили желание остаться в СССР и принять советское гражданство [подробнее см.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 114, д. 316, 86, 87, 88].

- Мелешина А. М. Военные записки штатского человека. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2005.
- Немецко-фашистская оккупация в Эстонии (1941–1944) : сб. документов и материалов / ред. Б. Л. Тамм. Таллин : [б. и.], 1963.
- Нюрнбергский процесс : в 2 т. : сб. материалов / под общ. ред. К. П. Горшенина. 3-е изд. М. : Юридическая литература, 1955.
- Нюрнбергский процесс: протоколы допросов главных военных преступников / пер. с англ. С. Мирошниченко. М. : Военная литература, 2017. URL: http://militera.lib.ru/docs/da/np_doprosy/rosenberg-p.html.
- Отечество в Великой войне 1941–1945 гг.: Образы и тексты / под общ. ред. А. К. Сорокина, А. Ю. Шутова. М. : Политическая энциклопедия, 2015.
- РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории (Москва).
- Ремарк Э. М. Возлюби ближнего своего. URL: <https://e-libra.ru/read/349656-vozlyubi-blizhnego-svoego.html>.
- Ржевская Е. М. Далекий гул : повести, рассказы. М. : Эксмо, 2010.
- Товарищ под знаком Эдельвейса / Kamaraden unterm Edelweis (Германия) 1942 год. URL: https://voenkhronika.ru/publ/vtoraja_mirovaja_vojna_germanija_khronika_tovarishhi_pod_znakom_ehdelvejsa_kamaraden_unterm_edelweis_germanija_1942_god/23-1-0-341.
- Эренбург И. Г. Война. 1941–1945. М. : КРПА Олимп : Астрель : АСТ, 2004.
- Himmler Speeches. The Speeches of SS Chief Heinrich Himmler. URL: <http://www.worldfuturefund.org/wffmaster/Reading/Germany/Himmlerspeeches.htm>.

Исследования

- Герцштейн Р. Э. Война, которую выиграл Гитлер / пер. с англ. А. Л. Уткина, А. В. Бушуева, И. С. Соколова ; под общ. ред. Г. Ю. Пернавского. Смоленск : Русич, 1996.
- Грибков И. В. Газеты на оккупированной территории СССР на русском языке в период Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.): историко-лингвистическое исследование : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Рос. гос. гуманитар. ун-т. М., 2016. Приложение 1, с. 240–253.
- Даццишина М. В. Учебники от Гитлера: программа нацистов по социализации молодежи на оккупированных советских территориях // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2011а. № 1. С. 80–88.
- Даццишина М. В. Семантика текста как инструмент социального управления (из практики нацистской пропаганды на временно оккупированных советских территориях, 1941–1944 гг.) // Семиозис и культура: от текста к реальности — от реальности к тексту : сб. науч. ст. / под науч. ред. И. Е. Фадеевой, В. А. Сулимова. Сыктывкар : КГПИ, 2011б. С. 216–222.
- Даццишина М. В. Язык как инструмент власти: немецкий язык для временно оккупированных советских территорий // Вопросы языкознания. 2012. № 1. С. 66–87.
- Даццишина М. В. Мобилизовать Восток: практики пропаганды нацистской Германии в Турции // Сборник АН ЧР и Комплексного НИИ РАН. 2018а. № 7. С. 385–406.
- Даццишина М. В. Провал пропаганды гитлеровской Германии в Турции // Военно-исторический журнал. 2018б. № 7. С. 52–58.
- Даццишина М. В. Полномочия на убийство: история Ванзейской конференции // Вопросы всеобщей истории. 2018в. № 20. С. 50–63.
- Даццишина М. В. Лингвистическое обеспечение войны: практики Германии на оккупированной территории СССР в 1941–1944 гг. // Военно-исторический журнал. 2019. № 10. С. 31–40.
- Жосан А. Е. Школьная учебная литература в Украине во время немецкой оккупации. 1941–1944 гг. // Наукові записки. Сер. «Педагогіка». 2013. № 1. С. 9–14.
- История Украины : науч.-популярные очерки / под. ред. акад. В. А. Смолия. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1035931/Istoriya_Ukrainy_Nauchno-populyarnye_ocherki.html.

- Клемперер В. ЛТЛ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога / пер.с нем. А. Б. Григорьева. М. : Прогресс-Традиция, 1998.*
- Кринко Е. Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп : Изд-во АГУ, 2000.*
- Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявление в годы Второй мировой войны. М. : Росспэн, 2000.*

Рукопись поступила в редакцию 13.02.2019

* * *

Дацишина Марина Викторовна

кандидат исторических наук, главный специалист
Российский государственный архив социально-политической истории
125009, Москва, ул. Большая Дмитровка, 15
E-mail: ditrich@list.ru

Datsishina, Marina Viktorovna

PhD, Principal Specialist
Russian State Archive of Social and Political History
15, Bolshaya Dmitrovka Str., 125009 Moscow, Russia
Email: ditrich@list.ru

Marina V. Datsishina

Russian State Archive of Social and Political History
Moscow, Russia

**PLACE RENAMING AND GERMAN POLICY-MAKING
IN TEMPORARILY OCCUPIED SOVIET TERRITORIES**

The article discusses the transfer of territory-remapping strategies by Nazi Germany from Europe to the occupied territories of the USSR, with a particular focus on place renaming. Measures concerning toponymy and onomastics were generally well-rooted in the policy of the Third Reich. In the year of 1942, as the German occupation zone in the Soviet Union reached its peak for the whole period of the war, specific guidelines for renaming were issued to secure the acclaimed territories. On the functional side, the guidelines were to eliminate confusion in the correspondence between administrative bodies of the occupied lands and their Berlin leadership. The author shows that each renaming decision could be due to several factors, but ultimately these were meant to contribute to further legal and cultural appropriation of the occupied territories and their subsequent Germanization. Renaming of places in the German way took different forms. Most commonly, it went through the integration of the Nazi ideology into the context of European and world history. The national socialists declared themselves heirs to Germany's great past, the successors of its best traditions. The "Germanization" of place names in different occupation zones had different dynamics. Logically, the farther the occupied territories were from the Western border of the USSR, the fewer German names they featured. The article showcases how the "derussification" policy was used to disrupt the links with the Soviet past, to foster separatist tendencies, and ultimately to verbalize the expectations of a "blitzkrieg" victory. Renaming of toponymic objects also aimed to reduce the population's

resistance to occupation, as well as increase the loyalty to the occupiers. The paper builds on archival documents, the occupation press, eyewitness accounts.

К е у о r d s: Nazi Germany, language expansion, temporarily occupied Soviet territories, топониму, conqueror discourse, social linguistics.

- Datsishina, M. V. (2011a). Uchebniki ot Gitlera: programma natsistov po sotsializatsii molodezhi na okkupirovannykh sovetskikh territoriiakh [Textbooks from Hitler: Nazis Program for Youth Adaptation in the Occupied Soviet Territories]. *Alma Mater (Vestnik vysshei shkoły)*, 1, 80–88.
- Datsishina, M. V. (2011b). Semantika teksta kak instrument sotsial'nogo upravleniia (iz praktiki natsistskoi propagandy na vremennno okkupirovannykh sovetskikh territoriiakh, 1941–1944 gg.) [Text Semantics as an Instrument of Social Management (the Case of Nazi Propaganda in the Temporarily Occupied Soviet Territories, 1941–1944)]. In I. E. Fadeeva, & V. A. Sulimov (Eds.), *Semiozis i kul'tura: ot teksta k real'nosti — ot real'nosti k tekstu* [Semiosis and Culture: from Text to Reality — from Reality to Text] (pp. 216–222). Syktyvkar: KGPI.
- Datsishina, M. V. (2012). Iazyk kak instrument vlasti: nemetskii iazyk dlia vremennno okkupirovannykh sovetskikh territorii [Language as an Instrument of Power: German Language in Temporarily Occupied Soviet Territories]. *Voprosy jazykoznanija*, 1, 66–87.
- Datsishina, M. V. (2018a). Mobilizovat' Vostok: praktiki propagandy natsistskoi Germanii v Turtsii [Mobilize the East: Nazi Germany Propaganda Practices in Turkey]. *Sbornik AN ChR i Kompleksnogo NII RAN*, 7, 385–406.
- Datsishina, M. V. (2018b). Proval propagandy gitlerovskoi Germanii v Turtsii [Failure of Nazi Germany Propaganda in Turkey]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, 7, 52–58.
- Datsishina, M. V. (2018c). Polnomochiia na ubiistvo: istoriia Vanzeiskoi konferentsii [An Authority to Kill: A History of the Wannsee Conference]. *Voprosy vseobshchei istorii*, 20, 50–63.
- Datsishina, M. V. (2019). Lingvisticheskoe obespechenie voiny: praktiki Germanii na okkupirovannoi territorii SSSR v 1941–1944 gg [Linguistic Support of the War: German Practices in the Occupied Territory of the USSR in 1941–1944]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, 10, 31–40.
- Gerzstein, R. E. (1996). *Voина, kotoruiu vyigral Gitler* [The War Hitler Won]. Smolensk: Rusich.
- Gribov, I. V. (2016). *Gazety na okkupirovannoi territorii SSSR na ruskom iazyke v period Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1944 gg.): istochnikovedcheskoe issledovanie* [Newspapers in Russian in the Occupied Territory of the USSR during the Great Patriotic War (1941–1944): A Source Study] (doctoral dissertation, suppl. 1, pp. 240–253). Russian State University for the Humanities, Moscow.
- Klemperer, V. (1998). LTI. *Iazyk Tret'ego reikha. Zapisnaia knizhka filologa* [LTI. The Language of the Third Reich. A Philologist's Notebook]. Moscow: Progress-Traditsiia.
- Krinko, E. F. (2000). *Zhizn' za liniei fronta: Kuban' v okkupatsii (1942–1943 gg.)* [The Life beyond the Front Line: Kuban Region during Occupation (1942–1943)]. Maikop: Izd-vo AGU.
- Semiriaga, M. I. (2000). *Kollaboratsionizm. Priroda, tipologiia i proiavlenie v gody Vtoroi mirovoi voiny* [Collaborationism. Nature, Typology and Manifestations during the Second World War]. Moscow: Rosspen.
- Smolii, V. A. (Ed.). (2008). *Istoriia Ukrainy: nauchno-populiarnye ocherki* [History of Ukraine: Essays]. Moscow: OLMA Media Group.
- Zhosan, A. E. (2013). Shkol'naia uchebnaia literatura v Ukraine vo vremia nemetskoii okkupatsii. 1941–1944 gg [School Textbooks in Ukraine during the German Occupation. 1941–1944]. *Naukovi zapiski. Ser. "Pedagogika"*, 1, 9–14.

Received on 13 February 2019

DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.007
УДК 811.581'373.21 + 811.161.1'373.21 +
+ 81:39

Мо Ли (李墨)*
Е. С. Рябцева**

*Санкт-Петербургский
государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

**Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ГОДОНИМИЯ ШАНХАЯ И ЕКАТЕРИНБУРГА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ*

В статье представлены результаты сопоставительного анализа топонимов (названий улиц) Шанхая и Екатеринбурга с точки зрения их мотивировки. Поднимается вопрос о влиянии истории на формирование топонимической системы каждого города. Приводятся краткие характеристики основных этапов в истории Шанхая, связанных с определенными доминантами в номинации улиц: древнему периоду присуща естественная номинация, особая стилистика имен, воспринимаемая современными носителями языка как классическая или «древняя»; период концессии ознаменован сильным европейским влиянием на номинацию линейных объектов; период после Синьхайской революции и период после образования КНР отличаются использованием идеологических концепций, лежащих в основе номинации городских объектов. Опираясь на семантическую классификацию топонимов, разработанную Ю. А. Качалковой, авторы выделяют три основные группы топонимов (мемориальные, дескриптивные и условно-символические); внутри каждой из групп для каждого города отмечаются специфические черты культурного фона, стоящие за формально схожими типами имен. В частности, имена гор, лежащие в основе топонимов в китайской культуре, помимо простой отсылки к физическим объектам,

* Исследование проводится при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00586 «Урбанонимы как часть языкового ландшафта города: традиции и перспективы рационального развития».

© Ли Мо, Рябцева Е. С., 2020

носят еще и символический характер. Выявляются номинативные модели, уникальные для российской и китайской годонимических систем (например, в годонимии Шанхая присутствует обращение к культурно значимым текстам, использование основополагающих концептов, записанных «старым стилем», образы мифологических животных; для именника улиц Екатеринбурга характерно включение в образный пласт сферы быта и технологий). Приводятся примеры структурно-семантических отличий в образовании годонимов (в частности, использование набора идеологем, не составляющих целостного словосочетания, на определенном историческом этапе шанхайской годонимии). Высказывается предположение о том, что некоторый опыт номинации улиц в Шанхае, в частности связь местоположения улицы в городе с географическим положением объекта, по которому она названа, мог бы быть использован в отечественной практике.

Ключевые слова: ономастика, урбанонимия, годонимия, семантика онимов, номинативная модель, Шанхай, Екатеринбург.

Термином *годонимы* принято обозначать названия линейных объектов населенных пунктов, т. е. улиц, проспектов, переулков и т. д. [см.: Егорова, 2018; Разумов, 2015]. Годонимы как наиболее востребованный тип онимов городского пространства выполняют функцию пространственной, временной и культурной ориентировки человека, поскольку, служа маркерами пространства, они в то же время отображают исторические этапы развития того или иного города, а также идейные доминанты, присущие определенному периоду либо типу культуры [см.: David, 2013].

В данной статье предпринята попытка сопоставительного анализа названий улиц Шанхая и Екатеринбурга¹. Основными источниками материала являются «Сборник годонимов Шанхая» [上海市路名大全], Архив топонимии Шанхая [上海地名志], а также справочники по названиям улиц Екатеринбурга (Свердловска) [Екатеринбург, 2001; 2002].

Разница в грамматико-синтаксическом устройстве китайского и европейских языков приводит к тому, что сопоставительные исследования годонимии чаще сосредоточиваются на выявлении отличий структурного свойства [см.: Ван Ли, 2005; Цуй Яосиньянь, 2018]. Но не меньший, а возможно и больший, интерес вызывает обращение к семантической составляющей имен, поскольку, как отмечает А. М. Мезенко, в ней «отражены ценностные культурные представления этносоциумов, историческая смена культурных и ценностных стереотипов общества» [Мезенко, 2011, 389]. Сопоставительные исследования семантических моделей, таким образом, предполагают возможность поиска универсалий, а также ознакомления с другим ономастическим опытом, достойным признания и потенциально пригодным для применения в номинативной практике.

¹ Эта статья является продолжением опубликованного ранее исследования, посвященного годонимии Шанхая и формированию при помощи годонимии образа города [см.: Коган, Мо, 2018].

Выбор топонимической системы Шанхая в качестве объекта исследования обусловлен особенностью отношения к топонимии, формирующей образ города: как и в большинстве китайских городов, в Шанхае в те или иные периоды его истории реализовывались разные номинативные подходы, связанные с историко-идеологическими изменениями во времена зарубежного влияния, а также установления коммунистического строя. Опыт именно шанхайского «присвоения» западных моделей номинации улиц был впоследствии распространен на урбанистические системы китайских городов в целом, а также способствовал созданию образа Шанхая как города, открытого для культурного диалога [см.: Guo, 2014].

Выделяются четыре основных периода в истории Шанхая, отмеченные определенными тенденциями в именовании улиц.

1. Имперский Китай (с момента создания города в 751 г. до расцвета династии Цин, т. е. до XVI в.). В этот период в Шанхае доминировали ремесла и торговля. В основном типы наименования улиц в древнем Шанхае таковы:

- названия, данные по смежности с местными объектами: 御桥路 «улица Императорского Моста», 榆树头 «улица Верхушки Вяза» и др.;

- названия, данные в соответствии с ориентацией по сторонам света; эти небольшие улицы, изначально представлявшие собой пространство между домами и торговыми лавками, часто называли просто «Северной», «Южной», «Восточной» и «Западной»;

- названия, данные по фамилиям влиятельных родов: 姚家弄 «переулок Рода Яо», 卜家弄 «переулок Рода Бу»;

- названия, данные в соответствии с отраслями ремесленного производства — занятиями жителей домов на этих улицах: 篾竹街 «Улица, где производят изделия из бамбука», 猪作弄 «Переулок, где производят продукты из свинины», 钩玉弄 «Переулок, где производят изделия из нефрита» и др.;

- названия, связанные с произведениями древней китайской литературы. Такие названия, как и относящиеся к предыдущей группе, носят черты древнего (классического) китайского языка и в силу этого, а также за счет соотносительности с прецедентными текстами труднопереводимы. Так, название улицы 拱辰 «Стоящие на страже Полярной звезды» отсылает к книге Конфуция 论语 «Лунь юй»; топонимы 福惠 «Благополучие и Благоедание», 迎恩 «Встречать милость» созданы в стилистике древних текстов.

2. Период концессии (1840–1911). Этот период ознаменовался ярко выраженным европейским влиянием на топонимию Шанхая. Первая опиумная война стала началом ослабления государства и гражданской смуты в империи Цин, что привело к открытию доступа к внутреннему рынку Китая европейским державам, в частности к легализации импорта опиума через китайские порты.

Шанхайский международный селтльмент изначально был одним из пяти «договорных портов», открытых Китаем для внешней торговли в соответствии с положениями Нанкинского договора. Порт находился под британским управлением.

В 1862 г. консул Великобритании Уолтер Генри Медхерст (*Walter Henry Medhurst*) издал документ (в то время город управлялся на условиях концессии при участии ряда стран), в котором были установлены основные принципы наименования улиц Шанхая: улицам, имеющим меридиональное направление (ориентированным с севера на юг), предписывалось давать названия китайских провинций, а улицам, имеющим широтное направление (с запада на восток), — имена в честь главных городов провинций. Например, меридиональные улицы получают названия 四川路 «улица Сычуань», 山西路 «улица Шаньси», 山东路 «улица Шаньдун», 福建路 «улица Фуцзянь»; улицы широтного направления — названия 北京路 «улица Пекина», 南京路 «улица Нанкина», 香港路 «улица Гонконга».

Следует отметить, что изначально данные номинации имели в восприятии носителей языка колониальный оттенок, поскольку были даны по правилам колонизаторов, но это не помешало сохранить подобные правила номинации улиц до сих пор. Это связано, с одной стороны, с тем, что в годонимах используются названия китайских городов и провинций, что придает им национально-культурный колорит и в определенном смысле «осваивает» их в восприятии носителей языка. С другой стороны, имена такого рода все же несут на себе отпечаток определенного культурно-исторического периода и служат напоминанием об этом непростом для Шанхая времени.

К этому же периоду истории относились названия улиц в честь иностранных городов и исторических деятелей, в том числе не связанных с периодом колонизации, однако большинство таких улиц было переименовано в 1940-х гг.

3. Период после Синьхайской революции (1911–1948). В этот период в Шанхае появились улицы с названиями, носящими идеологический оттенок, например: 大统路 «улица Великого Объединения», 人民路 «улица Народа», 共和路 «улица Республики». Экономика Китая бурно развивалась, и в этот период в Шанхае было построено много новых улиц. В их названия была вложена идея пожелания национального процветания: 华盛路、华康路、华昌路 — все эти названия можно перевести как «улица Процветания Китая».

В конце 1920-х гг. был создан план по развитию Шанхая «Великий Шанхай». Было построено более 130 линейных объектов. Все их названия начинаются с одного из следующих иероглифов: 中, 华, 民, 国, 上, 海, 市, 政, 府 «Шанхайская администрация Китайской Республики». Примером названия, начинающегося с 中, может служить 中原路; начинающегося с 国 — 国权路、国年路、国顺路. Подобные словосочетания обычно не имеют значения как такового: иероглифы, входящие в их состав, обладают значимым ассоциативным фоном («правительство», «год», «прямой / благополучный» и др.), но комбинации их не составляют высказывания или номинативного словосочетания.

Впоследствии почти все эти улицы были переименованы, поскольку план «Великий Шанхай» не был реализован в связи с японской агрессией.

4. Период после образования КНР (1949 г. — наши дни). В это время во всем Китае существовала тенденция к переименованию. Изменялись имена людей², названия мест и улиц. Хотя впоследствии многие названия были восстановлены, сегодня в Шанхае и даже во всем Китае существует множество таких «революционных» названий улиц, являющихся маркером этого периода, например 红星路 «улица Красной Звезды», 红旗路 «улица Красного Знамени», 红卫路 «улица Красной Охраны». На аналогичные процессы в системе эргонимов (имен коммерческих предприятий) указывает Н. Н. Котельникова [2019, 132].

В 1990-е гг. некоторые предприятия приобрели право на наименование улиц и появились такие годонимы, как 夏普路 «улица Шарп³», 西门子路 «улица Сименс⁴», 美能达路 «улица Минолта⁵». Такие имена, с одной стороны, являются чужеродными для языка, с другой — наследуют традиции древнего периода называния улиц по смежному объекту. Однако в связи с тем, что в 1999 г. вышли новые правила управления, по которым запрещено приобретение права на наименование улиц, многие из этих улиц были переименованы.

Таким образом, в сложившейся в настоящее время годонимической системе Шанхая сочетаются как традиционные архаические модели, так и новации XX в.

История годонимической системы Екатеринбурга гораздо проще: до 1917 г. этот город, тогда уездный, не имел развернутой сети улиц, после революции старые названия в подавляющем большинстве были заменены, а развернувшееся строительство повлекло за собой большое количество новых годонимов, созданных в советскую эпоху. Ю. А. Качалкова [2013] выделяет три семантических макрокласса годонимов Екатеринбурга: мемориальные названия (названия-посвящения), дескриптивные (описывающие свойства объектов) и условно-символические. Произведем сопоставление годонимии Шанхая и Екатеринбурга в рамках данной классификации.

1. Мемориальные названия

1.1. Названия, посвященные географическим объектам

В годонимии Екатеринбурга частотны посвящения населенным пунктам — городам России или бывшего СССР (*Московская ул., Киевский пер., Тбилисский бул.*), населенным пунктам Урала (*Миасская ул.*), гидрообъектам

² Так, например, в этот период старались избегать имен, в составе которых есть иероглиф со значением ‘запад’. Также стали популярными имена, содержащие иероглифы со значениями ‘революция’, ‘строительство’ (отражающее идею строительства нового государства) и т. п.

³ «Sharp Corporation» — японская корпорация, производитель электроники.

⁴ «Siemens AG» — немецкий конгломерат, работающий в области электротехники, электроники, энергетического оборудования, транспорта, медицинского оборудования и светотехники, а также специализированных услуг в различных областях промышленности, транспорта и связи.

⁵ «Minolta» — японская компания, один из ведущих мировых производителей фотокамер и вспомогательного оборудования для них, фотокопиров, факсовых аппаратов и лазерных принтеров.

(Днепровский пер., Байкальская ул., Черноморский пер.), регионам (Крымский пер., Алтайская ул.), горным массивам и отдельным горам (Памирская ул., Хрустальногорская ул.).

В годонимии Шанхая также можно выделить аналогичные подгруппы имен. Так, посвящениями крупным городам являются 哈尔滨路 «улица Харбина», 香港路 «улица Гонконга»; провинциям — 山东路 «улица Шаньдун», 山西路 «улица Шаньси», 四川路 «улица Сычуань»; гидрообъектам — 长江路 «улица Янцзы», 东湖路 «улица Северного озера», 黄河路 «улица Хуанхэ»; горным массивам и отдельным горам — 天山路 «улица Тянь-Шань», 嵩山路 «улица Суншань», 黄山路 «улица Хуашань», 衡山路 «улица Хэншань».

Отметим, что посвящения горным массивам и отдельным горам представлены гораздо активнее в шанхайской годонимии, чем в екатеринбургской, где отмечено всего два таких названия. Существует пять известных китайцам священных пиков Китая: восточный — гора Тайшань, западный — Хуашань, южный — Хэншань (衡山) в провинции Хунань, северный — Хэншань (恆山) в провинции Шаньси, центральный — Суншань. Соответствующие топонимы часто встречаются в составе китайских годонимов в разных городах. Таким образом, в отличие от чисто формального соотношения (наличие горы или горного массива — использование ее или его имени для номинации улицы), как это характерно для екатеринбургской (и шире — российской) годонимии, в китайской годонимии задействуется культурно-традиционный подтекст.

Кроме того, в современной годонимии Шанхая наблюдаются логичность и последовательность в соотношении присваиваемого годонима с той средой, в которую он вписывается: так, в районе Цзядин многие улицы носят названия по городам провинции Синьцзян (например: 福海路 «улица Фухай», 阿克苏路 «улица Аксу» и др.), так как провинция Синьцзян находится на северо-западе Китая, район Цзядин же расположен на северо-западе Шанхая. Такая связь расположения провинции и района, улицы которого номинируются по городам данной провинции, не является единичной, а носит вполне системный характер. В районе Янпу, находящемся на северо-востоке Шанхая, многие годонимы связаны с городами северо-восточных китайских провинций Хэйлунцзян, Гиринь, Ляонин (например, 哈尔滨路 «улица Харбина», 佳木斯路 «улица Цзямусы», 大连路 «улица Далянь» и др.). Юго-западный район Шанхая Миньхан включает в себя улицы с названиями городов провинции Юньнань (соответственно, юго-запад Китая), например 剑川路 «улица Цзяньчуань», 鹤庆路 «улица Хэцин», 永平路 «улица Юнпин» и др. Данный способ номинации, следующий скорее колонизаторской номинативной идее, представляется весьма удобным в прагматическом аспекте, поскольку позволяет коренным жителям Китая легко соотносить название улицы с ее расположением, что облегчает ориентацию в городском пространстве. Таким образом, вполне можно называть Шанхай «развернутой географической картой Китая» [см.: Zheng Baojun, 2014, 82].

1.2. Названия, посвященные конкретным лицам

В Екатеринбурге это посвящения деятелям отечественного революционного движения, героям революции и гражданской войны, партийным и государственным лидерам (ул. *Луначарского*, ул. *Чапаева*, ул. *Ельцина*, ул. *Вайнера*), деятелям культуры (ул. *Чехова*, ул. *Бажова*, ул. *Чайковского*, ул. *Шекспира*), деятелям науки (ул. *Попова*, ул. *Папанина*, ул. *Дарвина*), покорителям воздушного пространства (ул. *Бахчиванджи*, ул. *Гагарина*), героям труда и рабочим династиям (ул. *Крауля*, ул. *Банникова*, ул. *Трубачева*), деятелям международного революционного и освободительного движения (ул. *Бebelя*, ул. *Карла Маркса*, ул. *Энгельса*), героям Великой Отечественной войны (ул. *Кузнецова*, ул. *Маршала Жукова*), историческим деятелям России (ул. *Татищева*) и т. д.

В Китае такой тип номинации сейчас является достаточно редким вследствие издания Государственным советом КНР документа «Положение об управлении географическими названиями» (1986 г.), в котором прописано: «Как правило, имена людей не должны быть использованы для наименования географических объектов; запрещено использовать имена руководящих лиц государства как географические названия» [地名管理条例]. В шанхайской годонимии «несовременные» названия улиц в честь конкретных лиц все же изредка встречаются: 中山路 «улица Чжуншань» (по имени китайского революционера и политического деятеля), 黄兴路 «улица Хуан Син» (названная в честь революционера), 靖宇路 «улица Цзинъюй» (названная в честь героя антияпонского сопротивления), 鲁班路 «улица Лу Бань» (названная в честь известного инженера и философа, жившего в VI–V вв. до н. э., ныне почитаемого как покровителя ремесленников) и др. Напомним также о древней модели называния улиц в честь знатных родов. В целом отмечается, что «топонимы, связанные с именами известных людей, сложившиеся до Синьхайской революции, отражают стремление людей к высокому социальному статусу и достатку, в то время как топонимы постреволюционные отражают исторические реалии, связаны в основном с именами политических и военных деятелей» [Ван Хуа, 2014, 224–225].

Иногда называние улиц в честь людей возникает и в наше время. Так, например, в микрорайоне, прилегающем к научно-технологическому парку Чжанцзян, улицы, идущие с востока на запад, названы по именам ученых и изобретателей Древнего Китая: 华佗路 «улица Хуа То», 蔡伦路 «улица Цай Лунь», 张衡路 «улица Чжан Хэн», 毕升路 «улица Би Шэн», 祖冲之路 «улица Цзу Чунчжи» и др. Улицы, идущие с юга на север, также отсылают к именам ученых, но уже зарубежных: 牛顿路 «улица Ньютона», 居里路 «улица Кюри», 哈雷路 «улица Галлея», 高斯路 «улица Гаусса» и др. Таким образом, данные названия функционируют как подчеркивание свойства конкретной городской зоны. Кроме того, годонимия данного типа, обращаясь к зарубежным деятелям науки, продолжает идею об открытости, включении в именную пласт Шанхая элементов других культур.

1.3. Названия, посвященные социальным группам и институтам

В Екатеринбурге это посвящения представителям различных профессий (ул. *Металлургов*, ул. *Каменщиков*, ул. *Учителей*), представителям социальных групп, объединенных теми или иными общими интересами (ул. *Профессорская*, ул. *Туристов*), социальным институтам и организациям (ул. *Академическая*, ул. *Союзная*, ул. *Пионеров*).

1.4. Названия, посвященные различным областям человеческой деятельности

В Екатеринбурге: ул. *Авиационная*, ул. *Геологическая*, ул. *Педагогическая*.

В шанхайской годонимии почти полностью отсутствуют группы 1.3 и 1.4. Наблюдаются следующие соответствия: 公安路 «улица Полиции», 共青团路 «улица Комсомольская», 人民路 «улица Народа». При этом последнее название считается одним из самых употребительных в китайской топонимии. С оговоркой сюда можно отнести годонимы имперского периода, связанные с ремесленной деятельностью людей. Однако следует понимать, что в данном случае такие названия носят не мемориальный характер, а являются скорее названиями по смежности, поскольку были присвоены в честь ремесел, реально существовавших на данных улицах.

1.5. Названия, посвященные различным странам / народам

В Екатеринбурге находим: пер. *Грузинский*, пер. *Китайский*, ул. *Эстонская* и др.

Данный тип годонимов в Шанхае наблюдается только в зоне свободной торговли Вайгаоцяо и обладает структурной особенностью: в названия улиц входит один иероглиф из названия страны, а другой — из названия города данной страны (обычно столицы)⁶. Например: 希雅路 «улица Си Я» ('Греция' и 'Афины'), 英伦路 «улица Ин Лунь» ('Англия' и 'Лондон'), 马吉路 «улица Ма Цзи» ('Малайзия' и 'Куала-Лумпур'), 爱都路 «улица Ай Ду» ('Ирландия' и 'Дублин') и др. Данные названия подчеркивают черты этой зоны: процветающая международная торговля и установка на открытость. В годонимах Екатеринбурга, созданных по данной модели, такой связи нет.

1.6. Названия, посвященные памятным датам и вехам отечественной истории

В Екатеринбурге: ул. *8 Марта*, ул. *Первомайская*, ул. *Победы*, ул. *Октябрьской Революции*, ул. *Гражданской Войны*.

В шанхайской годонимии такой тип представлен редко: 一二八路 «улица 28 Января» (в честь первого шанхайского сражения с Японской империей).

⁶ Третий иероглиф имеет значение 'улица'.

2. Дескриптивные названия

2.1. Названия, описывающие относительное расположение

В Екатеринбурге выделяются следующие подгруппы: номинации относительно смежного антропогенного топообъекта (ул. *Вокзальная*, ул. *Фабричная*, ул. *Карьерная*), относительно смежного природного объекта (ул. *Водоемная*, ул. *Лесная*), относительно сторон света (ул. *Восточная*, ул. *Южная*, пер. *Северный*).

В годонимии Шанхая также можно выделить эти подгруппы. Так, зафиксированы названия по смежному антропогенному объекту: 一粟街 «улица Монастыря Ису», 大木桥路 «улица Большого Деревянного Моста», 医院路 «улица Больницы», 南码头路 «улица Южного Порто» и др.; названия по смежному природному объекту: 大林路 «улица Большого Леса». Названия относительно сторон света обычно включают и другие элементы: 北京东路 «Восточная улица Пекина», 西湖路 «улица Западного Озера», 河南中路 «Центральная улица Хэнань», а также используются самостоятельно: 北街 «улица Северная», 东街 «улица Восточная».

2.2. Названия, описывающие функцию объекта

В Екатеринбурге: пер. *Встречный*, пер. *Выездной*, ул. *Маршрутная*.

В шанхайской годонимии данная группа названий не наблюдается.

2.3. Названия, описывающие качества и свойства объекта

В Екатеринбурге фиксируются названия, описывающие форму объекта (ул. *Восточное кольцо*, пер. *Кривой*, пер. *Прямой*), размер объекта (ул. *Большая*, пер. *Малый*, пер. *Узкий*), особенности рельефа (ул. *Крутая*), тип почвы (ул. *Грунтовая*, пер. *Сухой*), особенности застройки и местоположения в жилом массиве (ул. *Высотная*, ул. *Посадская*), очередность застройки (*Вольный 1-й — 6-й пер.*, *Чусовской 1-й — 3-й пер.*), отсутствие каких-либо качеств, свойств, обычность (ул. *Заурядная*, *Неизвестный тупик*, *Шаблонный пер.*).

В годонимии Шанхая также встечаются названия, описывающие форму объекта (方斜路 «улица Квадратная и Косая», 南环路 «улица Южное Кольцо», 中环路 «улица Центральное Кольцо»), размер объекта (小东街 «улица Маленькая Восточная», 北大街 «улица Большая Северная»). Весьма типичны для шанхайской (и для китайской вообще) годонимии названия, описывающие очередность застройки, например 中山东一路 «1-я Восточная улица Чжуншань», 中山东二路 «2-я Восточная улица Чжуншань», 中山北一路 «1-я Северная улица Чжуншань», 中山北二路 «2-я Северная улица Чжуншань».

3. Условно-символические названия

3.1. Названия, использующие идеологемы эпохи социализма

В Екатеринбурге: ул. *Красная*, ул. *Мира*, ул. *Краснознаменная* и др.

В шанхайской годонимии этой модели соответствуют: 大统路 «улица Великого Объединения», 红星路 «улица Красной Звезды», 红旗路 «улица Красного Знамени», 红卫路 «улица Красной Охраны», 解放路 «улица Освобождения».

3.2. Названия, использующие лексику с положительной семантикой

В Екатеринбурге отмечены ул. *Радужная*, ул. *Зеленая*, ул. *Солнечная*, ул. *Ясная*, пер. *Спокойный*. Аналогично в шанхайской годонимии присутствуют 吉祥路 «улица Благополучия», 幸福路 «улица Счастья» и др. Данный тип годонимов является весьма распространенным для шанхайской (и в целом китайской) номинации улиц, однако в связи с особенностью китайского языка большинство таких названий затруднительно или невозможно перевести на иностранные языки в форме годонимов, поскольку они представляют собой сложные комплексные идеограммы с положительной семантикой. Например, 人和街 можно перевести как «Улица гармонии в человеческом обществе», однако такой перевод представляет собой скорее адаптацию китайского комплексного понятия, замену его словосочетанием, представляющим собой совокупность отдельных семантических элементов.

3.3. Названия, связанные с образами растительного мира

В Екатеринбурге: ул. *Вишневая*, ул. *Березовая*, ул. *Ягодная*, пер. *Цветочный*, пер. *Виноградный* и др.

В шанхайской годонимии также есть подобные имена: 白杨路 «улица Тополя», 丁香路 «улица Сирени», 牡丹路 «улица Пиона».

Среди годонимов Екатеринбурга выделяются некоторые количественно менее представительные группы: названия, образованные от обозначений технических артефактов и процессов (ул. *Машинная*, пер. *Телефонный*), драгоценных и полудрагоценных камней (ул. *Алмазная*, ул. *Янтарная*, ул. *Хрустальная*), периодов времени (ул. *Зимняя*, ул. *Майская*, пер. *Вечерний*), пород и минералов (ул. *Минеральная*, ул. *Гранитная*), природных явлений (пер. *Ветренный*, пер. *Подснежный*), связанные с образами животного мира (ул. *Соколиная*, ул. *Бобровая*, пер. *Голубиный*), образованные от названий различных материалов (пер. *Кирпичный*), от цветообозначений (ул. *Багровая*, ул. *Червонная*), отражающие регуляцию производственного процесса (ул. *Накладная*, ул. *Сверхурочная*), связанные со сферой культуры (ул. *Газетная*, пер. *Книжный*), сферой быта (пер. *Ковровый*, ул. *Кружневая*).

Некоторые соответствия таким моделям можно найти и в шанхайской годонимии. Там, например, встречаются названия, включающие в себя цветовой элемент или элемент, обозначающий металл или камень. Однако в отличие от годонимов Екатеринбурга, где этот элемент является основным и единственным, в шанхайских номинациях он включается в состав словосочетания. Например, «каменный» компонент включают в себя обозначения 碧溪路 «улица Яшмового

Ручья», 夏碧路 «улица Летней Яшмы». Комбинации символики цветов и растений, цветов и природных явлений видны в названиях улиц микрорайона Би Юнь: 蓝天路 «улица Синего Неба», 碧云路 «улица Лазоревого Облака», 黑松路 «улица Черной Сосны», 蓝桉路 «улица Синего Эвкалипта» и др. Комбинация символики времен года и природных явлений наблюдается в годонимах микрорайона Фу Тэ: 春晖路 «улица Весеннего Сияния»; 夏碧路 «улица Летней Яшмы»; 秋霞路 «улица Осенней Зари»; 冬融路 «улица Зимнего Таяния».

Также в шанхайской годонимии наблюдаются названия, связанные с образами животного мира: 狮子街 «улица Льва», 巨鹿路 «улица Огромного Оленя». Эти животные являются значимыми для китайской традиционной культуры. Кроме того, могут быть использованы названия мифологических животных: 凤凰街 «улица Фэнхуан» (*фэнхуан* — китайский феникс), — что абсолютно не присуще екатеринбургской годонимической системе.

Подводя итоги, можно отметить совпадение большинства моделей номинации городских улиц для годонимических систем Екатеринбурга и Шанхая. Основной специфической чертой годонимии Шанхая является сохранение древних названий, отражающих культурные традиции Китая. Среди названий улиц Екатеринбурга большую роль до сих пор играют годонимы, связанные с персоналиями и идеологемами советской эпохи, дореволюционные годонимы практически не сохранились. Для номинации новых улиц российских городов представляется продуктивным использование практики соотнесения расположения географического объекта с расположением улицы, названной в его честь. Кажется также возможным предложить — с большой осторожностью и оговорками — создание годонимов, связанных с культурно значимыми текстами.

Источники

- Екатеринбург : справ.-путеводитель / сост. М. Ф. Худякова. Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 2001.
- Екатеринбург : энцикл. / ред. В. В. Маслаков. Екатеринбург : Академкнига, 2002.
- 上海人民出版社, 上海市路名大全 (Сборник годонимов Шанхая). Шанхай : Народное изд-во Шанхая, 1989.
- 上海社会科学院出版社, 上海地名志 (Архив топонимии Шанхая). Шанхай : Изд-во Шанхайской академии общественных наук, 1998.
- 地名管理条例. URL: http://www.gov.cn/test/2009-03/30/content_1272332.htm.

Исследования

- Ван Ли. Структурно-грамматические типы и модели годонимов Шанхая // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2005. № 1 (35). С. 144–147.
- Ван Хуа. Сопоставление названий улиц в китайской и русской лингвокультурах (на материале названий по именам исторических лиц) // Вестник Московского университета. Сер. 9 : «Филология». 2014. № 1. С. 219–230.

- Егорова Л. В.* К вопросу изучения годонимов в современной парадигме лингвистических исследований // Вестник Чувашияского университета. 2018. № 2. С. 224–233.
- Качалкова Ю. А.* Урбанонимическое пространство современного Екатеринбурга (официальные названия) // Вопросы ономастики. 2013. № 1 (14). С. 88–104.
- Коган Е. С., Ли Мо* Годонимия Шанхая как средство создания образа города: история и современность. DOI 10.24224/2227-1295-2018-12-85-94 // Научный диалог. 2018. № 12. С. 85–94.
- Котельникова Н. Н.* Лингвокультурные особенности текстов вывесок как фрагмента семиотического пространства современного китайского города. DOI 10.18287/2542-0445-2019-25-3-130-138 // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 3. С. 130–138.
- Мезенко А. М.* Урбанонимия как язык культуры // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Т. 24 (63). № 2. Ч. 1. С. 388–392.
- Разумов Р. В.* Об упорядочении ономастической терминологии в области урбанонимии // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 14–19.
- Цуй Яосиньянь.* Анализ лексико-семантических особенностей годонимов Белгорода и Шанхая. URL: <https://nauchkor.ru/uploads/documents/5c1a82e77966e104f6f85ba8.pdf>.
- David J.* Street Names — Between Ideology and Cultural Heritage // Acta onomastica. 2013. Vol. 54. P. 53–60.
- Guo T.* A Tale of Two Cities — Shanghai and Hong Kong // China Outlook. September 2014. URL: <http://chinaoutlook.com/essays/tale-two-cities-shanghai-hong-kong/>.
- Zheng Baojun.* Study on the Humanistic value of Shanghai Street Names // Journal of Shanghai University of Electric Power. 2014. № 30. P. 82–104.

Рукопись поступила в редакцию 15.11.2019

* * *

Ли Мо (李墨)

магистрант
Санкт-Петербургский государственный
университет
199034, Санкт-Петербург, Университетская
наб., 7–9
E-mail: chinalimo@gmail.com

Рябцева Екатерина Сергеевна

научный сотрудник кафедры русского
языка, общего языкознания и речевой
коммуникации, старший преподаватель
кафедры русского языка для иностранных
учащихся
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51,
ком. 306
E-mail: ekaterinakogan@yandex.ru

Li, Mo (李墨)

Postgraduate Student
Saint Petersburg State University
7–9, Universitetskaya Emb., 199226
St Petersburg, Russia
Email: chinalimo@gmail.com

Ryabtseva, Ekaterina Sergeevna

Research Assistant, Department of the Russian
Language, General Linguistics and Verbal
Communication
Senior Lecturer, Department of the Russian
Language for Foreign Students
Ural Federal University
51, Lenin Ave., office 306, 620000
Ekaterinburg, Russia
Email: ekaterinakogan@yandex.ru

Mo Li*

Ekaterina S. Ryabtseva**

*Saint Petersburg State University
St Petersburg, Russia**Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

STREET NAMES OF SHANGHAI AND EKATERINBURG: A COMPARATIVE STUDY

The paper presents the findings of a comparative study of street names (honyms) in Shanghai and Ekaterinburg in terms of their motivation and historical background. It gives a picture of the main milestones in the history of Shanghai to reveal the general principles of assigning street names: the ancient period associates with natural naming, a particular style of names that modern native speakers regard as classical or “ancient”; the Concession Period was marked by a strong European influence in the naming of linear objects; the period after the Xinhai revolution and the period after the formation of the Republic of China are notable by the use of ideological concepts that underlie the naming of city facilities. Based on the semantic classification of homonyms developed by Yulia A. Kachalkova, the authors distinguish three main groups of street names (memorial, descriptive, and conditionally symbolic), describing features of a specific cultural background behind the formally similar types of names. For instance, the names of mountains inherent in street names in the Chinese culture, besides referring to physical objects, are also symbolic. This brings the authors to identify the street naming patterns that are unique for Russian and Chinese tradition. The homonymy of Shanghai is peculiar for its appeal to culturally significant texts, the use of fundamental concepts written down in the “old style,” images of mythological animals, whereas in Ekaterinburg a street name typically refers to everyday life and technology. Some examples of structural and semantic differences in the formation of street names are given (namely, the use of syntactically incoherent ideological references in street names of Shanghai at a certain historical stage). It is suggested that some practices of street naming in Shanghai, namely the correlation between the street location and the geographical location of the object it was named by, could be adopted into Russian context.

Key words: onomastics, urbanonymy, homonymy, street names, urban names, semantics, naming pattern, Shanghai, Ekaterinburg.

Acknowledgments

The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (grant 18-012-00586, *Urban Names as Part of the Linguistic Landscape of a City: Traditions and Perspectives of Rational Development*).

- David, J. (2013). Street Names — Between Ideology and Cultural Heritage. *Acta onomastica*, 54, 53–60.
- Egorova, L. V. (2018). K voprosu izucheniia godonimov v sovremennoi paradigme lingvisticheskikh issledovaniy [To the Issue of the Study of Homonyms in the Modern Paradigm of Linguistic Research]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2, 224–233.
- Guo, T. (2014). A Tale of Two Cities — Shanghai and Hong Kong. *China Outlook*. Retrieved from <http://chinaoutlook.com/essays/tale-two-cities-shanghai-hong-kong/>.

- Kachalkova, Yu. A. (2013). Urbanonimicheskoe prostranstvo sovremennogo Ekaterinburga (ofitsial'nye nazvaniia) [Urbanonymic Space of Modern Ekaterinburg (Official Names)]. *Voprosy onomastiki*, 1, 88–104.
- Kogan, E. S., & Li, Mo (2018). Godonimiiia Shankhaia kak sredstvo sozdaniia obraza goroda: istoriia i sovremennost' [Hodonymy of Shanghai and the Image of the City: History and Modernity]. *Nauchnyi dialog*, 12, 85–94. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-12-85-94>
- Kotelnikova, N. N. (2019). Lingvokul'turnye osobennosti tekstov vyvesok kak fragmenta semioticheskogo prostranstva sovremennogo kitaiskogo goroda [Linguistic and Cultural Features of Street Sign Texts as a Part of the Semiotic Space of a Modern Chinese City]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya*, 3, 130–138. <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-3-130-138>
- Mezenko, A. M. (2011). Urbanonimiiia kak iazyk kul'tury [Urbanonymy as a Language of Culture]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Ser. "Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii"*, 24(2) 388–392.
- Razumov, R. V. (2015). Ob uporiadochenii onomasticheskoi terminologii v oblasti urbanonimii [On Unification of Onomastic Terminology in the Field of Urbanonymy]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*, 2, 14–19.
- Tsui, Yaosinian (2018). *Analiz leksiko-semanticheskikh osobennostei godonimov Belgoroda i Shankhaia* [Analysis of the Lexical and Semantic Features of Hodonyms of Belgorod and Shanghai]. Retrieved from <https://nauchkor.ru/uploads/documents/5c1a82e77966e104f6f85ba8.pdf>
- Wan, Hua (2014). Sopostavlenie nazvanii ulits v kitaiskoi i russkoi lingvokul'turakh (na materiale nazvanii po imenam istoricheskikh lits) [Comparing Street Names in Chinese and Russian Linguistic Cultures (Based on the Names of Historical Figures)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: "Filologiya"*, 1, 219–230.
- Wan, Li (2005). Strukturno-grammaticheskie tipy i modeli godonimov Shankhaia [Structural and Grammatical Types and Models of the Shanghai Hodonymy]. *Vestnik Vitsebskaga dziarzhaunaga universiteta*, 1, 144–147.
- Zheng, Baojun (2014). Study on the Humanistic Value of Shanghai Street Names. *Journal of Shanghai University of Electric Power*, 30, 82–104.

Received on 15 November 2019

ДОМ КАК ОБЪЕКТ ИМЕНОВАНИЯ В ТУРЕЦКОМ ГОРОДСКОМ ОНОМАСТИКОНЕ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОЙКОДОМОНИМОВ СТАМБУЛА

В статье анализируются структурно-семантические особенности турецких ойкодомонимов — названий домов. Условия закрепления за зданием индивидуального названия, сферы его употребления, функциональная нагрузка рассматриваются в сравнении с соответствующими русскими обозначениями. Описывается апеллятивно-онимический комплекс, в составе которого функционируют турецкие ойкодомонимы. На тип именуемого объекта указывает номенклатурный элемент *apartman* — заимствование из французского, которое в современном турецком языке используется для называния домов, предназначенных для сдачи жилья внаем. Согласно законам турецкой грамматики, апеллятив стоит в постпозиции по отношению к ониму и является согласуемым компонентом. Оним, выполняя выделительно-идентифицирующую функцию, конкретизирует объект номинации. Онимический компонент образуется в результате процессов онимизации апеллятива или трансонимизации, когда ойкодомоним восходит к другому ониму — антропониму, пелагониму, может быть как одночленным, так и многочленным, обнаруживая структуру разной степени сложности. По материалам исследования выявляются и описываются типичные модели именования жилых зданий: посессивные ойкодомонимы, ойкодомонимы — вербализаторы концептуального поля «дом», координатные ойкодомонимы как результат метонимического переноса, ойкодомонимы-«панегирики» с двойным номенклатурным элементом, коммуникативные ойкодомонимы-приветствия. Культурно-историческая составляющая турецкой ойкодомонимии представлена редкими, но возможными мемориальными названиями, данными в честь того или иного памятного события. Не являются

доминирующим типом, но также присутствуют в ономастиконе города ассоциативные ойкодомонимы, обусловленные внешним видом здания. Отмечается влияние экстралингвистических факторов: в названиях домов отражены культурно-исторические традиции народа, особенности природного ландшафта города, полиэтничный состав населения мегаполиса. Объемность данного разряда турецких онимов, разнообразие семантических моделей, многочисленная, непрерывно пополняемая группа лексики и сфера самостоятельного функционирования выделяют турецкие ойкодомонимы в микросистему, занимающую прочное положение в городском топонимиконе.

Ключевые слова: ономастика, топонимическое пространство города, ойкодомоним, апеллятивно-онимический комплекс, семантическая модель, турецкая лингвокультура, турецкий язык.

1. Введение

Своеобразие языкового быта Стамбула определяет нетипичная для урбанизации большинства современных городов группа наименований — названия домов.

Номинация отдельных строений является характерной особенностью средневекового города. Отмечая культовые сооружения, торговые учреждения, резиденции правителей и особняки знати, имена зданий свидетельствовали о большей важности этих построек по сравнению с улицами, которые становятся определяющим элементом организации внутригородского пространства только в более поздний период формирования города. Обособление улиц как средоточия городской активности — основы людских и транспортных потоков, в метафорическом переосмыслении — артерий, магистралей, каналов города [Булыгина, Трипольская, 2015, 82] — приводит к появлению адресной системы, так или иначе основанной на перечислении объектов, расположенных «вдоль улицы». Пронумерованные и получившие типовую «прописку» здания постепенно утрачивают автономность и теряют свои уникальные названия, меняя облик города, приобретающего отныне все более стандартизованный профиль.

В Стамбуле к концу XIX в., прошедшего под знаком османской европеизации, улицы, их названия и нумерация домов уже присутствуют [Çelik, 1993, 36–40]. Однако иностранцы не всегда находят существующую адресную систему удовлетворительной. Этот факт, например, становится поводом для литературной рефлексии в произведениях русских писателей, оказавшихся во время «первой волны» эмиграции в Константинополе.

А. Т. Аверченко в «Записках простодушного. Я в Европе» со свойственным ему юмором рассуждает о том, почему самый простой во всяком другом городе вопрос «Где вы живете?» оказывается в Константинополе одним из труднейших, неразрешимых без карандаша и бумажки:

Если в Константинополе вам известна улица и номер дома, то это только половина дела. Другая половина — найти номер дома. Это трудно. Потому что седьмой номер помещается между 29-м и 14-м, а 15-й скромно заткнулся между 127-б и 19-а.

Вероятно, это происходит потому, что туркам наши арабские цифры неизвестны. Дело происходило так: решив перенумеровать дома по-арабски, муниципалитет наделал несколько тысяч дощечек с разными цифрами и свалил их в кучу на главной площади. А потом каждый домовладелец подходил и выбирал тот номер, закорючки и загогулины которого приходились ему более по душе [Аверченко, 1923].

Вероятно, адрес по иностранному образцу, на чужеземный лад не казался достаточно надежным и самому турецкому горожанину, всегда с осторожностью относившемуся к европейским инициативам своих султанов-реформаторов, а потому сохранившему и старую традицию — давать домам имена. С принятием правительством К. Ататюрка 21 июня 1934 г. закона о фамилиях, в соответствии с которым каждый до этих пор обходившийся только именем турок обязан был обзавестись и фамилией [Türköz, 2018], именование домовладений получает новый импульс и начинает носить массовый характер.

Орхан Памук — летописец турецкой городской культуры, который пытается в своих романах запечатлеть исчезающий в результате естественного обветшания и под напором европеизации облик старого Стамбула — «города воспоминаний», — следующим образом описывает этот исторический процесс:

После того как в 1934 году Ататюрк ввел для всех турок обязательно, помимо имени, указывать и фамилии, в Стамбуле множество вновь построенных домов стали называться по фамилиям владевших ими семейств. Это оказалось весьма уместным, так как во времена Османской империи ни названий улиц, ни нумерации зданий в Стамбуле не существовало, и знаменитые рода отождествлялись у людей с особняками, где они жили все вместе. Кроме того, появилась мода нарекать семейные гнезда по величайшим нравственным ценностям. Правда, мама говорила, что те, кто называл построенные ими особняки «Свободой», «Милостью» или «Добродетелью», в жизни ничем таким не отличались [Памук, 2017].

В современном Стамбуле сосуществуют обе адресные традиции: для официальных нужд в масштабе всего мегаполиса используется принцип нумерации домов по европейскому (изначально французскому) образцу, когда четные номера следуют друг за другом по одной стороне улицы, а нечетные — по противоположной, но в то же время в пределах квартала здание легко можно найти и по его названию.

Целью статьи является выявление и описание семантических моделей именовании зданий в турецкой лингвокультуре. В связи с неразработанностью данной темы в турецкой топонимике исследование проводится в контексте работ российских ученых-ономастологов, с привлечением терминологической базы российской ономастики. Автором используются традиционные при изучении этой группы онимов методы — описательный и статистический.

Материал для статьи (356 названий домов) собран полевым методом в пределах одного из кварталов Стамбула. Пристальное внимание к ономастикону

микрорайона как репрезентативной части общего ономастического ландшафта продиктовано особым значением квартала в пространстве турецкого города.

В османский период квартал функционировал в городской структуре по принципу самодостаточного микроорганизма [Bayartan, 2005, 93–107]. Основой жилых кварталов служили религиозно-благотворительные комплексы, получившие название *külliye* (кюллие) — от арабского слова *küllî* ‘все’, так как в их ведении находилась забота об удовлетворении всех повседневных нужд жителей — от молитвенных до потребностей в питьевой воде, жилье, питании, лечении, образовании, торговле, передвижении, отдыхе, точном времени и т. д. Жизнеспособность благотворительных социальных служб обеспечивалась за счет средств основателя кюллие — султана, членов монаршей семьи, высокопоставленных чиновников, стремившихся увековечить память о себе посредством исправной и продолжительной работы комплекса. Вновь построенные кюллие обрастали жилыми кварталами, расширявшими пределы города. В Стамбуле, где уже существовала плотная городская застройка, «османские комплексы “вживлялись” в сложившийся организм византийского города», «перекраивая» византийскую планировку на османский лад [Кононенко, 2014, 76]. Деление на кварталы и поныне не утратило своей актуальности: геометрия городской застройки Стамбула сохраняет черты квартальной организации, собственная, наследующая традиции исламской благотворительности инфраструктура обеспечивает жизнедеятельность микрорайона, официальный адрес содержит обязательную привязку к *mahalle* — кварталу, название которого по-прежнему напоминает об учредителе кюллие.

Для сбора языкового материала был выбран квартал Хасеки Султан исторического района Фатих. Квартал не забыл свое византийское прошлое [Müller-Wiener, 2001, 250, 419], о чем говорят остовы древних сооружений, послужившие современным зодчим в качестве опор для нынешних жилых зданий. Планировка улиц и расположение домов сохраняют главный османский ориентир — кюллие, возведенное по заказу Хюррем-султан (более известной как Роксолана). Особое место, которое любимая жена султана Сулеймана занимала в придворной иерархии, было отмечено специально для нее введенным титулом *хасеки* и исключительным правом на «архитектурный патронаж» в столице. Амбиции влиятельной заказчицы, привлекшей к строительству лучшего придворного архитектора Синана, позволили создать в центральной части города третий по величине и значимости после архитектурных ансамблей Сулеймание и Фатих комплекс [Kuran, 1974, 57–86]. Кюллие Хасеки Хюррем дало название кварталу: «В османских городах структурирующая функция комплексов закрепляется в названиях окружающих их районов, увековечивая в урбонимах и ойконимах имена и прозвища учредителей» [Кононенко, 2016, 134]. Сегодня квартал Хасеки Султан лежит в стороне от популярных туристических маршрутов и средоточия отелей. Не относится он и к элитным,

рассчитанным на привыкших жить в собственных особняках стамбульских богачей. Микрорайон жилой застройки периода 1950–1970-х гг., с аутентичной атмосферой типично турецкого спального района и демократичными шестиэтажками является перспективной площадкой для намеченного полевого исследования, представляя обширный и разнообразный ономастический материал, способный продемонстрировать как историческую рефлексию, так и современные тенденции в именовании зданий.

2. Ойкодомоним: статус, объем, структура

В ономастике за названием зданий традиционно закреплён термин *ойкодомоним*. Под *ойкодомонимом* понимается имя собственное объекта строительства — здания, сооружения, способное выполнять адресную функцию. Термин получил официальную прописку в ономастической терминологии благодаря появлению во втором издании специализированного словаря Н. В. Подольской [1988, 88–89], в работах современных ученых [Мадиева, Супрун, 2017, 117–118; Разумов, 2018, 212] его лингвистическая трактовка приобрела однозначность и точность формулировок.

Употребление термина *ойкодомоним* в российской ономастике обладает своей спецификой. Круг названий, которые принято рассматривать в качестве данного вида урбанонимов, ориентирован на реалии отечественной действительности и всегда был в определенной степени ограничен. В течение длительного времени исследователями и вовсе отмечалось «периферийное положение» ойкодомонимов в российском ономастиконе в силу незаинтересованности ученых в анализе и описании единиц, составляющих незначительную часть российской микротопонимии, так как «в России, в отличие от западноевропейских стран, не сложилась традиция присваивать зданиям индивидуальные названия» [Разумов, 2018, 206]. Попадание ойкодомонимов в фокус ономастических изысканий последних лет обусловлено появлением новой объемной группы — названий жилых комплексов. Их активное изучение позволило российским ономастологам оперативно перейти от этапа «каталогизации» названий к новым ракурсам научного осмысления — рассмотрению ойкодомонимов как маркеров ментального пространства города [Разумов, Горяев, 2019].

В турецкой ономастике, и в частности в топонимике, терминологическое многообразие начинает складываться относительно недавно. Попытка ввести в научный обиход турецких ономастологов видовые дефиниции, а также скоординировать национальную терминологическую модель с категориальным компонентом *ad* 'имя' (*yer / şehir / sokak adı*, букв. «имя места / города / улицы») с общепринятой моделью на *-оним* предпринята в работе С. Явуза и М. Шенеля [Yavuz, Şenel, 2013]. Публикуя материалы для «Словаря топонимических терминов», авторы представляют и термин *ойкодомоним*, который предлагается своему

научному сообществу в двух вариантах: собственно турецком *bina adı* ‘имя здания’ и интернациональном *oikodomonim* [Yavuz, Şenel, 2013, 2249].

Турецкие ойкодомонимы на сегодняшний день практически не исследованы. Встречаются лишь отдельные работы, в которых ойкодомонимический материал привлекается в качестве вспомогательного, не становясь объектом самостоятельного изучения. В числе подобных работ может быть названо междисциплинарное исследование, посвященное небоскрегам Стамбула. Стамбульские высотки рассматриваются в нем в двух аспектах — в связи с их ролью в пространственной композиции города и ролью в формировании его языковой среды. Оба сопряжены с критикой в адрес процессов глобализации: появление выстроенных по западному образцу высотных доминант искажает исторический силуэт города, превалирование иноязычных элементов в их названиях засоряет исконный лингвистический ландшафт, лишая его своей уникальности [Uğur, Aliğaoğlu, 2018].

В то же время в турецком городском ономастиконе группа ойкодомонимов представлена очень широко, один только «жилищный фонд» обнаруживает неисчерпаемый языковой материал. Индивидуальное название имеют жилые строения разного типа и назначения, как возведенные в османском стиле, так и построенные по европейскому образцу: *saray* ‘дворец’, *kasır* ‘загородный дом дворцового типа, рассчитанный на однодневный отдых’, *köşk* ‘деревянный павильон для охоты, уединенного отдыха’, *konak* ‘особняк, благоустроенное здание для одной семьи’, *yalı* ‘дом с видом на Босфор и собственным причалом для лодок’, *yazlık (ev)* ‘дача, летний домик’, *köy evi* ‘домик в деревне’, *dağ evi* ‘домик в горах’, *villa* ‘вилла, благоустроенный загородный дом с садом или парком’, *müstakil ev* ‘коттедж, дом с участком земли’, *apartman* ‘многоквартирный дом’, *site* ‘жилой комплекс’, букв. «городок», *residence* ‘жилой комплекс повышенной комфортности’.

В центре внимания автора данной статьи — структурно-семантический анализ определенной группы турецких ойкодомонимов — названий многоквартирных домов. Для квалификации описываемых единиц используется общепринятый термин *ойкодомоним*.

Основной формой существования внутригородских наименований в любом языке служит апеллятивно-онимический комплекс, что является «проявлением топонимической универсалии, заключающейся в обязательной связи онима с денотатом именуемого объекта» [Широков, 2002, 15]. Таким образом, в структурном плане апеллятивно-онимический комплекс представляет собой номенклатурный элемент, указывающий на тип именуемого объекта, и индивидуализатор, роль которого выполняет оним. В качестве номенклатурного элемента рассматриваемые номинации включают слово *apartman* (далее *Apt.*) — заимствование из французского языка, которое в современном турецком языке используется для обозначения многоэтажных многоквартирных домов, предназначенных также и для сдачи жилья внаем. Согласно законам турецкой грамматики, апеллятив находится

в постпозиции по отношению к ониму и является согласуемым компонентом. Оним, выполняя свою основную функцию «именовать, выделять и различать однотипные объекты» [Суперанская, 2009], фокусирует внимание на конкретном доме. Онимический компонент образуется в результате процессов онимизации апеллятива или трансонимизации, когда ойкодомоним восходит к другому ониму — антропониму, пелагониму и др., может быть как одночленным, так и многочленным, обнаруживая структуру разной степени сложности.

3. Традиции именованя зданий в русской и турецкой лингвокультурах

Между русскими и турецкими ойкодомонимами наблюдаются существенные отличия в механизмах именованя — условиях закрепления за зданием особого названия, сферах его употребления, функциональной нагрузке.

В русской лингвокультуре в течение длительного времени индивидуальные названия имели только здания «чем-либо интересные в архитектурном отношении, имеющие статус памятника истории и архитектуры» [Разумов, 2018, 209–210]. Эти названия употреблялись в основном в книжной сфере — текстах путеводителей, исследованиях по архитектуре, искусству, истории. В подобных изданиях было «принято указывать не только имя архитектора, но и первоначальное наименование здания, которое обычно содержало указание на владельца сооружения, функциональное назначение постройки или ее местоположение» [Там же, 210]. Функция, выполняемая русскими ойкодомонимами, долгое время оставалась преимущественно мемориальной. С коммерциализацией строительства жилой недвижимости в России после 1990-х гг. исследователями отмечается «зарождение моды на “именные дома”», поскольку «строительство “неанонимного” дома существенно выделяет его на фоне массовой застройки» [Разумов, Горяев, 2018, 81], делает его более привлекательным для потенциального покупателя. Так как основная цель именованя «новостроя» заключается «не столько в аргументированном обозначении объекта, сколько в необходимости его продать» [Дьякова, 2016, 70–71], группу новых коммерческих (по определению Р. И. Разумова, С. О. Горяева) ойкодомонимов отличает ярко выраженная рекламная направленность [Разумов, Горяев, 2019, 97].

В турецком городе как памятники зодчества, так и здания, не отличающиеся архитектурной выразительностью и индивидуальностью — жилая застройка исторических кварталов, новостройки современных спальных районов, — демонстрируют устойчивую практику именованя. И это не просто дань традиции. Имена домов являются важной и неотъемлемой частью социокультурной жизни горожан, активно используются для нужд повседневного общения людьми, живущими подобием соседской общины в пределах одной небольшой территории — квартала. В качестве удобного дополнительного ориентира

во внутригородском пространстве ойкодомонимы выполняют идентифицирующую и адресную функции.

Если в российских условиях практически не существует традиции помещать название на самом здании [Разумов, Горяев, 2018, 81–82], то в Турции надписи с именами домов издавна используются как особый элемент внешней отделки. Пространственное восприятие любого текста имеет для турка большое значение. Это связано со свойственной восточной культуре традицией «декоративного использования фразы, слова, буквы», в истоке которой лежит принцип орнамента, основанного на разворачивании стиха Корана, цитаты из Пророка [Бродский, 1985]. Красочно-нарядные, демонстрирующие разнообразие цветовых и стилистических решений надписи не только именуют, но и украшают, это еще один (наряду с другими деталями внешнего декора входной двери, крыльца, подъезда) визуальный акцент, индивидуализирующий облик здания. Традиционным местом для размещения названия служит фрамуга входной двери. В случае декоративной перегруженности (например, оформление фрамуги в виде витража), название выносится за рамки дверного блока, располагается над или рядом с дверью. Профессии, связанные с придумыванием имен домам и выполнением надписей, относятся к востребованным, представляют хорошо налаженный и прибыльный бизнес.

Рис. 1. Uğur Apartmanı

Рис. 2. Bahar Apartmanı

Рис. 3. Harput Apartmanı

Puc. 4. Demaş Apartmanı

Puc. 5. Kardeşler Apartmanı

Puc. 6. Babaevi Apartmanı

Puc. 7. Hacı Bayram Zade Apartmanı

Puc. 8. Gömeç Palas Apartmanı

Puc. 9. Cerrahpaşa Saray Apartmanı

4. Семантические модели в турецкой ойкодомонимии

Анализ собранного языкового материала позволяет говорить о типичных семантических моделях, представленных в ономастическом пространстве Стамбула. Под семантической моделью понимается «устойчивый смысловой инвариант, вариативно реализующийся в ряде конкретных названий» [Березович, 2009, 43].

4.1. Посессивные ойкодомонимы и особенности их персонификации

Большая часть жилых зданий в Турции находится в частном владении. Обычай давать своим домам имена в определенной степени связан со стремлением домовладельца еще и таким, имеющим давнюю традицию способом упрочить свои права, «подписать» дом. Поэтому активность антропонимов, указывающих на хозяина дома прямо (с помощью фамилии) или косвенно (при помощи имени), в качестве посессивной (притяжательной) основы названия дома особенно высока. В то же время во многих случаях без специального опроса местных жителей установить вид используемого антропонима не представляется возможным. Это обусловлено спецификой турецкого именника, в значительной степени сформировавшегося под влиянием закона о фамилиях 1934 г. и имеющего ряд фамилий отапеллятивного происхождения, причем одно и то же слово может выступать в любой роли — мужского имени, женского, а также оказаться фамилией. Так, например, *Ünal Apt.* (от *ünal* ‘слава + бери’, букв. «Прославься, Берислав») может означать (с известной долей условности буквального перевода имени) и «Дом Берислава», и «Дом Бериславы», и «Дом Бериславина», и «Дом Бериславиной».

Высокий процент (183 примера, 51 %) составляет использование в названиях домов онимов, которые интерпретируются в первую очередь как личные имена и имеют соответствующую фиксацию в официальных источниках [TKAS; NST]. Женские и мужские имена, которые содержат семантический гендерный маркер, а также имена «унисекс» представлены в номинациях в числовом соотношении: 1 : 1,5 : 2:

– женские имена: *Bahar Apt.*, ср. *bahar* ‘весна’, *Gül Apt.*, ср. *gül* ‘роза’, *İpek Apt.*, ср. *ipek* ‘шелк’, *Yıldız Apt.*, ср. *yıldız* ‘звезда’, *Dilek Apt.*, ср. *dilek* ‘желанная’, *İrem Apt.*, ср. *irem* ‘Эдем’, *Güler Apt.*, ср. *güler* ‘улыбающаяся»;

– мужские имена: *Cengiz Apt.* < *Cengiz* ‘Чингисхан’, *Yiğit Apt.*, ср. *yiğit* ‘джигит’, *Çelik Apt.*, ср. *çelik* ‘сталь’, *Kartal Apt.*, ср. *kartal* ‘орел’, *Mert Apt.*, ср. *mert* ‘отважный’, *Çevik Apt.*, ср. *çevik* ‘ловкий’, *Orhan Apt.*, ср. *orhan* ‘судья’, *Mucit Apt.*, ср. *mucit* ‘изобретатель»;

– универсальные имена: *Güneş Apt.*, ср. *güneş* ‘солнце’, *Güney Apt.*, ср. *güney* ‘юг’, *Gün Apt.*, ср. *gün* ‘день’, *Eylül Apt.*, ср. *eylül* ‘сентябрь’, *Şafak Apt.*, ср. *şafak* ‘заря’, *Zafer Apt.*, ср. *zafer* ‘победа’, *Eser Apt.*, ср. *eser* ‘творение’, *Inan Apt.*, ср. *inan* ‘вера’, *Kudret Apt.*, ср. *kudret* ‘могущество’, *Can Apt.*, ср. *can* ‘душа’, *Canan Apt.*, ср. *canan* ‘любимый (-ая)’, *Yüksel Apt.*, ср. *yüksel* ‘идуший (-ая) к вершине».

Персонифицированность подобных названий условна, они «практически анонимны, настолько неконкретно даваемое ими указание на владельца» [Долганова, 2006, 25]. Семантика апеллятива ощутимо выступает в турецком антропониме на первый план, превращая такой ойкодомоним в условно-символическое наименование декоративного типа.

Значительно реже (62 примера, 17 %) в названиях домов используются онимы, которые прочитываются как фамилии в силу особых формальных признаков. Данный тип ойкодомонимов отличают большие конкретность и информативность, так как подобные фамилии способны не только со всей возможной определенностью указать на владельца здания, но и многое рассказать о нем самом и его семье. К маркерам фамильных онимов в названиях домов принадлежат [Aksu, 2005]:

— уцелевший в турецком языке элемент *-oğlu* от *oğul* ‘сын’ архаичной формулы «сын своего отца»: *Bayoğlu Apt.* < *Bayoğlu* букв. «Сын господина», *Aliustaoğlu Apt.* < *Aliustaoğlu* «Сын мастера Али», *Kasapoğlu Apt.* < *Kasapoğlu* «Сын мясника», *Aşçıoğlu Apt.* < *Aşçıoğlu* «Сын повара», *Köylüoğlu Apt.* < *Köylüoğlu* «Сын крестьянина»;

— оттопонимные основы с характерным аффиксом *-li/-li*: *Kefeli Apt.* < *Kefeli* букв. «Выходец из Кафы (Феодосии)», *Tunalı Apt.* < *Tunalı* «Выходец с Дуная», а также производный тип на основе османских астионимов: *Harput Apt.*, *Levent Apt.*, *Keban Apt.* [Sezen, 2017, 332, 444, 512] или этнонимов: *Oğuz Apt.*, ср. *oğuz* ‘огуз’, *Selçuk Apt.*, ср. *selçuk* ‘сельджук’, *Uygur Apt.*, ср. *uygur* ‘уйгур’;

— показатель множественного числа *-lar/-ler* со значением ‘все члены одной семьи’: *Küçükler Apt.*, ср. *küçük* ‘маленький’ + *ler* (по-русски название дома звучало бы как «Дом Маликовых»), *Aydınlar Apt.*, ср. *aydın* ‘светлый’ + *lar* (букв. «Дом Светловых»);

— сложные основы, аффиксы *-maz*, *-mı*: *Eryılmaz Apt.* < *Eryılmaz* букв. «Боец, который ни перед чем не останавливается», *Aldırmazlar Apt.* < *Aldırmazlar* «Семейство тех, кого не застанешь врасплох», *Korkmaz Apt.* < *Korkmaz* «Бесстрашный», *Tanınmış Apt.* < *Tanınmış* «Знаменитый, знатный», *Tanrıverdi Apt.* < *Tanrıverdi* «Данный Богом»;

— популярная в период послереволюционного имятворчества основа *-türk* (по аналогии с фамилией лидера нации *Atatürk*): *Bentürk Apt.* < *Bentürk* букв. «Я — турок», *Şentürk Apt.* < *Şentürk* «Веселый турок», а также отапеллятивные фамилии, отразившие новый образ жизни, достижения в науке и технике, успехи культурной революции: *Emniyet Apt.*, ср. *emniyet* ‘безопасность’, *Füze Apt.*, ср. *füze* ‘ракета’, *Kültür Apt.*, ср. *kültür* ‘культура’. Знаковая для 1930-х гг. фамилия *Kültür* и сегодня остается широко распространенной у турок, живущих как в Турции, так и за ее пределами [Kreiser, 2011, 508];

— модель «этноцентрического самоименования» с элементом *öz* ‘сам’ [Rübekeil, 2004, 758]: *Özdemir Apt.* < *Özdemir* букв. «Действительно железный»,

Özgüç Apt. < *Özgüç* «Действительно сильный», *Özkan Apt.* < *Özkan* «Чистокровный», *Özer Apt.* < *Özer* «Настоящий мужчина», *Öztürk Apt.*, *Türköz Apt.* < *Öztürk*, *Türköz* «Настоящий турок».

Если стандартная бинарная формула «оним + *Apartman*» оценивается как недостаточная для установления личности домовладельца, то употребляются дополнительные распространители в виде уточнений — личного имени, обращения, принятого в отношении состоятельного и влиятельного человека (*bey* ‘господин’, *hanım* ‘госпожа’), термина родства, указывающего на потомственное (*soy* ‘род, семья’) или совместное (*kardeşler* ‘братья’) владение данной недвижимостью, профессии (*Dr.* ‘доктор’), почетного титула мусульманина, совершившего хадж — паломничество в Мекку (*hacı* ‘паломник’): *Mustafa İpekoğlu Apt.* букв. «Дом Мустафы Ипекоглу», *Mehmet Bey Apt.* «Дом господина Мехмета», *Nadide Hanım Apt.* «Дом госпожи Наиде», *Yakut Soy Apt.* «Дом, принадлежащий роду Якут», *Yılmaz Kardeşler Apt.* «Дом братьев Йылмаз», *Dr. Hilmi Bey Apt.* «Дом доктора господина Хильми», *Dr. Sabahattin Altunay Apt.* «Дом доктора Сабахаттина Алтуная», *Hacı Bayram Zade Apt.* «Дом паломника Байрама Заде».

Самостоятельную группу ойкодомонимов данного типа (12 примеров, 3 %) составляют наименования, в которых посессивность выражена иным способом — посредством притяжательных местоимений, аффиксов принадлежности и описательных конструкций: *Bizim Apt.* букв. «Наш дом», *Yuvam Apt.* «Мое гнездо», *Koşem Apt.* «Мой уголок», *Babaevi Apt.* «Дом отца», *Babaanne Apt.* «Дом мамы отца». Подобные названия часто отличает поэтико-эмоциональный заряд и использование универсальных метафор: «дом — уголок, гнездышко».

4.2. Ойкодомонимы — вербализаторы концептуального поля «дом»

Особую статистическую плотность (53 примера, 14 %) обнаруживает группа названий, онимический компонент которых отражает в своей производящей семантике оценочные для понятия «дом» значения.

Понятие «дом» в концептологии относят к универсальным духовным феноменам человечества, настолько абстрактным, что их «можно ощутить весьма отчетливо (вплоть до восприятия кожей всежизненного императива “Имей дом!”), но все же только ощутить, а не сформулировать» [Верещагин, Костомаров, 2005, 921]. Вербальным итогом воплощения общечеловеческого смысла «Дом — (это) благо!» в словесно-знаковой форме турецкого ойкодомонима становятся названия: *Hayat Apt.*, ср. *hayat* ‘жизнь’, *Uğur Apt.*, ср. *uğur* ‘благо, удача’, *Servet Apt.*, ср. *servet* ‘богатство, сокровище’, *Mutlu Apt.*, ср. *mutlu* ‘счастливый, благополучный’, *Huzur Apt.*, ср. *huzur* ‘покой, благосостояние, блаженство’, *Barış Apt.*, ср. *barış* ‘мир, согласие’, *Güven Apt.*, ср. *güven* ‘защищенность’, *Kismet Apt.*, ср. *kismet* ‘судьба’, *Ferah Apt.*, ср. *ferah* ‘просторный’, *Sağlam Apt.*, ср. *sağlam* ‘прочный,

надежный'. В фокусе номинативных предпочтений (шесть примеров в пределах одного квартала) оказывается название *Hayat Apt.*, непосредственно выражающее идею жизни, что закономерно, ведь «дом — условие жизни <...> проживать где-либо — это и значит жить» [Верещагин, Костомаров, 2005, 901].

4.3. Координатные ойкодомонимы как результат метонимического переноса

Координатные ойкодомонимы (16 примеров, 4 %) содержат информацию о местонахождении здания. Для именования используются метонимические модели по смежности с доминирующим объектом географического или внутригородского пространства. Особенности топографии квартала легко прочитываются в названиях: *Haseki Apt.* находится недалеко от кюллии Хасеки Хюррем, *Cevdet Paşa Apt.* повторяет название своей улицы Джевдет Паша, *Cerrahpaşa Apt.* располагается в непосредственной близости от мечети Джерахпаша, *Meşdan Apt.* выходит на майдан — центральную площадь квартала, *Kuyu Apt.* (от *kuyu* 'колодец') расположен рядом с источником питьевой воды, *Kimyon Apt.* (от *kimyon* 'тмин') стоит на одноименной улице, где во время пятничных рынков из года в год ведется торговля пряностями и специями.

Природный ландшафт Стамбула, раскинувшегося на берегах Мраморного и Черного морей, диктует активное присутствие морской темы в ойкодомонимах, образованных в том числе и в результате топонимической метонимии: *Deniz Apt.* < *deniz* 'море', *Meltem Apt.* < *meltem* 'бриз', *Karadeniz Apt.* < *Karadeniz* 'Черное море', *Marmara Apt.* < *Marmara* 'Мраморное море', *Ege Apt.* < *Ege* 'Эгейское море'. Средиземное море, находящееся от города в отдалении, в номинациях не представлено.

4.4. Ойкодомонимы-«панегирики» с двойным номенклатурным элементом

Ойкодомонимы данного типа (21 пример, 5 %) основаны на субъективной оценке автором названия статуса здания — при этом оказывается, что она намного выше, чем установленная общим номенклатурным элементом *apartman*, т. е. это не просто дом, а «всем домам дом». Чтобы придать жилому объекту большую значимость, бинарная формула именования усложняется за счет введения в онимическую часть дублета, подчеркивающего преимущества данного здания перед всеми прочими: *Altınhisar Apt.* букв. «Дом “Золотой замок”», *Dilek Saray Apt.* «Дом “Особняк желаний”», *Bahar Palas Apt.* «Дом “Весенний дворец”», *Sevinç Palas Apt.* «Дом “Праздничный дворец”», *Zümrüt Palas Apt.* «Дом “Изумрудный дворец”». Дополнительные апеллятивы (перс. *saray* 'особняк, дворец', франц. *palas* 'дворец премиум класса'), а также использование слов с характерной оценочной семантикой (*altın* 'золото', *platin* 'платина', *zümürüt* 'изумруд') призваны создать впечатление об объекте номинации как о большом, просторном, богато декорированном доме, достойном визита правителя.

4.5. Ойкодомонимы-приветствия как вид речевой коммуникации

Малочисленную (3 примера, 0,8 %), но оригинальную группу ойкодомонимов представляют названия на основе императивных приветствий. Подобные именованя аналогичны речевому акту побуждения — приглашения, пожелания, опосредованно (через название) передаваемого от хозяина жильцу, гостю, потенциальному покупателю, арендатору: *Merhaba Apt.* < *Merhaba!* ‘Здравствуй(те)!’ (араб. букв. «Располагайтесь поудобнее!»), *Hoş geldiniz Apt.* < *Hoş geldiniz!* ‘Добро пожаловать!’ (букв. «Хорошо, что пришли!»), *İyi Günler Apt.* < амбивалентная формула *İyi günler!*, которая при входе в дом может быть прочитана как «Добрый день!», а на выходе — как «Хорошего дня!».

Рассмотренные группы ойкодомонимов представляют наиболее типичные названия, не передавая в полной мере всего спектра семантических моделей и тем, реализованных в ономастиконе турецкого города. Так, например, культурно-историческая составляющая турецкой ойкодомонимии представлена редкими, но возможными мемориальными названиями, данными в честь того или иного памятного события. В пределах квартала отмечено одно название подобного типа: *50. Yıl Apt.* букв. «Дом, посвященный 50-летию Турецкой Республики». Не являются доминирующим типом, но также присутствуют (пять примеров) в ономастиконе ассоциативные ойкодомонимы, связанные с внешним видом здания. Облицованные цветной плиткой, ярко выкрашенные дома получают названия *Renk Apt.*, ср. *renk* ‘цвет, цветной’, *Şen Apt.*, ср. *şen* ‘яркий, праздничный’, *Sirin Apt.*, ср. *sirin* ‘красивый’ и т. д.

5. Заключение

В качестве самостоятельной группы собственных имен, связанных с внутригородским пространством, ойкодомонимы представлены и в русском, и в турецком ономастиконе. При структурно-семантическом подобии русских и турецких названий, функционирующих в составе апеллятивно-онимического комплекса и реализующих сходные мотивационные установки, ойкодомонимы демонстрируют лингвокультурные различия в условиях закрепления за зданием индивидуального названия, сферах употребления, функциональной нагрузке.

В турецком ономастиконе имена домов представлены широким рядом моделей означиваня: посессивные ойкодомонимы, ойкодомонимы — вербализаторы концептуального поля «дом», координатные ойкодомонимы как результат метонимического переноса, ойкодомонимы-«панегирики» с двойным апеллятивом, коммуникативные ойкодомонимы-приветствия, мемориальные и ассоциативные названия. Каждый из номинативных типов подвержен влиянию экстралингвистических факторов: в названиях зданий отражаются культурно-исторические

и религиозные традиции Турции, особенности природного ландшафта и этнический состав населения Стамбула.

Объемность данного разряда урбанонимов, многочисленный, непрерывно пополняемый лексический массив, разнообразие мотивационных установок, свой набор семантических моделей и, главное, сфера самостоятельного функционирования выделяют турецкую ойкодонию в отдельную микросистему, живую и жизнеспособную, обнаруживающую потенциал вариативности и обновления.

Как своеобразный элемент языкового быта турецкого города, имена домов наряду с архитектурными памятниками, босфорскими панорамами и культурно-историческим переплетением цивилизаций определяют тот неповторимый колорит, который делает Стамбул для его обитателей и путешественников атмосферным, обладающим «лица необщим выраженьем».

Источники

- Аверченко А. Т.* Записки простодушного «Я в Европе»: Турция, Чехословакия. Берлин : Север, 1923.
URL: http://dugward.ru/library/averchenko/averchenko_zapiski_prostodushnogo.html.
- Бродский И. А.* Путешествие в Стамбул. 1985. URL: http://lib.ru/BRODSKIJ/br_istambul.txt.
- Памук О.* Музей невинности. СПб. : Азбука, 2017. URL: <https://www.litres.ru/orhan-pamuk-2/muzey-nevinnosti-8738822>.
- Bayartan M.* Osmanlı Şehrinde Bir Idari Birim: Mahalle // *Coğrafya Dergisi*. 2005. № 13. S. 93–107.
- Çelik Z.* The Remaking of Istanbul — Portrait of an Ottoman City in the Nineteenth Century. Berkeley : Univ. of California Press, 1993.
- Kuran A.* Haseki Külliyesi // *Boğaziçi Üniversitesi Dergisi. Hümaniter Bilimler*. 1974. Vol. 2. S. 57–86.
- Müller-Wiener W.* İstanbul'un Tarihsel Topoğrafyası: 17. Yüzyıl başlarına kadar Byzantion — Konstantinopolis — İstanbul. İstanbul : Yapı Kredi Yayınları, 2001.
- NST — Name Statistics — Türkiye. URL: <http://www.name-statistics.org/tr/numef.php?numedefamilie>.
- Sezen T.* Osmanlı Yer Adları. Ankara : Başbakanlık Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü, 2017.
- Türköz M.* Naming and Nation-Building in Turkey: The 1934 Surname Law. New York: Palgrave Macmillan, 2018.
- TKAS — Türkçe Kişi Adları Sözlüğü. URL: http://tdk.gov.tr/?option=com_kisiadlari&view=kisiadlari.

Исследования

- Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.
- Бульгина Е. Ю., Трипольская Т. А.* Язык городского пространства: словарь, карта, текст. М. : Языки славянской культуры, 2015.
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы. М. : Индрик, 2005.
- Долганова А. Ю.* Процессы трансимизации в эргонимии (на материале названий магазинов Ижевска) // *Вестник Удмуртского университета. Сер. «Филологические науки»*. 2006. № 5 (2). С. 25–30.
- Дьякова Н. С.* Новые топонимы на карте Вологды // *Вестник Вологодского государственного университета. Сер. «Языкознание»*. 2016. № 2. С. 70–74.
- Кононенко Е. И.* Фактор исламской благотворительности в турецком градостроении // *Исламоведение*. 2014. № 4. С. 73–79.

- Кононенко Е. И. Роль куллие в планировке раннеосманской Бурсы // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2016. Вып. 6. С. 133–148.
- Мадиева Г. Б., Супрун В. И. Система современной русской урбанонимической терминологии. DOI 10.15826/vopr_onom.2017.14.2.014 // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2. С. 115–125.
- Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1988.
- Разумов Р. В. Ойкодомонимы: место в ономастическом пространстве // Восточноукраинский лингвистический сборник им. Е. С. Отина. 2018. Вып. 1 (16). С. 205–214.
- Разумов Р. В., Горяев С. О. Названия жилых комплексов: между урбанонимами и рекламными именами. DOI 10.24224/2227-1295-2018-9-76-97 // Научный диалог. 2018. № 9. С. 76–97.
- Разумов Р. В., Горяев С. О. Новые ойкодомонимы как отражение ментальной карты города. DOI 10.25513/2413-6182.2019.6(1).93-111 // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 1. С. 93–111.
- Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.
- Широков А. Г. Русская урбанонимия в диахроническом освещении: апеллятивно-онимические комплексы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Волгоград. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2002.
- Aksu İ. The Story of Turkish Surnames: An Onomastic Study of Turkish Family Names, their Origins and Related Matters. Çanakkale : Olay Gazete Press, 2005.
- Kreiser K. Türkische Familiennamen in der Türkei und in Deutschland // Familiennamen im Deutschen: Erforschung und Nachschlagewerke. 2. Halbband : Familiennamen aus fremden Sprachen im deutschen Sprachraum / Hrsg. von K. Hengst, D. Krüger. Leipzig : Leipziger Universitätsverlag GMBH, 2011. S. 503–516.
- Rübekeil L. Stammes- und Völkernamen // Namenarten und ihre Erforschung: Ein Lehrbuch für das Studium der Onomastik / Hrsg. von A. Brendler und S. Brendler. Hamburg : Baar, 2004. S. 743–772.
- Uğur A., Aliğaoğlu A. Şhirsəl Alanda Yok-Yerler: Türkiye’de Gökdelenler // Atatürk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2018. № 22. S. 2775–2791.
- Yavuz S., Şenel M. Yer Adları (Toponim) Terimleri Sözlüğü. DOI 10.7827/TurkishStudies.5504 // Turkish Studies — International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. Summer, 2013. Vol. 8/8. P. 2239–2254.

Рукопись поступила в редакцию 20.02.2019

* * *

Климкина Ольга Игоревна
кандидат филологических наук, доцент
Стамбульский университет
Ordu Cad., 6, 34134 İstanbul, Turkey
E-mail: chloja@inbox.ru

Klimkina, Olga Igorevna
PhD, Associate Professor
Istanbul University
6 Ordu Cad., 34134 Istanbul, Turkey
Email: chloja@inbox.ru

Olga I. Klimkina

Istanbul University
Istanbul, Turkey

**THE HOUSE AS AN OBJECT OF NAMING
IN THE TURKISH URBAN ONOMASTICON:
STRUCTURAL AND SEMANTIC ANALYSIS**

The article explores structural and semantic features of names of houses (oikodomonyms) in the Turkish language. The author proceeds from studying individual names' motivations, contexts of their usage, and functional meaning (compared to the corresponding Russian designations) to the description of the general urbanonymic formula of Turkish house names. Typically, the name's affiliation to this class is indicated by the element *apartment* (borrowed from French) which is used in modern Turkish to refer to the buildings intended for rental housing. In Turkish grammar, appellative nouns occur in postposition and agree with the complemented onym that specifies the nominated object. With names of houses, when these derive from other titles — a personal name or a sea name, the onymic component is formed through appellative onymization or transonomization and can consist of one or several elements with a variable degree of complexity. The study identifies typical patterns of house naming: “possessive” names, names verbalizing the concept of ‘home,’ reference names formed by metonymic transfer, “panegyric” names with double nomenclature element, communicative “greeting” names. The cultural and historical context of Turkish oikodomonymy reveals itself in less common yet present “memorial” names commemorating remarkable events. Another peculiar group is “associative” house names conditioned by the appearance of the building. There is a strong influence of extralinguistic factors in the urban onomasticon of Istanbul: the names of houses reflect cultural and historical traditions of the people, features of the city's natural landscape, the multi-ethnic composition of the population of the metropolis. The large scope of this category of onyms, the variety of semantic patterns and the functions it displays, as well as extensive, continuously replenished vocabulary, brings Turkish house names into a separate and well-established microsystem within the Turkish urban toponymicon.

Key words: Turkish language, Turkish culture, onomastics, urban toponymic space, names of houses (oikodomonyms), proprio-appellative lemmas, semantic pattern.

- Aksu, İ. (2005). *The Story of Turkish Surnames: An Onomastic Study of Turkish Family Names, their Origins and Related Matters*. Çanakkale: Olay Gazete Press.
- Berezovich, E. L. (2009). *Russkaia topomimiia v etnolingvističeskom aspekte: Prostranstvo i chelovek* [Russian Toponymy in Ethnolinguistic Aspect: Space and Human]. Moscow: LIBROKOM.
- Bulygina, E. Yu., & Tripolskaia, T. A. (2015). *Iazyk gorodskogo prostranstva: slovar', karta, tekst* [Language of the City Space: Vocabulary, Map, Text]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
- Dolganova, A. Yu. (2006). Protessy transonimizatsii v ergonomii (na materiale nazvanii magazinov Izhevskaja) [Transonomization in Ergonomics (on the material of shop names in Izhevsk)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filologičeskie nauki*, 5(2), 25–30.
- Dyakova, N. S. (2016). Novye toponimy na karte Vologdy [New Toponyms on the Map of Vologda]. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Jazykoznanie*, 2, 70–74.
- Kononenko, E. I. (2014). Faktor islamskoi blagotvoritel'nosti v turetskom gradostroenii [The Factor of Islamic Charity in Turkish Urban Planning]. *Islamovedenie*, 4, 73–79.

- Kononenko, E. I. (2016). Rol' kullie v planirovke ranneosmanskoj Bursy [The Function of Kullie in Mapping out Early Ottoman Bursa]. *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury*, 6, 133–148.
- Kreiser, K. (2011). Türkische Familiennamen in der Türkei und in Deutschland. In K. Hengst, & D. Krüger (Eds.), *Familiennamen im Deutschen: Erforschung und Nachschlagewerke. 2. Halbband: Familiennamen aus fremden Sprachen im deutschen Sprachraum* (pp. 503–516). Leipzig: Leipziger Universitätsverlag.
- Madieva, G. B., & Suprun, V. I. (2017). Sistema sovremennoi russkoj urbanonimicheskoi terminologii [The System of Contemporary Russian Urbanonymic Terminology]. *Voprosy onomastiki*, 14(2), 115–125. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.2.014
- Podolskaya, N. V. (1988). *Slovar' russkoj onomasticheskoi terminologii* [The Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow: Nauka.
- Razumov, R. V. (2018). Oikodomonimy: mesto v onomasticheskom prostranstve [Oikodomonyms: the Place in Onomastic Context]. *Vostochnoukrainskii lingvisticheskii sbornik im. E. S. Otina*, 1, 205–214.
- Razumov, R. V., & Goryaev, S. O. (2018). Nazvaniia zhilykh kompleksov: mezhdru urbanonimami i reklamnymi imenami [Names of Residential Complexes: between Urbanonyms and Advertising Names]. *Nauchnyi dialog*, 9, 76–97. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-9-7697>
- Razumov, R. V., & Goryaev, S. O. (2019). Nove oikodomonimy kak otrazhenie mental'noi karty goroda [New Oikodomonyms as a Reflection of the Mental Map of a City]. *Kommunikativnye issledovaniia*, 6(1), 93–111. [https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6\(1\).93-111](https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6(1).93-111)
- Rübekeil, L. (2004). Stammes- und Völkernamen. In A. Brendler, & S. Brendler (Eds.), *Namenarten und ihre Erforschung: Ein Lehrbuch für das Studium der Onomastik* (pp. 743–772). Hamburg: Baar.
- Shirokov, A. G. (2002). Russkaia urbanonimiia v diakhronicheskom osvshhenii: apellativno-onimicheskie kompleksty [Russian Urban in Diachrony: Proprio-Appellative Complexes] (doctoral dissertation). Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd.
- Superanskaya, A. V. (2009). *Obshchaia teoriia imeni sobstvennogo* [A General Theory of Proper Names]. Moscow: LIBROKOM.
- Uğur, A., & Aliğaoglu, A. (2018). Şehirsel Alanda Yok-Yerler: Türkiye'de Gökdelenler [Non-Places in Urban Areas: Skyscrapers in Turkey]. *Atatürk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*, 22, 2775–2791
- Vereshchagin, E. M., & Kostomarov, V. G. (2005). *Jazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, rechepovedencheskikh taktik i sapientemy* [Language and Culture. Three Linguistic Concepts: the Lexical Field Theory, the Speech-and-Behaviour Practices and the Sapientheme]. Moscow: Indrik.
- Yavuz, S., & Şenel, M. (2013). Yer Adları (Toponim) Terimleri Sözlüğü [Glossary of Place Names (Toponymy)]. *Turkish Studies — International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic*, 8/8, 2239–2254. <https://doi.org/10.7827/TurkishStudies.5504>

Received on 20 February 2019

БАЙЫРКУ И БАРГУ: КОНЕЦ ОДНОГО МИФА*

Постепенно в научной и иной литературе, касающейся этногенеза и этнической истории бурят, сформировалось мнение о соответствии этнонимов *байырку* ~ *байарку*, известного в древнетюркскую эпоху, и *баргу*, впервые зафиксированного в начале XIII в. Это мнение хорошо укладывалось в представления об этнической преемственности населения Байкальского региона на разных исторических этапах. Выдвинутая однажды в качестве гипотезы, точка зрения укрепилась в историографии как научный факт, причем, что парадоксально, она никогда не подвергалась ни проверке, ни критике с филологической точки зрения, т. е. просто молчаливо принималась исследователями. Данная статья посвящена критике и деконструкции этой точки зрения. Авторами приводится лингвистическая аргументация, демонстрирующая отсутствие каких-либо оснований для отождествления этнонимов *байырку* ~ *байарку* и *баргу* как одновременных фонетических форм одного слова. В частности, в статье показано, что никакие законы фонетики, известные, по крайней мере, для языков алтайской семьи, не позволяют обосновать преобразование форм VIII–X вв., будь то *bajırqu* или *bajarqu*, в известное с XIII в. наименование *баргу*. Кроме того, исходя из материалов тюркских и монгольских языков, авторы рассматривают различные версии происхождения каждого из этнонимов. Наименование *bajırqu* ~ *bajarqu* предлагается возводить к производящей основе *baj + u-* ~ *baj + i-* ‘быть богатым, богатеть’ и рассматривать как отглагольное имя с буквальным значением ‘делающий (могущий / способный сделать) богатым’. Зарегистрированный в монгольской среде этноним

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00082 «Внутренняя Азия в исторической картографии: реконструкция ее историко-культурного прошлого».

baryu, обнаруживающий параллели в этнонимии тюркских народов в формах *baryi*, *barqi*, может быть как тюркским заимствованием, так и оригинальным образованием, в обоих случаях представляя собой отглагольное имя от основы с обликом *bar-*.

Ключевые слова: этнонимия, этимология, *байырку*, *баргу*, Внутренняя Азия, Байкальский регион, тюркские языки, монгольские языки, этногенез бурят.

В ряду вопросов, касающихся этногенеза бурят, особое место занимает дискуссия о возможности генетической связи современного бурятского населения Байкальского региона с исторической общностью, известной в научной литературе, как *байырку*. Историками была сконструирована версия, молчаливо принимаемая сегодня большинством исследователей, об этнической преемственности населения региона — от *байырку* к современным бурятам, в которую в качестве промежуточной ступени оказалась также вплетена общность *баргу*. Надо отметить, что эти построения базируются лишь на сопоставлении ареалов расселения названных сообществ и лингвистических спекуляций¹<?>. Подгоняемые под эту схему «этногенетические» построения не выдерживают критики с точки зрения методологии, поскольку этническая преемственность в отношении тех или иных групп кочевнического населения, объединения которых всегда имели прежде всего политическую основу, а также сегментированную социальную организацию, текучую по составу и, соответственно, гибкую по структуре [Németh, 1991, 29–47], неочевидна.

байарку ~ байырку

Первое упоминание племенного названия *ба-е-гу* 拔也古 / 拔野古 восходит к периоду династии Суй 隋 (581–618 гг.), встречаясь в перечне племен (*син* 姓) группы *те-лэ* 鐵勒, который дается в цз. 99 «Бэй ши» 北史 (*ба-е-гу* 拔也古), цз. 84 «Суй шу» 隋書 (*ба-е-гу* 拔也古), цз. 199 «Тун дянь» 通典 (*ба-е-гу* 拔野古), цз. 198 «Тай-пин хуань-юй цзи» 太平寰宇記 (*ба-е-гу* 拔野古) и затем повторяется в цз. 344 «Вэнь-сянь тун-као» 文獻通考 (*ба-е-гу* 拔也古). Этноним *ба-е-гу* 拔也古 / 拔野古 упоминается здесь среди группы племен, живущих к северу от р. Тола (*Ду-ло-хэ* 獨洛河); в эту группу входили также *пу-гу* 僕骨 (< **buγut*), *тун-ло* 同羅 (< **toŋra*), *вэй-хэ* 韋紇 (< **ujγur*), *фу-ло* 覆羅 [Позднеев, 1899, 38; Chavannes, 1903, 251, п. 2; Цэнь Чжун-мянь, 678, 692–693; Liu Mau-tsai, 1958, 127–128, 566–570, *Ann.* 654–664; Кюнер, 1961, 38; Таşağıл, 2004, 131, 194 («Тун дянь» 通典: 1080/а), 138, 199 («Вэнь-сянь тун-као» 文獻通考: 2698/а); Қазақстан тарихы, 54].

¹ Ввиду широкого распространения этой гипотезы едва ли имеет смысл указывать какие-либо отдельные работы, поэтому мы ограничимся ссылками на два сравнительно недавних крупных издания: том «Буряты», изданный в рамках серии «Народы и культуры» в Институте этнологии и антропологии РАН [Нимаев, 2004, 23, 24] и «Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire» К. Этвуда [Atwood, 2004, 34].

Г. Шлегель изначально дал для встреченного в «Цзю Тан шу» 舊唐書 написания *ба-и-гу* 拔曳固 транскрипцию *Poat-i-kou* [Schlegel, 1892, 23, n. 6]². В следующей работе он транскрибировал форму *ба-е-гу* 拔野古 как *Bayirku* [Schlegel, 1896, I, 137]. В. Томсен сопоставил это с *Bajyrqu* древнетюркских рунических надписей из Хушо-Цайдама [Thomsen, 1896, 73, n. 3, 155, n. 41, 197]. Ф. Хирт, взявший за основу кантонский диалект, обосновал транскрипцию *ба-и-гу* 拔曳固 как *Pa-jyt-ku* < *Bajyrku* [Hirth, 1899, 6], отметив также форму *ба-е-гу* 拔也古 [Ibid., 36]. Эти идентификации были приняты другими исследователями [Аристов, 1896, 365; Chavannes, 1903, 87–88, n. 3; Pelliot, 1949, 187; Hamilton, 1955, 2, n. 2(8)].

В памятниках древнетюркской рунической письменности, относящихся к началу — середине VIII в., фиксируется орфографическая форма *b'j'l'r'q'u* 𐰉𐰺𐰽𐰸 [Şirin User, 2009, 155]. Тот факт, что гласный второго слога не выписан, должно указывать на то, что речь идет о широком неогубленном гласном: *b(a)j(a)rqu*.

В рукописном фрагменте рунического текста из Дуньхуана засвидетельствована форма мн. ч. *b'j'l'r'q'u'l'r'* 𐰉𐰺𐰽𐰸𐰺𐰽𐰸 [Thomsen, 1912, 186, 189, Pl. I, 1a], т. е. *b(a)jir'qu-l(a)r*, с выписанным гласным второго слога, на месте которого представлен узкий неогубленный звук (он также оказал влияние на палатализацию *r* [Pelliot, 1949, 187, n. 1]).

В тибетском документе из коллекции П. Пельо № 1283 встречается форма *ba-yar-bgo* [Vacot, 1956, 147, 152; Clauson, 1957, 14]. В хотаносакских документах IX–X вв. фиксируются формы *ttrrūki bayarkāva* [Bailey, 1939, 87; 1949, 29, 30, 34, 47], *ttrūki bayarkāta* [Bailey, 1937, 883, 884, 885; 1939, 87; 1951, 3, 22; Henning, 1938, 553, 555, 558; Hamilton, 1977, 516–517].

Тибетские и сакские формы привели П. Пельо к мнению, что правильная форма — именно *bayarqu* [Pelliot, 1949, 187; Vacot, 1956, 152], с широким гласным второго слога. П. Пельо отметил также, что транскрипция *ба-е-гу* 拔野古 должна передавать **b^wat-ja-kuo* < **barjaqu* [Pelliot, 1943, 46, n. 5; 1949, 187, n. 1; Hamilton, 1955, 2, n. 2(8)].

С. Е. Яхонтов, основывавшийся на системе реконструкции Б. Карлгрена, рассматривал вариант китайской транскрипции *bá-yě-gǔ* 拔野古 (< **bhuât ia kuo*) как свидетельство того, что, во-первых, в среднекитайском при передаче иноязычных слов конечный *-t* ассимилируется перед *i-*; во-вторых, нулевой согласный в финали второго слога свидетельствует о том, что «иностранные конечные *r* и *l* китайцы иногда не передавали вообще», что подкрепляется другой транскрипцией *bá-yě-gù* 拔野固 < **bhuât iät kuo*, где явный *-t* в конце теоретически обозначает какой-то согласный [Яхонтов, 1970, 115, 118–119, прим. 32].

² Здесь и далее мы сохраняем орфографию цитируемых изданий, чем вызвано прежде всего различие в написании знака, обозначающего сонант [j]: в российской традиции он обычно передается символом *j*, в зарубежной — символом *y*.

Ю. Касаи, напротив, учитывая в транскрипциях финаль *-t* в звучании первого иероглифа и ее отсутствие во втором, считает допустимой гипотезу П. Пельо о том, что китайские транскрипции отражают чтение **baryaqu*. Ю. Касаи дает следующие реконструкции форм:

bá yě gǔ 拔也古 (К: *b'wăt ĭa kuo*, EMC: *bəit/bɛ:t jia'kə*, LMC: *pɦa:t jia' kuǎ*);
bá yě gù 拔曳固 (К: *b'wăt ĭäi kuo*, EMC: *bəit/bɛ:t jiaj^h kə^h*, LMC: *pɦa:t jiaj' kuǎ*);
bá yě gǔ 拔野古 (К: *b'wăt ĭa kuo*, EMC: *bəit/bɛ:t jia'kə*, LMC: *pɦa:t jia' kuǎ*);
bá yě gù 拔野固 (К: *b'wăt ĭa kuo*, EMC: *bəit/bɛ:t jia'kə^h*, LMC: *pɦa:t jia' kuǎ*).

Однако Ю. Касаи отмечает, что такие формы нигде не зарегистрированы [Kasai, 2012, 110; 2014, 101]³.

В. Томсен сравнил название *bajyrqu* с *bajyr* чаг. 'пустыня, равнина', осм. 'склон, холм' [Thomsen, 1896, 155, n. 41]. Г. Е. Грумм-Гржимайло, основываясь на буквальном восприятии китайского звучания, сопоставил название племени с костями *бауга* у камасинцев и *баугул* у чулымских татар [Грумм-Гржимайло, 3/1, 250]. В. И. Сосновский этимологизировал этноним *байырку* как словосложение, где элемент *бай* «значит 'богатый, resp. многолюдный'»; для второго элемента, *ырку* (мн. *ыркут*), автор находит аналогии в различных созвучных топонимах и этнонимах [Сосновский, 1928, 105, прим. 9]. Несколько позже А. Н. Самойлович бегло указал на связь этнонима со словом *baj* 'богатый' [Самойлович, 2005, 301]. По-видимому, Б. Б. Бамбаев первым предложил соотнести историю сообщества *байырку* с позднейшими *баргутами*, помещая тех и других в Приангарье [Бамбаев, 1929, 131].

П. Пельо предложил этимологизацию этнонима от глагола *bayür-* 'разбогатеть', допуская и искаженную форму (*une mauvaise forme*) монг. *bayarqa-* 'пользоваться своим богатством', ср. телеут. *payürqa-* 'то же', кирг. *bayürqa-* 'то же'. При этом форма *bayarqu* как раз может подтверждать метатезу от исходного **baryaqu*. Французский востоковед предположил также, что имя могло быть двухэлементным, отметив и возможность вторичного образования формы *baryu* [Pelliot, 1949, 187, n. 1], видимо, подразумевая **baryu* < **baryaqu*, хотя никак не обосновал это. В другой работе он указывает на возможное сопоставление *bayürqu* с топонимом *Bargu* [Pelliot, 1959, 76–77].

Г. М. Василевич упоминает тюркское племя *байырк* (*sic!*), монгольское племя *баит* (в составе «ойротской группы»), название группы якутов в Верхоянском и Калымском наслегах *Баида*, название рода якутов в Калымском наслеге *Баиды уса* ~ *Байдыма* в сопоставлении с названием рода сымских эвенков *Бая-ки* ~ *Бая-киин*, занимавших различные территории между Обью и Енисеем

³ В «Цзы чжи тун цзянь» 資治通鑑 наряду с *ба-и-гу* 拔曳固 встречается форма *бо-и-гу* 勃曳固 [Pelliot, 1929, 216, n. 7; см. также: Малайкин, 1989, 25, 141, коммент. 53; Қазақстан тарихы, 376, 425, 518 нұсқ.]. Форма *бо-и-гу* 勃曳固 реконструируется следующим образом: пиньинь. *bó-yě-gù* < ран.-ср.-кит. **bət-jiaj^h-kə^h*, позд.-ср.-кит. **pɦut-jiaj' -kuǎ* [Pulleyblank, 1991, 40, 369, 111] < **borjaqu*.

[Василевич, 1948, 57–58]⁴. А. Н. Бернштам писал о генетической связи этнонима *байырку* и топонима *Баргузин* [Бернштам, 1947, 63]. Г. Н. Румянцев прямо отождествил *байырку* с наименованием *баргут*, впервые упомянутым у Рашид ад-Дина, стремясь обосновать идею о том, что речь идет о монголоязычном племени [ИБМ, 1, 42 и след.; Румянцев, 1962, 133, 244]. Ю. А. Зуев, комментируя в «Тан хуэй яо» 唐會要 (цз. 72, с. 1305, стр. 3) описку в названии гидронима *Чжан-е-гу хэ* 杖曳固川 вместо *Ба-е-гу хэ* 拔曳固川 [Зуев, 1960, 97, 105, коммент. б], отождествил *Баргузин* с *Баргуджин-токум* Рашид ад-Дина, что этимологизировал как «Баргу-джин = Байырку-чин = река Байырку», т. е. сблизил формы *байырку* и *баргу* [Там же, коммент. 9]. С. М. Абрамзон осторожно указал на возможность сопоставить с *байырку* зафиксированный им в ходе полевых исследований эпоним *Байгур*, известный в преданиях о происхождении уйгуров как предок таранчи, или *Байгыр* как предок уйгуров [Абрамзон, 1971, 54–55]. Ц. Б. Цыдендамбаев считал, что *байырку* выступает как тюркская калька монгольского *баргу*, приводя в пример явно мнимое созвучное кирг. *байыркы* ‘примитивный, стародавний’ (по словарю К. К. Юдахина) и халх. *барга* ‘грубый, примитивный; патриархальный, стародавний’ [Цыдендамбаев, 1972, 279].

Сейчас уже трудно сказать, с чьей конкретно подачи, но отождествление *байырку* и *баргу* как форм одного этнонима стало настолько распространенным в историографии, что превратилось в своего рода «устоявшуюся истину» и кочевало из работы в работу, не подвергаясь критике, пока один из авторов [Нанзатов, 2005, 20] не обратил внимания на фонетические трудности, возникающие при

⁴В языковом отношении они принадлежат к «шипящей подгруппе южной сибилитивной группы диалектов эвенкийского языка» и по крайней мере к XVIII в. кочевали по обоим берегам Енисея, видимо, вплоть до устья Ангары; по разным данным, группы *Бая-ки* кочевали по территории Обь-Енисейского водораздела и к востоку от Енисея [Василевич, 1948, 56–57]. Для сопоставления Г. М. Василевич приводит русифицированную фамилию *Башины* у эвенков-ламатов Верхоянского района Якутии, она же известна как название одного из родов (в отписках охотских казаков), а также как родовое название улчей на Амуре *Байуксели* и идентичное название рода ороков на Сахалине [Там же]. По сведениям Л. А. Штернберга, некоторые ороческие роды в верховьях р. Тумнин ведут свое начало от эвенков рода *Ваја*, живших на Амуре. Среди маньчжурских родов одним из самых древних считается *Баяра*; на всей территории расселения эвенков встречается название *Бая-гур*. Кроме того, селькупы, живущие по р. Турухан, называются *Баихинские*. Г. М. Василевич приводит «маленькую заметку на карте России 1562 г. времен Ивана Грозного» рядом с названием местности *Бауда*, помещенной, как и страна *Colmak*, к востоку от Оби [Там же, 57–58]. Где можно говорить о реальном единстве происхождения приведенных названий, а где — видеть лишь совпадения на основе созвучия, нужно разбираться специально. Так или иначе, Г. М. Василевич сделала вывод о том, что элемент *Бая-* свидетельствует о названии когда-то существовавшего «большого племени или народности» или «древней племенной группы», чьи потомки позже разошлись по всей территории расселения тунгусских племен. Исследовательница предположила, что изначально территорией их расселения были районы от Оби до Байкала [Там же, 17, 58, 59]. Ср. эвенк. *бајагур*, *бајакі* ‘название рода’, при *бајан* ‘богатый’, *бајакіт* ‘богатая чем-то местность’, *бајан-* ‘богатеть’ и др. [ССТМЯ, 1, 65].

отождествлении этих этнонимов. А. К. Камалов, выступивший с критикой тенденций вписать *байырку* в этническую историю бурят, основывающихся на привязке к *байырку* средневековых археологических культур Забайкалья, сделал акцент на историческом обосновании — откочевке *байырку* в Восточный Туркестан после поражения в войне с уйгурами в 750-е гг. [Kamalov, 2001]⁵.

Не имея сейчас возможности коснуться вопросов локализации племен и их политической истории, рассмотрим вероятные варианты этимологизации этнонима на тюркской основе.

Как отмечает М. Эрдал, глагол **bay-* в тюркских языках не засвидетельствован, есть только *bayu-* < *bay* + *u-* ‘быть или становиться богатым’, который в древнетюркских и среднетюркских (караханидско-уйгурских) памятниках выступает как отыменное образование от имени *baj* ‘богатый’ + *+U-*, аффикс непереходного глагола [OTWF, 2, 475]. Рассматривая, в частности, слово *bayan*, М. Эрдал указывал, что, если предполагать его образование при помощи аффикса *-Xn*, ожидать гласный /a/ во втором слоге не следовало бы. Поэтому он склонен объяснять форму *bayan* как образование от основы *bayu-*, являющейся глагольным дериватом от прилагательного *bay* + *+U-*, однако и в этом случае характер второго гласного остается без объяснения [Erdal, 2007, 78–79, n. 14].

В словаре В. В. Радлова отмечены каз., казан. тат. *байы*, як. *бай* ‘богатеть’, осм. *байыр* ‘то же’ [Радлов, 1911, 1468, 1469]. Форма с узким гласным регистрируется также в словаре Ибн Муханны и в чагатайских и кыпчакских памятниках [EDT, 384–385] (см. также тур. диал., кум., к.-балк., кирг., каз., к.-калп., тат., башк., алт., тув., хакас. [ЭСТЯ, 2, 29])⁶. Эти факты свидетельствуют о существовании исходной общетюркской формы с узким аффиксальным гласным, который мог иметь как огубленный, так и неогубленный варианты: *baj* + *X-* [ср.: Pelliot, 1949, 196].

Тексты на брахми позволяют выдвинуть предположение о возможности расширения и делабиализации форманта *+U-* > *+A-* [Erdal, 2004, 90, n. 155]. Однако форма переходного глагола от *bay* + *u-* образуется путем прибавления аффикса *-(X)t-*, а не *-(U)r-* (с зарегистрированным алломорфом *-(A)r-*)⁷: *bayu-t-* ‘обогащать, сделать богатым’ [EDT, 385; OTWF, 2, 478, 765]. Последний факт не позволяет предполагать в основе этнонима глагол типа **bajir-* или совсем гипотетического **bajar-*.

Орфография древнетюркских памятников, преимущественно на брахми, а также нескольких ранних манихейских текстов иллюстрируют процесс расширения /i/ ~ /i/ в соседстве с /r/, /l/, а также /g/ ~ /ɣ/, хотя последнее известно

⁵ Пользуясь случаем, хотелось бы поблагодарить А. К. Камалова за возможность ознакомиться с его работой.

⁶ Составители [ЭСТЯ], приводя форму *bayu-*, ссылаются на [Gabain, 1950, 301], где она вычленяется, видимо, в *bayayu* ‘состоятельный’, однако здесь *+(A)gU* — аффикс со значением собирательности [OTWF, 1, 93–97, 82].

⁷ Например, в среднекыпчакских языках [см.: Berta, 1996, 601].

уже в орхонских памятниках [Erdal, 2004, 16, 61, 91–92]. Известен и обратный процесс — сужение широких неогубленных гласных перед плавными /r/ или /l/ [Ibid., 92]. В первом случае форма *bajirqu* (> *bajarqu*) выступает как первичная, во втором первичной является *bajarqu* (> *bajirqu*).

Кроме того, древнетюркские памятники не знают аффикса *-KU. Речь может идти только об аффиксе -GU, при помощи которого образуется отглагольное имя, являющееся по сути лексикализованным причастием, указывающим на потенциальное «запрограммированное» действие, обозначенное в производящей глагольной основе [Erdal, 2004, 303–305]; в отдельных памятниках аффикс образует отглагольные имена со значением инструмента [OTWF, 1, 357, 359] (см. также ниже). Соответственно, в нашем случае можно предполагать нерегулярное оглушение /g/ ~ /ɣ/ после сонанта /r/ [см.: OTWF, 2, 870 (Index); Erdal, 2004, 112, 119–121, 287, n. 477].

С учетом всего сказанного есть две версии, касающиеся этимологии этнонима и трансформации его облика:

1) **baj* + *u-r-γu* ? > **baj* + *a-r-γu* ‘делающий (могущий / способный сделать) богатым’ > *bajarqu* (~ **barjaqu* ?) > *bajirqu*;

2) *baj* + *i-r-γu* ? > *baj* + *a-r-γu* ‘делающий (могущий / способный сделать) богатым’ > *bajarqu* (~ **barjaqu* ?).

Находящийся в первом слоге широкий /a/ не может оказывать ассимилятивное влияние на расширение /u/ [Erdal, 2004, 91], хотя это явление отмечается в некоторых ранних древнеуйгурских памятниках, для которых М. Эрдал осторожно допускает огузское влияние [Ibid., 14, n. 28].

Как отмечают авторы [СИГТЯ], в большинстве случаев соответствие /i/ и /a/ в тюркских языках, если речь идет о гласном непервого слога, наблюдается в соседстве с /j/; сравнительный анализ материала позволил Л. С. Левитской прийти к мнению о вторичности вариантов с /i/ [СИГТЯ, 1, 58–65]. По ее мнению, в древнетюркскую эпоху также должен был происходить переход /a/ > /i/ «перед сонорными и в окружении j» (как общетюркское явление, в том числе в многосложных словах, в безударном слоге) [Там же, 61].

Это позволяет считать первичной именно форму *bajarqu*, наиболее распространенную в письменных памятниках. Как и в случае с *bajan*, здесь есть все основания предполагать существование (диалектного?) варианта глагола **baj* + *a-*, если только *bajan*, достоверное соответствие для которого в тюркских языках есть только в чув. *pijan* ‘богатый’ (< **pijā*-?), не связано, как и другие формы этого слова, отраженные в греческой передаче или китайской транскрипции, с санскр. *piṇya* [Erdal, 2007, 78–79, n. 14].

Формально можно рассматривать *bajan* как глагол, выступающий в форме императива [см.: Rásonyi, 1962], являющийся, собственно, образованием с медиальным значением, при помощи аффикса -(X)n- [OTWF, 2, 584–639]: **baj* + *a-n-* (ожидалось бы **baj* + *u-n-*), букв. «обогагись, сделай себя богатым».

Вероятно, такая же вариативность гласного второго слога отражена в различных формах этнонима *bajundur*, *bajandir*, *bajindir* [Németh, 1991, 92, 102; Pelliot, 1949, 195–196], также, по-видимому, восходящего к глаголу *baju- ~ bajī-* [Pelliot, 1949, 196–197; Rásonyi, 1962, 234–235], с присоединением медиального *-(X)n-* [ОТWF, 2, 584–639] и каузативного *-tUr-* [ОТWF, 2, 799–830, особенно 819–825; Eggers, 1999, 152, n. 98, 99; 154, 388], что дает возможность интерпретировать слово как форму императива — букв. «сделай богатым». Форму *bajundur* нужно считать исходной, и, судя по всему, точно так же следует предполагать исходный вариант для *bajarqu* в форме **bajurqu*. В этом случае вариант *bajirqu* может выступать и как равноправный с ним (диалектный?), и как вторичный от *bajarqu*.

байырку ~ байарку ≠ баргу

Хотя этнонимы, как правило, являются достаточно консервативными образованиями с точки зрения своего фонетического облика [Clauson, 1963], если все же говорить о гипотетической связи формы *bajirqu ~ bajarqu* со словом *баргу* — независимо от того, принимаем ли мы за исходную форму с узким или широким неогубленным гласным (даже если принять последний элемент в озвонченном облике **-yu*), — ни на тюркской, ни на монгольской основе никакой фонетический процесс не может в данном случае привести к изменению элемента *-aji-* или *-aja-* в *-a-* (*-ā-*?).

Теоретические основания для допущения различных фонетических процессов, приводящих к образованию вторичных долгот, дают данные тобаских языков (тофаларский) [СИГТЯ, 4, 608–609]⁸. Для комплекса *-aja-* подобных примеров не выявлено, но в тофаларском языке комплекс *-aji-* образует долгий гласный *-ээ-* или дифтонг *-эй-* (в кириллической транскрипции В. И. Рассадина) [Рассадин, 2014, 66, 144, 173], при этом важной чертой является характерное опереднение гласных под влиянием среднеязычного *-j-* [Там же, 20], не имеющее аналогов в тюркских языках. В. И. Рассадина, отметивший сходство этих явлений с фонетическими чертами говоров территориально близких к тофаларам западных бурят, не исключал здесь именно влияния последних [Там же, 173].

Чисто гипотетически можно предполагать редукцию *-i-*, находящегося в безударной позиции в форме *bajirqu*: > **bajirqu* > **bajrqu* ~ **bāērqu*, уже на монгольской основе [Владимирцов, 1929, 265, 275, 278, 281, 282, 283, 310, табл. 14]⁹. В ойратских диалектах в первом слоге комплекс *-aji-* развился в [*ā*] [Санжеев,

⁸ Следует отметить, что оглушение сонантов после смычного здесь тоже имеет спорадический характер [СИГТЯ, 4, 631].

⁹ Вслед за Б. Я. Владимирцовым мы оставляем над /a/ диакритический знак, обозначающий опереднение гласного, что менее ярко выражено в халхаском по сравнению с остальными монгольскими языками, где качество гласного с точки зрения рядности и подъема варьирует.

1953, 79, 81]¹⁰. В бурятских говорах образования с комплексом *-aji-* чаще демонстрируют в первом слоге произносительные варианты, варьирующие по рядности и подъему от [aě] до [ā̃], [æ] и [ā] [Рассадин, 1982, 59–61] (в особенности в западно-бурятских говорах сильна тенденция к развитию монофтонгов [Там же, 63, 65–66]), но с явной тенденцией к опереднению слогового согласного. Хотя процесс опереднения гласных под влиянием последующего /i/ является общемонгольской тенденцией, наиболее последовательно он прослеживается в ойратских диалектах, поэтому есть основания полагать, что с их влиянием связан ход этих же процессов и в западно-бурятских говорах [Там же, 65, 68, 118]. По мнению Б. Я. Владимирцова, неразличение [ĩ] и [i] в среднемонгольских языках имело место уже к XIII в., после чего [ĩ] динамично исчезает из языка [Владимирцов, 1929, 176]. В письменно-монгольском комплекс *-aji-* имеет одинаковое письменное отражение как в собственно монгольских, так и в заимствованных словах [Там же, 290–291]. Долгие гласные в монгольских языках являются позднейшими образованиями из дифтонгов, в свою очередь, возникших только в период письменно-монгольского языка [Там же, 305].

Исходя из этого, теоретически ожидаемая на монгольской основе форма, которая могла бы получиться из *bajirqu* (~ **bajiryu* ?) при сохранении вторичного ударения на последнем слоге (иначе это привело бы к ослаблению и возможной редукции финального гласного) [Владимирцов, 1929, 110–112; Рассадин, 1982, 26–37], все равно предполагала бы дифтонгоидный элемент в корневом слоге. Учитывая сложность этих процессов, едва ли — даже при всех допущениях — монофтонгоидный элемент в формах типа **bārqu* ~ **bāryu*¹¹ следовало бы ожидать в то время, когда слово **barqu* ~ *baryu* впервые регистрируется уже в XIII в. (см. ниже).

Все это говорит о том, что слово *baryu* имело самостоятельное происхождение и проникло в монголоязычную среду уже в таком виде.

баргу

В «Тайной истории монголов» (§ 239, стр. 14b) встречается форма **barqu/n* (*ба-эр-хунь* 巴儿浑). У Рашид ад-Дина слово фиксируется в написании *برقو* [brqw],

¹⁰ В новописьменных памятниках, созданных среди ойратов и монголов Южной Монголии, наблюдалась тенденция к обозначению посредством комплекса *-aji-* фонемы [ā] [Владимирцов, 1929, 294–295].

¹¹ Исходя из известных закономерностей употребления гласных в западно-монгольских языках (также в западно-бурятских говорах) [Санжеев, 1953, 85], ожидалось бы **bārgā*. Вместе с тем халхаский язык демонстрирует очень редкие случаи образования в позиции перед согласным монофтонгов из бывших дифтонгов, восходящих к комплексам *-aji-* и даже *-aja-*, т. е. > *-aj-* > *-ā-* [Владимирцов, 1929, 293, 294, 308, табл. 14]. Однако правила акцентуации, предполагающие ударение на первом слоге, не позволяют использовать этот материал для попыток обоснования превращения *bajirqu* ~ **bajiryu* ? во что-то типа **bārqu* ~ **bāryu*, поскольку ожидалось бы скорее **bārɣe* ~ **bārgv* [Там же, 326–327, 345, табл. 14].

برغو [brġw], برقوت [brqwt], برغوت [brġwt] [Rashīd al-Dīn, ٢٨١٩ (Index)]. В «Юань ши» 元史 и поздней «Юань ши юй-цзе» 元史語解 встречается транскрипция *ба-ла-ху* 八刺忽 [Histoire des campagnes, 289]. Сопоставляемое с ним современное этническое название фиксируется в следующих формах: халх., бурят. *барга*, даг. *баргу* [ЭСМЯ, 1, 78].

Реконструкции на основе китайской транскрипции не вносят ясности, но, поскольку у Рашид ад-Дина наряду с формами преимущественно с «каф» [Rashīd al-Dīn, ٢٨١٩ (Index)] встречается форма с «гайн» [Ibid., ٢٢, ١٥٦, ٢٠٧٢], есть основания полагать, что здесь отражено явление, близкое к халх. [ɣ] > [x] [Владимирцов, 1929, 388], где [x] соответствует п.-монг. /q/ > /χ/ [Там же]. Соответственно, в нашем случае, как можно вывести из китайских транскрипций, глухой вариант подразумевает вторичный фрикативный.

Г. Й. Рамстедт предложил связывать монг. *bargu* ‘противоположный’ («старое название монгольских племен») с тунгусской именной основой *ba* ‘другая сторона’ и, соответственно, *bargi* ‘лежащий о ту сторону’, *bargigan* ‘с другой стороны, напротив, через реку’, приводя в качестве примеров монг. *nargu* ‘находящийся по эту сторону’, *esergü* ‘противоположный, встречный’, *qojirgu* ‘сомнительный’ и др. В качестве возможно родственной для тунгусской основы исследователь приводил монг. *bara-* ‘кончать, исчерпывать’, *baragsan* ‘рука’, тюрк. *bar-* ‘пройти путь, идти’, чув. *pur-*, *pür-* ‘то же’ [Ramstedt, 2, 56–57]. Эта версия принимается в [ЭСМЯ, 1, 78], где ср. также халх., калм. *бар-*, бурят., даг., дунс. *бапа-* ‘кончать, исчерпывать’. В другом разделе Г. Й. Рамстедт говорил о гомогенности отыменных аффиксов, образующих прилагательные тунг. *-gi* ~ *-gi*, *-gu* и монг. *-gui* (> *-gū* [см.: Владимирцов, 1929, 298]), приводя в пример тунг. *bargi dā* ‘находящийся на противоположной стороне’ (ср. *bargigan* ‘рядом с противоположным берегом реки’) [Ramstedt, 1, 235].

Н. Поппэ выделяет общую основу **bar-* для тунг. **bargi* ‘противоположная сторона’ и монг. *bar-a-yün* ‘правый, западный’ [Porpe, 1977–1978, 419]. На основе анализа слов, обозначающих направления пространственной ориентации в алтайских языках, он приходит к следующему выводу: «Если *sulilā* (*solilā*) означает “расположенный выше по течению” и “восточный”, и если “восточный” также значит “левый” в монгольском языке, противоположная сторона, эвенк. *bargī*, должна иметь что-то общее со значением “правый”, ср. п.-монг. *barayün*, халх. *barūn* “правый”, “запад” (см. **bar-*). В связи с этим можно предположить, что эвенк. *bargī* “место за рекой” может быть этимологом названия северо-западной части Маньчжурии и названия монгольского племени, п.-монг. *bargu*. Имена *barg udai* (личное имя) и *barg ujin töküm* (название обширной территории) уже зарегистрированы в XIII веке. Не исключено, что *bargu* было названием племени, которое жило “на другой стороне” какой-то реки» [Ibid., 420].

Эта гипотеза основывается на локализации *bargujin töküm* исходя из привязки к современному гидрониму *Баргузин*, однако есть также мнение, что эта

местность должна находиться не к востоку, а к западу-юго-западу от Байкала [см.: Грумм-Гржимайло, 2, 188, прим. 1; Нанзатов, 2018, 265–267].

Еще в XIX в. сэр Генри Хоуорс, решившись затронуть вопрос о прошлом бурят, отметил: «они иначе известны как Барга Буряты», — и, обсуждая другие известные ему версии происхождения этнонима, предположил, что упоминание у Рашид ад-Дина племени *Bargu* объединяет с ним историю бурят [Howorth, 1876/1965, 683]. Ученый заметил, что Абӯ’л-Ғазӣ ошибочно именует их *Turghaut* и, указывая при этом значение «на другой стороне», предположил, будто имя могло быть дано им, поскольку они жили на другой, чем монголы, стороне р. Селенга.

В переводе П. И. Демезона, отметившего в сноске возможность описки хивинского автора, это место у Абӯ’л-Ғазӣ звучит так: «Les Tourghaout, les Qouri et les Toulâs étaient de la même famille que les Ouïrâts dont ils n’étaient que des branches (orouq). Les Tourghaout, dont le nom signifie “de l’autre côté”, furent appelés ainsi, parce qu’ils habitaient de l’autre côté de la Sélenga qui servait de frontière au pays des Mogols» «Тургауты, хори и толесы были из той же семьи, что и ойраты, для которых они являлись только ответвлениями (орук). Тургауты, чье название означает «на другой стороне», назывались так, потому что они жили на другой стороне Селенги, которая служила границей страны Моголов» [Histoire des Mongols, 2, 46, n. 1]. В оригинале у Абӯ’л-Ғазӣ племя называется تورغاوت [twrgâwt], что, видимо, он перепутал, внося правку, с современными ему торгоутами среди ойратов¹², а фрагмент о них звучит так: «turğaut-ning m’nisi ari jaq timäk bolur m’ğul jurti-niing nariği ç’ätini s’l’nkä dirlär bu ellär s’l’nkä-ning ol jüzindä olturirlar erdi aning ücün turğaut tidilär» [Histoire des Mongols, 1, 50], т. е. буквально «Тургаутов название “другая / противоположная сторона” (ары йақ) означает; [от] могулов страны (йурт) по ту сторону [находящуюся] границу Селенга устанавливала; эти народы (элләр) на той поверхности Селенги жили (букв. “сидели”); вследствие этого [их] “тургаутами” называют».

Таким образом, Абӯ’л-Ғазӣ, хотя и путает сведения, видимо, не совсем разбираясь в предмете своего повествования, все же дает некоторые уникальные данные, отличные от тех, что имеются у Рашид ад-Дина, трудом которого он пользовался. Представленная этимология, явно относящаяся не к تورغاوت [twrgâwt], а к برغوت [brğwt], соотносится с результатами изысканий, касающихся монгольско-тунгусской основы *bar- и ее проявления в тунгусо-маньчжурских языках.

Наиболее вероятными соседями монгольских племен, обитавших в Прибайкалье в рассматриваемый исторический период, были представители эвенкийского населения, потомки которых принадлежат к группе носителей сымского говора (см. выше прим. 4) либо токминского и верхнеленского говоров южного диалекта [Василевич, 1948, 89–90], а также представители тех ангарско-прибайкальских

¹² Впрочем, подобная непоследовательность в написании характерна и для Рашид ад-Дина [Rashiduddin, 1998, 55, n. 2].

групп, которые позже вошли в состав племен подкаменско-тунгусского круга [Василевич, 1948, 110, 117–118].

Для эвенкийской основы *баргѳ* ‘противоположный’ [ССТМЯ, 1, 73] регистрирует в подкаменско-тунгусском, сымском, северобайкальском и токминском говорах южного диалекта форму *баргиткѳ* (при общеэвенк. *баргискѳ* в пространственном значении) ‘на противоположную сторону’, ‘на противоположный берег’: *баргѳ* + *+ткѳ* (аффикс отправительно-направительного падежа — аллатива).

Хотя тунгусо-маньчжурские заимствования в монгольской среде еще недостаточно исследованы, насколько можно судить по примерам других языков, форма с узким гласным, являющаяся нормальной для эвенкийских языков рассмотренной территориальной группы, если бы она заимствовалась в монгольскую среду, скорее всего, не изменила бы своего фонетического облика, т. е. отразилась бы как **bargi*.

Ближайшие формальные аналогии следующие. Название племенной группы *баргы* в составе тянь-шаньских киргизов (племя *адигине*) сопоставляют с монг. *баргут* [Аристов, 1894, 438; Грумм-Гржимайло, 2, 188, прим. 1; Петров, 1961, 41, 42, 65, 66, 67, 85; Абрамзон, 1971, 47]. Название киргизской группы коррелирует также с могульским племенным названием *بارقى** [*bārqu*] (< рукоп. *يارقى* [*yārqu*]) [Абрамзон, 1971, 49; Юдин, 2001, 79].

В этом случае мы можем отметить зарегистрированный в древнетюркских памятниках формант *-GI*, выступающий как алломорф *-KI* с основами, которые оканчиваются на сонант типа /r/ или /n/, — аффикс образования форм существительных и прилагательных, обозначающих объект действия переходных глаголов, но преимущественно предмет действия непереходных [OTWF, 1, 320–322]. Вполне возможно, что он выступает как алломорф аффикса, в древнетюркских памятниках имевшего облик *-GU*, учитывая зарегистрированные, по крайней мере в кыпчакских языках, фонетические варианты, распределяющиеся по диалектам как *-GX* и *-GI* и образующие здесь имена со значением инструмента [Berta, 1996, 433, 555–561]. В этом случае этимология киргизского этнонима, как и его вероятного прототипа, кажется вполне прозрачной, если применительно к глаголу *bar-* рассматривать аффикс в изначальной функции обозначения носителя действия.

В качестве аргументации для озвученных выше сопоставлений можно указать на зафиксированное соответствие в ранних памятниках п.-монг. /u/ в непервых слогах тюрк. /u/ (~ /i/), в том числе в последнем открытом слоге [Владимирцов, 1929, 318–319, 322]. В этом случае мы можем иметь дело с формой **bar-γu* ~ **bar-γi*, проникшей в монгольскую среду как морфологически неразложимая единица с обликом **barγu*.

Зафиксированное в уйгурской версии дестана об Огуз-кагане (XV в.) слово *barγu* (орфогр. *b'rq̄w*, один раз как *b'rqw*), по-видимому, является отглагольным образованием в результате добавления аффикса *-GU* и, будучи употреблено в значении ‘вещи, пожитки, добро’, коррелирует с др.-тюрк. *barq* ‘движимое

имущество, предметы домашнего обихода' [EDT, 359], образованным также от глагола *bar-* 'быть, иметься' при помощи аффикса *-(O)K* [Danka, 2016, 182, 309]¹³.

М. Эрдал, объясняя этот случай, предполагает, что после */r/* огубленный гласный выпадал в подобных ситуациях с односложными примерами [OTWF, 1, 22, 224]. Другая проблема в том, что начиная с ранних тюркских памятников глагол *bar-* фиксируется в значении 'ходить', иногда 'уходить', в ряде языков в последующем демонстрируя долготу гласного [EDT, 354; ЭСТЯ, 2, 64–65]. Имя *bār*, обозначающее наличие, присутствие [EDT, 353; ЭСТЯ, 2, 61–63], В. Банг в свое время предложил рассматривать как стяженный вариант от **bar-ir* [см.: ЭСТЯ, 2, 61–63]. По-видимому, несмотря на скептицизм Э. В. Севортыяна, долгота все же это подтверждает. В другом месте М. Эрдал указывает для *bar-* первичную форму **bari-*, основываясь на форме аориста [Erdal, 2004, 238]. В этом случае гипотеза об образовании *barq* от **bari-q*, с выпадением узкого гласного между сонорным и шумным, не утрачивает вероятности.

М. Эрдал, рассматривая др.-тюрк. *bar-im* 'имущество, богатство' [EDT, 366], справедливо указал на происхождение последнего от *bar-* 'ходить' + *-(X)m*, поскольку речь идет в первую очередь о скоте как об основном движимом имуществе кочевника [OTWF, 1, 292–293].

В монгольских языках с тюрк. *barq* коррелирует п.-монг. *baraγa/n* 'имущество, скарб, пожитки', демонстрирующее, согласно Б. Я. Владимирцову, пример соответствия на алтайском уровне кластеров тюрк. «сонант + шумный + гласный» = монг. «сонант + гласный + шумный» [Владимирцов, 1929, 324, 338]. Б. Я. Владимирцов объяснял это как свидетельство существования между сонорным и шумным «очень краткого редуцированного гласного» на праязыковом уровне [Там же, 339].

В письменно-монгольских памятниках наблюдается соответствие монгольского */a/* в непервых слогах тюркскому */i/ ~ /u/*, в том числе в образованиях с аффиксом *-(O)K (~*(X)K)*, восходящее, следуя Б. Я. Владимирцову, к праязыковому гласному неполного образования наподобие [a] [Владимирцов, 1929, 317–318, 322].

В [ЭСМЯ, 1, 76] для халх., бурят. *бараа(н)* 'скарб, пожитки; ткань, материя; товар', калм. *баран* 'скарб, пожитки; почетное место в юрте; богатство в доме', бурят. диал. *бараа(н)* 'сундук со скарбом' отмечается основа **bara-*. В [EDAL, 1, 329] для *baraγa* берется значение 'ткань', несомненно, позднее, и сопоставляется с тюрк. **ber* 'жакет, ткань', но в качестве исходной формы дается праалт. **bāĀri-*. Ср. также: тув. *barān* 'товары, изделия' < монг. **barān* < п.-монг. *baraγa(n)* < **barX-* + *-GAN* [Khabtagaeva, 2009, 219] (отглагольный аффикс, см. [Porre, 1954, 45; Khabtagaeva, 2009, 285]).

¹³Перевод в контексте дестана об Огуз-кагане 'добыча', предложенный А. М. Щербаком и подходящий контекстуально, приходится признать относительным [Щербак, 1959, 44, 52, 53, 55; ДТС, 83].

Вариативность написания второго гласного отмечается в памятнике XVIII в. «Халха Джирум» — в парном сочетании *qaryuïqu baruyïqu* (I, 141; VII, 203) [Пюрбеев, 2012, 197, 212], *qaryuïqu barayïqu* (VI, 203, 205) [Там же, 212]. Колебание /a/ ~ /u/ показывает наличие здесь редуцированного гласного [Владимирцов, 1929, 107–110, 313–315]. А. Серрюи, возражая против перевода ‘движимое и недвижимое имущество’ как не соответствующего историческому контексту [Seruys, 1972, 122], сопоставил второе слово с *baraya* ‘отдаленный объект’; *barayatai* ‘видимый издалека, заметный, примечательный’; *barayala-* ‘увидеть на расстоянии; увидеть издалека; наблюдать’ [Ibid., 123], в итоге придя к выводу о гомогенности двух основ: *baraya* означало «сначала форму предметов, видимую на расстоянии, а затем — сами предметы» [Ibid., 124].

В [ЭСМЯ, 1, 77, 79] *barayi-* (~ *baruyi-*), отраженное в халх., бурят. *барай-*, калм. *бару-* ‘затемняться, неясно виднеться’, сопоставляется с незарегистрированной основой **bara-*, ср. бурят. *хара бара* ‘темно, сумрачно’ [Там же, 76]. В [EDAL, 1, 352] прамонг. **baraya* ‘форма, силуэт’ возводится к праалт. **b̥ior[a]* ‘цвет, форма’.

Соответствию тюрк. *bar-q* и п.-монг. *baraya/n* ‘имущество, скарб, пожитки’, давшему указанные выше поздние формы, следуя закону *-aya- > -aya- > -ā-* [Владимирцов, 1929, 194, 231], противостоит п.-монг. *bariya* ‘захват скота для того, чтобы заставить владельцев его выполнить обязательства, которые, по мнению захватчиков, они имеют право требовать’ (ср. тюрк.: чаг. *baranta*, каз. *барымта* ‘разбойничий набег, баранта’) [Там же, 240], развившееся в халх. *bār'ā* по закону *-iya- > -ija- > -iā-* [Там же, 198], т. е. с узким гласным второго слога основы.

В качестве соответствия тюрк. *bar-* < **bari-* может также предполагаться монг. **bari-*, ср. *bari-* в халх., бурят. *бару-*, калм. *бар-*, дунс., мнгр. *бару-* ‘держат, почтительно, подносить; ловить; строить’ [ЭСМЯ, 1, 78]. В [EDAL, 1, 328] приводится прамонг. **bari-* ‘брать (руками), хватать’, ср. калм. *bār̥χp, bār̥χə* ‘держат в руке или схватить за руку’ [KWb, 38].

Уже в памятниках старописьменного периода известно явление выпадения гласного, независимо от его качества, между сонорным и шумным согласным, представленным смычным или проточным [Владимирцов, 1929, 334, 335] (т. е. в нашем случае /q/ или /γ/). Пример письменно-монгольского языка также демонстрирует наличие в непервых слогах, по крайней мере в одном из диалектов среднемонгольского периода, некоего краткого, склонного к редуции гласного, имевшего в памятниках облик /U/ ~ /I/ [Там же, 312–314]. Старописьменные памятники знали различие между /i/ и /i/, в том числе в непервых слогах [Там же, 318–319, 322], что одновременно может свидетельствовать об определенной архаичности предполагаемого образования **baryu* < **bari-yu* и объяснять отсутствие палатализации /r/, предшествующего узкому неогубленному гласному.

Соответственно, не обязательно связывать искомый этноним с тюркским примером из дестана об Огуз-кагане, предполагая для образования *bar-yu* ожидаемое значение ‘идущий,двигающийся, могущий / способный отправиться,

перемещаться и т. д.?. Слово **baryu* может быть рассмотрено как достаточно раннее монгольское образование, возникшее посредством присоединения отглагольного аффикса *-yu/-gii*, обозначающего качество, полученное в результате действия, заложенного в производящей основе [Рорре, 1923–1927, 95; 1954, 46], к корню **bara-* или **bari-* (> **bari-*), вопрос о соотношении которых не может считаться решенным. При этом халх., бурят. *барга* ‘грубый, неотесанный’, также в контекстах бурят. *барга харанхы* ‘совершенно темный’, *хара барга* ‘темная масса, темнота’ [ЭСМЯ, 1, 78], неразложимое морфологически, может являться как тем же словом с переносным значением, восходящим непосредственно к этнониму, так и гомогенным образованием.

Источники

- Аристов Н. А.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // Живая старина. 1894. Т. 4. Вып. 3–4. С. 391–486.
- Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Т. 6. Вып. 3–4. С. 277–456.
- Василевич Г. М.* Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л. : Ленингр. отд-ние Учпедгиза, 1948.
- Владимирцов Б. Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. М. ; Л. : Изд-во Вост. ин-та, 1929.
- Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край : в 3 т. СПб. ; Л. : Гос. рус. Геогр. о-во ; Нев. тип., 1914–1930.
- ДТС — Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л. : Наука, 1969.
- ИБМ — История Бурят-Монгольской АССР : в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. П. Г. Хаптаев. Улан-Удэ : Бурят.-Монгол. кн. изд-во, 1954.
- Кюннер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М. : Наука, 1961.
- Қазақстан тарихы туралы қытай деректемелері. 2-бөлім. Т. 4 : Эулеттік тарихи жылнамалар / қытай деректемелерін аударған, түсіндірмелері мен ескертулерін жазған Б. Еженханұлы, Ж. Ошан ; ғылыми редакторы М. Қ. Әбусейітова. Алматы : Дайк-Пресс, 2006.
- Малышкин А. Г.* Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. Новосибирск : Наука, 1989.
- Позднеев Д. М.* Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1899.
- Пюрбеев Г. Ц.* Памятник монгольского права XVIII в. «Халха джирум». Лексика. Грамматика. Транслитерация текста. М. ; Калуга : Эйдос, 2012.
- Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 4. Ч. 2. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1911.
- Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М. : Изд-во АН СССР, 1953.
- Цэнь Чжун-мянь — 岑仲勉. 突厥集史. 北京: 中華書局, 1958.
- Щербак А. М.* Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М. : Вост. лит., 1959.
- Atwood Ch. P.* Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. New York : Facts on File, 2004.

- Bacot J.* Reconnaissance en Haute Asie Septentrionale par cinq envoyés ouigours au VIII siècle // *Journal Asiatique*. 1956. T. 244. Pt. 2. P. 137–153.
- Bailey H. W.* A Khotanese Text concerning the Turks in Kantsou // *Asia Major (New Series)*. 1949. Vol. 1. P. 28–52.
- Bailey H. W.* The Staël-Holstein Miscellany // *Asia Major (New Series)*. 1951. Vol. 2. Pt. 1. P. 1–45.
- Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux. Paris : Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien Maisonneuve, 1903.
- Gabain A. (von)* Alttürkische Grammatik. Mit Bibliographie, Lesestücken und Wörterverzeichnis, auch Neutürkisch. Mit vier Schrifttafeln und sieben Schriftproben. 2. verb. Aufl. Leipzig : Otto Harrassowitz, 1950.
- Hamilton J.* Nasales instables en turc khotanais du Xe siècle // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1977. Vol. 40. Pt. 3. P. 508–521.
- Histoire des campagnes de Gengis Khan, Chêng-wou ts'in-tchêng lou* / traduit et annoté : P. Pelliot et L. Hambis. T. 1. Leiden : Brill, 1951.
- Histoire des Mongols et des Tatares, par Aboul-Ghâzi Béhâdour Khân* / publiée, traduite et annotée par le baron Desmaisons. T. 1–2. Saint-Petersbourg : Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences, 1871–1874.
- Kasai Yukiyo.* Die alttürkischen Wörter aus Natur und Gesellschaft in chinesischen Quellen (6. und 9. Jh.). Der Ausgangsterminus der chinesischen Transkription *tū jué* 突厥 // “Die Wunder der Schöpfung”. Mensch und Natur in der türkischsprachigen Welt / hgs. B. Heuer, B. Kellner-Heinkele, C. Schönig. Würzburg : Ergon-Verlag, 2012. S. 81–141.
- Kasai Yukiyo.* The Chinese Phonetic Transcriptions of Old Turkish Words in the Chinese Sources from 6th–9th Century : Focused on the Original Word Transcribed as *tū jué* 突厥 // 内陸アジア言語の研究 [Nairiku ajia gengo no kenkyū] // *Studies on the Inner Asian languages*. 2014. Vol. 29. P. 57–135.
- KWb — Ramstedt G. J.* Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935.
- Liu Mau-tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1958.
- OTWF — Erdal M.* Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon. Vols. 1–2. Wiesbaden : Harrassowitz, 1991.
- Poppe N.* Grammar of Written Mongolian. Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1954.
- Pulleyblank E. G.* A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. Vancouver : UBC Press, 1991.
- Rashīd al-Dīn —* محمدروشن؛ مصطفی موسوی. جامع التواریخ. رشید الدین فضل لله همدانی. ۱۲۷۲. بخش. ۲۹۷۷. نشر البرز : تهران. به تصحیح و
- Rashiduddin Fazlullah's Jami' u 't-tawarikh.* A Compendium of Chronicles: A History of the Mongols / transl. and annot. by Wh. M. Thackston. Pt. 1. Cambridge, MA : Harvard University, Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1998.
- Schlegel G.* La stèle funéraire du Teghin Giogh: et ses copistes et traducteurs chinois, russes et allemands. Helsinki : Suomalaisen kirjallisuuden seuran kirjapaino, 1892.
- Schlegel G.* Die chinesische Inschrift auf dem uigurischen Denkmal in Kara Balgassun. Helsingfors : Mémoires de la Société Finno-ougrienne, 1896.
- Şirin User H.* Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları. Söz Varlığı İncelemesi. Konya : Kömen Yayınları, 2009.
- Taşagıl A.* Çin kaynaklarına eski Türk boyları: M.Ö. III — M.S. X asır. Ankara : Türk Tarih Kurumu, 2004. (Türk Tarih Kurumu Yayınları. VII. Dizi — Sayı 206).
- Thomsen V.* Inscriptions de l'Orkhon déchiffrees. Helsingfors : Impr. de la Societe de litterature finnoise, 1896.
- Thomsen V. Dr. M. A.* Stein's Manuscripts in Turkish “Runic” Script from Miran and Tun-Huang // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1912. P. 181–227.

Исследования

- Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л. : Наука, 1971.
- Бамбаев Б. Б.* К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа // *Бурятияведение*. 1929. Вып. 1–2 (9–10). С. 115–132.
- Бернитам А. Н.* Заметки по этногенезу народов Северной Азии // *Советская этнография*. 1947. № 2. С. 60–66.
- Зуев Ю. А.* Тамги лошадей из вассальных княжеств (Перевод из Китайского сочинения VIII–X вв. Танхуйао) // *Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана* / отв. ред. В. Шахматов. Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1960. С. 93–140.
- Нанзатов Б. З.* Этногенез западных бурят (VI–XIX вв.). Иркутск : Радян, 2005.
- Нанзатов Б. З.* Интерпретация значения Баргуджин-токум: древнетюркские корни // *Тюркологический сборник 2015–2016: Тюркский мир Евразии* / ред. Т. Д. Скрынникова. М. : Вост. лит., 2018. С. 263–274.
- Нимаев Д. Д.* Этнические общности XI–XIV вв. Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М. : Наука, 2004. С. 13–24.
- Петров К. И.* К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII–XV вв. Фрунзе : Изд-во АН КиргССР, 1961.
- Рассадин В. И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М. : Наука, 1982.
- Рассадин В. И.* Современный тофаларский язык и его место в системе тюркских языков. Элиста : Изд-во Калм. ун-та, 2014.
- Румянцев Г. Н.* Происхождение хоринских бурят Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1962.
- Самойлович А. Н.* *Богатый и бедный* в тюркских языках // *Самойлович А. Н. Тюркское языкознание*. Филология. Руника. М. : Вост. лит. РАН, 2005. С. 291–330.
- СИГТЯ — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков : в 6 т. / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука, 1984–2006.
- ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков : материалы к этимологическому словарю : в 2 т. / отв. ред. В. И. Цинциус. Л. : Наука, 1975–1977.
- Сосновский В. И.* К вопросу об образовании бурятской народности // *Бурятияведение*. 1928. Вып. 4 (8). С. 97–108.
- Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1972.
- Юдин В. П.* Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы : Дайк-Пресс, 2001.
- ЭСМЯ — Этимологический словарь монгольских языков : в 3 т. / сост. Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина ; науч. ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадина, Я. Д. Леман. М. : ИВ РАН, 2015–2018.
- ЭСТЯ — Этимологический словарь тюркских языков / сост. Э. В. Севортыан, Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадина. М. : Наука, 1974–. Т. 1–.
- Яхонтов С. Е.* Древнейшие упоминания названия «киргиз» // *Советская этнография*. 1970. № 2. С. 110–120.
- Bailey H. W.* Taugara // *Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London*. 1937. Vol. 8. № 4. P. 883–921.
- Bailey H. W.* Turks in Khotanese Texts // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. 1939. № 1. P. 85–91.
- Berta Á.* Deverbale Wortbildung im Mittelkiptschakisch-Türkischen. Wiesbaden : Otto Harrassowitz Verl., 1996.
- Clauson G.* A propos du manuscript Pelliot tibétain 1283 // *Journal Asiatique*. 1957. T. 245. Fasc. 1. P. 11–24.
- Clauson G.* The Name Uyğur // *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain & Ireland (New Series)*. 1963. № 3/4. P. 140–149.
- Danka B.* The Pre-Islamic Ögüz-nāmā: A philological and linguistic analysis. Szeged : Univ. of Szeged Graduate School in Linguistics Programme of Altaic Studies, 2016.

- EDAL — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Vols. 1–3. Leiden ; Boston : Brill, 2003.
- EDT — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford : Clarendon Press, 1972.
- Erdal M.* A Grammar of Old Turkic. Leiden ; Boston : Brill, 2004.
- Erdal M.* The Khazar Language // The World of the Khazars. New Perspectives. Selected Papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium hosted by the Ben Zvi Institute / ed. by P. B. Golden, H. Ben-Shammai, A. Róna-Tas. Leiden ; Boston : Brill, 2007. P. 75–108.
- Ermers E.* Arabic Grammars of Turkic. The Arabic Linguistic Model Applied to Foreign Languages & Translation of 'Abū hū'ayyān Al-'Andalusī's *Kitāb al-'Idrāk li-Lisān al-'Atrāk*. Leiden : Brill, 1999.
- Hamilton J. R.* Les ouïghours à l'époque des cinq dynasties d'après les documents chinois. Paris : Presses Univ. de France, 1955.
- Henning W.* Argi and the 'Tokharians' // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1938. Vol. 9. № 3. P. 546–571.
- Hirth F.* Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen // Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. St Petersburg : Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1899. S. 1–140.
- Howorth H. H.* History of the Mongols: from the 9th to the 19th Century. Pt. 1 : The Mongols Proper and the Kalmuks. New York : Burt Frankin, 1965. (Reprint of London : Longman, Green and Co, 1876).
- Kamalov A.* Some remarks on tribal attribution of the Turkic (Uighur) medieval archeological monuments of Zabaikal'ye in Siberia // Circle of Inner Asian Art, Newsletter of the Department of Art and Archeology. 2001. Iss. 13. P. 16–19.
- Khabtagaeva B.* Mongolic Elements in Tuvan. Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2009.
- Németh Gy.* A honfoglaló Magyarság kialakulása / közzéteszi B. Árpád. Második, bővített és átdolgozott kiadás. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1991.
- Pelliot P.* Neuf notes sur des questions d'Asie centrale // T'oung Pao. 1929. Vol. 26. № 4–5. P. 201–266.
- Pelliot P.* Une tribu méconnue des Naiman: les *Bātākin* // T'oung Pao, Second Series. 1943. Vol. 37. Livr. 2. P. 35–72.
- Pelliot P.* Notes sur l'histoire de la Horde d'Or, suivi de *Quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en -ar (ār), -ur (ūr), -ir (ir)*. Paris : Adrien-Maisonneuve, 1949.
- Pelliot P.* Notes on Marco Polo. Pt. 1. Paris : Imprimerie Nationale : Librairie Adrien-Maisonneuve, 1959.
- Poppe N. N.* Die Nominalstammbildungsuffixe im Mongolischen // Keleti Szemle. 1923–1927. 20. Kötet. S. 89–126.
- Poppe N.* On Some Altaic Designations of Location // Monumenta Serica. 1977–1978. Vol. 33. P. 407–423.
- Ramstedt G. J.* Einführung in die altaische Sprachwissenschaft / bearbeitet und herausg. von P. Aalto. T. 1–3. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1952–1966.
- Rásonyi L.* Les noms de personnes impératifs chez les peuples turques // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1962. T. 15. Fasc. 1–3. P. 233–243.
- Serruys H.* The Mongol Word Pair *Qarayiqu-Barayiqu* // Central Asiatic Journal. 1972. Vol. 16. № 2. P. 119–124.

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков и диалектов

даг.	дагурский (даурский) язык	праалт.	праалтайский язык
др.-тюрк.	древнетюркский письменный язык	прамонг.	прамонгольский язык
дунс.	дунсянский язык	ран.-ср.-кит.	раннесреднекитайский язык (официальный диалект эпохи Южных и Северных династий и династии Суй 隋)
к.-балк.	карачаево-балкарский язык		
к.-калп.	каракалпакский язык		
казан. тат.	казанско-татарский язык (по В. В. Радлову)		
кум.	кумыкский язык	телеут.	телеутское наречие алтайского языка
мнгр.	монгорский язык		
общеэвенк.	общеэвенкийский литературный язык	тунг.	«тунгусский» (= эвенкийский) язык
осм.	староосманский язык		
п.-монг.	письменно-монгольский язык	хакас.	хакасский язык
пиньин.	Хань-юй пинь-инь 漢語拼音	халх.	халха-монгольский язык
позд.-ср.-кит.	позднесреднекитайский язык (официальный диалект эпохи династии Тан 唐)	чаг.	чагатайский язык
		эвенк.	эвенкийский язык

Прочие

орфогр.	орфографическая форма	К	реконструкция по системе Б. Карлгрена
цз.	цзюань 卷 (глава)	LMC	Late Middle Chinese по системе Э. Дж. Пуллиблэнка
EMC	Early Middle Chinese по системе Э. Дж. Пуллиблэнка		

* * *

Нанзатов Баир Зориктоевич

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела
истории, этнологии и социологии
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН
670047 Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: nanzatov@yandex.ru

Тишин Владимир Владимирович

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела истории
и культуры Центральной Азии
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН
670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: tihij-511@mail.ru

Nanzatov, Bair Zoriktoevich

PhD, Senior Research Fellow
Department of History,
Ethnology and Sociology
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan
Studies, Siberian Branch of the RAS
6, Sakhyanova Str., 670047 Ulan-Ude, Russia
Email: nanzatov@yandex.ru

Tishin, Vladimir Vladimirovich

PhD, Senior Research Fellow
Department of History and Culture
of Central Asia
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan
Studies, Siberian Branch of the RAS
6, Sakhyanova Str., 670047 Ulan-Ude, Russia
Email: tihij-511@mail.ru

Bair Z. Nanzatov
Vladimir V. Tishin

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
 Siberian Branch of the RAS
 Ulan-Ude, Russia

BAYĪRQU AND BARĜU: DECONSTRUCTING ONE MYTH

In academic and unspecialized literature related to the ethnogenesis and ethnic history of the Buryats, the two ethnonyms *Bayırqu* ~ *Bayarqu*, known in the Old Turkic period, and *Barġu* ~ *Barqu*, first recorded in the early 13th century, have been commonly regarded as corresponding forms, phonetically or, at least, semantically. This position fit well into the ideas about the ethnic continuity in the history of the population of the Baikal region at different stages. Once hypothetically suggested, this point of view established itself in historiography. But although accepted by many authors, this position has never been subjected to verification or philological criticism. The article aims to reconsider and dispel this misconception. The authors give philological evidence to prove that treating the ethnonyms *Bayırqu* ~ *Bayarqu* and *Barġu* ~ *Barqu* as phonetic forms of one word at different historical stages is completely ungrounded. Specifically, the study shows that there are no phonetic rules, known at least for Altaic languages, to argue the transformation of forms *Bayırqu* and *Bayarqu*, attested in written sources of the 8th–10th centuries, to *Barġu* known since the 13th century. The authors also consider different versions of the etymology of each of these ethnonyms, based on the materials of the Turkic and Mongolic languages. The name *Bayırqu* ~ *Bayarqu* must be derived from the stem *bay+u-* ~ *bay+i-* ‘to be or become rich’ and is likely a verbal noun with the meaning ‘enrich (*Acc.*)’. Contrary, the ethnonym *barġu* is attested among Mongolic peoples and displays parallels in the ethnonymy of the Turkic peoples in the forms of *Barġi*, *Barqi*. It can be either a Turkic borrowing or an original Mongolic formation, in both cases representing a verbal noun from the stem *bar-*.

Key words: ethnonym, etymology, *Bayırqu*, *Barġu*, Baikal region, Innermost Asia, Turkic languages, Mongolic languages, ethnogenesis of the Buryats.

Acknowledgments

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (grant 19-09-00082, *Innermost Asia on Historical Maps: Reconstruction of its Historical and Cultural Past*).

- Abramzon, S. M. (1971). *Kirgizy i ikh etnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svyazi* [The Kirghiz and their Ethnogenetic, Historical and Cultural Ties]. Leningrad: Nauka.
- Bailey, H. W. (1937). Ttagara. *Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London*, 8(4), 883–921.
- Bailey, H. W. (1939). Turks in Khotanese Texts. *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*, 1, 85–91.
- Bambaev, B. B. (1929). K voprosu o proiskhozhdenii buriat-mongol'skogo naroda [On the Question of the Origin of the Buryat-Mongolian People]. *Buriatievedenie*, 1/2, 115–132.
- Bernshtam, A. N. (1947). Zаметки po etnogenezu narodov Severnoi Azii [Notes on the Ethnogenesis of the Peoples of North Asia]. *Sovetskaia etnografiia*, 2, 60–66.

- Berta, Á. (1996). *Deverbale Wortbildung im Mittelkiptschakisch-Türkischen*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag.
- Clauson, G. (1957). A propos du manuscrit *Pelliot tibétain 1283*. *Journal Asiatique*, 245(1), 11–24.
- Clauson, G. (1963). The Name Uyğur. *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain & Ireland (New Series)*, 3/4, 140–149.
- Danka, B. (2016). *The Pre-Islamic Oguz-nāmā: A Philological and Linguistic Analysis*. Szeged: University of Szeged Graduate School in Linguistics Programme of Altaic Studies.
- Erdal, M. (2004). *A Grammar of Old Turkic*. Leiden; Boston: Brill.
- Erdal, M. (2007). The Khazar Language. In P. B. Golden, H. Ben-Shammai, & A. Róna-Tas (Eds.), *The World of the Khazars. New Perspectives. Selected Papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium Hosted by the Ben Zvi Institute* (pp. 75–108). Leiden; Boston: Brill.
- Ermers, E. (1999). *Arabic Grammars of Turkic. The Arabic Linguistic Model Applied to Foreign Languages & Translation of 'Abū h'Uayyān Al-'Andalusī's Kitāb al-'Idrāk li-Lisān al-'Atrāk*. Leiden: Brill.
- Hamilton, J. R. (1955). *Les ouïghours à l'époque des cinq dynasties d'après les documents chinois*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Henning, W. (1938). Argi and the 'Tokharians'. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 9(3), 546–571.
- Hirth, F. (1899). Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen. In W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge* (pp. 1–140). St Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften.
- Howorth, H. H. (1876/1965). *History of the Mongols: from the 9th to the 19th Century. Pt. 1. The Mongols Proper and the Kalmuks*. New York: Burt Franklin.
- Kamalov, A. (2001). Some Remarks on Tribal Attribution of the Turkic (Uighur) Medieval Archeological Monuments of Zabaikalye in Siberia. *Circle of Inner Asian Art, Newsletter of the Department of Art and Archeology, SOAS University of London*, 13, 16–19.
- Khabtagaeva, B. (2009). *Mongolic Elements in Tuvan*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Nanzatov, B. Z. (2005). *Etinogenez zapadnykh buriat (6–19 vv.)* [Ethnogenesis of the Western Buryats (6th–19th Centuries)]. Irkutsk: Radian.
- Nanzatov, B. Z. (2018). Interpretatsiia znachenii Bargudjin-tokum: drevnetiurkskie korni [Interpreting the Meaning of the Baryujin-tokum: Old Turkic Origins]. In T. D. Skrynnikova, T. I. Sultanov, & I. V. Zaitsev (Eds.), *Tiurkologicheskii sbornik 2015–2016: Tiurkskii mir Evrazii* [Turkological Collection 2015–2016: Turkic World of Eurasia] (pp. 263–274). Moscow: Vostochnaia literatura.
- Németh, Gy. (1991). *A honfoglaló Magyarorság kialakulása* [Formation of Hungarians the Conquerors]. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Nimaev, D. D. (2004). Etnicheskie obshchnosti 11–14 vv. [Ethnic Communities of the 11th–14th Centuries]. In L. L. Abaeva, & N. L. Zhukovskaia (Eds.), *Buriaty* [Buryats] (pp. 13–24). Moscow: Nauka.
- Pelliot P. (1959). *Notes on Marco Polo* (Pt. 1). Paris: Imprimerie Nationale: Librairie Adrien-Maisonneuve.
- Pelliot, P. (1929). Neuf notes sur des questions d'Asie centrale. *T'oung Pao*, 26(4/5), 201–266.
- Pelliot, P. (1943). Une tribu méconnue des Naiman: les Bätäkin. *T'oung Pao, Second Series*, 37(2), 35–72.
- Pelliot, P. (1949). *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or, suivi de Quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en -ar (är), -ur (ür), -ir (ir)*. Paris: Adrien-Maisonneuve.
- Petrov, K. I. (1961). *K istorii dvizheniia kirgizov na Tyan'-Shan' i ikh vzaimootnoshenii s oiratami v 13–15 vv.* [On the History of the Kirghiz Movement on the Tianshan and their Relationship with the Oirats in the 13th–15th Centuries]. Frunze: AN KirgSSR.
- Poppe, N. (1977–1978). On Some Altaic Designations of Location. *Monumenta Serica*, 33, 407–423.
- Poppe, N. N. (1923–1927). Die Nominalstammbildungsuffixe im Mongolischen. *Keleti Szemle*, 20, 89–126.
- Ramstedt, G. J. (1952–1966). *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft* (Vols. 1–3). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Rásonyi, L. (1962). Les noms de personnes impératifs chez les peuples turques. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 15(1–3), 233–243.

- Rassadin, V. I. (2014). *Sovremennyi tofalarskii iazyk i ego mesto v sisteme tiurkskikh iazykov* [Modern Tofalar Language and its Place in the System of Turkic Languages]. Elista: Kalmyk Univ.
- Rassadin, V. I. (1982). *Ocherki po istoricheskoi fonetike buriatskogo iazyka* [Essays on the Historical Phonetics of the Buryat Language]. Moscow: Nauka.
- Rumyantsev, G. N. (1962). *Proiskhozhdenie khorinskikh buriat* [The Origin of the Khori Buryats]. Ulan-Ude: Buriatskoe knizhoe izdatel'stvo.
- Samoylovich, A. N. (2005). Bogaty i bedny v tiurkskikh yazykakh [Rich and Poor in the Turkic Languages]. In A. N. Samoilovich (Ed.), *Tiurkskoe iazykoznanie. Filologiya. Runika* [Turkic Linguistics. Philology. Runics] (pp. 291–330). Moscow: Vostochnaia Literatura.
- Sanzheev, G. D., Orlovskaya, M. N., & Shevermina, Z. V. (Eds.). (2015–2018). *Etimologicheskii slovar' mongol'skikh iazykov* [An Etymological Dictionary of Mongolic Languages] (Vols. 1–3). Moscow: Institut Vostokovedeniia RAN.
- Serruys, H. (1972). The Mongol Word Pair *Qarayiqu-Barayiqu*. *Central Asiatic Journal*, 16(2), 119–124.
- Sevortian, E. V., Levitskaya, L. S., Dybo, A. V., & Rassadin, V. I. (Eds.). (1974–). *Etimologicheskii slovar' tiurkskikh yazykov* [An Etymological Dictionary of Turkic Languages] (Vol. 1–). Moscow: Nauka.
- Sosnovsky, V. I. (1928). K voprosu ob obrazovanii buriatskoi narodnosti [On the Genesis of the Buryat People]. *Buriatovedenie*, 4, 97–108.
- Starostin, S. A., Dybo, A. V., & Mudrak, O. A. (2003). *An Etymological Dictionary of Altaic Languages* (Vols. 1–3). Leiden; Boston: Brill.
- Tenishev, E. R. (Ed.). (1984–2006). *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tiurkskikh iazykov* [Comparative and Historical Grammar of Turkic Languages] (Vols. 1–6). Moscow: Nauka.
- Tsintsius, V. I. (Ed.). (1975–1977). *Sravnitel'nyi slovar' tunguso-man'chzhurskikh iazykov: materialy k etimologicheskomu slovari* [Comparative Dictionary of Manchu-Tungus Languages: Materials for an Etymological Dictionary] (Vols. 1–2). Leningrad: Nauka.
- Tsydendambayev, Ts. B. (1972). *Buriatskiye istoricheskie khroniki i rodoslovnnye* [Buryat Historical Chronicles and Genealogies]. Ulan-Ude: Buriatskoe knizhoe izdatel'stvo.
- Yakhontov, S. E. (1970). Drevneyshie upominaniia nazvaniya "Kirgiz" [The Earliest Mention of the Name "Kirghiz"]. *Sovetskaia etnografiya*, 2, 110–120.
- Yudin, V. P. (2001). *Tsentral'naya Aziya v 14–18 vekakh glazami vostokoveda* [Central Asia in the 14th–18th Centuries through the Eyes of an Orientalist]. Almaty: Daik-Press.
- Zuev, Yu. A. (1960). Tamgi loshadei iz vassal'nykh kniazhestv (Perevod iz Kitaiskogo sochineniia 8–10 vv. Tanhuiiao) [Horse Tamgas from Vassal Principalities (Translation from the 8th–10th Centuries Chinese Manuscript Tanhuiiao)]. In V. Shakhmatov, & S. Ibragimov (Eds.), *Novye materialy po drevnei i srednevekovoi istorii Kazakhstana* [New Materials on the Ancient and Medieval History of Kazakhstan] (pp. 93–140). Alma-Ata: AN KazSSR.

Received on 28 January 2019

СООБЩЕНИЯ

DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.010
УДК 811.11'373.21 + 811.22'373.6 +
+ 930.2:003.071

А. К. Аликберов*

О. А. Мудрак**

*Институт востоковедения РАН

**Институт языкознания РАН

**Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

АРРАН И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ В ПАРФЯНСКОМ ТЕКСТЕ ТРЕХЪЯЗЫЧНОЙ НАДПИСИ III В. НА СКАЛЕ КА'БА-ЙИ ЗАРДУШТ (ŠKZ)*

В публикации продолжено исследование исторической ономастики Кавказской Албании, которую авторы начали в своей первой статье, посвященной общности происхождения названий *Албания*, *Алуанк* и *Алан*. В центре внимания данной работы — топонимы западной части Персидской державы в парфянском тексте трехъязычной надписи на скале Ка'ба-йи Зардушт (ŠKZ) близ Персеполя (Иран), датируемой 260–262 гг. н. э. На основе детального разбора графики и привлечения данных по исторической фонетике парфянского языка авторы предлагают уточненное чтение парфянской части надписи ŠKZ. В частности, уточняется древнее звучание названий таких территорий, как Мидия, Адиабена и (Кавказская) Албания. В числе самых интересных оказывается историческое наименование *Арран*, представляющее собой другое название Алуанка / Алвании / (Кавказской) Албании и противопоставленное атрибутивному элементу *Алан-*, зафиксированному в названии Аланских ворот в этой же надписи. В статье выясняются причины появления казавшегося неясным парфянского написания *Ардан*. По мнению авторов,

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 19-012-00160 «Внутренний этимологический словарь нахских языков. Нахские основы».

© Аликберов А. К., Мудрак О. А., 2020

существование и графическое противопоставление написаний *Арран* и *Алан* могут указывать на различные этимологические истоки соответствующих топонимов. В связи с этим рассматриваются имеющиеся отражения первого названия в письменных языках Закавказья, показывается сомнительность его иранской этимологии, что позволяет предложить для названия *Арран* альтернативную интерпретацию.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Кавказская Албания, историческая топонимия, этимология, надпись на скале Ка'ба-йи Зардушт, ŠKZ, Арран, Алан, Аланские ворота.

Историческая ономастика Кавказской Албании включает в себя не только этнонимы, топонимы, теонимы, политонимы, гидронимы и хоронимы, личные имена и почетные эпитеты местных правителей, но и различные варианты названия этого государства: *Албания*, *Альвания*, *Алуан*, *Алуанк*, *Агванк*, *ал-Албан*, *Арран*, *Аран*, *Рани*, *Эрети* и др. Среди них особого внимания заслуживают среднеперсидское и парфянское названия *Арран*, а также сирийское название *Аран*, к которым восходят грузинские названия *Рани* и *Эрети*. Настоящая публикация продолжает исследование, начатое в статье, посвященной общности происхождения названий *Албания*, *Алуанк* и *Алан* [Аликберов, Мудрак, 2019]. Вопрос об *Арране* стоит отдельно, поскольку в армянских и албанских источниках прозвище местных правителей *Алу*, с которым связывается происхождение *Алуанка*, *Албании* как латинизированной формы др.-греч. *Альваниш*, восходящей к *Алуану*, отделяется от *Арана*: «Из-за его <Арана> мягкого нрава страна эта была названа Алуанк, ибо из-за мягкого нрава звали его Алу» [Каланкатуаци, 1984, 25]. Согласно армянскому автору V в. Мовсесу Хоренаци, от «отпрысков Арана» произошли албанские «племена утийцев и княжества гардманцев, цавдейцев и гаргарцев» [Хоренаци, 1990, 2.8]. Этот факт заставляет думать о том, что речь может идти об исходной, аутентичной форме названия страны на родном языке, которая, как утверждалось в историографии, остается пока неизвестной [Hewsen, 1982, 27–40].

В современной историографии Арран все чаще воспринимается как средневековая мусульманская область в Восточном Закавказье по соседству с Ширваном, а Албания (Кавказская Албания) — как древнейшее государственное образование на Восточном Кавказе [From Albania to Arrān], хотя речь идет о западной и восточной формах обозначения примерно одной и той же территории. В используемых названиях Аррана и Албании древний ирано-парфянский мир противопоставляется не менее древнему греко-римскому. Другая проблема, связанная с этими названиями, заключается в том, что некоторых случаях смешиваются определения «албанский» и «аланский», особенно в описаниях горных проходов на Кавказе, когда даже исторические источники (и арабские, и армянские) путают Албанские ворота с Аланскими. На средневековых картах, созданных на основе сведений Птолемея, Албанские ворота обычно размещаются в районе Дербента, тогда как Аланские ворота традиционно отождествляются с Дарьяльским проходом (Дар-и Алан).

Ключевым источником для анализа названий Аррана и Алана является надпись сасанидского царя Шапура I (241–272 гг.) на скале Ка'ба-йи Зардушт (ŠKZ) в 6 км к северу от Персеполя, известная как надпись Накш-и Рустам (перс. نقش رستم). В этой надписи, выбитой на камне в 260–262 гг., наименование Кавказской Албании присутствует в передаче на трех языках: древнегреческом, парфянском и среднеперсидском. Древнегреческому Ἀλβανία в тексте надписи соответствуют парф. 'rd'n (*ardān* или *ardān*) и ср.-перс. *arran*.

В качестве объекта исследования был взят парфянский текст трилингвы ŠKZ, впервые изданный М. Спренглингом [Sprengling, 1940, 341–420]. Позже он был использован им в материалах другой книги по истории Ирана времен Шапура и Картира [Sprengling, 1953] — эта работа содержит прорисы и фотографии текстов, в том числе и парфянского (см. рис. 1).

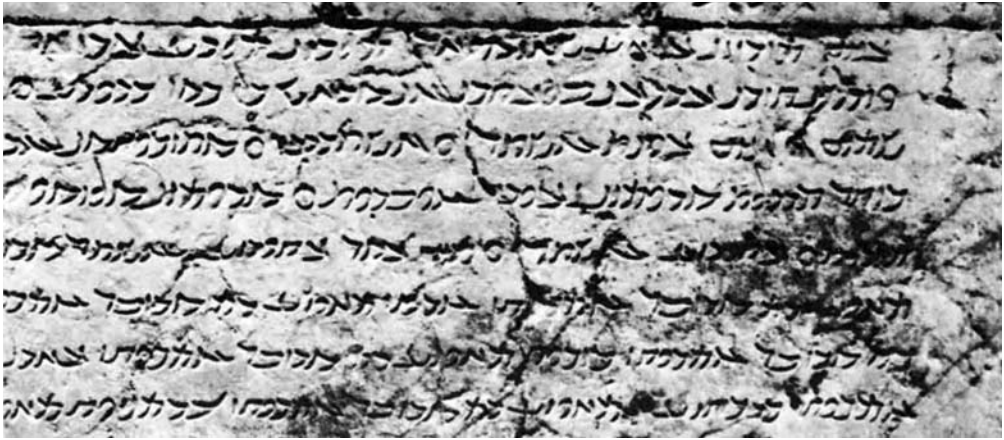

Рис. 1. Начало парфянского текста трилингвы [Sprengling, 1953, 115]

Основу для более точных переводов поврежденного и неразборчивого среднеперсидского, а также парфянского текстов составляет хорошо сохранившаяся греческая часть, изданная Э. Хонигменом и А. Мариком [von Honigmann, Maricq, 1953; см. также: Maricq, 1958, 295–360] (см. рис. 2). Это специальное исследование, как и книга Ж. Гаже [Gagé, 1964], содержит детальные описания всех текстов и не нуждается в повторении.

Все тексты ŠKZ доступны в различных транслитерациях, транскрипции и переводе. Нас интересуют лишь первые четыре строки, содержащие названия кавказских территорий, оказавшихся в сфере влияния Сасанидов при Шапуре I. В переводах трилингвы из-за прямого соответствия порядка подачи топонимов в параллельных парфянском и греческом текстах Арран отождествляется с Албанией. Далее Арран путают с Алланом, а Аланские ворота — с Албанскими воротами.

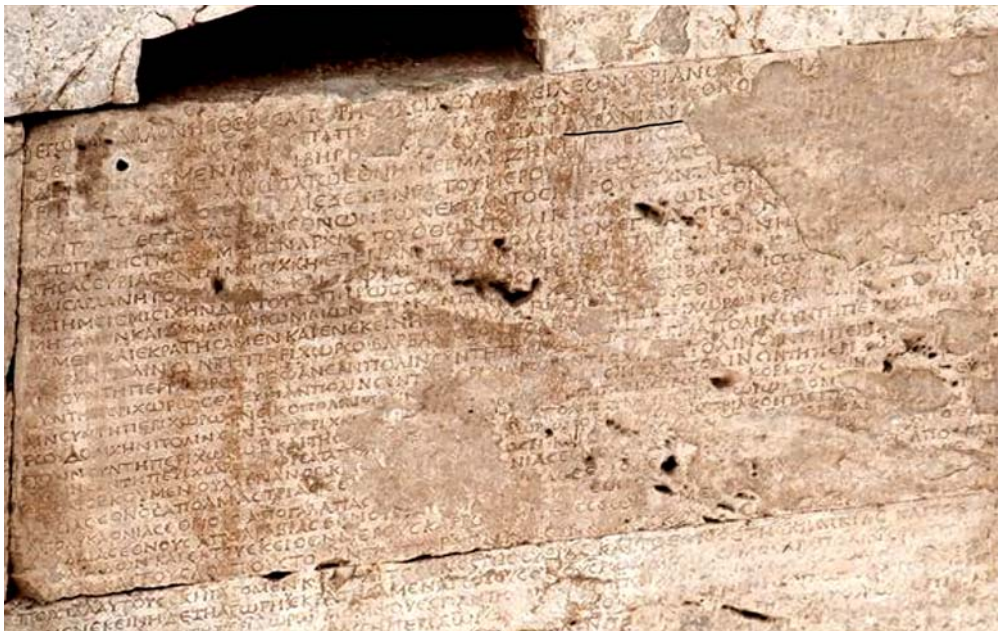

Рис. 2. Греческий текст трилингвы. Название ALBANIAN в правой части третьей строки подчеркнуто нами. Буквенные знаки, обозначающие Аланские ворота в первой части следующей (четвертой) строки, сильно повреждены

Мы приводим парфянский текст в уточненной транслитерации и транскрипции Филиппа фон Хайсе [von Huuse, 1999], которые в современной науке признаются наиболее удовлетворительными [см.: Schmitt, 2000; Quellenzur Geschichte des Partherreiches, 573–587], причем дается не весь текст, а только часть второй главы, которая является ключевой для нашей темы.

1. Транслитерации, транскрипции и переводы

Транслитерация:

(1 Line) ...W... k ... [P]ars ...t... Xvzstn Myšn A.....stn Atrptkn Armny (2 Line) Wyršn Syk(?)n Ardan Blaskn xnrpxš 'L Kpy TWR ' W AlannTR ' W xmk Pryšxvr TWR'... [Sprengling, 1953, 7].

W HHSNWm hš[tr p]'rs [pr]tw ^whwzstn myšn ₂[swrstn ntwšrkn* 'rb'ys]tny 't[r]wptkn 'rmny wyršn sykn 'rd'n bl'skn HN prhšOL kpy ΘWRAW 'I'nn TROA Whmk pryšhw ΘWRA...¹ [von Huuse, 1999]

¹ Последовательность из нескольких слов, заключенная в квадратные скобки, была предложена фон Хайсе на основе интерпретации греческого текста трилингвы. Она отсутствует в сохранившемся тексте.

Транскрипция:

uddārām [šahrP]ārs, *[Par]θaw, Xūzestān, Mēšān, A[sūrestān, Nōdšīragān, Arbāyes]tān, Ādu[r]bādegān, Armin, Wiržān, Sīgān, **Ardān**, Balāsagān yadfraxš ō Kaf kōfud **Alānān bar**, udhamag Parišxwār kōf... [Ibid.]

Перевод:

[On the Aryan empire] the principalities and provinces (are) these: Pars, Parthia, Khuzistan, Mēshān, Assyria, Adiabene, Arabia, Atrūpatkān, Armenia, Vīrchān, Sīkān, Ardān, Balaskān, until forward to the Kap mountains (i.e., the Caucasus) and the Alans' gate (i.e., pass) and all the Parēshkhwar mountains (i.e. now with Honigramann: Elbrus, Elburz)... [Sprenghing, 1953, 14]

...and I possess the lands of Persia, Parthia, Xuzestan, Mešan, Asurestan, Nodširagan [= Adiabene], Arbayestan, Azerbaijan, Armenia, Wirzan [= Iberia], Sigan, **Albania**, Balasagan, up to the Caucasus mountains, and the **gate of the Alani**, and the entire range of the Elburz mountains... [SKZ]

[I hold ?] the lands: Persis, Parthia, Khuzistan, Mesene, Assyria, Adiabene, Arabia, Azerbaijan, Armenia, Georgia, Segan [Makhelonia = Mingrelia], **Arran [Albania]**, Balasakan, up to the Caucasus mountains and the **Gates of Albania**... [Frye, 1983]

...Armen (Armenia), Virozan (Iberia), Segan (Machelonia), **Arran (Albania)**, Balashagan up to the Caucasus and to **the Gate of the Alans**... [Naseer Dashti, 2012, 36]

[...sono il signore della nazione degli Ariani], e possiedo le seguenti nazioni: la Persia, la Partia, la Susiana, la Mesene, l'Assiria, l'Adiabene, l'Arabia, la Atropaltene, l'Armenia, la Iberia, la Machelonia, l'Albania, il Balasagan fino al Monte Caucaso e alle porte degli Alani e tutto il monte Pressovar... [Iscrizioni dello estremo oriente greco]

Отсутствие долготы хорошо отражается в парфянских текстах, написанных в арамейской графике. Долгий гласный в неначальной позиции выписывается с помощью соответствующих знаков для глайдов [y], [w] и ларингала [ʾ], а в начальной позиции через знак «алиф» [ʾ] без последующего глайда отражен графически непротивопоставленный по долготе гласный *a*. Это позволяет нам предложить уточненную версию транскрипции фон Хайсе:

...uddārām [šahrP]ārs, *[Par]θaw, Xūzestān, Mēžān (1), A[sūrestān, Nōršīragān (2), Arbāyes]tan, Adərbadegan (3), Ar(a)mani (4), Wiržān (5), Sīgān (6), **Arrān** (7), Balāsagan (8), yadfraxš ō Kafi (9), kōfud **Alānan** (10) bar, u(d)hamag Paršxwār (11) kōf...

2. Географические названия

2.1. В транскрипции, согласно приведенной фон Хайсе транслитерации, нужно читать *Mēžān* вместо *Mēšān* или, что менее надежно, *Mīžān*, а в параллельном

переводе — «Мидия». В порядке перечисления эта страна также соответствует Мидии. В данном слове, как и во многих нижеследующих наименованиях, не выписан гласный в последнем слоге, что препятствует его интерпретации как долгого гласного. Ср. транслитерацию наименования *Wiržān* (2.5) с таким же озвончением спيرانта *-š-* в серединной позиции.

2.2. *Nōrširagan* (вместо *Nōdširagān*). За основу взято предположение фон Хайсе, возможно, основанное на встречаемости данного топонима в другой части текста или в параллельных памятниках. В его варианте транслитерации топоним приводится с выписанным долгим гласным второго слога и отсутствием выписанного гласного в последнем слоге — как *ntwšrkn**, ср. чтения для предыдущих и последующих слов. Неясна предполагаемая автором последовательность букв *ntw* в начале слова. Для того чтобы читался слог *Nōd*, должна быть запись *nwt* или даже *nwd*. Если данный топоним больше нигде не встречается, то буквенная транслитерация является целиком умозрительной и основанной на другой фонетической фиксации. Следует обратить внимание на то, что в парфянских надписях буква «d» отличается от «g» лишь наличием двух диакритических точек, стоящих под ней. В данном случае возможна не диакритика, а естественная неровность под буквой. К тому же буквы для [w] и [r] также очень похожи и представляют собой правую дужку. В среднеперсидской графике они полностью совпадают по написанию. Здесь, по-видимому, ожидалась бы запись *nwršrkn**, а не предполагаемая фон Хайсе *ntwšrkn**, что соответствует арм. Նոր Շիրակաճ — *nor širaḳan*, т. е. «Новый Ширакан». Но исходя из этого значения, нельзя также исключить, что в первой части этого парфянского топонима могло присутствовать и парф. *nwg* 'новый'.

2.3. *Adərbadegan* (вместо *Ādu[r]bādegān* — без долгих гласных в непервых слогах). В парфянском письме буквы для гласного *-u-* [w] и согласного [r] схожи по облику и представляют собой правую дужку. В данном наименовании явно перепутаны при записи или интерпретации эти два знака. В чикагском издании 1953 г. данные буквы проинтерпретированы правильно.

2.4. *Ar(a)mani* (вместо *Armin*), с выписанным ауслутичным гласным.

2.5. *Wiržan* (вместо *Wiržān*), без долготы гласного второго слога и с озвончением спيرانта, как в названии страны Мидия — *Mēžan*.

2.6. *Sīgan* (вместо *Sīgān*), без долготы гласного второго слога.

2.7. *Arrān* (вместо *Ardān*). Это способ графической передачи удвоенного *-rr-*: фонетически здесь мог быть только удвоенный сонант. В парфянской записи, если учитывать исторический переход иранского сочетания **-rd-* > *-rr-* > *-r-* после **a* и развитие иранского сочетания **-rn-* > *-rr-*, представлена гиперкорректная запись для передачи сочетания *-rr-* в иноязычном названии [Основы иранского языкознания, 180, 183]. Поэтому мы можем однозначно соотнести этот парфянский вариант написания с конкретным топонимом данного ареала — и это общеизвестный *Арран* (**arran*). В отдельных работах делаются попытки свести наименования

«Арран» и «Албания» воедино, используя абстрактные законы фонетических переходов, которые не являются универсальными и не присущи всем языкам даже данного ареала. Тем более ни в одном из языков данного ареала не происходило развития старого сочетания *-lb- > -rr-, и, конечно, не было перехода удвоенного *-rr- > -lb- или -lv-, т. е. в сочетание плавного сонанта с губным согласным. Следует принять, что наименование *Арран* не является ни заимствованием, ни передачей греко-римского эквивалента Ἀλβανία / *Albania* на парфянский или среднеперсидский лад, а просто смысловым соответствием. Во всех среднеперсидских текстах название Кавказской Албании также фигурирует в виде *Арран*.

2.8. *Balāsagan* (вместо *Balāsagān*), без долгих гласных в двух последних слогах. По Фраю, это район Дербента («Balasakan = Derbend area») [см.: The Inscription of Shapur I]. Сирийская форма *Баласагун*, засвидетельствованная в источниках, представляется более архаичной по своей фонетике [Хроника Захария Ритора, 7]. В арм. Բալասաղան (*Balasaḡan*) форма характеризуется передачей звонкого велярного согласного -g- через сильный согласный -k-, как и в других парфянских и сасанидских заимствованиях в армянском языке. Кроме того, в ней последний гласный, также как и в данной парфянской параллели, по своему качеству подстраивается под предыдущие, т. е. утеряно различие по подъему гласного. О новейших версиях по вопросу локализации Баласагана см. [Аликберов, Мудрак, 2016, 8–14].

2.9. *Kafī* (вместо *Kaf*), с выписанным ауслутным гласным.

2.10. *Alānan* (вместо *Alānān*), без долготы последнего слога.

2.11. *Parīšxwār*, или *Parīšxūr*, или даже *Parīšaxwār* / *Parīšaxūr* (вместо *Parišxwār*). Согласно Фраю, Парешвар сопоставляется с горой Эльбурз («Pareshwar = Elburz mountains»), хотя на Кавказе есть несколько гор, называемых *Альбурз* [см.: Аликберов, Мудрак, 2015, 16–19].

3. Уточненный перевод

Поскольку качественные характеристики согласных (= консонантный костяк) имеют принципиально важное значение в текстологическом анализе топонимии, мы предлагаем уточненный вариант чтения ключевой части второй главы парфянского текста ŠKZ, содержащей название Аррана и сопредельных ему стран: «Мне принадлежат [страны] Персия (Парс), Парфия, Сузиана (Хузистан), Мидия (Межан), Ассирия (Асуристан), Адиабена (Норшираган), Аравия (Арбаистан), Атропатена (Адербадиган), Армения (Армани), Иверия (Виржан), Сиган (?), **Арран**, Баласаган вплоть до Кавказских гор (гор Кафи) и **Аланских (Алан-ан) ворот и всей гряды Эльбурзских гор...**».

Касаясь других написаний названия Аррана, следует добавить несколько замечаний. В сирийских источниках в интересующем нас наименовании Аррана не использовалось графическое удвоение согласного «р», поэтому в этих текстах название Кавказской Албании фигурирует в виде *Аран (aran)*. В «Истории страны

Алуанк» Мовсеса Каланкатуаци при разговоре о кавказских народах личное имя Առան (*Aran*) *Aran* принадлежит этнарху — мифическому прародителю Кавказской Албании [Каланкатуаци, 1984, 25]. Стоит обратить внимание на то, что арм. -r- обычно встречается в качестве первого элемента сочетаний согласных и как согласный, замыкающий слог. Здесь же он неожиданно отмечен в интервокальной позиции: таким способом может быть передано фонетическое "ar'an или даже "arān.

Довольно часто предполагалось происхождение этого названия из иранского источника, а все слово возводилось к иранскому самоназванию *Ariyana*. Это выглядит довольно странным, учитывая расположение данной территории на самой окраине иранского мира — в Закавказье. К тому же парфянское название государства Сасанидов *Erān šahr* закономерно отражает иран. *Ariyana* в другом фонетическом облике, не соответствующем присутствующей здесь записи для названия *Arpan*. Представляется, что наиболее вероятным источником традиционного названия *Arpan* является нахско-дагестанская основа, сохраняемая в пралезг. **ärānjə* 'равнина, плоскость, низменность' (2623²) > лезг. *aran*, таб. *aran* (-di, -ar), агул. *arān* (-di, -ar), рутул. *alrān* (-ärä, -bir), цахур. *alrān* (-in, -), будух. *arān* (-žir, -ber). В лезгинском, рутульском — «с жарким климатом», в рутульском также «степная часть Азербайджана»; в цахурском — «Куро-Алазанская долина, равнинная часть Кавказской Албании, современный Северный Азербайджан»; в будухском — «низменность, плоскостная часть». Этимологическими параллелями этой основы являются пранах. **arajna* 'поле, степь, пустошь' (899) > чеч. *ārē* (-n-an, -n-aš) 'то же', ингуш. *are* (-n-o, -n-aš) 'то же', бацб. *aere* 'полевой, степной'; пралак. **arñi* 'равнина' (909), праарч. **ərānyə-* 'степная местность (с жарким климатом)' (1334). Собственно, это и есть название Куро-Алазанской долины, где до сих пор живут носители лезгинских и нахских языков. В виде **ārV* 'plain' данная основа присутствует для восточнокавказского уровня в этимологическом словаре [NCED] (2171).

Как отмечалось в других наших исследованиях, базовые названия *Arpan* и *Алуан* этимологически никак не связаны друг с другом, однако оба они имеют местное, а не иноземное происхождение. Их также объединяет то, что они обозначали одну и ту же страну в Восточном Закавказье — Кавказскую Албанию. Название *Arpan* происходит из нейтрального слова для (плодородной) долины: кавказское население Аррана в разное время занимало Куро-Аракскую низменность, а она представляла собой самую обширную равнинную территорию на Кавказе, от ареала расселения племени каспиев в районе Каспийских ворот (Κάσπια πύλα) на юго-востоке до Албанских ворот и города Чор (совр. Дербент) на северо-западе, включая долины по берегам р. Кура. С течением времени река

² Здесь и далее номера приводятся по этимологической картотеке конкретных языковых подгрупп.

Кура стала границей, разделявшей «два Аррана» (الرائين *Arranain*), как их называли средневековые арабские авторы [Ibn Naukal, 255], а именно — «Армянской Албании» (*Hay-Aghuank*³) на правом берегу Куры и собственно Аррана / Албании на ее левобережье. Неслучайно именно эта территория притягивала к себе степные народы на протяжении многих столетий, даже после завершения эпохи Великого переселения народов³. В армянских источниках V в. предлагаемая этимология Аррана и Арана — как местной, так и идентичной ей сирийской формы, зафиксировавшей исходное название, находит свои точные параллели в семантически эквивалентных обозначениях этой страны как «Алванской равнины» [Хоренаци, 1990, 62] и «Равнины гаргарейцев» [Хоренаци, 1990, 361]: в обоих случаях фиксируется ключевое значение названия *Аран / Арран* — «равнина», в первом случае — с политической коннотацией, а во втором — с этнической.

Таким образом, в трехязычной надписи на скале Ка'ба-йи Зардушт при передаче названия страны Арран в парфянском тексте использовалась гиперкорректная форма с *-rd-* для передачи двойного *-rr-*, так как собственно парфянский удвоенный *-rr-* происходил только из сочетаний. В парфянском и сирийском случаях записи отмечена лишь разница в принципах графической передачи, а речь идет об одном и том же Арране.

Источники

- ‘Аджа’иб ад-дунйā (Чудеса мира) / критический текст, пер. с перс., введ., коммент. и указ. Л. П. Смирновой. М.: Наука, 1993.
- Каланкатуаци М. История страны Алуанк / пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Ш. В. Смбатяна. Ереван: Матенадаран, 1984.
- Хоренаци М. История Армении / пер. с древнеарм., примеч. Г. Саркисяна; ред. С. Аревшатян. Ереван: Айастан, 1990.
- Хроника Захария Ритора // Пигулевская Н. В. Сирийские источники в истории народов СССР. М.: Л.: Наука, 1941. С. 148–167.

³ Об Арране в анонимном средневековом географическом сочинении «Аджа’иб ад-дунйā» сказано буквально следующее: «Арран. Это — богатое и благословенное место, зимняя резиденция [местных] правителей. В обитаемой части [Вселенной] нет стольких зданий, как в Арране; ни в каком другом месте [нет] такого скопления тюрков. Говорят, там бывает до ста тысяч тюркских всадников. Протяженность Аррана — примерно тридцать на десять фарсахов. Говорят, что река Кура до [впадения в нее] Аракса находится в пределах Аррана. Его товары: шелк, рис, овцы, коровы и лошади в большом количестве» [см.: ‘Аджа’иб, 1993, 181]. В приведенном отрывке текста не все конъектуры переводчика можно принять без сомнений. Например, вставка в квадратных скобках в предложении «река Кура до [впадения в нее] Аракса находится в пределах Аррана» (букв.: *است تا ارس وکويند در حدّ اَران درازي کر*) выглядит произвольной, поскольку в тексте ничего подобного нет, а добавление этого уточнения серьезно меняет содержание всего сообщения. Однако нас в данном случае больше интересует протяженность Аррана — «тридцать на десять фарсахов». Учитывая тот факт, что один фарсах эквивалентен расстоянию, который всадник проедет за час (около 6 км [см.: Hinz, 1955, 62–63]), площадь Аррана в период правления Ильдегизидов, т. е. гораздо позже Сельджукидов, составляла около 180 км в длину и около 60 км в ширину.

- Honigmann E. von, Maricq A.* Recherches sur les Res Gestae Divi Saporis. Bruxelles : Acad, 1953.
- Huyse Ph. von.* Corpus Inscriptionum Iranicarum. Part 3 : Pahlavi Inscriptions. Vol. 1 : Royal Inscriptions, with Their Parthian and Greek Versions. Die drei sprachige Inschrift Šābuhrs I. an der Ka'ba-i Zardušt (ŠKZ). London : School of Oriental and African Studies, 1999.
- Ibn Haukal — Opus geographicum auctore Ibn Haukal (Abu'l-Kasim ibn Haukal al-Nasibi). “Liber imaginis terrae” / ed. collatio textu primae editionis aliisque fontibus adhibitis J. H. Kramers. Leyden : Brill, 1938.
- Maricq A.* Res Gestae Divi Saporis // Syria. 1958. № 35. P. 295–360.
- NCED — *Nikolayev S. L., Starostin S. A.* A North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow : Asterisk Publishers, 1994.
- SKZ | English Translation // Parthian Sources Online. URL: <http://parthiansources.com/texts/skz/skz-translation/>.
- Schmitt R.* Corpus Inscriptionum Iranicarum. Part 1 : Inscriptions of Ancient Iran. Vol. 1 : The Old Persian Inscriptions. Texts 2 : The Old Persian Inscriptions of Naqsh-e Rostam and Persepolis. London : School of Oriental and African Studies, 2000.
- Sprengling M.* Shahpuhr I, the Great on the Kaabah of Zoroaster (KZ) // The American Journal of Semitic Languages and Literatures. 1940. № 57. P. 341–420.
- Sprengling M.* Third Century Iran: Sapor and Kartir. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1953.
- The Inscription of Shapur I at Naqsh-e Rostam in Fars // Sasanica. URL: <https://www.sasanika.org/wp-content/uploads/NAQSH.pdf>.

Исследования

- Аликберов А., Мудрак О.* Еще раз о происхождении названий *Алуан* и *алан* // Армения и христианский Кавказ : республ. симп., посвящ. 1700-летию принятия христианства в Кавказской Албании и Грузии (Ереван, 15–16 декабря 2015 г.). Ереван : [б. и.], 2015. С. 16–19.
- Аликберов А., Мудрак О.* Эрети и Баласакан: К проблеме этнической составляющей пограничья восточнохристианского мира // Армения и восточнохристианская цивилизация : междунар. симп., посвящ. 40-летию создания Отдела Христианского Востока Института востоковедения НАН РА и 5-й годовщине смерти его основоположника, проф. Паруйра Мурадяна (Ереван, 12–13 декабря 2016 г.). Ереван : [б. и.], 2016. С. 8–14.
- Аликберов А. К., Мудрак О. А.* Исторические названия *Албания*, *Алуанк* и *Алан* в пространстве кросс-культурной коммуникации. DOI 10.15826/vorg_opom.2019.16.2.023 // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 2. С. 213–231.
- Основы иранского языкознания. Парфянский язык / отв. ред. В. С. Расторгуева. М. : Наука, 1981.
- Dashti N.* The Balochand Balochistan: A Historical Account from the Beginning to the fall of the Baloch State. Bloomington : Trafford Publishing, 2012.
- From Albania to Arrān. The East Caucasus between the Ancient and Islamic Worlds (ca. 330 BCE–1000 CE) / ed. by R. Hoyland. Piscataway : Gorgias Press, 2020.
- Frye R. N.* The History of Ancient Iran. München : Beck, 1983.
- Gagé J.* La montée des Sassanides et l'heure de Palmyre. Paris : Albin Michel, 1964.
- Hewsen R. H.* Ethno-History and the Armenian Influence upon the Caucasian Albanians // Classical Armenian Culture. Influences and Creativity / ed. by T. J. Samuelian. Chicago : Scholars Press, 1982. P. 27–40.
- Hinz W.* Islamische Maße und Gewichte umgerechnet ins metrische System. Leiden : Brill, 1955.
- Iscrizioni dello estremo oriente greco / un repertorio a cura di Filippo Canali De Rossi. Bonn : Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2004.
- Quellenzur Geschichte des Partherreiches: Textsammlungmit Übersetzungen und Kommentaren. Bd. 2 / eds. U. Hackl, B. Jacobs, D. Weber. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2010.

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков

агул.	агульский	пралезг.	пралезгинский
бацб.	бацбийский	пранах.	пранахский
будух.	будухский	рутул.	рутульский
лезг.	лезгинский	ср.-перс.	среднеперсидский
парф.	парфянский	таб.	табасаранский
праарч.	праарчинский	цахур.	цахурский
пралак.	пралакский		

* * *

Аликберов Аликбер Калабекович
 кандидат исторических наук, заведующий
 Центром изучения Центральной Азии,
 Кавказа и Урало-Поволжья, заместитель
 директора
 Институт востоковедения РАН
 107031, Москва, ул. Рождественка, 12
 E-mail: alikberov@mail.ru

Мудрак Олег Алексеевич
 доктор филологических наук,
 главный научный сотрудник
 отдела урало-алтайских языков
 Институт языкознания РАН
 125009, Москва, Б. Кисловский пер., 1/1
 профессор Института классического
 Востока и античности
 Национальный исследовательский
 университет
 «Высшая школа экономики»
 105066, Москва, ул. Старая Басманная,
 21/4, стр. 1
 E-mail: omudrak@yahoo.com

Alikberov, Alikber Kalabekovich
 PhD, Head of the Center for the Study
 of Central Asia, the Caucasus and the Ural-
 Volga Region, Deputy Director
 Institute of Oriental Studies of the RAS
 12, Rozhdestvenka Str., 107031 Moscow,
 Russia
 Email: alikberov@mail.ru

Mudrak, Oleg Alekseevich
 DrHab, Senior Research Fellow
 Department of the Ural-Altaic Studies
 Institute of Linguistics of the RAS
 1/1, B. Kislovsky Ln., 125009 Moscow, Russia
 Professor,
 Institute for Oriental and Classical Studies
 National Research University
 Higher School of Economics
 21/4, Bld 1, Staraya Basmannay Str.,
 105066 Moscow, Russia
 Email: omudrak@yahoo.com

Alikber K. Alikberov*

Oleg A. Mudrak**

*Institute of Oriental Studies of the RAS

**Institute of Linguistics of the RAS

** National Research University

Higher School of Economics

Moscow, Russia

**ARRAN AND THE NEIGHBOURING COUNTRIES
IN THE PARTHIANIAN TEXT OF THE 3RD CENTURY TRILINGUAL
INSCRIPTION AT KA'BA-YE ZARTOSHT (ŠKZ)**

The paper continues the discussion about the historical onomastics of Caucasian Albania. The previous article named “Historical Names *Albania*, *Aluank*, and *Alan* in Cross-Cultural Communication” established the existence of a common etymological source of the names *Albania*, *Aluank*, and *Alans*. The present study focuses on toponyms of the western part of the Persian (Sasanian) empire mentioned in the Parthian part of the trilingual inscription on the rock of Ka'ba-ye Zartosht (ŠKZ) near Persepolis (Iran), dating ca. 260–262 CE. The authors propose a corrected reading of the Parthian text of the ŠKZ inscription based on a detailed analysis of the script and existing knowledge about the historical phonology of the Parthian language. They introduce a revised phonetic transcription of the Parthian names for Media, Adiabene, and Caucasian Albania. Particularly interesting is the case of the historical toponym *Arran* corresponding to (the Caucasian) Albania/*Aluank* and opposed to the attributing element *Alan* which appears in the name of the “Gate of the Alans” in the same inscription. The authors explain the reasons for the emergence of the confusing word *Arđan* in the Parthian text. The graphical difference between the forms *Arran* and *Alan* and their co-occurrence within the same text may point to the different etymologies of these words. In this vein, the authors examine the use of the reflexes of the first term in the written languages of Transcaucasia showing the questionability of its Iranian origin and proposing an alternative interpretation based on North Caucasian languages.

Key words: Caucasian Albania, historical toponymy, etymology, Ka'ba-ye Zartosht inscription, ŠKZ, Arran, Alan, Gate of the Alans.

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (grant 19-012-00160, *Internal Etymological Dictionary of Nakh Languages. The Nakh Stems*).

Alikberov, A., & Mudrak, O. (2015). Eshche raz o proiskhozhdenii nazvanii *Aluan* i *alan* [To the Origins of the Names *Aluan* and *Alan*]. In *Armenia i khristianskii Kavkaz* [Armenia and the Christian Caucasus] (pp. 16–19). Yerevan: [s.n.].

Alikberov, A., & Mudrak, O. (2016). Ereti i Balasakan: K probleme etnicheskoi sostavliaiushchei pogranič'ia vostochnokhristianskogo mira [Hereti and Balasakan: To the Problem of the Ethnic Component of the Frontier of the East Christian World]. In *Armenia i vostochnokhristianskaia tsivilizatsiia* [Armenia and East Christian Civilization] (pp. 8–14). Yerevan: [s.n.].

- Alikberov, A. K., & Mudrak, O. A. (2019). Istoricheskie nazvaniia *Albania*, *Aluank* i *Alan* v prostranstve krosskul'turnoi kommunikatsii [Historical Names *Albania*, *Aluank*, and *Alan* in Cross-Cultural Communication]. *Voprosy onomastiki*, 16(2), 213–231. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.2.023
- Dashti, N. (2012). *The Balochand Balochistan: A Historical Account from the Beginning to the fall of the Baloch State*. Bloomington: Trafford Publishing.
- De Rossi, F. C. (Ed.). (2004). *Iscrizioni dello estremo oriente greco* [Inscriptions from the Greek Far East]. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2004.
- Frye, R. N. (1983). *The History of Ancient Iran*. München: Beck.
- Gagé, J. (1964). *La montée des Sassanides et l'heure de Palmyre*. Paris: Albin Michel.
- Hackl, U., Jacobs, B., & Weber, D. (Eds.). (2010). *Quellen zur Geschichte des Partherreiches: Textsammlung mit Übersetzungen und Kommentaren* (Vol. 2). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Hewsen, R. H. (1982). Ethno-History and the Armenian Influence upon the Caucasian Albanians. In T. J. Samuelian (Ed.), *Classical Armenian Culture. Influences and Creativity* (pp. 27–40). Chicago: Scholars Press.
- Hinz, W. (1955). *Islamische Maße und Gewichte umgerechnet ins metrische System*. Leiden: Brill.
- Hoyland, R. (Ed.). (2020). *From Albania to Arrān. The East Caucasus between the Ancient and Islamic Worlds (ca. 330 BCE–1000 CE)*. Piscataway: Gorgias Press.
- Rastorgueva, V. S. (Ed.). (1981). *Osnovy iranskogo iazykoznaniiia. Parfianskii iazyk* [Elements of Iranian Linguistics. The Parthian Language]. Moscow: Nauka.

Received on 9 June 2018

DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.011
УДК 811.161.1'282.2(470.1/.2) + 81'42 +
+ 398:159.961

А. С. Алексеева
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФОЛЬКЛОРНОГО ГИДРОНИМА *АПОЛЕВТА*

В статье о севернорусских гидронимах в устных и рукописных заговорах Т. А. Агапкина, Е. Л. Березович и О. Д. Сурикова обращаются к названию огненной реки *Аполевта*, предполагая существование двух списков одного текста. Происхождение гидронима, по мнению исследователей, связано либо с неустановленным греческим словом, либо с порчей текста. Автор публикации доказывает, что в настоящее время имеется лишь один список, выполненный В. А. Ивановским и опубликованный в 1910 г. Н. Н. Виноградовым. Что касается названия реки, структура текста (в частности, организация пространства) наводит на мысль о неверной интерпретации автором рукописного списка: в действительности на этом месте была употреблена краткая форма прилагательного с постпозитивной изменяемой частицей *-то*, которая отмечается в севернорусских говорах. Таким образом, следует признать, что гидроним *Аполевта* — плод неправильного взаимодействия В. А. Ивановского с источником.

К л ю ч е в ы е с л о в а: гидронимия, текстология, севернорусские диалекты, Русский Север, Русское географическое общество, русский фольклор, заговоры.

В работе Т. А. Агапкиной, Е. Л. Березович и О. Д. Суриковой из цикла публикаций о севернорусской топонимии в устных и рукописных заговорах [Агапкина и др., 2018] обсуждаются происхождение и бытование фольклорных гидронимов, которые, по мнению авторов, можно классифицировать следующим образом:

1) прецедентные имена собственные, имеющие прототип в реальной топонимии или Священном Писании, 2) беспрецедентные имена собственные, которые встречаются либо в разных жанрах фольклора (общефольклорные гидронимы), либо непосредственно в рамках заговорного текста (заговорные гидронимы). Среди рассматриваемых гидронимов находится несколько наименований, которые, как отмечают исследователи, имеют неясное происхождение, — история одного из них будет предметом настоящей работы.

Название огненной реки — *Аполевта* — зафиксировано в единственном тексте, происходящем из Архангельской области. По мнению авторов статьи, существует два списка заговора: один из них находится в архиве Русского географического общества, в рукописи В. А. Ивановского «Молитвы, заговоры и духовные стихи, записанные в гор. Онеге» [Ивановский, 1886, л. 5], а второй, представляющий точную копию с первого или родственного ему списка, опубликован Н. Виноградовым в 1910 г. [Виноградов, 3, 17; Агапкина и др., 2018, 101]. Разница между ними, как подчеркивают исследователи, невелика: наиболее существенное различие касается записи слова «юнчія», исправленного Н. Н. Виноградовым на «гончіе». Лексема *юнчий* действительно зафиксирована в словаре церковнославянского языка со значением ‘телячий’ [ПЦСС, 845]¹, однако представляется, что это чтение — ошибка священника В. А. Ивановского, поскольку выше, во-первых, упоминаются «гончие звери» («дай мнѣ, Господи <...> всѣхъ гончихъ звѣрей» [Виноградов, 3, 17]), а во-вторых, кажется маловероятным употребление слова *зверь* с прилагательным, обозначающим принадлежность другому животному. В целом удивительная близость списка В. А. Ивановского и издания Н. Н. Виноградова заставляет усомниться в существовании второго экземпляра, используемого публикатором. Остановимся подробнее на этом вопросе.

Рассматриваемому заговору в книге Н. Н. Виноградова предшествует публикация тетрадки учителя Стефана Пругавина «О способе лечения лихорадки простым народом, о происхождении и разделении ея по его понятию», которая находится в Архиве Русского географического общества [Пругавин, 1853]. При обращении к рукописи было отмечено, что под этим номером хранится не только тетрадка (л. 1–25 об.; по публикации — с. 6–12, до слов «г. Пинега, 16 марта 1853 г.» включительно), но и несколько разрозненных листов, писанных разными почерками. Эти листы содержат записи текстов, которые изданы Н. Виноградовым после тетрадки с заговорами, однако далеко не в полном составе, в другом порядке и с другой орфографией: например, на первом из них записан приговор на зубы [Пругавин, 1853, л. 26], который в публикации находится на с. 19, после ряда других текстов. Лист с заговором про огненную реку в этой папке отсутствует.

Порядок записей в книге Н. Н. Виноградова соответствует расположению текстов в уже упоминавшейся рукописи В. А. Ивановского; совпадают даже

¹ Сердечно благодарю М. А. Шibaева за это указание. — А. А.

примечания — так, на л. 4 об. внутри третьей статьи находится комментарий составителя: «очевидно неразобранный по подлиннику заговоръ», который дословно передает издание [Виноградов, 3, 16]. Что характерно, при наличии разночтений между листами [Пругавин, 1853] и рукописью В. А. Ивановского издание следует последнему. Ср.: «Женка вела корову на ниткѣ черезъ море; нитка сорвалася, корова оборвалася, кровь и унялася» [Виноградов, 3, 18]; «Жонка вела корову на нитки черезъ морѣ нитка сорвалася корова оборвалася крови (так! — А. А.) унялася» [Пругавин, 1853, л. 31] и «Женка вела корову на ниткѣ черезъ море; нитка сорвалася, корова оборвалася, кровь и унялася» [Ивановский, 1886, л. 6]. Скорее всего, разрозненные листы [Пругавин, 1853] послужили основой для чистового варианта [Ивановский, 1886], который и был опубликован Н. Н. Виноградовым без ссылки на источник. Этому не противоречит тот факт, что в издании напечатано «гончіе» вместо «юнчія»: Н. Н. Виноградов, как указано в предисловии [Виноградов, 3, 3], исправлял описки и, по-видимому, принял это написание за ошибку. Исправлены были и другие чтения: так, например, в записи В. А. Ивановского значится «стану на востокъ лицемъ», а в публикации — «стану на востокъ лицемъ» [Там же, 17]. При этом, подчеркнем, исследователю была доступна полная рукопись: в настоящее время несколько листов утрачено, рукопись прерывается на словах «1-й камень отъ Бога...» из «Заговора на камни отъ уроковъ» [Там же, 20].

Судя по письму В. А. Ивановского, приложенному к рукописи с заговорами, он отправляет в «Записки Императорского Русского географического общества» самолично записанный в Онеге текст: «Присылая при семь въ ваше распоряженіе сборникъ заговоровъ, заклинаній и нѣсколько пѣсенъ, записанныхъ мною в Онегѣ (едва ли гдѣ напечатанныхъ) прошу Вас: а) извинить за не совсѣмъ опрятную его перепись (самъ лично — времени рѣшительно теперь пока не имѣю) и б) когда Вы сообщите его в “Запискахъ Географ. Общества” — препроводить мнѣ нѣсколько оттисковъ» [Ивановский, 1886, л. 8]. Не зная о черновике, можно было бы предположить, что священник списал какую-то книжицу, однако обнаружение черновых записей заставляет думать, что под словом «сборник» имеется в виду упорядоченный В. А. Ивановским набор текстов. Тем не менее ответ на вопрос, каким образом в этой папке оказался черновик В. А. Ивановского, пока не найден.

Итак, гидроним *Аполевта* в настоящее время представлен единственным списком 1886 г., опубликованным позднее Н. Н. Виноградовым [3, 17]. Наименование реки появляется в заговоре один раз — при этом, что важно, огненная река в других фольклорных текстах обычно не имеет названия [Агапкина и др., 2018, 101–102]. В статье Т. А. Агапкиной, Е. Л. Березович и О. Д. Суриковой высказывается предположение о порче текста (причем «само по себе это слово имеет некие “греческие” ассоциации» [Там же, 101]) — и действительно, происхождение этого слова, на наш взгляд, следует связывать с ошибкой чтения.

Процитируем фрагмент заговора по рукописи В. А. Ивановского: «Вы же, звѣри, бурья и красныя лисицы, сѣрыя рыси, бусыя росомахи и юнчія звери, бѣлые зайцы, не отпячивайтесь назадъ, не отворачивайтесь ни на правую руку, ни на лѣвую: по правую руку течеть огненная рѣка Аполевта, синее море сзади васъ, выстрицы нагоняють, разиня рты, васъ звѣри ѣсть хотятъ; а впередъ вамъ дана дорога по вашему лисьему слѣду...» [Ивановский, 1886, л. 5 об. — б]. Здесь необходимо обратить внимание, во-первых, на то, как выстраивается пространство вокруг бегущих зверей: по правую руку находится огненная река, сзади — синее море, а впереди — дорога. При таком прочтении текста становится очевидно, что в нем нарушена структура, так как не упоминается одна из координат, а «выстрицы» нагоняют зверей с неопределенной стороны. Во-вторых, выше указано, что звери не должны отворачиваться «ни на правую руку, ни на лѣвую», но причина названа лишь однажды.

Представляется, что чтение В. А. Ивановского содержит ошибку и этот фрагмент следует интерпретировать иначе: дорога по лисьему следу находится впереди, сзади бегут «выстрицы», а огненная река протекает справа. Море, таким образом, лежит слева от зверей, и именно эта координата скрывается за словом *Аполевта*: «по правую руку течеть огненная рѣка, а по леву-ту синее море», — краткая форма прилагательного, скорее всего, была употреблена с пост-положительной изменяемой частицей *-то*, которая встречается в севернорусских говорах (ср. с записями из экспедиций [Касаткина, 2008, 19–20]). Таким образом, текст приобретает четкую структуру (подчеркнем, что указание на пространственное размещение во всех случаях предшествует объектам): «Вы же, звѣри, бурья и красныя лисицы, сѣрыя рыси, бусыя росомахи и юнчія звери, бѣлые зайцы, не отпячивайтесь назадъ, не отворачивайтесь ни на правую руку, ни на лѣвую: по правую руку течеть огненная рѣка, а по леву-ту синее море, сзади васъ выстрицы нагоняють, разиня рты, васъ звѣри, ѣсть хотятъ; а впередъ вамъ дана дорога по вашему лисьему слѣду...». Однако остается гадать, когда в рассматриваемом тексте появилась огненная река *Аполевта*: в прочтении В. А. Ивановского или же в источнике, к которому он обращался.

Еще одно место, требующее уточнения, — строка «стану на востокъ лицомъ, на западъ хрестомъ». Выше, в сноске к аналогичной фразе, Н. Н. Виноградов предлагает читать «хребтомъ» [Виноградов, 3, 15]. Именно такое указание следует предполагать и в рассмотренном тексте; ср.: «Стану яз, раб Божий имярек, на землю на восток лицом, а на запад хрестом» [РЗРИ, 476].

Источники

Виноградов Н. Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. (по старинным рукописям и современным записям) : в 3 вып. СПб. : Тип. М-ва путей сообщения (Т-ва И. Н. Кушнерев и К°), 1907–1910.

- Ивановский В. А.* Молитвы, заговоры и духовные стихи, записанные в гор. Онеге. 1886 г. // Архив Русского географического общества. Р. 1. Оп. 1. Ед. хр. 40.
- Пругавин С.* О способе лечения лихорадки простым народом, о происхождении и разделении его по его понятию. 1853 г. // Архив Русского географического общества. Р. 1. Оп. 1. Д. 51.
- ПЦСС — Полный церковнославянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) / сост. Г. Дьяченко. М. : Моск. патриархат Посад, 1993.
- РЗРИ — Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. / сост., подгот. текстов, статьи и коммент. А. Л. Топоркова. М. : Индрик, 2010.

Исследования

- Агапкина Т. А., Березович Е. Л., Сурикова О. Д.* Топонимия заговоров Русского Севера. I: моря и реки. DOI 10.15826/vorq_onom.2018.15.1.004 // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15. № 1. С. 65–114.
- Касаткина Р. Ф.* Еще раз о статусе изменяемой частицы *-то* в севернорусских говорах // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 13 : Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем) / отв. ред. Л. Э. Калнынь. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2008. С. 18–30.

Рукопись поступила в редакцию 07.03.2019

* * *

Алексеева Алина Сергеевна

младший научный сотрудник
отдела древнерусского языка
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2
младший научный сотрудник
отдела типологии и сравнительного
языкознания
Институт славяноведения РАН
119991, Москва, Ленинский пр., 32а
E-mail: alevtina.sergeevna@gmail.com

Alekseeva, Alina Sergeevna

Junior Research Fellow,
Department of Old Russian Language
V. V. Vinogradov Russian Language Institute
of the RAS
18/2, Volkhonka Str., 119019 Moscow, Russia
Junior Research Fellow
Department of Typology and Comparative
Linguistics
Institute of Slavic Studies of the RAS
32a, Leninsky Ave., 119991 Moscow, Russia
Email: alevtina.sergeevna@gmail.com

Alina S. Alekseeva

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS
Institute of Slavic Studies of the RAS
Moscow, Russia

THE ORIGIN OF THE FOLKLORE HYDRONYM *APOLEVTA*

In their article devoted to hydronyms in the oral and handwritten charms of the North Russian, T. A. Agapkina, E. L. Berezovich, and O. D. Surikova comment on the name of a fiery river *Apolevta* assuming that there may exist two copies of the text. The authors suggest that this

river name might either originate from an unestablished Greek word or else, is a case of erroneous usage. The author of the present work argues the existence of one single copy of the text that was published by N. N. Vinogradov in 1910. As regards the hydronym *Apolevta*, the structure of the original text (particularly, the space organization) testifies to an incorrect interpretation by the scribe: in fact, the text uses a short form of the adjective with a postpositive particle *-to* which frequently occurs in North Russian dialects. Thus, the hydronym *Apolevta* is a result of an incorrect reading of the source by V. A. Ivanovsky.

К e y w o r d s: hydronyms, textual criticism, North Russian dialects, Russian North, Russian Geographical Society, Russian folklore, charms.

- Agapkina, T. A., Berezovich, E. L., & Surikova, O. D. (2018). Toponimiiia zagovorov Russkogo Severa. I: Moria i reki [Toponyms in the Charms of the Russian North. I: Seas and Rivers]. *Voprosy onomastiki*, 15(1), 65–114. http://dx.doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.1.004
- Kasatkina, R. F. (2008). Eshche raz o statuse izmeniaemoi chastitsy *-to* v severnorusskikh govorakh [Revisiting the Status of the Variable Particle “to” in North-Russian Dialects]. In L. E. Kalnyn (Ed.), *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii. Vol. 13: Slavianskie dialekty v situatsii iazykovogo kontakta (v proshlom i nastoiashchem)* [Studies in Slavic Dialectology. Vol. 13: Slavic Dialects and Language Contacts] (pp. 18–30). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.

Received on 7 March 2019

DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.012
УДК 811.161.1'374.2:004.7 +
+ 811.161.1'282.2(470.13)

О. В. Загоровская*
С. В. Лесников**

*Воронежский государственный
педагогический университет
Воронеж, Россия

**Институт лингвистических
исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ГОВОРА СЕЛА ЛОЙМА ПРИЛУЗСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ КОМИ В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Статья посвящена актуальным проблемам представления ономастической лексики в современном диалектном словаре. Ставится вопрос об эффективности отражения типологических и содержательных особенностей названного разряда диалектных лексических знаков в автоматизированном диалектном словаре полного типа, включающем в структуру словарных статей целый набор лексикографических зон, в том числе зоны парадигматических и синтагматических сведений и зону дополнительной этнокультурной информации. Названные проблемы рассматриваются на материале создаваемого в настоящее время комплексного автоматизированного «Словаря русского говора села Лойма Прилузского района Республики Коми», который строится на базе машинного варианта рукописного словаря названного говора. В статье характеризуются состав и основные разряды ономастической лексики лоемского говора, включаемой в создаваемый автоматизированный диалектный словарь. Это основные группы антропонимов (индивидуальных и социальных), топонимов (включая ойконимы, гидронимы и различные микропонимы),

© Загоровская О. В., Лесников С. В., 2020

а также некоторые периферийные подгруппы ономастической лексики, представленной в названном говоре (этнонимы, этнохоронимы и др.). Отмечается, что ономастическая лексика лоемского говора характеризуется широко развитой вариативностью и синонимией, присутствием во многих онамах эмоционально-оценочных, экспрессивных и стилистических сем, содержание которых отражает особенности стилистической системы диалекта, отличной от стилистической системы русского литературного языка. Делается вывод о том, что применительно к функционирующим в настоящее время русским говорам подготовку компьютерных версий диалектных словарей, изначально созданных в «бумажном» формате, целесообразно ориентировать не только на сохранение имеющегося диалектного материала, но также на дополнение и структурную перестройку названных словарей в направлении создания многокомпонентных лексикографических продуктов, ориентированных на раскрытие культурологического потенциала всей диалектной лексики, в том числе ономастической.

Ключевые слова: компьютерная лексикография, диалектный компьютерный словарь, говор, ономастическая лексика, словарная статья, лексикографический параметр.

Одной из важнейших задач русистики является сохранение духовной культуры русского народа, запечатленной в словарном составе русского диалектного языка. Сказанное касается всех разрядов словаря русских говоров, в том числе ономастической лексики, широко представленной в названной разновидности национального русского языка и ее отдельных составляющих.

В настоящее время решение задачи сохранения словарного запаса русских территориальных диалектов с учетом всех их формальных и содержательных особенностей все более определенно связывается с подготовкой автоматизированных словарей и автоматизированных баз данных. Диалектная компьютерная лексикография, сформировавшаяся в отечественной лингвистике в конце 1980-х — начале 1990-х гг. [Загоровская, 1990; 2012], благодаря ее неоспоримым преимуществам в ускорении обработки словарных и текстовых материалов и возможностям «параметризации» всех составляющих плана содержания и плана выражения словесных знаков постепенно выдвигается в число центральных направлений диалектного словаростроения. При этом идеи диалектной компьютерной лексикографии распространяются не только на новые диалектологические проекты, но и на те, которые начинались вне связи с использованием компьютерных технологий. Сказанное касается в том числе современных масштабных работ по оцифровке многих «бумажных» диалектных словарей, включая крупнейший отечественный продукт русской диалектной лексикографии — сводный «Словарь русских народных говоров» [СРНГ], а также проводимых научно-исследовательских работ по созданию гипертекстового свода русской диалектной лексики [Лесников, 1995; 2018a] и цифрового корпуса академических толковых словарей русского языка [Лесников, 2018b; 2019].

Признавая высокую культурную и социальную значимость подготовки компьютерных версий диалектных словарей, изначально созданных в традиционном

«бумажном» формате, а также значимость формирования сводных гипертекстовых словарных баз русских народных говоров, следует отметить, что подобные разработки могут быть ориентированы также на значительное дополнение имеющихся лексикографических произведений и их структурную перестройку с целью создания многокомпонентных лексикографических продуктов с разветвленной структурой словарной статьи, позволяющей фиксировать самые разные аспекты значения и употребления словесных знаков, включать в словарь дополнительные этнокультурные сведения и т. п. Сказанное в первую очередь касается работ по созданию словарей «живых» диалектов.

Правомерность приведенного утверждения подтверждается опытом нашей работы над компьютерным «Словарем русского говора села Лойма Прилузского района Республики Коми» (далее — АСРГЛ). Данный словарь в настоящее время создается на базе компьютерного варианта рукописного словаря названного говора, который представляет собой один из хорошо сохранившихся образцов севернорусского наречия (об особенностях названного говора см. [Загоровская, 1990, 12–16; Бунчук, 2014, 14–28]).

Работы по подготовке рукописного «Словаря русского говора села Лойма» были начаты еще в середине 1970-х гг. на кафедре русского языка Сыктывкарского государственного университета в связи с исследованиями, ориентированными на создание сводного «Словаря русских говоров Коми Республики и сопредельных областей», а позже — в связи с подготовкой автоматизированного сводного словаря названных говоров [Загоровская, Лесников, 1988; Лесников, 1989; 1995; Лесников, Загоровская, 1988]. К 1991 г. под руководством О. В. Загоровской была подготовлена рукописная версия дифференциального словаря названного говора и значительная часть материалов соответствующего полного словаря, включающего не только собственно диалектные лексемы, но и общенародные (литературные и просторечные), входящие в данное диалектное образование. В последующем С. В. Лесниковым была сконструирована компьютерная версия дифференциального словаря лоемского говора, формирование которой продолжалось вплоть до 2018 г. в том числе в рамках проектов по подготовке гипертекстового генерального свода лексики русского языка и гипертекстовой интеграции региональных словарей русского языка [см., например: Лесников, 1997; 2002; 2004; см. также: Булыгина и др., 2017].

Подготовка полного словаря говора села Лойма проводилась в рамках разработанной О. В. Загоровской концепции лексикографической семантизации диалектного слова в многоаспектном автоматизированном диалектном словаре [Загоровская, 1990; 2011] на основе специально сконструированной формальной грамматики, предполагающей четкое соотнесение тех или иных компонентов формы и семантики диалектного слова с соответствующими лексикографическими параметрами, представленными в виде набора лексикографических зон [Загоровская, Лесников, 1988; Загоровская, 1990, 260–262].

В ходе работ по подготовке автоматизированного дифференциального словаря русского говора села Лойма и автоматизированного полного словаря названного говора (АСРГЛ) было выявлено значительное количество ономастической лексики в анализируемой языковой системе и определены ее особенности.

Проведенный анализ названного лексического массива позволяет утверждать, что ономастическая лексика лоемского говора включает в себя единицы самых разных типологических групп, наиболее многочисленными среди которых являются антропонимы и топонимы, характеризующиеся в системе лоемского говора значительным своеобразием.

В составе антропонимов говора с. Лойма, как и следовало ожидать, широко представлены не только личные имена, но и прозвища. При этом среди личных имен, помимо полных имен различного происхождения (*Григорий, Иван, Павел, Силантий, Онаний, Прасковья, Лидия, Галина, Глафира* и др.), весьма распространены гипокористические (уменьшительные) онимы, образованные различными морфологическими способами (прежде всего — способами усечения производящей основы и суффиксации: *Евдя / Овдя < Евдокия, Палага < Пелагея, Лидя / Лидийка < Лидия, Любаха / Любасья < Любовь, Федюня / Федос < Федор; Петруха / Петруша / Петра < Петр; Пашко < Павел; Киприша < Киприян*, и т. п.). Важно отметить, что подобные онимы являются в системе исследуемого говора эмотивно и стилистически нейтральными и не имеют каких-либо социально-стилистических характеристик, включая возрастные и гендерные, что доказывается результатами не только контекстуального анализа диалектных текстов, но и результатами направленных психолингвистических экспериментов и материалами анкетирования носителей исследуемого говора (ср. также выводы о стилистической нейтральности гипокористических онимов говора с. Лойма в работе [Бунчук, Прописнова, 2015, 12–16]).

Среди прозвищных номинаций, принятых в русском говоре с. Лойма, разграничиваются индивидуальные и коллективные. В первой из названных групп особенно выделяются индивидуальные патронимические наименования, образованные от личных имен родителей, в том числе довольно часто — от личного имени матери (*Галишина < Галина, Любавишина < Любовь, Палагин < Пелагея*; ср. также женские прозвища, образованные от имени отца: *Сашиха < Саша, Ваниха < Ваня*). Названным номинациям противостоят так называемые социальные индивидуальные прозвища, отражающие отношение членов социума к человеку, образованные от самых разных апеллятивов и характеризующие лицо по физическим качествам, чертам характера, поведению, профессии, роду занятий, происхождению и т. п.: *Колобок* — прозвище полного человека, *Немой* — прозвище глухонемого человека, *Потка* — прозвище очень подвижного человека (< *потка* ‘птица’), *Уленка* — прозвище женщины из д. Ула. Коллективные прозвища в ономастическом поле лексики с. Лойма также представлены двумя основными видами: прозвищами «семейными», образованными от имени

родоначальника семьи или от его индивидуального прозвища (ср., например: *Мишихины* < *Миша*, *Степкины* < *Степка*, *Петрушонки* < *Петрушонок*), и прозвищами «территориальными», образованными от наименований территорий: *Верхокона* / *Чуны* / *Чупенки* — прозвища жителей верхней части с. Лойма, *Жебовчи* — прозвище жителей д. Жебовская, *Пентюрята* — прозвище жителей д. Пентюра. В ономастической системе лоемского говора функционируют также коллективно-территориальные прозвища, именующие людей, объединенных семейным родством и местом проживания [см. об этом: Бунчук, Прописнова, 2015]. При этом среди социальных индивидуальных прозвищ и прозвищ коллективных отмечается немало эмоционально-оценочных и экспрессивных онимов.

Топонимы в составе лексики русского говора с. Лойма также оказываются весьма разнообразными и включают в себя несколько групп, в том числе: а) ойконимы (ср., например, названия сел *Лойма*, *Спасоруб*, *Летка*, *Ношуль*, *Вёхра* и др.; названия городов: *Ухта*, *Сыктывкар*, *Усинск*, *Устюг* и др.; названия сел и деревень *Гарь*, *Запольская* (офиц.) / *Заполье* (неоф.), *Денисовская* (офиц.) / *Явленская* (неоф.), *Борисовская*, *Тарасовская*, *Занёнки*, *Петковчи*, *Ула*, *Козловская* (офиц.) / *Ракенская* (неоф.) / *Октябрь* (неоф., устар.) и др.); б) гидронимы (ср., например, названия рек *Луза*, *Печора*, *Виледь*, *Котельница*, *Шехонь*, название озера *Тарасовское*); в) микротопонимы различных тематических разрядов (ср., например: *Прилузье* / *Полузье* — места по р. Луза, *Запесочье* — место у реки в нижней части с. Лойма; *Исаковицина* — часть села по имени одного из бывших жителей и др.). Каждый из названных разрядов топонимической лексики анализируемого диалекта включает в себя целые ряды синонимических и вариантных номинаций одной и той же реалии, которые могут различаться стилистическими характеристиками «официальное» / «неофициальное», «старое» («устаревшее») / «новое», этимологией и производящими основами (данная особенность характерна особенно для микротопонимов), а также словообразовательными морфемами.

Следует отметить, что в исследуемом говоре достаточно широко представлены и многие периферийные разряды ономастической лексики, в том числе геортонимы (*Ильин день*, *Кириллов день*, *Успенье* / *Успеньев день*, *Спасов день*, *Заговенье* / *Яичное Заговенье* / *Яичная Заговень*, *Рождество*, *Похмельный день* — второй день свадебного обряда и др.), культонимы (*Создатель*, *Бог*, *Богородица*, *Спаситель* и др.), хоронимы (*Вятская губерния*, *Архангельская область*, *Коми Республика* и др.), хрононимы (*Первая мировая война*, *Отечественная война* и др.), прагматонимы (колхоз «*Серп и молот*», колхоз «*Октябрь*» и др.) (о значении названных ономазиологических терминов, многие из которых вызывают серьезные разногласия и не имеют общепринятого толкования, см. [Подольская, 1988]).

В целом анализ ономастической лексики русского говора с. Лойма свидетельствует не только об ее типологическом разнообразии, но и о целом ряде языковых и лингвокультурных особенностей, к числу которых относятся: высокая степень развития в ономастической системе названного говора вариантности и синонимии;

широкая распространенность среди личных имен гипокористических онимов, которые могут именовать носителей говора любого возраста и гендерной отнесенности и не имеют в своей семантике выраженных сем эмотивности, экспрессивности и стилистической сниженности; высокая степень представленности родовых патронимических прозвищ, образованных от имени матери, и «коллективно-территориальных» прозвищ, омонимичных соответствующим топонимическим номинациям; наличие во многих онимах выраженных стилистических сем, содержание которых отражает особенности стилистической системы диалекта, отличной от стилистической системы русского литературного языка (о стилистических особенностях диалектной лексики и стилистической системе народных говоров см. [Загоровская, 2011, 201–214; Загоровская, и др., 2015]).

Очевидно, что названные характеристики ономастической системы лоемского говора, тесно связанные с особенностями духовной культуры и языкового сознания его носителей, с необходимостью должны находить отражение в создаваемом автоматизированном словаре названного языкового образования и в содержании его словарных статей.

В настоящее время АСРГЛ формируется как комплексный диалектный словарь полного типа, представляющий собой функционирующую в компьютерной среде совокупность четырех баз данных (далее — БД): автоматического словника, лексикографической базы данных, иллюстративно-текстовой базы (автоматический конкорданс) и специализированной базы программного обеспечения. Центральной частью АСРГЛ является его лексикографическая БД, представляющая собой массив словарных статей создаваемого словаря. В соответствии с используемыми теоретической концепцией и формальной грамматикой в структуру словарных статей АСРГЛ включается целый набор лексикографических зон, в том числе содержательные, формально-содержательные и формальные. При этом в состав содержательных лексикографических зон входят не только традиционные зоны дефиниции, эмотивных (эмоционально-оценочных) характеристик и иллюстраций, но и системно представляемые зоны стилистических характеристик лексических знаков, зоны парадигматических, синтагматических и деривационных связей включенных в словарь лексических единиц, а также зоны этимологии и дополнительных этнокультурных сведений. В состав формально-содержательных и формальных лексикографических зон АСРГЛ входят зоны грамматических характеристик, формальной вариантности, принадлежности слова к общенародной, диалектной или диалектно-просторечной лексике, справочно-библиографическая зона, содержащая информацию о словарях, в которых отражен данный лексический знак, зона служебных сведений с указанием места сбора материала и времени его записи и некоторые другие [подробнее см.: Загоровская, 2011, 307–320; Загоровская, Лесников, 1988].

Подготовка словарных статей АСРГЛ применительно к ономастической лексике осуществляется следующим образом.

В зоне дефиниции того или иного онима, включенного в АСРГЛ, раскрывается содержание денотативного (понятийного) компонента значения данного языкового знака с указанием на его типологический разряд, который обозначается без использования специальных ономастических терминов (используются обозначения «личное имя», «прозвище», «название города», «название деревни», «название реки», «название религиозного праздника» и т. п.). Во многих случаях приводится информация и о подразряде ономастической группы (уменьшительное имя, уменьшительное мужское имя, коллективное прозвище, прозвище по имени матери и др.). Ср., например: *Любаха* (*Любасья*, *Люба*) — женское уменьшительное имя от полного имени *Любовь*; *Любавишна* — женское прозвище от личного имени матери *Любовь* (*Люба*); *Сашиха* — женское прозвище от личного имени мужа *Александр* (*Саша*); *Окся* — женское уменьшительное имя от полного имени *Аксинья*; *Палагин* — мужское прозвище от личного имени матери *Пелагея* (*Палага*).

В зоне вариантов указываются вариантыные формы онима, представленные в системе лоемского говора, в том числе фонетические, фонематические и грамматические, включая словообразовательные. Ср., например: *Овдя* — *Евдя*; *Лидийка* — *Лидя*; *Марика* — *Машиа*; *Любаха* — *Любасья* — *Люба*; *Степан* — *Стёпа* — *Степахя*; *Заполье* — *Запольская* (название деревни); *Верхокона* — *Верхохона* (прозвище жителей верхней части с. Лойма). При этом на первом месте даются наиболее частотные варианты номинаций.

В зоне грамматических характеристик онима содержатся его частеречная и собственно грамматическая характеристики. Ср.: *Запольская* (название деревни) — сущ., жен. р.; *Гришонки* (название деревни) — сущ., мн. ч.; *Уляха* (женское уменьшительное имя от *Ульяна*, *Уля*) — сущ., жен. р.; *Пашико* (мужское уменьшительное имя от полного имени *Павел*, *Пашиа*) — сущ., муж. р.; *Валько* (мужское уменьшительное имя от полного имени *Валентин*, *Валя*) — сущ., муж. р.

В зоне эмотивных характеристик фиксируется наличие или отсутствие положительной или отрицательной эмоциональной оценочности в семантике данного онима в системе лоемского говора. Ср.: *Сергуня* (мужское уменьшительное имя от личного имени *Сергей*) — эмоционально нейтральное, безоценочное; *Бахвал* (прозвище хвастливого человека) — неодобрительное, с отрицательной оценкой; *Бранёнок* (прозвище скандального человека, склонного к брани) — презрительное, с отрицательной оценкой; *Уляха* — эмоционально нейтральное, безоценочное; *Гендос* (мужское уменьшительное имя от мужского имени *Геннадий*) — эмоционально нейтральное, безоценочное.

В зоне стилистических характеристик лоемских онимов раскрывается содержание их функционально-стилистических, социально-стилистических и темпорально-стилистических сем. Первый тип стилистических характеристик онимов соотносится в АСРГЛ с их принадлежностью к определенному функциональному стилю народного говора, прежде всего к обиходно-разговорному,

официально-культурному или народно-поэтическому [Загоровская, 2011, 201–205]. Ср.: *Ульяна* (личное имя) — официально (официально-культурное) // *Уляха* — обиходно-разговорное; *Запольская* (название деревни) — официально (официально-культурное) // *Заполье* — обиходно-разговорное. Второй тип стилистических характеристик отражает закрепленность онима за определенной социально-возрастной или гендерной группой носителей говора, пользующейся определенным типом диалектной речи. Наиболее показательной в данном отношении является информация о принадлежности онима или к традиционной диалектной речи, которой пользуются представители старшего поколения, или к переходному типу диалектной речи, свойственному более молодым носителям лоемского говора [Загоровская, 2011, 209–210]. Ср.: *Евлалия* (*Евлалика*) (личное имя) — характерно для речи представителей старшего поколения носителей лоемского говора; *Полина* (*Поля*) (личное имя) — характерно для более молодых носителей говора. Темпорально-стилистические характеристики онимов в АСРГЛ указывают на их отнесенность к разряду устаревших, темпорально-нейтральных или новых. Ср.: «*Октябрь*» (название колхоза) — устаревшее.

В зоне парадигматических связей представлена информация о синонимах и омонимах включенных в словарь ономастических номинаций. Ср.: *Верхоконы* (*Верхоконы*) — *Верхохонские Чуны* (прозвище жителей верхней части с. Лойма); *Шорошонки* — *Вотинская* (название части деревни по прозвищу жителей — официальное название деревни); *Петрушонки* (семейное прозвище) — *Петрушонки* (название части деревни).

В зоне синтагматических связей ономастической лексики, представленной в АСРГЛ, содержится информация прежде всего о фразеологической сочетаемости номинаций названного разряда и, соответственно, о фразеологизмах в системе ономастических наименований лоемского говора. Ср.: *Чуны* (одно из прозвищ жителей верхней части с. Лойма) — *Верхоконские Чуны*; *Гришонки* (прозвище жителей деревни) — *Гришонки Потёмки*. В зоне деривационных связей дается информация о словообразовательных возможностях тех или иных онимов. Ср.: *Пётр* > *Петруша* > *Петрушонки* (семейное прозвище по уменьшительному имени отца); *Петр* > *Петруша* > *Петрушиха* (женское прозвище по уменьшительному имени мужа) > *Петрушихин* (мужское прозвище по прозвищу матери); *Пётр* > *Петруха* > *Петрухин* (мужское прозвище по уменьшительному имени отца); *Михаил* > *Миша* > *Мишиха* (женское прозвище по уменьшительному имени мужа) > *Мишихины* (семейное прозвище по прозвищу матери); *Любовь* > *Люба* > *Любавишина* (женское прозвище по уменьшительному имени матери); *Василиса* > *Вася* > *Васюха* (женское уменьшительное имя).

В зоне иллюстраций приводятся контексты употребления онима, ориентированные на максимальное раскрытие его плана содержания с учетом не только денотативного, но и эмотивного, а также стилистического компонентов значения. Ср.: *Овдя* (женское уменьшительное имя от полного имени *Евдокия*) — «Мама была

по-деревенски Овдя, а по-культурному-то Евдокия. Да так её и не называли-то»; *Тарасовская* (название деревни) — «Наша деревня Тарасовская называется, а по-народному Ивлёнская. Тарасовская-то — это официально, а Ивлёнская называется, потому что очень много там было с фамилией Иевлевы»; *Олёксиха* (женское личное прозвище по имени мужа) — «Отец у меня Олёкса был, так маму Олёксихой звали»; *Васюха* (женское прозвище по имени мужа, эмоционально и оценочно нейтральное) — «Васюха-то простое имя, когда и ласковое, не ругательное. Моя тётка Васюха очень добрая была, всё нас жалела».

Зона этимологии в словарных статьях, посвященных ономастической лексике лоемского говора, включает в себя информацию о происхождении тех или иных ономастических номинаций. Ср.: *Чужмаровы* (фамилия) — от коми *чужмёр* ‘горноста́й’; *Чуны* — от лоемского диалектизма *чун* ‘грязный человек, грязнуля’; *Мотас* (прозвище непоседливого человека) — от глагола *мотаться*; *Повоцина* (коллективно-территориальное прозвище жителей центральной части с. Лойма) — от слова *погост* (погост у церкви в центре села); *Костёнки* (семейное прозвище) — от мужского имени основателя семьи — *Костя* (*Константин*).

В зону дополнительных этнокультурных сведений словарных статей ономастической лексики АСРГЛ включается информация историко-культурологического характера, которая может представлять в том числе научные сведения о соответствующих реалиях и их номинациях, информацию об особенностях восприятия онимов языковым сознанием носителей лоемского говора, сведения об особенностях употребления данных языковых единиц, а также сведения о своеобразии соответствующих фрагментов региональной картины мира, репрезентированной теми или иными ономастическими языковыми знаками. Ср.: *Вилежанины* (фамилия жителей с. Лойма) — относится к древнейшим лоемским фамилиям, зафиксированным в документах XVII–XVIII вв. [см. об этом: Жеребцов, 2000, 208–209]; *Палагин* (мужское прозвище по уменьшительному имени матери *Палага*) — подобные прозвища, образованные от уменьшительных личных имен матерей, получили особенно широкое распространение в лоемском говоре в послевоенное время, когда заботы о детях практически полностью легли на плечи женщин; *Любавишна* (женское прозвище от уменьшительного женского имени *Люба*) — как и большинство подобных прозвищ, образованных от имени матери, среди носителей говора старшего поколения использовалось значительно чаще уменьшительного имени и выступало ведущим и основным в паре «прозвище по матери — уменьшительное имя»; *Петрушонки* (название части деревни) — дано по семейному прозвищу для наименования части деревни, где живут представители разных поколений одной семьи, связанные родственными отношениями; подобные наименования широко распространены в лоемском говоре.

Важно отметить, что в зону дополнительных этнокультурных сведений словарных статей АСРГЛ, так же как и в зону иллюстраций, может быть включен любой объем имеющихся у составителей данных. Подобная возможность

определяется самим форматом автоматизированного словаря, не имеющего ограничений в размере включаемой в словарь информации и позволяющего пользователю самому определять необходимый ему объем сведений при запросе. Именно такой подход, как представляется, в наибольшей степени позволяет раскрыть в диалектном словаре культурологический потенциал ономастической лексики как значимой части словарного состава той разновидности русского диалектного языка, которой посвящено данное лексикографическое произведение.

Работа по формированию словарных статей АСРГЛ осуществляется как в автоматическом, так и в интерактивном режимах. В автоматическом режиме с использованием специальных программ заполняются те лексикографические зоны, которые предполагают простую сортировку данных (например, зоны иллюстраций, района сбора материала, номера омонима и т. п.). Заполнение же содержательных лексикографических зон, требующее обращения к внеязыковой действительности и проведения сложного анализа диалектного материала, происходит в интерактивном режиме, но во многих случаях с помощью имеющихся или специально подготовленных БД. Отмеченное обстоятельство объясняется тем очевидным для составителей АСРГЛ фактом, что данные гуманитарных наук обладают сложно формализуемой семантикой, а субъект-исследователь всегда был и остается центральной фигурой в лексикографии, в том числе диалектной и ономастической.

Как показывают результаты проведенных исследований, работа с АСРГЛ в режиме диалога, неограниченные возможности корректировки словаря и его пополнения новыми языковыми материалами, а также полученными в ходе научных изысканий новыми данными об особенностях отраженной в лексике лоемского говора языковой картины мира, включая ее ономастическую составляющую, приближают названный словарь к типу универсальных диалектных словарей, способных репрезентировать самые разные аспекты семантики диалектного слова и особенности материальной и духовной культуры носителей данного диалекта.

Источники

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, 1988.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетова (вып. 23–42), С. А. Мызникова (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

Исследования

Булыгина Д. С., Лесников Г. С., Лесников С. В. Фрагмент дифференциального словаря русского говора села Лойма Прилузского района Республики Коми // Современная русская лексикография и лингвогеография. 2017 : сб. ст. / отв. ред. О. Н. Крылова. СПб. : Нестор-История, 2017. С. 48–90.

Бунчук Т. Н. Языковой портрет говора села Лойма Прилузского района Республики Коми // Научный диалог. 2014. № 4 (28). Филология. С. 6–29.

- Бунчук Т. Н., Прописнова Е. Л. Антропонимическая система села Лойма // Научный диалог. 2015. № 9 (45). С. 8–30.
- Жеребцов И. Л. Где ты живешь: населенные пункты Республики Коми : ист.-демогр. справочник. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2000.
- Загоровская О. В. Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии. М. : ИРЯ АН СССР, 1990.
- Загоровская О. В. Проблемы общей и диалектной семасиологии и лексикографии. Воронеж : Научная книга, 2011.
- Загоровская О. В. Становление диалектной компьютерной лексикографии в отечественной лингвистике // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2012. № 1. С. 10–17.
- Загоровская О. В., Лесников С. В. Виды лексикографической информации в автоматическом словаре русских говоров Коми АССР и сопредельных областей // Машинный фонд русского языка : предпроектные исследования / отв. ред. Ю. Н. Караулов. М. : ИРЯ АН СССР, 1988. С. 64–70.
- Загоровская О. В., Литвинова Т. А., Бирюкова Е. Д. Стилистические характеристики слова в диалектном компьютерном словаре наименований лиц в воронежских говорах // Научный диалог. 2015. № 12 (48). С. 60–69.
- Лесников С. В. Архитектоника АЛС «ГОВОР» // III Всесоюзная конференция по созданию машинного фонда русского языка : тез. докл. М. : ИРЯ АН СССР, 1989. Ч. 2. С. 7–8.
- Лесников С. В. Диалектные словари: материалы для гипертекста «ГОВОР». (Альманах «ГОВОР». 1995. № 1 (1)).
- Лесников С. В. Компьютерный словарь русского говора села Лойма Прилузского района Республики Коми // Коми ЦНТИ. 1997. ИЛ № 6–97. Сер. Р.16.31.02.
- Лесников С. В. Словарь русских словарей. М. : Азбуковник, 2002.
- Лесников С. В. Системный словарь русского говора села Лойма Прилузского района Республики Коми // Проблемы современной русской диалектологии : тез. докл. междунар. конф. 23–25 марта 2004 г. М. : ИРЯ РАН, 2004. С. 92–94.
- Лесников С. В. Конструирование гипертекстового свода лексики народных говоров русского языка // Актуальные проблемы русской диалектологии : материалы междунар. конф. (26–28 октября 2018 г.) / отв. ред. О. Е. Кармакова. М. : ИРЯ РАН, 2018а. С. 148–149.
- Лесников С. В. Конструирование информационно-поискового свода академических словарей русского языка (Свод АСРЯ) // Лексический атлас русских народных говоров : материалы и исследования. 2018 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб. : ИЛИ РАН, 2018б. С. 226–257.
- Лесников С. В. Академический словарный корпус /АСК/ русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность : VI Междунар. конгресс исследователей русского языка (Москва, 20–23 марта 2019 г.) : труды и материалы / под общ. ред. М. Л. Ремневой, О. В. Кукушкиной. М. : МГУ, 2019. С. 213–214.
- Лесников С. В., Загоровская О. В. Формальная грамматика словарной статьи автоматического словаря русских говоров Коми АССР и сопредельных областей /АСРГКА/ // II Всесоюзная конференция по созданию машинного фонда русского языка : материалы конф. М. : ИРЯ АН СССР, 1988. С. 107–119.

Рукопись поступила в редакцию 11.04.2019

СОКРАЩЕНИЯ

неоф. неофициальный

* * *

Загоровская Ольга Владимировна

доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка, современной
русской и зарубежной литературы
Воронежский государственный
педагогический университет
394043, Воронеж, ул. Ленина, 86/3, ауд. 210
E-mail: olzagor@yandex.ru

Лесников Сергей Владимирович

кандидат филологических наук, доцент,
ведущий специалист отдела лексикографии
современного русского языка
Институт лингвистических исследований
РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9
E-mail: serg@lsw.ru

Zagorovskaya, Olga Vladimirovna

DrHab, Professor, Department of the Russian
Language, Modern Russian and Foreign
Literature
Voronezh State Pedagogical University
86/3 Lenina Str., office 210, 394043 Voronezh,
Russia
Email: olzagor@yandex.ru

Lesnikov, Sergei Vladimirovich

PhD, Associate Professor, Leading Specialist
Department of the Lexicography of the Modern
Russian Language
Institute for Linguistic Studies of the RAS
9, Tuchkov Ln., 199053 St Petersburg, Russia
Email: serg@lsw.ru

Olga V. Zagorovskaya***Sergei V. Lesnikov****

*Voronezh State Pedagogical University
Voronezh, Russia

**Institute for Linguistic Studies of the RAS
St Petersburg, Russia

**ONOMASTIC VOCABULARY OF THE LOYMA SUB-DIALECT
(KOMI REPUBLIC) AND CONTEMPORARY DIALECTAL LEXICOGRAPHY**

The article tackles current problems of onomastic data presentation and correct delivering of its typological and semantic features in a modern dialectal dictionary. This particularly refers to a comprehensive electronic dialectal dictionary which covers a whole set of lexicographic fields of an article's microstructure, including paradigmatic, syntagmatic, and additional ethnocultural information. The case is observed with the currently developed electronic *Dictionary of the Russian Sub-dialect of Loyma Village of the Priluzsky District of the Komi Republic* that builds on a machine-based version of the original dictionary. The authors proceed from describing the composition and the main categories of the onomastic vocabulary of the target (Loyma) sub-dialect: major groups of personal names (individual and social), toponyms (including names of cities, water bodies, and various microtoponyms), as well as some peripheral categories of proper names (names of peoples, local residents, etc.). It is noted that the onomastic vocabulary of the Loyma dialect shows a number of peculiar traits, such as extensive variability and synonymy, high incidence of emotional, evaluative, expressive, and stylistic features which reflect the specificity of the sub-dialect's stylistic system distinctive from that of the standard Russian language. It is concluded that dealing with "living" Russian dialects, the task of creating computer-based versions of hard-copy dictionaries relates not

only to the preservation of existing dialectal material but also to the addition and restructuring of these dictionaries to create multi-purpose lexicographic products, tapping cultural potential of the entire dialect, both the onomastic and the lexical.

К е у о р д с: computational lexicography, electronic dialectal dictionary, dialect, onomastic lexicon, dictionary entry, dictionary parameter.

- Bulygina, D. S., Lesnikov, G. S., & Lesnikov, S. V. (2017). Fragment differentsial'nogo slovaria russkogo govora sela Loyma Priluzskogo raiona Respubliki Komi [Excerpt from the Differential Dictionary of Russian Dialect of the Village of Loyma, Priluzsky District of the Komi Republic]. In O. N. Krylova (Ed.), *Sovremennaia russkaia leksikografiia i lingvogeografiia. 2017* [Modern Russian Lexicography and Linguistic Geography. 2017] (pp. 48–90). St Petersburg: Nestor-Istoriia.
- Bunchuk, T. N. (2014). Iazykovoii portret govora sela Loyma Priluzskogo raiona Respubliki Komi [Linguistic Picture of the Dialect of the Village of Loyma in the Priluzsky Region of the Komi Republic]. *Nauchnyi dialog*, 4, 6–29.
- Bunchuk, T. N., & Propisnova, E. L. (2015). Antroponimicheskaia sistema sela Loyma [Anthroponymic System of the Village of Loyma]. *Nauchnyi dialog*, 9, 8–30.
- Lesnikov, S. V. (1989). Arkhitektonika ALS “GOVOR” [The Structure of the ALS “GOVOR”]. In *III Vsesoiuznaia konferentsiia po sozdaniiu mashinnogo fonda russkogo iazyka* [The 3rd All-Union Conference on Creation of a Machine-Based Corpus of the Russian Language] (Iss. 2, pp. 7–8). Moscow: IRIa AN SSSR.
- Lesnikov, S. V. (1995). Dialektnye slovari: materialy dlia giperteksta GOVOR [Dialectal Dictionaries: GOVOR Hypertext Data]. *Al'manakh “GOVOR”*, 1(1).
- Lesnikov, S. V. (2002). *Slovar' russkikh slovarei* [A Dictionary of Russian Dictionaries]. Moscow: Azbukovnik.
- Lesnikov, S. V. (2004). Sistemnyi slovar' russkogo govora sela Loyma Priluzskogo raiona Respubliki Komi [Systemic Dictionary of Russian Dialect of the Village of Loyma, Priluzsky District of the Komi Republic]. In *Problemy sovremennoi russkoi dialektologii* [Problems of Contemporary Russian Dialectology] (pp. 92–94). Moscow: IRIa RAN.
- Lesnikov, S. V. (2018a). Konstruirovaniie gipertekstovogo svoda leksiki narodnykh govorov russkogo iazyka [Designing a Hypertext Vocabulary of Folk Dialects of the Russian Language]. In O. E. Karmakova (Ed.), *Aktual'nye problemy russkoi dialektologii: materialy mezhdunar. konf. (26–28 oktiabria 2018 g.)* [Topical Problems of Russian Dialectology: Proceedings of the International Conference (October 26–28, 2018)] (pp. 148–149). Moscow: IRIa RAN.
- Lesnikov, S. V. (2018b). Konstruirovaniie informatsionno-poiskovogo svoda akademicheskikh slovarei russkogo iazyka (Svod ASRIa) [Designing the Information Retrieval Corpus of Academic Dictionaries of the Russian Language (ASRIa)]. In S. A. Myznikov (Ed.), *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov: materialy i issledovaniia. 2018* [Lexical Atlas of Russian Dialects] (pp. 226–257). St Petersburg: ILI RAN.
- Lesnikov, S. V. (2019). Akademicheskii slovarnyi korpus /ASK/ russkogo iazyka [Corpus of Academic Dictionaries of the Russian Language]. In M. L. Remneva, & O. V. Kukushkina (Eds.), *Russkii iazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [The Russian Language: History and Modernity] (pp. 213–214). Moscow: MGU.
- Lesnikov, S. V., & Zagorovskaya, O. V. (1988). Formal'naia grammatika slovarnoi stat'i avtomaticheskogo slovaria russkikh govorov Komi ASSR i sopredel'nykh oblastei /ASRGKA/ [Formal Grammar of a Dictionary Article in an Automatic Dictionary of the Russian dialects of the Komi Autonomous Soviet Socialist Republic and Adjacent Areas]. In *II Vsesoiuznaia konferentsiia po sozdaniiu mashinnogo fonda russkogo iazyka: materialy konferentsii* [The 2nd All-Union Conference on Creation of a Machine-Based Corpus of the Russian Language] (pp. 107–119). Moscow: IRIa AN SSSR.

- Zagorovskaya, O. V. (1990). *Semantika dialektного слова i problemy dialektной лексикografii* [Semantics of the Dialect Word and Problems of Dialectal Lexicography]. Moscow: IRIa AN SSSR.
- Zagorovskaya, O. V. (2011). *Problemy obshchei i dialektной semasiologii i leksikografii* [Problems of General and Dialectal Semasiology and Lexicography]. Voronezh: Nauchnaia kniga.
- Zagorovskaya, O. V. (2012). Stanovlenie dialektной komp'uternoi leksikografii v otechestvennoi lingvistike [Formation of Dialectal Computer Lexicography in Russian Linguistics]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia"*, 1, 10–17.
- Zagorovskaya, O. V., & Lesnikov, S. V. (1988). Vidy leksikograficheskoi informatsii v avtomaticheskom slovare russkikh govorov Komi ASSR i sopredel'nykh oblastei [Types of Lexicographic Information in the Automatic Dictionary of Russian Dialects of the Komi Autonomous Soviet Socialist Republic and Adjacent Areas. In Yu. N. Karaulov (Ed.), *Mashinyi fond russkogo iazyka: predproektnye issledovaniia* [Machine-Based Corpus of the Russian Language: Pre-design Research] (pp. 64–70). Moscow: IRIa AN SSSR.
- Zagorovskaya, O. V., Litvinova, T. A., & Biriukova, E. D. (2015). Stilisticheskie kharakteristiki slova v dialektnom komp'uternom slovare naimenovanii lits v voronezhskikh govorakh [Stylistic Features of a Word in a Dialectal Electronic Dictionary of Personal Names of Voronezh Dialects]. *Nauchnyi dialog*, 12, 60–69.
- Zherebtsov, I. L. (2000). *Gde ty zhivesh': naseლennye punkty Respubliki Komi: istoriko-demograficheskii spravochnik* [The Place Where you Live: Settlements of the Republic of Komi: A Historical Demographic Reference Book]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo.

Received on 11 April 2019

DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.013
УДК 811.112.2'373.23:004 + 004.774-026.12 +
+ 316.772.5

В. В. Казяба
Северный (Арктический) федеральный
университет им. М. В. Ломоносова
Северодвинск, Россия

К ВОПРОСУ ОБ ОТБОРЕ МАТЕРИАЛА ДЛЯ АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НИКНЕЙМОВ (на примере немецкоязычного интернет-сегмента)

Статья посвящена основной антропонимической единице интернет-коммуникации — никнейму, который является обязательной составляющей виртуальной личности, результатом сложного психолингвистического процесса самономинации. Дается обзор ключевых отечественных и зарубежных трудов, посвященных данной проблематике. Автор приходит к выводу: никнейм по-прежнему остается малоизученным, что во многом обусловлено его специфическими свойствами, затрудняющими исследования. В статье делается акцент на проблемных вопросах, возникающих на этапе отбора материала для антропонимического изучения никнеймов. Дискуссионные позиции выведены в результате аналитической работы с актуальными научными изысканиями по теме, а также эмпирическим путем в ходе почти десяти лет исследований антропонимов немецкоязычных виртуальных коммуникантов. В качестве первой дилеммы рассматривается вопрос о необходимости привлечения вспомогательного материала (персональных данных пользователя, продуктов его коммуникативной деятельности в интернете) для достоверного анализа и интерпретации никнеймов. Обсуждается необходимость и роль таких методов, как контент- и дискурс-анализ виртуальной личности, опрос и интервьюирование информантов, для формирования полноценной исследовательской картотеки никнеймов. Основным способом отбора фактологического материала признается случайная выборка, количественный объем которой также представляется дискуссионным аспектом. В статье освещаются подходы к решению данной проблемы разными исследователями

© Казяба В. В., 2020

никнеймов и предлагается социолингвистическое обоснование минимума, обеспечивающего репрезентативность выборки никнеймов. В завершении статьи затрагивается вопрос об источниках отбора материала. Автор заключает, что безусловной тенденцией в антропонимических исследованиях никнеймов является изучение именных единиц, функционирующих в рамках одного конкретного интернет-сервиса.

Ключевые слова: антропоним, интернет-коммуникация, никнейм, имя собственное, самономинация, методы лингвистических исследований, немецкий язык.

Общение в интернете давно стало объектом изучения для языковедов всего мира, которым на сегодняшний день удалось достичь весомых результатов в области анализа и описания дискурсивных, словообразовательных, структурных, функционально-семантических, жанрово-стилистических, семиотических и иных особенностей онлайн-взаимодействия пользователей [Ахренова, 2013, 25]. Но вместе с этим именная система интернета до сих пор остается в значительной степени неизведанной. Еще в начале наступившего миллениума в научных изысканиях подчеркивалось: «Вся информация в сети Интернет строится на ономастической оси. Именами собственными пронизаны все тексты, именами являются названия функционирующих внутри Сети частей и единиц» [Супрун, 2004, 55]. Лингвисты неоднократно говорили о масштабном присутствии онимов в виртуальном пространстве и их роли для решения прежде всего поисковых задач [Аникина, 2010, 72]. Сегодня акцент действий интернет-пользователей очевидно смещается в сторону коммуникации, интеракции с другими людьми, что выводит антропоним на авансцену ономастических исследований в онлайн-пространстве.

В интернете обнаруживается разнообразие типов человеческих имен. Проиллюстрируем сказанное записью из аккаунта социальной сети «Facebook» немецкоязычной пользовательницы *Judith Stäglich*. Девушка поделилась своей фотографией в карнавальном костюме в образе канцлера Германии Ангелы Меркель. В ответ она получила следующие комментарии подписчиков страницы (оригинальная орфография и пунктуация здесь и далее сохранены):

Judith Stäglich: *Hey Leute! Eure Merkel ist da!*

Antje Langnickel: **Judy!** Wunderschön bist du!

Judith Stäglich: Danke du Liebe. Man muss mehr lachen. Viel Spaß im Urlaub, **Aty!!!**

Pe Sto: Tolles Foto von dir **Judith**

Judith Stäglich: Danke du Liebe♥♥♥

Andrea Yildiz: Sooo schön!!!!

Judith Stäglich: *Эй, народ! Ваша Merkel тут!*

Antje Langnickel: **Judy!** Как ты прекрасна!

Judith Stäglich: Спасибо, дорогая. Нужно больше смеяться. Хорошо повеселиться в отпуске, **Aty!!!**

Pe Sto: Классное фото, **Judith**

Judith Stäglich: Спасибо, дорогая♥♥♥

Andrea Yildiz: Тааак красиво!!!!

Даже на таком малом отрезке виртуальной интеракции очевидно качественное и количественное многообразие интернет-антропонимикона. В полилоге

вычленяются: четыре никнейма (*Judith Stäglich, Antje Langnickel, Andrea Yildiz, Pe Sto*), три антропонима-обращения сторонней номинации, в том числе неофициального плана (*Judy, Aty, Judith*), одно прецедентное имя (*Merkel*).

Ядро антропонимической системы интернета образуют так называемые никнеймы (ники, юзерники, имена пользователей, *nicknames, usernames*), количественно превосходящие все остальные типы человеческих имен в Сети, а также являющиеся неотъемлемыми, а порой и обязательными элементами онлайн-коммуникации. Никнейм в самом общем смысле — именная часть виртуальной личности, результат ее самономинии, служащий целям самопрезентации, самовыражения, самоидентификации пользователя в эстетическом и техническом смысле.

Вопреки своей значимости и актуальности для антропонимических исследований интернета никнеймы все еще не получили должного освещения в мировой научной литературе. В зарубежной лингвистике наиболее объемными можно назвать изыскания К. Алексеюк из Эдинбургского университета [Aleksiejuk, 2013; 2015], исследование англистки Х. Бечар-Израели [Bechar-Israeli, 1995] и очерк коллектива немецких авторов Р. Йенса, П. Шлобински, Т. Зивера [Jens et al., 1998]. Два последних труда посвящены описанию никнеймов в чат-коммуникации и появились в конце минувшего века. С тех пор ощутимые преобразования претерпело не только само взаимодействие в чатах, но также изменились тенденции имянаречения в интернете в целом. На этом фоне актуальностью отличаются исследования К. Алексеюк, сосредоточенные на описании отношений между именами русскоязычных интернет-пользователей и их идентичностью. Работы иных иностранных лингвистов опираются на малое количество фактологического материала и представляют собой скорее единичные работы в рамках научной деятельности их авторов [Gatson, 2011; Gkoutzourelas, 2015; Scheidt, 2001; Stommel, 2007; Whitty, Buchanan, 2010].

Исчерпывающие отечественные труды в области никнеймов представлены в диссертационных исследованиях Т. В. Аникиной (никнеймы англо-, русско- и франкоязычных чатов) [Аникина, 2011], А. С. Балкуновой (сетевые имена русскоязычных пользователей ICQ) [Балкунова, 2012], В. В. Казябы (антропонимикон немецкоязычной ICQ-коммуникации) [Kaziaba, 2013]. Иные попытки анализа ников обнаруживаются в виде небольших, спорадических «вкраплений» в структуре работ обобщающего характера, посвященных лингвистическим особенностям интернет-дискурса [Асмус, 2005; Ахренова, 2009] или проблемам конструирования виртуальной идентичности [Калашникова, 2011; Чабаненко, 2007; Школовая, 2005].

Прорывной стала коллективная монография «Nicknamen international. Zur Namenwahl in sozialen Medien in 14 Sprachen» [NI], объединившая в себе результаты рассмотрения никнеймов социальных СМИ 14 различных языков мира, а также сопоставительный анализ данных национальных интернет-антропонимиконов.

Практически все авторы глав монографии указывают на малое количество, а нередко — на полное отсутствие изысканий в области интернет-антропонимики на материале своих национальных языков.

Подобная научная лакуна обусловлена совокупностью проблем, с которыми лингвисты сталкиваются еще на этапе отбора материала для изучения. Само формирование исследовательской картотеки никнеймов сопряжено со спорными вопросами процедурного и методологического толка. Автор настоящей статьи, основываясь на анализе научной литературы и опираясь на собственный десятилетний опыт исследований антропонимов немецкоязычных виртуальных коммуникантов, предлагает к рассмотрению некоторые дискуссионные аспекты, касающиеся отбора никнеймов для антропонимических изысканий в рамках интернет-коммуникации.

Первая дилемма, возникающая перед лингвистом, связана с верификацией виртуальной личности, чей интернет-антропоним извлекается в исследовательскую картотеку. Сегодня на просторах всех онлайн-сервисов и служб активно задействованы боты — специальные роботы-программы, выполняющие определенные задачи (системные, рекламные, статистические и т. д.), формально организованные как рядовой пользователь. С точки зрения антропонимики искусственно сгенерированные никнеймы ботов не представляют интереса, однако они объективно затрудняют процесс отбора виртуальных имен, возникших в результате самономинации человека. В связи с этим важную роль играют анализ и учет персональной информации пользователя, ведь она — своеобразный дискурс, в который «погружен» никнейм. Метаданные коммуниканта способны не только отличить его от квазиличностей, но необходимы для интерпретации самономинаций.

Никнейм как результат лингвокреативной и интеллектуально-психологической деятельности не может быть хоть сколько-нибудь верно проанализирован без учета как минимум реального имени его создателя. Во множестве лингвистических статей (по этическим соображениям воздержимся от указания их авторства) обнаруживаются абсолютно интуитивные, бездоказательные описания и наивные систематизации никнеймов, особенно в русле их номинативного потенциала, т. е. анализа производящих лексем. Так, например, никнеймы немецкоязычных пользователей *vogel32*, *mr.FUCHS*, *Wolfi* на первый взгляд производят впечатление виртуальных имен псевдонимного характера, созданных на базе зоонимической лексики (*vogel32* «птица32», *mr.FUCHS* «мистер ЛИС», *Wolfi* «Волчок»). Анализ никнеймов вкупе с реальными антропонимами их авторов приводит, однако, к диаметрально противоположному результату. Оказывается, все приведенные никнеймы созданы из настоящих фамилий их владельцев: *vogel32* (*Jens Vogel*), *mr.FUCHS* (*Simon Fuchs*), *Wolfi* (*Dorothea Wolf*), следовательно, данные единицы должны классифицироваться и описываться как отфамильные образования с пониженной степенью анонимности. Еще одной любопытной иллюстрацией служит ситуация с никнеймом немецкой пользовательницы «Facebook» *Sarah*

Connor, который, как кажется, представляет собой заимствование имени немецкой певицы Сары Коннор. Сопоставление никнейма с персональной информацией о владелице подтверждает тот факт, что *Sarah Connor* из социальной сети просто является полной тезкой исполнительницы.

Таким образом, реальное имя и фамилия пользователя — это тот минимум, который необходим для адекватной интерпретации никнейма как языковой единицы и знака самономинации. Иная персональная информация о владельце никнейма также может (а подчас и должна) быть задействована в качестве вспомогательного, сопутствующего исследовательского материала. Эта идея опирается на тот факт, что виртуальная личность вольна и способна «встраивать» внеязыковую информацию о себе в процесс интернет-общения. Экстралингвистические «вкрапления» обнаруживаются не только непосредственно на коммуникативном этапе, но уже на докоммуникативном уровне, составной частью которого выступает никнейм. Наиболее значимые и отчетливо отображаемые в языке экстралингвистические характеристики — территориальная и социальная. Интернет-сервисы и службы предоставляют обширный материал для анализа факторов внеязыкового значения, так как сами пользователи наполняют блоки метаданных информацией о своем поле, возрасте, месте проживания, профессиональной принадлежности, образовании, занимаемой должности, семейном статусе и т. п. Учет этих параметров делает возможным рассмотрение никнеймов сквозь призму социо-, психолингвистики, лингвокультурологии, диалектологии и позволяет получить нужные верифицирующие данные.

В силу того что не все интернет-ресурсы предоставляют пользователям технически одинаковые самопрезентационные возможности, сбор материала исследования, а именно никнеймов вкуче с реальными именами, может быть объективно усложнен. В этих случаях целесообразно в качестве вспомогательных методов применять контент- и дискурс-анализ доступных к ознакомлению текстовых и медиафайлов пользователя. Зачастую интернет-профиль состоит исключительно из одного никнейма. Однако если внимательно изучить наполнение, содержание (контент) его персональной страницы, «стены», размещенные аудиовизуальные материалы, а также дискурс публичных переписок в комментариях и чат-румах, то практически всегда удастся выявить как минимум реальное имя, как максимум — информацию о социальном статусе. Например, на немецком автофоруме *motortalk.de* имеется учетная запись пользователя с никнеймом *Mars_gib_Gas*. Анализ пользовательского профиля обнаруживает лишь пару фотографий, где изображен юноша на фоне автомобиля BMW F31. Первоначально кажется логичным предположить, что компонент виртуального имени *Mars* — это прозвище подростка или, допустим, некая гипокористическая, краткая форма мужского имени *Markus*. Но открытая переписка пользователя *Mars_gib_Gas* с другими участниками форума позволяет выяснить, что за ником скрывается лицо женского пола по имени *Patricia*. Дальнейшее изучение сообщений приводит к выводам:

Mars — семейная «кличка» автомобиля, а юноша на фотографии профиля — сын автоледи, что косвенно указывает на принадлежность дамы к определенной возрастной категории.

Самым достоверным и ценным источником информации о персональных данных пользователя, мотивах и значении самономинации выступают результаты работы исследователя с информантами. Личные и виртуальные опросы и интервью необходимы по ряду причин. Во-первых, значение некоторых никнеймов как лексем не поддается самостоятельному анализу. Ниже приведен отрывок из переписки с информантом, который поясняет значение и мотивацию своего ника *Urwumpe*. При рассмотрении данной единицы были абсолютно непонятны ее лексико-грамматические характеристики. Как выяснилось впоследствии, она являла собой диалектизм, не зафиксированный лексикографически:

Urwumpe: “Total unwichtig”, so nennt man das hier im Dialekt um Braunschweig herum. ich hatte irgendwann mal alle guten Nicknames für einen Chat durchprobiert, aber alle waren vergeben und ich war frustriert und hab dann geschrieben was ich gedacht habe... seitdem *Urwumpe*.

Urwumpe: «Совершенно неважно», так говорят здесь на диалекте в Брауншвейге. Я однажды перепробовал все хорошие никнеймы для чата, но все они были уже заняты, и я расстроился и потом написал то, что придумал первым... с тех пор я *Urwumpe*.

Во-вторых, опрос или интервью нередко носят уточняющий характер. Например, никнейм немецкоязычного геймера *Cleaner* соотносим с двумя грамматическими категориями соответствующей заимствованной из английского языка лексемы — существительным (‘чистильщик, уборщик’) или прилагательным в сравнительной степени (‘чище’). Знание частеречной принадлежности и иных грамматических характеристик единиц, употребленных в роли никнейма, представляется определяющим моментом в описании актуальных моделей интернет-самономинации.

Анализ никнейма с точки зрения языкового воплощения зачастую осложняется и неоднозначностью конституирующих его лексем. Как оказалось, среди немецкоязычных интернет-пользовательниц распространено виртуальное имя *Maus*. Его обладательницы не всегда наделяют самономинацию одинаковой смысловой нагрузкой. Так, одна из девушек подчеркивает свою схожесть с мышью словами: «*ich riepe wie ein maus. Beim Lachen XD*» <Я пишу, как мышь. Когда смеюсь>. В отличие от нее другая пользовательница с таким же никнеймом приписывает лексеме *Maus* не зоонимическое значение, а напротив, переосмысленное антропонимическое:

Maus: Spitzname, den mir mein Freund verpasst hat.

Maus: kein Tier!!!! ehm... hübsche, süße eine. Etwa wie engl *dear, honey* usw.

Maus: Прозвище, которое дал мне мой друг.

Maus: это не животное!!!! эм... нечто милое, прелестное. Что-то вроде английских слов *dear, honey* и т. д.

Наконец, в ходе опросов удастся самым точным образом вскрыть мотивы создания никнейма, интенции их владельцев, факторы, влияющие на выбор и/или форму никнейма. Подкрепим сказанное рассуждениями пользователя ICQ с виртуальным именем *Der Wahre Kekс*:

Also: der Nick ist schon recht alt. ich war 15 Jahre alt oder so. *Kekс* bedeutete da einfach nur ein kleines, unscheinbares Ding, das aber jeder mag. Damals nannte ich mich aber noch *DaRealKekс*. Das englische fand ich irgendwann aber albern.

Итак: ник уже довольно старый. Мне было 15 или около того. *Kekс* тут просто обозначает что-то маленькое, незаметное, но то, что нравится каждому. Тогда я еще называл себя *DaRealKekс*. Английский вариант в какой-то момент показался мне глупым.

Еще один дискуссионный аспект касается объема фактологического материала, необходимого для обеспечения точности и надежности получаемых в ходе анализа никнеймов данных и экстраполяции последних на всю совокупность виртуальных самономинаций. Количество интернет-пользователей неуклонно растет, и некоторые из них имеют не одну, а целый репертуар виртуальных личностей, что способствует глобальному разрастанию антропонимикона Сети. Например, если среднестатистический немецкий чат или форум по интересам может содержать от 500 до 5 000 активных участников, то в случае с мировыми соцсетями вроде «Twitter» и «Facebook» счет идет на миллионы — около 6 и 32 миллионов активных немецкоязычных пользователей соответственно. Лингвисту трудно ориентироваться в таких объемных антропонимических пластах и просто необходимо обращаться к социологическому (социолингвистическому) и статистическому инструментарию. Принято считать, что если объект исследования представлен 200–500 единицами, то они все могут быть включены в исследовательскую базу материала. Но если их количество превышает 500, то единственно верным будет применение выборочного метода [Лавриненко и др., 2002, 201]. Труднообозримая, внушительный размер генеральной совокупности никнеймов многих онлайн-сервисов подталкивают лингвиста к формированию выборочной совокупности, наиболее точным, непредвзятым, но трудоемким типом которой признается случайная выборка [Беликов, Крысин, 2001; Устинович, 2008; De Vaus, 2001; NI]. Данный метод основывается на предположении, что каждый элемент изучаемой генеральной совокупности с равной долей вероятности может попасть в выборку. В соответствии с целями исследования и с помощью фильтр-полей интерфейса интернет-сервиса («страна» и «язык», «пол», «возраст», «профессия» и т. п.) можно самостоятельно сформировать и ограничить интересующую генеральную совокупность никнеймов, часть которых впоследствии образует исследовательский корпус.

Упомянутые в предлагаемой статье базовые антропонимические труды в рамках интернет-лингвистики опирались на разный объем фактологической

картотеки никнеймов: 260 [Bechar-Israeli, 1996], 500 [Whitty, Buchanan, 2010], 676 [Aleksiejuk, 2015], 700 [Schlobinski, 1998], 1 000 [Балкунова, 2012], 2 500 [Kaziaba, 2013], 4 000 [Kaziaba, 2016], 5 000 единиц [Аникина, 2011]. Практика социологических, и в частности социолингвистических, изысканий свидетельствует о том, что даже в условиях обширности генеральной совокупности единиц возможно обеспечить репрезентативность даже небольшой выборкой: 1 000–1 200 [Лавриненко и др., 2002, 291], 1 500–2 000 единиц [Беликов, Крысин, 2001; Смелзер, 1994], 2 % генеральной совокупности [Buchstaller, Khattab, 2014]. Личный исследовательский опыт автора также подтверждает выводы социолингвистов. Недостаточное количество материала приводит к излишне дробной статистике и нивелированию реальных тенденций и предпочтений в виртуальном самономинировании. Разумеется, для глобальной Сети справедлива пропорция: чем шире количественный охват материала, тем точнее и справедливее полученные выводы.

Следующий вопрос, которым задается исследователь на этапе сбора материала, связан с дилеммой: стоит ли извлекать никнеймы для изучения из разных виртуальных сервисов или необходимо ограничиться именами одного онлайн-сервиса? Безусловно, решение данной проблемы определяется целями и задачами конкретного исследования. Тем не менее, теоретический анализ литературы по теме позволяет проследить и выявить некоторые актуальные тенденции, касающиеся областей отбора материала для антропонимических изысканий в интернет-коммуникации. Большинство солидных трудов выполнено на материале никнеймов одного сервиса или службы: исследованы никнеймы мессенджера ICQ [Балкунова, 2012], форума «Посиделки» [Aleksiejuk, 2015], форума пищевых расстройств «Hungrig-Online» [Stommel, 2007], фанатского форума «The Bronze» [Gatson, 2011], портала знакомств «Match» [Whitty, Buchanan, 2010], службы IRC [Bechar-Israeli, 1995]. Известны работы, в фокусе которых — антропонимы различных сервисов или служб, принадлежащих к одному и тому же жанру интернет-коммуникации. Так, некоторыми авторами предпринималась попытка рассмотреть никнеймы одновременно нескольких социальных сетей [Gkoutzourelas, 2015], чат-сервисов [Аникина, 2011; Хорикова, 2010; Schlobinski, 1998]. Практика рассмотрения никнеймов, извлеченных из разных интернет-служб и тем более жанров, мало востребована: в [NI] корпуса никнеймов пользователей из 14 различных стран выстроены из антропонимов пяти виртуальных сервисов, принадлежащих к разнообразным жанрам (фотохостинг «Flickr», соцсеть «Twitter», онлайн-газета, IT-форум и сайт ТВ-канала). Отечественным лингвистом А. А. Соковым также рассмотрены ники разножанровых платформ — соцсети «Twitter», чата «Mail», футбольного менеджера «Pefl», сайта знакомств «Krutomer», блога «Livejournal», игрового форума «Games» [Соков, 2013].

Итак, современные лингвисты предпочитают концентрироваться на исследовании никнеймов, циркулирующих в рамках одного сервиса. Такой подход гарантирует соблюдение критерия однородности исследовательского материала.

Подобный вывод обусловлен формальными факторами, касающимися технических требований к создаваемому никнейму в том или ином сервисе, а именно: минимальное / максимальное количество символов и компонентов в имени, графические и орфографические допущения и ограничения, запрет / дозволение повторяющихся, одинаковых имен, запрет / дозволение использования чужих имен и т. д. Привести характеристики никнеймов разных сетевых сервисов и жанров к общему «знаменателю», конечно, возможно, но только при условии сравнения аналитических и статистических данных, полученных и обобщенных в ходе подробного рассмотрения антропонимикона каждой отдельно взятой интернет-платформы.

Таким образом, онтологическая сложность никнейма действительно порождает ряд трудностей еще на этапе сбора материала для изучения. Разумеется, цели и задачи конкретного антропонимического изыскания диктуют собственные критерии и процедуры отбора никнеймов. Вместе с тем имеющиеся на сегодняшний день труды и опыт в области интернет-антропонимики убедительно доказывают необходимость более внимательного и тщательного отношения к построению исследовательского корпуса никнеймов, и в частности к таким аспектам, как учет метаданных, коммуникативных действий и мотивов интернет-пользователя, репрезентативность и однородность производимой выборки. Осмысление данных вопросов обеспечит достоверную интерпретацию и анализ столь сложного и объемного антропонимического пласта, как никнеймы.

Источники

- Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика : учебник для вузов. М. : РГГУ, 2001.
Лавриненко В. Н., Нартон Н. А., Шабанова О. А., Лукашова Г. С. Социология. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. В. Н. Лавриненко. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002.
Смелзер Н. Социология : пер. с англ. М. : Феникс, 1994.

Исследования

- Аникина Т. В. Имя собственное в Интернет-коммуникации // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1 : «Проблемы образования, науки и культуры». 2010. № 2 (75). С. 71–76.
Аникина Т. В. Сопоставительное исследование виртуального антропонимикона англоязычных, русскоязычных и франкоязычных чатов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2011.
Асмус Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Челяб. гос. ун-т. Челябинск, 2005.
Ахренова Н. А. Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковое оформление : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Моск. гос. обл. ун-т. М., 2009.
Ахренова Н. А. Теоретические основы интернет-лингвистики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 10 (28). С. 22–26.
Балкунова А. С. Роль сетевого имени (никнейма) во взаимодействии субъектов виртуальной коммуникации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Моск. гор. пед. ун-т. М., 2012.

- Калашиникова А. А. Языковая личность в русскоязычном блоге: когнитивно-прагматический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Юж. федер. ун-т. Ростов н/Д., 2011.
- Соков А. А. Функционально-стилевые особенности никонимов в виртуальном дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки». 2013. № 4 (79). С. 69–72.
- Супрун В. И. Развитие ономастического пространства Интернета // Ономастика Поволжья : материалы IX Междунар. конф. / ред. Р. Ш. Джарылгасинова, В. И. Супрун. М. : ИЭА РАН, 2004. С. 53–58.
- Устинович Е. А. Методика и методология социолингвистических исследований в условиях билингвизма и диглоссии // Культура народов Причерноморья. 2008. № 138. С. 37–40.
- Хорикова В. С. Когнитивный анализ никнеймов пользователей сети Интернет // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 3. С. 64–68.
- Чабаненко М. Г. Молодежный дискурс как реализация типовой и индивидуальной языковой личности : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Кемеров. гос. ун-т. Кемерово, 2007.
- Школовая М. С. Лингвистические и семиотические аспекты конструирования идентичности в электронной коммуникации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Твер. гос. ун-т. Тверь, 2005.
- Aleksiejuk K. Personal names on the internet: usernames as address terms // Language and society. 2013. Iss. 4. P. 187–198.
- Aleksiejuk K. Names on the internet: towards electronic socio-onomastics : PhD thesis / Univ. of Edinburgh. Edinburgh, 2015.
- Bechar-Israeli H. From <Bonehead> to <cLoNehEAd>: nicknames, play, and identity on Internet Relay Chat // Journal of Computer-Mediated Communication. 1995. № 1 (2). URL: <https://academic.oup.com/jcmc/article/1/2/JCMC127/4584330>.
- Buchstaller I., Khattab G. Population samples // Research Methods in Linguistics / ed. by R. J. Podesva, D. Sharma. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2014. P. 74–95.
- De Vaus D. A. Surveys in Social Research. 4th ed. London ; New York : Routledge, 2001.
- Gatson S. N. Self-Naming Practices on the Internet: Identity, Authenticity, and Community // Cultural Studies, Critical Methodologies. 2011. № 11 (3). P. 224–235.
- Gkoutzourelas G. Nicknamen in sozialen Medien. Der Fall von Twitter und PlanetRomeo // Mediensprache. 2015. URL: <http://www.mediensprache.net/de/websprache/2.0/nicknames/>.
- Jens R., Schlobinski P., Siever T. Sprache und Kommunikation im Internet. Opladen : Westdeutscher Verl., 1998.
- Kaziaba V. Namensmasken im Internet // Muttersprache. 2013. № 4 (123). S. 327–339.
- Kaziaba V. Nicknamen in der Netzkommunikation // Der Deutschunterricht. Nomen (non) est omen — Namenkunde. 2016. № 1. S. 24–30.
- NI — Nicknamen international. Zur Namenwahl in sozialen Medien in 14 Sprachen / Hrsg. von P. Schlobinski, T. Siever. Berlin : Peter Lang GmbH, 2018.
- Scheidt L. A. Avatars and Nicknames in Adolescent Chat Spaces // Gender and Computerization. 2001. L591. URL: https://www.researchgate.net/publication/253226272_Avatars_and_Nicknames_in_Adolescent_Chat_Spaces.
- Schlobinski P. Pseudonyme/Nicknames im Chat. Hannover, 1998. URL: <https://www.mediensprache.net/network/networkx-5.pdf>.
- Stommel W. “Mein Nick bin ich!” Nicknames in a German Forum on Eating Disorders // Journal of Computer-Mediated Communication. 2007. № 13. P. 141–162.
- Whitty M. T., Buchanan T. What’s in a Screen Name? Attractiveness of Different Types of Screen Names Used by Online Daters // International Journal of Internet Science. 2010. № 5 (1). P. 5–19.

* * *

Казяба Виктория Викторовна

кандидат филологических наук, доцент
кафедра общего и германского языкознания
Северный (Арктический) федеральный
университет им. М. В. Ломоносова
164505, Северодвинск, ул. Карла Маркса,
36, каб. 103
E-mail: kazaba@yandex.ru

Kaziaba, Viktoria Viktorovna

PhD, Associate Professor
Department of General and Germanic
Linguistics
Northern (Arctic) Federal University
36, Karl Marx Str., office 103, 164505
Severodvinsk, Russia
Email: kazaba@yandex.ru

Viktoria V. Kaziaba

Northern (Arctic) Federal University
Severodvinsk, Russia

**RESEARCHING INTERNET NICKNAMES:
ON THE METHODOLOGY OF MATERIAL SELECTION
(Based on German-Language Internet Communication)**

The paper aims to explore the Internet nickname as a main anthroponymic unit of Internet communication, an integral part of a virtual personality, and an outcome of complex psycholinguistic processes of self-naming. An overview of key studies of this phenomenon leads the author to conclude that it still lacks proper theoretical grounding, which is largely due to its specific properties that impede research. The article focuses on the issues that arise at the stage of material selection. The main points for discussion were suggested both by the analysis of existing research on the topic, as well as empirical data collected during almost ten years of anthroponymic studies of German-language virtual communication. The first issue relates to the necessity of using external sources (users' personal data, their social media imprint) for reliable analysis and interpretation of nicknames. Thereby, the paper argues the relevance of content and discourse analysis for studying virtual personality, as well as interviewing the users to obtain a comprehensive research file. Since random sampling remains the key method for selecting factual material, the question persists about the sufficient amount of the data. The article highlights the solutions proposed by different researchers and gives sociolinguistic groundings to the minimal number of data that ensures a representative sample of aliases. Finally, the question of the choice of sources is raised. The author concludes that an unconditional trend in anthroponymic research of nicknames is the study of units within one specific Internet service.

К е у в о р д с: anthroponym, Internet communication, nickname, proper name, self-naming, methods of linguistic research, German language.

Akhrenova, N. A. (2009). *Internet-diskurs kak global'noe mezhekul'turnoe iavlenie i ego yazykovoe oformlenie* [Internet Discourse as a Global Intercultural Phenomenon and its Language Design] (habilitation dissertation). Moscow State Region University, Moscow.

- Akhrenova, N. A. (2013). Teoreticheskie osnovy internet-lingvistiki [Theoretical Foundations of Internet Linguistics]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 10, 22–26.
- Aleksiejuk, K. (2013). Personal Names on the Internet: Usernames as Address Term. *Language and Society*, 4, 187–198.
- Aleksiejuk, K. (2015). *Names on the Internet: Towards Electronic Socio-onom@stics* (doctoral dissertation). University of Edinburgh, Edinburgh.
- Anikina, T. V. (2010). Imia sobstvennoe v internet-kommunikatsii [Personal Name in Internet Communication]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1, Problemy obrazovaniia, nauki i kul'tury*, 2, 71–76.
- Anikina, T. V. (2011). *Sopostavitel'noe issledovanie virtual'nogo antroponimikona angloiazychnykh, russkoiazychnykh i frankoiazychnykh chatov* [Comparative Study of the Virtual Anthroponymicon of English-, Russian-, and French-Speaking Chats] (doctoral dissertation). Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.
- Asmus, N. G. (2005). *Lingvisticheskie osobennosti virtual'nogo kommunikativnogo prostranstva* [Linguistic Features of the Virtual Communication Space] (doctoral dissertation). Chelyabinsk State University, Chelyabinsk.
- Balkunova, A. S. (2012). *Rol' setevogo imeni (nikneima) vo vzaimodeistvii sub'ektov virtual'noi kommunikatsii* [Nickname in the Interaction of the Subjects of Virtual Communication] (doctoral dissertation). Moscow City Pedagogical University, Moscow.
- Bechar-Israeli, H. (1995). From <Bonehead> to <LoNehEAd>: Nicknames, Play, and Identity on Internet Relay Chat. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 1. Retrieved from <https://academic.oup.com/jcmc/article/1/2/JCMC127/4584330>.
- Buchstaller, I., & Khattab, G. (2014). Population Samples. In R. J. Podesva, & D. Sharma (Eds.), *Research Methods in Linguistics* (pp. 74–95). Cambridge: Cambridge University Press.
- Chabanenko, M. G. (2007). *Molodezhnyi diskurs kak realizatsiia tipovoi i individualnoi yazykovoi lichnosti* [Youth Discourse as the Implementation of a Typical and Individual Language Personality] (doctoral dissertation). Kemerovo State University, Kemerovo.
- De Vaus, D. A. (2001). *Surveys in Social Research* (4th ed.). London; New York: Routledge.
- Gatson, S. N. (2011). Self-Naming Practices on the Internet: Identity, Authenticity, and Community. *Cultural Studies, Critical Methodologies*, 11(3), 224–235.
- Gkoutzourelas, G. (2015). Nicknamen in sozialen Medien. Der Fall von Twitter und PlanetRomeo. *Mediensprache*. Retrieved from <http://www.mediensprache.net/de/websprache/2.0/nicknames/>.
- Jens, R., Schlobinski, P., & Siever, T. (1998). *Sprache und Kommunikation im Internet*. Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Kalashnikova, A. A. (2011). *Yazykovaia lichnost' v russkoiazychnom bloge: kognitivno-pragmaticeskii aspekt* [Language Personality in a Russian-language Blog: Cognitive and Pragmatic Aspects] (doctoral dissertation). Southern Federal University, Rostov-on-Don.
- Kaziaba, V. (2013). Namensmasken im Internet. *Muttersprache*, 4, 327–339.
- Kaziaba, V. (2016). Nicknamen in der Netzkommunikation. *Der Deutschunterricht. Nomen (non) est omen — Namenkunde*, 1, 24–30.
- Khorikova, V. S. (2010). Kognitivnyi analiz nikneimov pol'zovatelei seti Internet [Cognitive Analysis of Nicenames among Internet Users]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 3, 64–68.
- Scheidt, L. A. (2001). Avatars and Nicknames in Adolescent Chat Spaces. *Gender and Computerization. L591*. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/253226272_Avatars_and_Nicknames_in_Adolescent_Chat_Spaces.
- Schlobinski, P. (1998). *Pseudonyme/Nicknames im Chat*. Hannover. Retrieved from <https://www.mediensprache.net/networx/networx-5.pdf>
- Schlobinski, P., & Siever, T. (Eds.). (2018). *Nicknamen international. Zur Namenwahl in sozialen Medien in 14 Sprachen*. Berlin: Peter Lang GmbH.

- Shkolovaya, M. S. (2005). *Lingvisticheskie i semioticheskie aspekty konstruirovaniia identichnosti v elektronnoi kommunikatsii* [Linguistic and Semiotic Aspects of Identity Construction in Electronic Communication] (doctoral dissertation). Tver State University, Tver.
- Sokov, A. A. (2013). Funktsional'no-stilevye osobennosti nikonimov v virtual'nom diskurse [Functional and Stylistic Peculiarities of Nicknames in the Virtual Discourse]. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 4, 69–72.
- Stommel, W. (2007). "Mein Nick bin ich!" Nicknames in a German Forum on Eating Disorders. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 13, 141–162.
- Suprun, V. I. (2004). Razvitie onomasticheskogo prostranstva Interneta [Development of the Onomastic Space of the Internet]. In R. Sh. Dzharylgasinova, & V. I. Suprun (Eds.), *Onomastika Povolzh'ia* [Onomastics of the Volga Region] (pp. 53–58). Moscow: IEA RAN.
- Ustinovich, E. A. (2008). Metodika i metodologiya sotsiolingvisticheskikh issledovaniy v usloviakh bilingvizma i diglossii [Methods and Methodology of Sociolinguistic Research in Bilingualism and Diglossia]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ia*, 138, 37–40.
- Whitty, M. T., & Buchanan, T. (2010). What's in a Screen Name? Attractiveness of Different Types of Screen Names Used by Online Daters. *International Journal of Internet Science*, 5, 5–19.

Received on 12 November 2018

ОБЗОРЫ

Э. М. МУРЗАЕВ (1908–1998). ТОПОНИМИКА: НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Научное наследие выдающегося российского ученого Эдуарда Макаровича Мурзаева, доктора географических наук, профессора, неоднократно изучалось и анализировалось в академических изданиях, в публикациях Географического общества СССР (ныне Русское географическое общество). С полным основанием можно считать Э. М. Мурзаева не только географом, но и лингвистом (конкретно топонимистом) и историком. В настоящем обзоре ставится задача проследить роль Э. М. Мурзаева в популяризации научных знаний на примере нескольких его книг, изданных большим тиражом в разные годы и в разных издательствах. Основное внимание в обзоре уделено топонимам, которые интересовали Э. М. Мурзаева во время его долгих путешествий как по среднеазиатским республикам бывшего СССР, так и по Монголии, Китаю, Вьетнаму. Отметим прежде всего, что ученый, получивший специальность географа, имел большие способности к языкам, что позволяет в полной мере считать его лингвистом, внесшим существенный вклад в изучение топонимии разных стран Азии. Во время многочисленных экспедиций Э. М. Мурзаев изучал местные языки, что облегчало ему общение с их носителями, особенно с теми, которые не были русскоязычными. Э. М. Мурзаев говорил на монгольском, китайском, вьетнамском языках, на тюркских (туркменском, узбекском, казахском, киргизском, уйгурском), знаком был и с некоторыми индоарийскими и иранскими языками, в частности с таджикским. Узнавая от местных жителей их интерпретацию значения того или иного топонима, Э. М. Мурзаев впоследствии сопоставлял эту версию с научной этимологией названия (если таковая имела) и подкреплял объяснение названия сведениями о местном географическом ландшафте, о добыче полезных ископаемых в районе, о растительности и животном мире, об исторических данных и т. п. Это комплексное исследование на местности в значительной мере повышает доверие к правильности интерпретации значения топонимов в работах Э. М. Мурзаева.

Исследование географии Азии Э. М. Мурзаев начал уже с 1940-х гг. В 1962 г. выходит его книга «Путешествия без приключений и фантастики:

Записки географа» [Мурзаев, 1962]. В ней, как и в других последующих книгах, Э. М. Мурзаев обращает внимание на топонимы и местные географические термины, обозначающие категории: названия столиц, городов, внутригородских объектов (храмов, улиц и т. п.), других поселений; озер и рек, оазисов, хребтов, гор и их вершин, впадин, пустынь и т. д. Так, в указанной книге перечисляются названия столиц Китая (они менялись в истории): *Бейцзин* «Северная столица», в древности она называлась *Даду* «Большая столица», *Нанкин* (*Наньцзин*) «Южная столица», *Сицзин* (*Сиань*) «Западная столица». Название *Дунцзин* «Восточная столица» в разное время присваивалось разным городам, ныне китайцы так называют Токио, столицу Японии. Э. М. Мурзаев комментирует его следующим образом: «Слово *цзин* в названиях стольких городов первоначально означало ‘высокое место, возвышенность, холм, курган’, а также ‘большой хлебный амбар, главный склад зерна’. Это слово толкуют также в смысле ‘великий, возвышенный, богатый, пышный, роскошный, прекрасный, великолепный’. Из какого первичного значения возникло понятие “столица” — пока не установлено» [Мурзаев, 1962, 154].

Еще один пример из этой книги: необычное название в Джунгарии *Эолов город*. Так назвал его В. А. Обручев в 1905 г., отмечая роль ветров в этой местности. «Говорят, здесь живут джинны, по ночам они воют и кричат страшными голосами. Неслучайно суеверные люди назвали это место *городом нечистых духов*» [Мурзаев, 1962, 45].

В 1973 г. почти одновременно выходят большая книга Э. М. Мурзаева «Годы исканий в Азии» и брошюра «Топонимика — популярная» [Мурзаев, 1973а; 1973б]. Приведем некоторые примеры из первой книги.

Название пустыни *Каракумы* дословно переводится как «Черные пески». Автор отмечает в сноске: «черные не в смысле “плохие”, “злые”, как часто у нас толкуют, а “пески, закрепленные растительностью”, в отличие от *аккумов* — белых, перевевающих, лишенных растительности песков» [Мурзаев, 1973а, 74]. Снежные горы *Терскей* — из кирг. ‘противоположный’. Э. М. Мурзаев уточняет: в данном случае — ‘противоположный солнцу’, ‘теневого’, ‘обращенный на север’ [Там же, 119].

В этой объемной книге (около 400 с.) помещено послесловие Н. Г. Фрадкина, из которого стоит процитировать общую оценку топонимических работ Э. М. Мурзаева: «С 1940–1950-х гг. топонимика становится одним из основных направлений работ исследователя. Ныне и в этой области Э. М. Мурзаеву принадлежит значительный вклад. Им написано около 100 работ по вопросам топонимики (общее количество его работ приближается к цифре 600) и составлен совместно с В. Г. Мурзаевой первый в нашей стране “Словарь местных географических терминов” (1959)» [Мурзаев, 1973а, 393].

В брошюре «Топонимика — популярная» [Мурзаев, 1973б] Э. М. Мурзаев в доступной для любого читателя форме рассказывает о науке топонимике. Здесь

укажем только содержание брошюры: «Вокруг нас названия», «Методы топонимических исследований», «О чем рассказывает географическое имя», «Топонимика и практика», «Что читать о географических названиях».

Э. М. Мурзаев всегда с большим уважением относился к своим учителям (кстати, и к ученикам тоже), а также к коллегам — сотрудникам, товарищам по полевой работе. Одна из книг Э. М. Мурзаева «Жизнь есть деяние» посвящена академику Л. С. Бергу — к 100-летию со дня рождения этого ученого. В частности, автор отмечает в разделе «Терминология и топонимика», что Л. С. Берг был против засорения русского языка иностранными терминами и у него были две заметки, темой которых стала народная географическая терминология [Мурзаев, 1976, 67–69].

В 1979 г. Э. М. Мурзаев публикует книгу «Рассказы об ученых и путешественниках». В ней есть раздел «Изучение географических названий». Например, автор был хорошо знаком с сыном художника Н. К. Рериха Ю. Н. Рерихом — историком, филологом, географом, директором Института гималайских исследований. С ним Э. М. Мурзаев обсуждал географические названия и личные имена у монголов, в том числе фамилию *Тургенев*, которая тоже имеет тюрко-монгольскую этимологию: ср. *тургэн* ‘быстрый, стремительный’, а также названия рек *Тургэнусу*, *Тургэнгол* и др. [Мурзаев, 1979, 120–121].

Э. М. Мурзаев был хорошо знаком и со многими другими учеными и путешественниками, в том числе с И. А. Райковой — специалистом по растениеводству, которая занималась высокогорьем. Ее называли хозяйкой Памира. Девять видов растений носят имя Илари Райковой. В Таджикистане, в хребте Музкол, есть горная вершина *Райковой* [Мурзаев, 1979, 66].

Рассказывая о своей работе в экспедициях, в том числе в Китае, Э. М. Мурзаев отмечает: «В какой бы стране я ни работал, мое знакомство с языком начиналось с выяснения смысла географических названий» [Мурзаев, 1979, 103]. В московском Институте востоковедения, где Э. М. Мурзаев работал с 1945 г., он вел курс «Введение в географию Восточной и Центральной Азии». Для лучшего понимания студентами географических названий он объяснял смысл топонимов в связи с географическими реалиями, которые они номинируют.

В книге «Рассказы об ученых и путешественниках» Э. М. Мурзаев делится с читателями своими теоретическими выводами в области топонимики, в том числе рассказывает о характере номинации географических объектов в разных странах. Например, речь идет о связи названий городов и рек. На Русской равнине закономерность — названия городов по рекам: *Москва*, *Оскол*, *Кострома* и т. д. Этот вид номинации был перенесен и в Сибирь: *Омск*, *Томск*, *Иркутск* и др. И в наше время: *Волгоград*, *Северодвинск*. Но в среднеазиатских республиках другая картина — обратная номинация: название рек по городам, ср. р. *Теджен* по одноименному городу в Туркмении. Это объясняется тем, что в Средней Азии и на Ближнем Востоке реки никогда не играли той роли, которая была им присуща

на Русской равнине, где реки были важнейшими путями сообщения [Мурзаев, 1979, 49–50].

В книге «Первые советские исследователи Каракумов», изданной в 1983 г. в Ашхабаде, Э. М. Мурзаев рассказывает об исследователях этой пустыни начиная с 1920-х гг., со времен экспедиций А. Е. Ферсмана и Д. И. Щербакова. В книге основное внимание уделяется работам С. Ю. Геллера, В. Н. Кунина, М. П. Петрова, Б. А. Федоровича.

Приведем рассказ о Самуиле Юрьевиче Геллере, которого интересовали местные онимы: «С. Ю. Геллер подмечает и записывает племенные подразделения туркмен *тэкэ*: *тильки-тэкэ* (*тохтомыш*), *кадам-тэкэ*, *иреджеп-тэкэ*, *багаджа-тэкэ*, *кара-тэкэ*, *курт-тэкэ*, *гёз-тэкэ*, *аран-тэкэ* (*утомыш*) и т. п. Отмечает и объясняет местные географические термины: *кара кум*, *ак кум*, *чайга*, *ок*, *алла*, *чирле*, *как* (*там-как*, *чён-как*), а также некоторые географические названия: *Тегелек* “Круг, круглый”, *Коша-Аджи-Джульба* — по двум соленым колодцам и т. д. Записано много туркменских названий растений» [Мурзаев, 1983, 15].

Подробнее о своих коллегах (географах, ботаниках) и об их научных интересах в области топонимики Э. М. Мурзаев пишет в книге «В сердце Азии», опубликованной в 1990 г. Здесь есть очерки о деятельности следующих ученых: И. П. Герасимов, Н. Л. Корженевский, Е. П. Коровин, М. П. Петров, А. Д. Симук, В. М. Сеницын, Д. И. Щербаков, А. А. Юнатов. Но вначале Э. М. Мурзаев отмечает, что в XX в. многие путешественники, открыв какой-либо объект, не учитывали местного названия, а присваивали этому объекту новое. Так появились хребты *Гумбольдта*, *Мушкетова*, гора *Эверест* в Азии, озеро и водопад *Виктория*, озеро *Леопольда II* в Африке и др. Многие из таких названий, не выдержав проверку временем, исчезли с карты, но многие все-таки остались. Э. М. Мурзаев цитирует справедливое замечание Н. К. Рериха: «Впереди нас снежный хребет *Ангар-Дакчин* (*Бокалыктаг*), т. е. *Марко Поло*. Смешно давать европейские имена местностям, которые издавна имели свои наименования» [Мурзаев, 1990, 10–11].

Отметим некоторые примеры из указанной книги «В сердце Азии».

И. П. Герасимов хорошо знал местные туркменские географические термины в Юго-Восточных Каракумах и использовал их для называния объектов, подчеркивая их уникальность. Ср. *алла* (*ала*) ‘широкие плоскодонные лощины’, *чаге* ‘плоскохолмистый песчаный ландшафт с глубокими котловинами’. Этот же ученый, исследователь Средней Азии и Южного Казахстана, предложил отказаться от традиционной формы названия *Усть-Урт* как неизвестной местным жителям. Она появилась по созвучию с русским словом *устье*, ср. *Усть-Луга* и др. Но казахи ясно произносили *стюрт*. *Устюрт* — в казахском языке «верхняя область», у каракалпаков *устирт* ‘плоская возвышенность, плато’ [Мурзаев, 1990, 39–40].

В. М. Сеницын — автор труда «Центральная Азия», в котором много географических названий и их объяснений. Так, пустыня *Такла-Макан* в переводе означает «Покинутое место». Некоторые городища ныне именуются *Конигума*,

Коницира и др., где *кони* — ‘старый, древний’, ср. названия городов: *Куня-Ургенч* в Туркмении и более молодой *Ургенч* в Узбекистане [Мурзаев, 1990, 115].

Д. И. Щербаков уделял большое внимание местным географическим терминам. Ср. на картах Южной Ферганы перевал *Сыман* «Ртуть» и маленький населенный пункт *Хайдаркан* «Рудник Хайдара», или «Великий рудник». Ныне известен поселок городского типа *Хайдаркент* в Ошской области — центр сурьмянорудной промышленности [Там же, 148].

Библиография научно-популярных книг Э. М. Мурзаева по топонимике

1962

1. Путешествия без приключений и фантастики: Записки географа. — М. : Географгиз, 1962. — 160 с.

1973

2. Годы исканий в Азии. — М. : Мысль, 1973а. — 398 с.
3. Топонимика — популярная (Географические названия). — М. : Знание, 1973б. — 64 с.

1976

4. Жизнь есть деяние. К 100-летию со дня рождения академика Л. С. Берга. — М. : Мысль, 1976. — 102 с.

1979

5. Рассказы об ученых и путешественниках. — М. : Мысль, 1979. — 176 с.

1983

6. Первые советские исследователи Каракумов. — Ашхабад : Ылым, 1983. — 102 с.

1990

7. В сердце Азии. — М. : Наука, 1990. — 176 с.

Р. А. Агеева
кандидат филологических наук,
действительный член Русского географического общества
Москва, Россия
ruf09382008@yandex.ru

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.014
УДК 811.15'373.21 + 811.111'373.21

А. И. Фалилеев
Институт лингвистических
исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ ФЛИНТШИРА, УЭЛЬС

Рец. на кн.: Owen H. W. Place-names in Flintshire / H. W. Owen, K. L. Gruffydd. — Cardiff : Univ. of Wales Press, 2017. — 272 p.

Новая книга, посвященная топонимике Флинтшира, примечательна сразу в нескольких отношениях, включая и то, что рассмотренные в ней данные выходят географически за пределы этого графства. В рецензии анализируются достоинства и недостатки этой публикации. Географическим названиям Флинтшира уже были посвящены две академические монографии, несколько книг для более широкой аудитории и целый ряд статей. На этом фоне проводится анализ нового исследования, выявляются его особенности, оценивается вклад его авторов в изучение топонимии Северо-Восточного Уэльса. В книге рассматривается 801 географическое название 753 объектов на территории Флинтшира (англ. *Flintshire*, валл. *Sir y Fflint*) до административной реформы 1994 г. 62 % рассмотренных топонимов (в том числе уже исчезнувших с современной карты) являются валлийскими, и рецензия фокусируется именно на представленном в книге анализе этого пласта данных. В частности, рассматриваются хронологические его слои, и особое внимание уделяется этимологиям ряда географических названий, а также их переводу на английский язык. Кроме того, показано, что английский слой топонимии Флинтшира нуждается в более подробном освещении. Представление данных в этом труде также позволило высказать некоторые соображения по поводу общих тенденций, наблюдаемых в топонимических штудиях Уэльса.

К л ю ч е в ы е с л о в а: топонимы, Уэльс, Флинтшир, валлийский язык, английский язык.

© Фалилеев А. И., 2020

Благодаря опубликованному в журнале «Вопросы ономастики» детальному обзору В. В. Алпатова [2013] (ср. также недавнюю работу [Coates, 2017]) отечественные лингвисты хорошо информированы о современном состоянии топонимических исследований в Великобритании. По понятным причинам основное внимание в этом обзоре было уделено собственно Англии с ее давними традициями топонимических штудий и целой чередой первоклассных публикаций. Говоря же об Уэльсе, В. В. Алпатов [Там же, 122] отмечает, что о его топонимах написано немало, имеется обобщающий академический словарь географических названий всей территории (в тексте ссылка дается с досадной опечаткой [ср.: Owen, Morgan, 2007]), и что «среди прочего, вышли не оформленные в серию словари по нескольким административным единицам Уэльса». Рецензируемая книга представляет собой давно ожидаемый анализ топонимии еще одного графства Северо-Восточного Уэльса — Флинтшира. Географические названия Флинтшира давно привлекали внимание исследователей, и уже в 1959 г. в свет вышла монография Эллиса Дейвиса «Флинтширские географические названия» [Davies, 1959]. Выпускник Колледжа Св. Давида в Лампетере и Оксфордского университета, Дейвис (1872–1962), работая священником в Северном Уэльсе, внес значительный вклад в изучение валлийской истории, и в год выхода этой книги Национальный университет Уэльса присудил ему звание почетного доктора. Монография Дейвиса до сих пор представляет научный интерес, однако развитие академической дисциплины заставило одного из авторов рецензируемого труда вновь обратиться к этим данным, и в 1994 г. было опубликовано тщательное и первоклассное по качеству и охвату данных исследование топонимии восточной части графства [Owen, 1994]. Х. Оуэн планировал продолжить свой анализ и других регионов Флинтшира и написать еще два тома, посвященных научному изучению этих географических названий, но, как отмечено в предисловии (с. 11), этим планам не суждено было сбыться. Однако ежедневная работа по сбору и анализу данных продолжалась, что и отражено в опубликованных за последние десятилетия статьях автора, а позже к ней присоединился второй соавтор рецензируемой работы, Кен Ллойд Гриффид. Выпускник Бангорского университета и школьный учитель, Гриффид (1939–2015) был, пожалуй, самым известным специалистом по морской истории Уэльса и одним из основателей соответствующего института — Института истории валлийского мореплавания (*Institute for Welsh Maritime Historical Studies*). Краеведение было также в центре внимания этого замечательного исследователя, и он долгое время был вице-президентом Общества по изучению истории Флинтшира. Поначалу Оуэн обращался к Гриффиду с отдельными вопросами, на которые получал полные и исчерпывающие ответы¹, а затем уговорил его заняться составлением базы данных (с. 12), которая

¹ Помощь Гриффида отражена и в более ранней работе Оуэна, см., например, ссылки в [Owen, 1994, 177, 276].

и используется в этой книге. К сожалению, Гриффид скончался 1 января 2015 г., и Оуэну пришлось одному готовить для печати этот том, который вышел в свет под именами обоих авторов.

Сама же база данных, как сообщается в предисловии, должна появиться в электронном виде на нескольких доменах. Понятно, что во многих случаях список аттестаций того или иного топонима, приведенный в рецензируемой книге, оказывается неполным, что связано, помимо прочего, и с регламентациями по поводу объема. Также ожидаемо, что целый ряд не включенных в том аттестаций может быть интересен для исследователей различных академических дисциплин. Так, например, для топонима *Kelston* (с. 103) не указана форма *Kelstaun* (1535), а для *Prestatyn* (с. 161) — *Prestaulton* (1315), хотя обе эти формы давно известны в топонимической литературе [см.: Charles, 1938, 229–230]. Кроме того, в книге не рассматривается значительное количество так называемых микротопонимов (названий полей, домов, проселочных дорог и т. д.), как, например, *Battery Row*, *Bedd Captain Morgan*, *Bedlam Lane* или интереснейшее название *Ffordd Mehemia* «Богемская дорога» [см. о них, например: Davies, 1959, 8, 59–60]. Поэтому доступность базы данных Гриффида, которую явно следует использовать совместно с этой книгой (как и с более ранними трудами второго соавтора, в первую очередь [Owen, 1994], и даже популярным изданием [Owen, 1995]), является весьма желательной. Можно попутно отметить, что дигитальный топонимический архив Мелвилла Ричардса (*Archif Melville Richards*) [Place-name database]² остается важным подспорьем для ономастических исследований, несмотря на изобилие публикаций по топонимии Уэльса, особенно в последние время.

В книге рассматривается 801 географическое название 753 объектов на территории Флинтшира (валл. *Sir y Fflint*) до административной реформы 1994 г., т. е. работа несколько выходит за современные пределы графства. В кратком введении (с. 1–5) суммируются основы последующего представления и анализа материала, и такая краткость является, как представляется, основной причиной, заставляющей высказать к этому разделу несколько претензий. К примеру, на с. 3 сообщается, что названия рек Флинтшира могут быть по происхождению кельтскими, бриттскими или древневаллийскими. Понятно, что бриттский, как и восходящий к нему (древне-)валлийский, относится к кельтским языкам, но что означает включение «кельтского» в эту своеобразную триаду? Если речь идет тут о древнекельтских языках, то, конечно, в этих краях нельзя ожидать появления носителей галльского или кельтиберского — это собственно бриттская территория, а сам бриттский язык уже назван авторами. Кроме того, ряд гидронимов, часть из которых будет упомянута ниже, вполне может восходить к средневаллийскому и даже ранневаллийскому периоду, а понятие «древнеевропейский», возможное, но отнюдь не обязательное в применении к этому слою географических названий, вообще

² О значении базы данных см. [Owen, 2006].

ни разу не упоминается. Краткий семантический словарь (с. 3–4) любопытен, но его можно было бы представить в виде небольшого параграфа. Статистические же данные, приведенные в книге, интересны: 62 % топонимов являются валлийскими, причем 15 % из них засвидетельствованы в «Книге Страшного суда» (1086). Однако желательнее было бы представить и информацию подобного рода по иноязычным топонимам, а в регионе известны, кроме английских, еще скандинавские, французские и так называемые перенесенные (например, *America* или *Sodom*) географические названия. Авторы (с. 5) отмечают, что в словаре компонентов топонимов Флинтшира 15 % составляют древнеанглийские лексемы, что еще раз свидетельствует о ранней колонизации этой части Уэльса из Мерсии, но с учетом наличия гибридных топонимов реальная статистика древнеанглийского вклада в топонимический ландшафт ареала остается невыясненной.

Вообще английский пласт топонимии, как представляется, нуждается в более подробном освещении. Было бы, как кажется, уместным более четко выделять среднеанглийский слой и валлийские топонимические форманты, из него заимствованные. Кроме того, особую проблему по понятным причинам могут представлять топонимы типа *Friezland*. Авторы (с. 75) выделяют в этом названии английские компоненты *freeze* и *land*, собственно ‘freezing land’ (‘мерзлая, замерзающая земля’), и полагают, что местные жители воспринимали это место как открытую ветрам холодную землю. Топоним, зафиксированный впервые в 1838 г., таким образом, является английским (новоанглийским). Впрочем, авторы допускают, что эта местность могла быть так названа из-за своей отдаленности, и тогда топоним «Фрисландия» оказывается в группе так называемых перенесенных названий. Действительно, такой тип наименования известен в разных регионах Уэльса, и, понятно, Уэльсом он отнюдь не ограничивается, ср. также идентичные названия в США и Парагвае (с иным, впрочем, типом мотивации названия). Таким образом, вопрос о лингвистическом статусе топонима остается открытым. Следует также отметить его написание в первой аттестации — *Freizland* (1838) — и упомянутое Эллисом Дейвисом в связи с этим еще одно местное географическое название — «ground <...> called *French* or *Freisland* in Rammysley» (<земля... называемая *French* или *Freisland* в Рамсли>), источник датируется 1537 г. [Davies, 1959, 57]. Что же касается собственно статистических данных и их представления, то читатели этой книги получили бы более наглядное впечатление, если бы часть обсуждаемых топонимов была картографирована. Так, к примеру, карты зафиксированных в определенную эпоху (до конца XI в., после английского завоевания и т. д.) географических названий с соответствующей их стратификацией по языкам были бы весьма наглядны и полезны, как и карты распространения отдельных частотных компонентов, например дистрибуции др.-англ. *tūn* (и его продолжений, англ. *town*) и синонимического валл. *tref*. Подобные схемы мы находим во многих трудах по валлийским географическим названиям [ср., например: Morgan, Powell, 1999, 10, 12, 14], и они были бы весьма уместны и в этом томе.

Корпус географических названий Флинтшира (с. 6–204) по своей структуре существенно отличается от многотомного «Исследования английских топонимов» («English Place-Name Survey»), о котором см. [Алпатов, 2013, 114–116; Coates, 2017, 143–146]. Английская схема анализа и представления географических названий отдельного графства, на которой, между прочим, основываются великолепные исследования топонимии всего графства Пемброкшир Б. Чарльза [Charles, 1992] и части Флинтшира одного из соавторов рецензируемого труда [Owen, 1994], безусловно, не является единственно возможной. Флинтширские названия приведены в алфавитном порядке, причем этот порядок является английским, а не валлийским, в котором, к примеру, дифференцируются $ff = [f]$ и $f = [v]$ или $c = [k]$ и $ch = [\chi]$, что и отражено в лексикографии. Этот выбор для написанного по-английски труда представляется оправданным, однако, скажем, последовательность *Church Farm — Chwillter — Chwitfordd — Cilcain* (с. 48–49) может вызвать некоторое эстетическое неприятие у ряда его пользователей, ср. в связи с этим и другие написанные по-английски исследования (например, индекс к [Charles, 1992]), в которых валлийский порядок следования соблюдается. Попутно можно отметить, что индексы и к этой работе, и к написанному в другом формате более раннему исследованию [Owen, 1994] организованы согласно английскому алфавиту. Каждая словарная статья содержит ключевое название (или названия — для дублетных топонимов), его перевод и географические координаты объекта. В ряде случаев английские переводы валлийских топонимов оказываются непоследовательными. Это особенно наглядно для группы географических названий, включающих валл. *cae* ‘поле’. Понятно, что *Cae-du* действительно означает «Черное поле» (‘black field’), а *Cae-Dyah* — «Поле Дейо» (‘Deio’s field’), но перевод *Cae Grugog* как ‘abounding in heather’ (‘изобилующий вереском’) (с. 39), в котором опускается первый компонент, вызывает удивление. Тип географического объекта (поселок, дом, поле и т. д.) иногда указывается в тексте, однако в большинстве случаев читатель вынужден для уточнения этого аспекта обращаться к другим источникам информации. Далее приводится ссылка на компонент (или набор компонентов — для сложных названий) в топонимическом словаре (с. 205–229), который топоним содержит, список аттестаций с датами и собственно анализ. Объем исследовательской части по понятным причинам может быть разным — в зависимости от обсуждаемого материала.

Немаловажно, что в книге анализируются и топонимы, которые уже исчезли с современной карты (например, *Arddunwent* — с. 12), в том числе географические названия, предшествующие английским наименованиям (например, старое и устанавливаемое по косвенным данным *Nant* для совр. *Black Brook* или *Afon Ddu* для его омонима — с. 21). Особенно любопытны такие случаи, когда семантика английского и валлийского наименования существенно отличается. Так, *Licswm* (*Lixwm*) впервые зафиксировано в 1733–1734 гг. (*Lixum Green*) и представляет собой валлизированное написание англ. *licksome* (диалектный вариант,

стандартное — *likesome*), т. е. «Приятное (место)». Однако уже в 1634 г. этот населенный пункт известен под валлийским названием *Yr rwyddfyd* (соответственно, *Yr Wyddfifid*), к валл. *gwyddfifid* ‘жимолость’, и упоминания этого топонима прослеживаются до последней трети XVIII в. (с. 106–107). Несомненно удачным является и то, что в книге приводятся современные варианты (в том числе фонетические) географических названий, отличающиеся от уже закрепленных за населенными пунктами, — так называемые неофициальные топонимы, изучение которых в Великобритании стало популярным в последнее время [см.: Алпатов, 2013, 123]. Так, например, вместо *Rhydgolau* используется *Rhyd-y-goli* (с. 170), а *Fagl* (с. 68) местные жители называют *Ffagl*. В этом отношении предпочтительнее было бы использование фонетической нотации, соответственно с [v] и [f].

Примечательно, что ряд топонимов сохранил в себе географические названия, в принципе не известные по другим источникам. К примеру, *Nannerch* (*Nannerth* — 1254 г., *Nanherch* — 1284 г., *Nannerch* — 1291 г.) возводится совершенно резонно к первоначальному *Nant Erch* (точнее, **Nant Erch*, реконструированные формы помечены в книге только курсивом), и авторы приводят цепочку развития этой формы как *Nant Erch* > *Nānterch* > *Nannerch* (с. 129). Географическое название переводится как ‘Valley of the dappled stream’ («Долина рябой реки»), и в нем видят компоненты *nant* ‘долина’ и *erch*³. Однако в «Глоссарии компонентов» (с. 214) *erch*, которое мы находим только в рассматриваемом топониме, глоссируется как ‘dappled, dark’ (‘рябой, серый’). На первый взгляд, в таком случае мы имеем дело с описательным топонимом «Темная долина», параллели чему легко обнаружить в топонимике разных регионов мира. Однако авторы разумно соотносят этот топоним с названием реки, известной как *Avon Kwm Nannerch* в документе, датированном 1700 г., указывая на ее истоки и течение. Это название, кроме рассматриваемого *Nannerch*, содержит валлийские слова *avon* (*afon* ‘река’) и *kwm* (*cwm* ‘долина’) и является, как мы видим, поздним и описательным. При этом следует упомянуть, что *nant* (ж. р.) означает ‘река, поток’. Более ранним названием реки, соответственно, признается **Erch*, и действительно, идентичный гидроним обнаруживается в Северо-Западном Уэльсе. Таким образом, становится невозможным обойти таксономический вопрос, имеем ли мы дело в этом случае с «Долиной реки Эрх», «Долиной черной реки» или «Долиной Наннерх», и на него можно дать разные ответы. В любом случае, впрочем, реконструированный на основании этого географического названия гидроним **Erch* необходимо использовать в топонимических построениях, и, как представляется, его следовало бы рассмотреть и отдельно от топонима *Nannerch* (с соответствующей взаимной ссылкой), как, к примеру, это сделано в ряде случаев в феноменальной по качеству работе Б. Чарльза [ср., например: Charles, 1992, 15]. Это касается и гидронима

³ В [Owen, Morgan, 2007, 337] топоним переводится как ‘Dappled stream’ («Рябая река») и приведенный там анализ весьма пунктирен.

**Halogan* (с прозрачной этимологией «Грязная (река)»), восстанавливаемого исключительно из топонима *Trelogan* «Поселение на реке Халоган» (с. 188–189). Название реки имеет точные соответствия за пределами Флинтшира. Так, в Пемброкшире мы находим восходящее к этому же гидрониму название *Holgan* (*Holgoy*, 1326), ср. также (с иным суффиксом) **Halogyn*, отраженное в (*Tythin y*) *Logyn* [см.: Charles, 1992, 421–422, 75–76]. Примечательно, что оба гидронима не упомянуты в обобщающем современном труде по валлийской топонимике [Owen, Morgan, 2007].

Общеизвестно, что топонимические штудии привносят немало нового в лексикологию языков, и рецензируемая книга примечательна и в этом отношении. Так, можно упомянуть анализ топонима *Pen y Ball* (ранние аттестации: *Bolles* — 1301 г., *Ball* — 1415 г., *Boles* — 1549 г.) на с. 146, который содержит англ. *bole*, означающее один из примитивных способов плавления руды. Авторы отмечают, что фиксация данного топонима опережает самые ранние сведения о появлении этой лексемы как в валлийской, так и в английской лексикографии. Географическое название *Swndwr* (первая аттестация: *Ysswndre* — 1363 г.), очевидно, следует сопоставить с др.-англ. *sundor*, означающим собственность, отдаленную от фермы, которое мы находим в топонимии Британских островов. Вариант этого термина, *synder*, также отражен в географических названиях, в том числе в Уэльсе (*Cynders*), но *swndwr* встречается только во Флинтшире. Авторы приводят соответствующие данные и отмечают, что первая аттестация топонима *Swndwr* свидетельствует, будто слово было заимствовано в таком виде в валлийский, об этом говорит использование с ним определенного артикля. Фонетический путь данного заимствования абсолютно прозрачен, и несомненно, мы имеем дело с валл. *swndwr*, известным только по топонимии.

Во многих случаях возможны и уместны разные интерпретации географических названий. Так, *Rhydorddwy* (*Rewordui* — 1086 г., *Rythordwy* — 1331 г. и т. д.), несомненно, содержит компонент *rhyd* ‘брод’, однако вторая часть этого составного топонима остается сложной. Авторы указывают (с. 168–169), что в прошлом в ней нередко видели валл. *gorddwy* ‘нападение, насилие’, таким образом, *Rhydorddwy* понималось как «Брод нападения», и в связи с этим обычно упоминали битву 766 г. при расположенном недалеко от брода Рхиддлане. Другое, также историческое объяснение второй части топонима связывает его с племенным названием римского и доримского времени *ордовики*, таким образом, *Rhydorddwy* — «Брод ордовиков». Эти объяснения никак не комментируются, и ссылки на их авторство, к сожалению, не приводятся [в связи с этим см.: Davies, 1959, 146–147]. Также среди прочего упоминается и возможность возведения обсуждаемого компонента к незасвидетельствованному личному имени **Gorddwy* (в этом случае оно приведено под надлежащей звездочкой); как известно, немало средневековых антропонимов вводится в научный обиход посредством изучения географических названий, и Уэльс не является здесь исключением. Авторы,

однако, предлагают иное объяснение. Они считают, что вторую часть топонима следует сопоставить с валл. *mordwy* ‘потоп, наводнение’, что находит подтверждение и в топографии местности. Нельзя не согласиться с тем, что объяснение возможности потери начального *m-* через ослабление артикуляции в этой форме вполне правдоподобно, однако в нашем распоряжении имеется неоспоримое свидетельство его сохранения в так называемой ленированной форме в той же позиции. В связи с этим ср. топоним *Rhydfelen* (Гламорган [Owen, Morgan, 2007, 418–419]) с идентичным первым компонентом, за которым следует прилагательное *melen* ‘желтый’, таким образом, внутренняя форма топонима восстанавливается как «Желтый брод». Хотя первая аттестация этого топонима является достаточно поздней (*y Ryd velen* — 1522 г.), нетопонимические данные более раннего времени свидетельствуют о сохранении ленированного *m-* во второй части композитов с участием этой лексемы. Далее, авторы полагают, что самые ранние записи топонимов говорят в пользу того, что он содержал *-d-*, а не *-dd-* (т. е. [ð]). Однако именно такое написание мы находим и для валл. *gorddwy* (с [ð]) в различных средневековых текстах, поэтому этот аргумент нельзя рассматривать в качестве решающего. Более того, с учетом зафиксированной и ожидаемой ленированной формы последнего (*orddwy*), этот компонент вполне непротиворечиво вычленяется из топонима *Rhydorddwy*. Является ли он незафиксированным личным именем (а семантика соответствующего слова позволяет сделать такое предположение) или нет, остается открытым вопросом.

В книге предложено немало новых интерпретаций. Так, топоним *Bryn Ffaigas* (*Bryn y ffeigas* — 1658 г.) переводится как «Холм фиг», и авторы настаивают (с. 29–30), что в нем содержится ранее не зафиксированная валлийская адаптация среднеанглийской формы мн. ч. *figas, figes*, а не личное имя *Meigas*, как считалось ранее [Davies, 1959, 18]. В связи с этим отмечается, что в Британии фиги культивировали с X в., и, так как на территории Флинтшира дикорастущие фиги неизвестны, речь может идти о садовых растениях, параллели чему указываются в местных названиях Кармартена и Брекона (*Cwrt y Ffigys* не учтен в [Morgan, Powell, 1999]). Ряд географических названий остается загадочным. Среди них, к примеру, топоним *Llawerlydd* (с. 110–111), зафиксированный уже в 1086 г. в виде *Lewerludae, Lavarludon*, ср. также *Llawerlydw* (1329) и *Llawerlyd, Llawerlydo* (1381). Ранние аттестации указывают на то, что изначально он состоял из четырех слогов, с закономерным падением финального *-w*. Исследователи полагают, что первым компонентом сложного слова должно быть валл. *llawer* ‘много’, хотя его идентификация с *llawr* ‘пол, низина’ была бы уместна с топографической точки зрения. Однако такой альтернативный подход практически исключается ранними сохранившимися фиксациями. Во втором компоненте авторы осторожно видят валл. *lludw* ‘пепел, зола’. Компонент действительно встречается в географических названиях (в связи с этим приводятся *Cae Lludw* и *Pant-y-lludw*), однако они существенно моложе рассматриваемого топонима. Делается предположение, что

название этой фермы отсылает нас к некогда сожженному строению или к наделу земли, над которым поднимается пыль. Подобное объяснение является вполне ожидаемым, ср. аналогичную интерпретацию географического названия *Fagwr Eilw* в Пемброкшире, которое, вероятнее всего, содержит синоним валл. *lludw* в качестве второго компонента [Charles, 1992, 231]. Любопытен в связи с этим и топоним *Pen-llan-y-gŵr* (самая ранняя фиксация: *Pen-llun-y-gwr* — 1871 г.), переведенный авторами (со знаком вопроса) как ‘top of the man’s likeness’ (с. 140). Высказывается предположение, будто замена *llun* ‘форма, похожесть’ на *llan* ‘церковь’ вызвана тем, что географическое название находится на самой возвышенной части прихода *Llanfynydd*, что может вызывать обоснованные сомнения. Исследователи настаивают, что видеть в этом компоненте искаженное первоначальное *llyn* ‘озеро’ не представляется возможным по топографическим причинам, и осторожно ссылаются на возможность мифологической интерпретации. Фраза *y gŵr drwg* ‘плохой человек’, напоминают они, является эвфемизмом для дьявола, и речь могла бы идти о камне, визуально отражающем эту мифологию. При этом, однако, отмечается, что она неизвестна в фольклоре, поэтому эти любопытные рассуждения остаются весьма спекулятивными и умозрительными. В любом случае предложенные варианты интерпретации топонима существенно расширяют перспективы дальнейшего его исследования по сравнению с его представлением в более ранней литературе [ср.: Owen, 1994, 300].

Обширный (с. 249–262) библиографический раздел вызывает немало нареканий. Текст книги содержит значительное количество ссылок на соответствующие работы в виде сокращений, эти же сокращения мы находим и в библиографии с дальнейшими ссылками на полное библиографическое описание той или иной работы. Подобное дублирование нельзя рассматривать как продуктивное, и сокращения с полным их раскрытием можно было бы представить в виде отдельной части библиографии, ср. соответствующие разделы в [Charles, 1992; Owen, 1994]. Можно отметить и целый ряд неточностей. Так, журнал «Bulletin of the Board of Celtic Studies» отмечен как продолжающееся с 1921 г. издание (с. 250), однако он был закрыт в 1992 г., а год начала издания другого журнала, «Studia Celtica», дан как 1946 (с. 261, в действительности это 1966 г.). Примечательно, что они выходили в том же издательстве, что и рецензируемая книга. Бюллетень «Notes and Queries» (с. 257, сокращенно NQ) почему-то датирован исключительно 1949 г., хотя его начали издавать в 1849 г. и он существует по сей день. В связи с этим ссылка «см. Richard Coates NQ 1997» на с. 89 на фоне библиографического списка выглядит достаточно странно. При описании работы одного из авторов тома — *Owen H. W. Enwau Lleoedd Bro Dyfrdwy ac Alun. Llanrwst : Gwasg Carreg Gwalch, 1991* — отмечается, что в 1995 г. вышла английская версия этой книги, но ее название мы не обнаруживаем в списке. В написанном по-английски и нацеленном на весьма широкую аудиторию труде по топонимии Флинтшира подобное опущение является неуместным — речь идет об [Owen, 1995].

Книга отлично вычитана, и количество опечаток весьма ограничено. Безусловно, этот великолепно изданный том представляет собой существенный вклад в изучение географических названий Северо-Восточного Уэльса. К сожалению, многие микротопонимы в нем не учитываются, как это сделано в удивительном по полноте и качеству анализе географических названий Пемброкшира Б. Чарльза [Charles, 1992], поэтому в целом ряде случаев остается необходимым использование исследования Э. Дейвиса [Davies, 1959]. Кроме того, книга в этом аспекте значительно уступает и более ранней работе одного из соавторов рецензируемого тома по географическим названиям восточной части Флинтшира [Owen, 1994], и исследователям придется обращаться и к ней. Можно также обратить внимание на то, что в ряде случаев анализ топонимов в книге по топонимике Восточного Флинтшира оказывается более подробным, ср., например, комментарии к топонимам *Bretton* на с. 23–24 или *Caergwrle* на с. 40–41 в этой книге и [Owen, 1994, 20–21, 197–200]. Отдельно следует отметить следующее. Нельзя не испытывать некоторого сожаления в связи с тем, что многочисленные, особенно в последние десятилетия, и нередко великолепные монографии, посвященные анализу топонимов отдельных валлийских графств или их регионов, не унифицированы с точки зрения представления материала, как это сделано для других территорий, составляющих Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. Хотя о необходимости проекта описания валлийских географических названий, сопоставимого, скажем, с английским «Исследованием английских топонимов» («English Place-Name Survey»), говорилось уже почти век, Валлийское топонимическое общество было основано только в 2012 г. [см. с дальнейшими ссылками: Алпатов, 2013, 122] и соответствующая работа проводилась и проводится индивидуальными исследователями согласно принимаемым ими форматам. В Уэльсе никогда не было специального научного подразделения, которое могло бы, по крайней мере, курировать такие исследования⁴, и изданные многими валлийскими и английскими издательствами книги по топонимике Уэльса слишком отличаются друг от друга⁵. Понятно, что анализ данных нескольких валлийских графств уже завершен, и нам остается обсуждать лишь их детали — как в случае и с рассматриваемой в этой рецензии монографией. Можно, однако, надеяться,

⁴ Деятельность Исследовательского центра по изучению географических названий Бангорского университета, благодаря которому, помимо прочего, любой исследователь теперь имеет доступ к архиву М. Ричардса, не вполне осязаема в этом отношении.

⁵ Даже изданные одним и тем же издательством книги по топонимам Уэльса могут существенно отличаться. Так, удачное краткое исследование основных географических названий Бреконшира [Morgan, Powell, 1999] было выпущено издательством «Gwasg Carteg Gwalch» в серии «Наследие Уэльса», в которой вышли в таком же формате еще две книги. Однако иной формат был применен в других работах по топонимии, в том числе и в нацеленном на весьма широкую аудиторию [Owen, 1995]. Рецензируемая работа в связи с этим сопоставима с [Owen, Morgan, 2007], а не с [Charles, 1992] или [Owen, 1994], вышедшими в том же издательстве. Естественно, что популярные книги по ономастике, написанные неспециалистами [см.: Coates, 2017], в этой работе не учитываются.

что в согласованных форматах начнут появляться исследования топонимии оставшихся графств и наконец мы будем иметь дело с серией публикаций по географическим названиям административных единиц Уэльса.

Источники

Place-name database // Place-Name Research Centre. Archif Melville Richards. URL: http://www.e-gymraeg.co.uk/enwaulleoedd/amr/cronfa_en.aspx.

Исследования

Алтаов В. В. Топонимические исследования в Великобритании (XX–XXI вв.): история, основные направления развития // Вопросы ономастики. 2013. Т. 14. № 1. С. 112–131.

Charles B. G. Non-Celtic Place-Names in Wales. London : University of London, 1938.

Charles B. G. The Place-Names of Pembrokeshire. Aberystwyth : National Library of Wales, 1992.

Coates R. Popular Books on English Place-Names — a Serious Issue in Onomastics // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2. С. 143–158.

Davies E. Flintshire Place-Names. Cardiff : University of Wales Press, 1959.

Morgan R., Powell R. F. P. A Study of Breconshire Place-Names. Llanrwst : Gwasg Carreg Gwalch, 1999.

Owen H. W. The Place-Names of East Flintshire. Cardiff : University of Wales Press, 1994.

Owen H. W. Place-Names of Dee and Alun. Llanrwst : Gwasg Carreg Gwalch, 1995.

Owen H. W. Archif Melville Richards: A place-name resource database for Wales // Nomina. 2006. Vol. 29. P. 81–96.

Owen H. W., Morgan R. Dictionary of the Place-Names of Wales. Llandysul : Gomer, 2007.

Рукопись поступила в редакцию 10.10.2018

СОКРАЩЕНИЯ

валл. валлийский язык

* * *

Фалилеев Александр Игоревич

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований
Институт лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9
E-mail: a.falileev@gmail.com

Falileev, Alexander Igorevich

DrHab, Leading Research Fellow,
Department of Comparative Indo-European
Linguistics and Areal Studies
Institute for Linguistic Studies of the RAS
9 Tuchkov Ln., 199053 St Petersburg, Russia
Email: a.falileev@gmail.com

Alexander I. Falileyev

Institute for Linguistic Studies of the RAS
St Petersburg, Russia

GEOGRAPHIC NAMES OF FLINTSHIRE, WALES

Review of the book: Owen, H. W., & Gruffydd, K. L. *Place-names in Flintshire*. Cardiff: University of Wales Press, 2017. 272 p.

The new book on the toponymy of Flintshire is notable in several respects, including the scope of the study that goes well beyond the geographical borders of this county. This review addresses the virtues and the shortcomings of the publication. Two academic monographs, several books for a wider audience, and a number of articles had already been devoted to Flintshire's geographical names. A new study is considered against this background and includes an analysis of the book, its features, and the evaluation of the authors' contribution to the study of the toponymy of North East Wales. The book covers 801 geographical names of 753 places in Flintshire (Welsh *Sir y Fflint*) before the administrative reform of 1994. Given that 62% of the toponyms under study (including those that disappeared from modern maps) are Welsh, the review focuses on the analysis of this set of data, with attention to chronological layers and the etymologies of some geographical names, as well as their translation into English. The author points out that the English layer of Flintshire's toponymy deserves a more detailed coverage. The layout of the data in this work makes it possible to express some considerations regarding the general trends observed in the toponymic studies of Wales.

Key words: toponyms, place names, Wales, Flintshire, Welsh, English.

- Alpatov, V. V. (2013). Toponimicheskie issledovaniia v Velikobritanii (XX–XXI vv.): istoriia, osnovnye napravleniia razvitiia [Toponomastics in Great Britain (20th–21st Centuries): History and Main Directions of Research]. *Voprosy onomastiki*, 1, 112–131.
- Charles, B. G. (1938). *Non-Celtic Place-Names in Wales*. London: University of London.
- Charles, B. G. (1992). *The Place-Names of Pembrokeshire*. Aberystwyth: National Library of Wales.
- Coates, R. (2017). Popular Books on English Place-Names — a Serious Issue in Onomastics. *Voprosy onomastiki*, 14(2), 143–158. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.2.016
- Davies, E. (1959). *Flintshire Place-Names*. Cardiff: University of Wales Press.
- Morgan, R., & Powell, R. F. P. (1999). *A Study of Breconshire Place-Names*. Llanrwst: Gwasg Carreg Gwalch.
- Owen, H. W. (1994). *The Place-Names of East Flintshire*. Cardiff: University of Wales Press.
- Owen, H. W. (1995). *Place-Names of Dee and Alun*. Llanrwst: Gwasg Carreg Gwalch.
- Owen, H. W. (2006). Archif Melville Richards: A place-name resource database for Wales. *Nomina*, 29, 81–96.
- Owen, H. W., & Morgan, R. (2007). *Dictionary of the Place-Names of Wales*. Llandysul: Gomer.

Received on 10 October 2018

DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.015
УДК 811.16'373.23 + 811.112.2'373.23 + 279.99

А. А Плотникова
Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

АНТРОПОНИМЫ СТАРОВЕРОВ В ИНОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ

Рец. на кн.: Ziółkowska-Mówka M. System antroponimiczny staroobrzędowców mieszkających w Polsce / M. Ziółkowska-Mówka. — Toruń : EIKON, 2018. — 469 s.

В рецензии представлен обзор монографии польской исследовательницы М. Зюлковской-Мувки (*M. Ziółkowska-Mówka*) «Антропонимическая система старообрядцев, проживающих в Польше». Книга содержит пять глав, включающих очерк истории старообрядчества и его общую характеристику (глава 1), описание языковой ситуации старообрядцев, проживающих в Польше (глава 2), анализ их личных имен (глава 3), исследование старообрядческих фамилий, русских и польских (глава 4), современных неофициальных антропонимов, включая исторические и современные прозвища (глава 5). Кроме того, в книге имеются объемные приложения, содержащие список имен старообрядцев (мужские и женские имена), список «дополнительных определений», использовавшихся в XIX в., и современных фамилий, а также список современных их прозвищ. В рецензии отмечается важность собранного корпуса русских имен и фамилий в Польше, ценность подробного анализа материала с самых разных точек зрения и уровней языка (способ выбора личных имен староверов по документам и устным нарративам, фонетический и морфологический анализ имен, фамилий и прозвищ, мотивация прозвищ, связанная с разными характеристиками людей и их речи, а также с рядом иных антропонимов). Анализ староверческих имен и фамилий в синхронии и диахронии показывает как исторические, так и современные языковые процессы в социолингвистической ситуации контакта староверов с окружающей инославянской и иноконфессиональной средой. Особую ценность исследованию придает обращение автора к польским и немецким именам (которые также задействованы в номинациях староверов в самых разных аспектах), что

© Плотникова А. А., 2020

подчеркивает кроссязыковой и кросскультурный характер всего рецензируемого труда польской исследовательницы.

Ключевые слова: антропонимия, старообрядчество, русский язык, польский язык, немецкий язык, семантика, мотивация, личные имена, фамилии, прозвища.

В рецензируемой работе предлагается всесторонний анализ антропонимической системы староверов, проживающих в Польше. М. Зюлковска-Мувка прослеживает ее развитие с первой половины XIX в. по сегодняшний день. Внимание исследователя привлекают не только крестильные и официальные имена (и их производные формы), но также и фамилии, а кроме того, неофициальные антропонимы — прозвища и патронимы (или матронимы), которые находятся в списках рядом с именем, но не могут быть с уверенностью отнесены к наследственным антропонимам (их автор называет «дополнительными определениями»¹ [имени]).

В качестве источников масштабного исследования антропонимов староверов, проживающих в Польше, автор указывает как письменные, так и устные тексты. Это архивные акты гражданского статуса из Сувальского района, прусский список мазурских старообрядцев 1842 г., надписи на надгробиях из Сувальского, Августовского и Мазурского регионов, поминальная книга Сувальского прихода, поминальные записки прихожан и устные интервью со староверами Августовского и Сувальского повятов.

Работа состоит из пяти частей, в каждой из которых подробно анализируется письменный и устный материал антропонимии староверов, проживающих в Польше. Автор показывает, что исследуемые имена, фамилии и прозвища имеют черты как русской, так и польской языковых систем, что обусловлено двуязычием носителей диалекта, а на Мазурах, которые были частью Пруссии в начале XIX в., когда туда переселились староверы из Сувальского региона, — еще и троязычием. Поскольку в 1842 г. старообрядцы были обязаны представить свои фамилии прусской администрации, то, как считает исследовательница, фамилии мазурских староверов возникли именно в то время, причем староверы, которые фамилии не указали, получали их от прусского чиновника при составлении переписи. Тогда же образовались отличия фамилий мазурских староверов от фамилий сувальских и августовских прихожан.

Книгу предваряет вступление, в котором автор кратко характеризует состояние исследований на сегодняшний день (пишет об истории и культуре староверов, об изучении языка староверов, где выделяется роль таких известных ученых, как Е. Иванец, И. Грек-Пабисова, Ст. Гжибовский, М. Глушковкий; о славянской антропонимии в целом) и вводит читателя в круг используемых источников, описывая их состояние и доступность. Здесь же излагаются проблемы

¹ В польском тексте книги они именуются *określenia dodatkowe* (OD) (s. 217); в русском резюме переводятся как «дополнительные определения» с сокращением ДО (s. 458).

графической передачи антропонимов в польских и немецких источниках (например, в записях с Сувальщины на латинице один звук [d'] может передаваться тремя разными способами: как *di*, *dy*, *dzi*; в прусском списке буква *s* может означать и [s], и [z]).

Первая глава книги включает очерк истории старообрядчества и его общую характеристику, при этом подробно описывается появление и хронология пребывания староверов на польских землях. Далее, во второй главе, следует описание языковой ситуации старообрядцев, проживающих в Польше: островной характер русских говоров, их замкнутость и процессы постепенного включения инноваций, двуязычие сувальско-сейненских и августовских староверов в противовес многоязычию мазурских староверов.

В третьей главе предпринимается подробный анализ личных имен старообрядцев, проживающих в Польше. История личных христианских имен и способ их выбора последовательно раскрываются в разделах: «Старообрядческие святцы в сравнении с православными», «Дата выбора имени» (как это представлено в научной литературе в целом), «Выбор имени старообрядцев в Польше по свидетельствам информантов» (здесь приводятся устные нарративы, собранные автором), «Дата выбора имени у староверов Польши по данным письменных источников» (здесь приводятся данные из актов рождения XIX в. и эпитафий на надгробных памятниках конца XIX — XX в.), «Мотивировка выбора имени польскими старообрядцами». В последнем разделе любопытно заключение исследовательницы, считающей, что при выборе имени ребенка староверы Польши руководствовались не только датой его рождения, но и иными мотивами, возможно, его эстетическим звучанием, отдельными культами некоторых святых (s. 85). Приводятся сведения и о том, что имя, по верованиям собеседников, может влиять на судьбу человека, с чем, в частности, связано стремление избегать имен святых, умерших мученической смертью. В последние десятилетия при выборе имени ребенку большее внимание староверов, проживающих в Польше, обращено на такие факторы, как наличие польского соответствия имени, сложность / легкость при произношении имени ими самими или поляками — соседями, представителями власти, учителями, коллегами по будущей работе. Здесь же приводится и выразительное стихотворение местной староверки Зинаиды Леоновой о том, как крестили детей раньше и как забыли об этой практике сегодня (s. 87–88).

Обширный раздел в третьей главе посвящен языковым явлениям в личных именах староверов, проживающих в Польше (в частности, диалектным чертам, касающимся фонетики), контекстам употребления крестильных имен и их производных форм, функционированию имен в польском официальном употреблении (здесь рассматриваются имена, образованные при помощи транслитерации русских крестильных имен, отличающихся от польских эквивалентов; польские этимологические эквиваленты русских крестильных имен; польские имена, которые не являются этимологическими эквивалентами русских крестильных

имен; немецкие этимологические эквиваленты русских крестильных имен; имена, не имеющие соответствий в святцах). Отдельно анализируются польские производные формы в антропонимике староверов: имена, образованные путем сокращения полных основ (например, *Alek, Kuba*), и имена, образованные при помощи суффиксов (например, *Piotrek, Janek*).

Четвертая глава посвящена фамилиям староверов. При этом подробно исследуются так называемые дополнительные определения староверов XIX в. — один или два антропонима, указанные при имени. Исследовательница характеризует их и как некую переходную ступень от прозвища к наследственной фамилии. Отдельно анализируются дополнительные определения из архивных актов гражданского состояния Сувальского региона (антропонимы с разными формантами: на *-ов/-ев, -ин, -ович, -инов, -овски, -ски* и др., личные имена в качестве фамилий, апеллятивные фамилии, матронимы, андронимы) и дополнительные определения из прусского списка старообрядцев. Фамилиям польских староверов в XX в. посвящен специальный подраздел, где весь комплекс фамилий распределен по формальному словообразовательному принципу (например, фамилии с формантами *-овски, -ски, -цки* и др.), но классификация внутри параграфов осуществлена по содержательному признаку, в частности выделяются фамилии, происходящие от канонических имен, их вариантов либо производных, и фамилии, образованные от апеллятивов. Каждая из них подробно анализируется, например: «**Suszyńska** — *Сушинский, Suszyński* < рус. *сухой*, польск. *suchy*; рус. *сушить*, польск. *suszyć*» (s. 288). То же самое касается фамилий без формантов, при этом становится очевидным их происхождение из трех возможных источников: русского, польского и немецкого языков, например: «**Karotki** — *Короткий* < рус. *короткий*; **Dziczek** — *Dziczek* — польск. *dziczek* < польск. *dzik*; рус. *дичок*; **Feuersenger** — *Feuersenger* < нем. *feuer* ‘огонь’, ‘пожар’, ‘огненный’ + *senger* < *sengen* ‘жечь’, ‘обжечь, опалить’» (s. 291).

Пятая глава книги полностью посвящена современным неофициальным антропонимам старообрядцев, проживающих в Польше. Глава включает объемный подраздел «Прозвища», где мы находим анализ исторических и современных прозвищ, постоянных и случайных прозвищ, а также связи прозвища с полом и обозначением членов одной семьи, формы прозвищ с точки зрения категории частей речи (прилагательное или существительное), их лексического наполнения (польские; русские диалектные и польские диалектные; прозвища, образованные от неславянских основ, немецких или английских), и наконец — их семантики. В последнем случае специально исследуется мотивация прозвищ, обусловленная характеристикой внешних черт носителя — по цвету волос, росту, особенностям фигуры и пр. (например: *Biały / B'elny / B'alaś* — «потому что у него (у нее) светлые волосы», s. 300), внутренней характеристикой носителя, т. е. образом поведения, привычками, любимыми занятиями, кулинарными склонностями и т. п. (например: *Kadúška* — «потому что любил пить, а в кадлушке было либо пиво, либо водка»),

s. 310), здесь же находим прозвища, образованные от названий профессий, рода занятий (*P'ečnik*, *Stól'ar* и т. п.), связанные с происхождением, предыдущим или нынешним местом жительства, временным пребыванием в какой-либо стране, местности (*Chaxól* — из приведенного в тексте нарратива следует, что человек ранее был униатского вероисповедания; *Zar'éčnyj* — 'живший за рекой' и др.), относящиеся к событиям из прошлого (например: *Bocian* / *Bačán*, ср. диал. *bac'ján* 'аист': «потому что у меня <...> были красные ботинки», s. 317), образованные от любимых выражений, припевок, случайных высказываний носителя (например: *Szczegól* — «Щегол — он всегда говорил: “В общем и в частности”. И так остался Щеглом», s. 319)², мотивированные именем или фамилией носителя (например, *Fáńa* / *Váńa* (*Ваня* < *Иоанн*) «поскольку жена не выговаривала хорошо имя *Ваня*», s. 320). В заключение подраздела приводится список прозвищ, мотивировка которых носителями не указывается, при этом выделяются наименования с «читаемой» семантикой — от аппелятивов (*Diabeł*, *General*, *Kamuńist* и мн. др.). Отметим, что представленный диалектный материал пятой главы с наглядностью показывает, что двуязычие староверов в настоящее время охватывает всю антропонимическую систему, при этом сами мотивировки прозвищ даются носителями диалекта как на русском, так и на польском языках.

В книге после подробного заключения и списка литературы содержится обширное приложение, включающее список старообрядческих имен по святым (указанные в святцах имена даются с астериском) и их модификации, зафиксированные в различных источниках. Введена буквенно-цифровая классификация для польских и немецких (мазурских) генетических соответствий имен из святцев, указанных в словарях, и польских / немецких форм имен (причем для польского языка представлены как полные формы, так и их производные). Например:

Нико́ла*

a1 Никола́й (оф.)

a2 Миколай (прост.), Никула [разг.], Микула [разг.]

a3 Коля, Колька

b1 Николы, *Nikoła*, Николай, Николая, Миколай, *Nikolai*

b2 *Nikoła*, *Nikołay*, *Nikołai*, Николай, Николая, Никола, Николы, *Nikolai*, *Mikuli*,

Mikuła

b3 *ńikóła*, *ńikółaj*, *Mikołáj*, *Mikúła*

b4 *Kól'a*, *Kóła*, *Kól'ka*, *Kólka*

c) *Mikołaj*

² В тексте книги, к сожалению, не указывается получившаяся путем игры слов почти полная омонимия польской лексемы *szczegól* 'деталь' (*w szczególe* 'в деталях, в частности') с русским наименованием птицы *щегол*. При этом, приводя само прозвище по-русски латиницей, автор дает его с ударным [o] во втором слого, но в польской цитате это можно прочитать и с фонетическим [y]. Данный пример, в частности, наглядно показывает, как польский язык окружения староверов взаимодействует с русским и влияет на многие части их антропонимической системы.

- c1 Mikołaj
 d) Nikolaus, Claus, Klaus, Niklaus, Nickel
 d1 Klaus (s. 397).

Предваряющие ряды сочетания букв и цифр объясняются во вступлении к данному приложению: a1 — современные официальные имена; a2 — варианты официальных имен; a3 — производные формы; b) — зафиксированные имена староверов в исследованных регионах, разбитые на: b1 — использованные в источниках религиозного характера (поминальные записки и книги, эпитафии)³; b2 — фигурирующие в архивных источниках (метрики с Сувальщины, прусский список); b3 — формы, трактуемые староверами как полные, канонические (сведения из интервью); b4 — производные формы; c) — польские имена; c1 — полные формы, относящиеся к староверам; c2 — производные формы, относящиеся к староверам. И наконец, пункт (d) относится к староверам с Мазур и включает немецкие имена: d) — немецкие генетические соответствия имен из святцев по данным словарей немецкого языка; d1 — формы, относящиеся к староверам (отсутствие каких-либо пунктов при заполнении схемы означает отсутствие соответствующих форм). Разумеется, такая подборка по каждому имени из святцев представляет особую ценность для последующего изучения процессов взаимовлияния славянских и неславянских языков в сфере антропонимики (с учетом графики лексем в письменных источниках в каждом отдельном случае).

Второе и третье приложения включают список дополнительных определений XIX в. и современных имен (2) и список современных прозвищ староверов, используемых в настоящее время (3). Здесь очень уместными были бы указания на страницы книги, где подробно рассматриваются те или иные фамилии и прозвища, но, к сожалению, желательные в данном случае указатели ономастической лексики отсутствуют. Следует отметить, что предваряющий второе приложение обширный список сокращений и буквенно-цифровых символов показывает основательность авторского подхода к материалу. В этом списке антропонимов представлен следующий материал: дополнительные определения из метрических книг с Сувальщины, имена из прусского списка XIX в., современные имена из Сувальского региона, современные имена из Августовского региона, современные имена из Мазурского региона, антропонимы XIX в., найденные в метрических книгах, патронимы, выписанные из метрических книг, а также данные надгробных надписей и антропонимы из интервью.

Итоги проведенного исследования представляются серьезными и убедительными. Автор приходит к выводу, что в XIX — начале XX в. староверы употребляли русские крестильные имена во всех сферах жизни: в моленной

³ В этом пункте в скобках приводятся сокращения письменных поминальных источников, поэтому имена стоят и в именительном, и в родительном падежах — так, как указаны в поминальных книжках, записках или надгробных надписях.

и светских учреждениях, в неформальных контактах между собой и с иноверцами. Если в моленной во время поминания покойных это были канонические имена (например, *Иосиф*), то в мирских документах — их фонетические варианты и морфологические производные (*Иосип, Осип*)⁴, а в повседневном общении, как правило, — дериваты (*Ося, Оська, Осенька*). Имена староверов, родившихся в последние десятилетия, преимущественно не отличаются от имен большинства жителей Польши. При этом до сих пор при крещении старообрядцы Польши дают имя ребенку по святым, но в актах гражданского состояния записывают польские имена, представляющие собой этимологические эквиваленты русских канонических имен (например, *Jerzy — Георгий*) или совсем иные — польские популярные имена (*Adam — Виталий, Sylwia — Елена* и т. д.)⁵.

М. Зюлковска-Мувка делает важные выводы, касающиеся различий в именовании староверов в Сувальском и Августовском регионах, с одной стороны, и на Мазурах, с другой. У староверов Сувальского и Августовского повятов употребляются два имени: русское — в религиозной сфере (а его варианты — в общении с единоверцами) и полное польское имя — в государственных учреждениях, школах и подобных заведениях (а его варианты — в неформальных контактах с представителями иной веры, прежде всего с поляками). В надгробных надписях здесь указываются русские имена из святцев и их варианты, реже — польские эквиваленты. При этом в эпитафиях полностью отсутствуют имена, у которых нет эквивалентов в церковном календаре. В Мазурском регионе имена староверов выступают в трех языковых версиях, что показывает анализ антропонимов на могильных плитах. В эпитафиях преобладают русские канонические имена, записанные в латинской транслитерации, встречаются их польские и немецкие эквиваленты, а также польские и немецкие имена, не имеющие эквивалентов в святцах (например, нем. *Erich, Ginter*).

В настоящее время у староверов Сувальского и Августовского регионов выбор русского или польского имени при общении друг с другом зависит от экстралингвистических факторов: от возраста лиц, вступающих в разговор, места их общения и пр. Людей пожилого возраста обычно называют русскими именами, а представители среднего и младшего поколения называют своих ровесников чаще польскими именами. При этом в старообрядческих деревнях Габове Гронды и Бур Августовского региона, характеризующихся компактным проживанием староверов, среди представителей молодого поколения в ходу также и русские имена (которые все же чаще употребляются в семьях, где живут пожилые родственники).

⁴ Ср. аналогичную ситуацию у латгальских староверов в Латвии, описанную по материалам «Пособия к поминальной книжке» и на основе интервью со староверами в [Плотникова, 2019].

⁵ Влияние процессов глобализации в данном случае очевидно, что доказывают и исследования российских ученых Института славяноведения РАН, проведенные у староверов Польши в 2016–2017 гг. по этнолингвистическим вопросникам, в том числе о выборе имени младенца в настоящее время [см.: Узенёва, 2019].

Большинство современных фамилий староверов Августовского и Сувальского регионов образованы преимущественно от крестильных имен, их вариантов или производных форм (преимущественно при помощи форманта *-ов/-ев*). В основном они происходят от патронимов, которые, видимо, на рубеже XIX–XX вв. плавно преобразовались в фамилии при регистрации дат рождения, брака, кончины. У мазурских староверов гораздо больше фамилий, образованных от апеллятивов: чаще всего от русских существительных (например, *Golubiew* — *Голубев* < рус. *голубь*), реже — от польских (например, *Krukowsky* — *Круковски* < польск. *kruk* ‘ворон’) и немецких (например, *Grossman* — *Гроссман* < нем. *groß* ‘большой’ + *Mann* ‘мужчина, человек’). Автор предполагает, что немецкие фамилии староверы получили от прусского чиновника, составлявшего список, поскольку в середине XIX в. большинство из них не владели немецким языком (при составлении списка им помогал польский переводчик). Среди современных фамилий мазурских староверов самую большую группу составляют фамилии с формантом *-ск(и)*, меньше фамилий на *-ов/-ев*, немногочисленны фамилии с другими суффиксами.

Рецензируемая книга, написанная с привлечением лексического, семантического и морфологического материала трех языков — русского, польского и немецкого, представляет собой важное славистическое исследование, в котором всесторонне учитывается историческая и современная ситуация проживающих в Польше староверов.

Плотникова А. А. Заметки о региональной антропонимии староверов Латгалии. DOI 10.15826/vopr_onom.2019.16.3.030 // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 3. С. 28–40.

Узенёва Е. С. О традиционной народной культуре староверов Польши // Русский язык и народная традиция старообрядцев зарубежья / отв. ред. А. А. Плотникова. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2019. С. 278–279.

Рукопись поступила в редакцию 16.01.2020

* * *

Плотникова Анна Аркадьевна

доктор филологических наук, главный
научный сотрудник отдела этнолингвистики
и фольклора
Институт славяноведения РАН
119334, Москва, Ленинский пр., 32а
E-mail: annaplotn@mail.ru

Plotnikova, Anna Arkadyevna

DrHab, Principal Research Fellow
Department of Ethnolinguistics and Folklore
Institute of Slavic Studies of the RAS
32a, Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russia
Email: annaplotn@mail.ru

Anna A. Plotnikova

Institute of Slavic Studies of the RAS
Moscow, Russia

**OLD BELIEVERS' PERSONAL NAMES
IN A FOREIGN LANGUAGE ENVIRONMENT**

Review of the book: Ziółkowska-Mówka, M. *System antroponimiczny staroobrzędowców mieszkających w Polsce* [Anthroponymic System of Old Believers Living in Poland]. Toruń: EIKON, 2018. 469 p.

The article provides an overview of the book *Anthroponymic System of Old Believers Living in Poland* by the Polish researcher M. Ziółkowska-Mówka. This 5-chapter book includes an outline of the history of the Old Believer' movement and its general features (Chapter 1), a description of the language situation of Old Believers living in Poland (Chapter 2), an analysis of their personal names (Chapter 3), a study of Old Believers' surnames, Russian and Polish (Chapter 4), present-day unofficial anthroponyms, including historical and modern nicknames (chapter 5). An extensive appendix contains a list of Old Believers' names (male and female), a list of "additional definitions" used in the 19th century, modern surnames and a list of modern nicknames. The review notes the importance of the collected corpus of Russian names and surnames in Poland and gives high account of the comprehensive analysis of the material (principles of selection of Old Believers' personal names from documents and oral narratives; phonetic and morphological analysis of names, surnames and nicknames; motivation for nicknames pointing at different characteristics of people and their speech and referring to other anthroponyms). Synchronic and diachronic analysis of Old Believers' names and surnames reveals a picture of historical and modern language processes against the sociolinguistic background of Old Believers' interaction with non-Slavic and non-Old Belief communities. Of particular value to the study is the analysis of Polish and German names (which are also involved in Old Believers' naming in various aspects), as it emphasizes the cross-linguistic and cross-cultural nature of the entire peer-reviewed work.

Key words: anthroponymy, Old Believers, Russian, Polish, German, semantics, motivation, personal names, surnames, nicknames.

Plotnikova, A. A. (2019). Zаметki o regional'noi antroponimii staroverov Latgalii [Notes on the Regional Anthroponymy of the Old Believers of Latgale]. *Voprosy onomastiki*, 16(3), 28–40. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.030

Uzeneva, E. S. (2019). O traditsionnoi narodnoi kul'ture staroverov Pol'shi [On the Traditional Culture of the Old Believers of Poland]. In A. A. Plotnikova (Ed.), *Russkii iazyk i narodnaia traditsiia starobriadtsev zarubezh'ia* [Russian Language and Folk Tradition of Old Believers Abroad] (pp. 278–279). Moscow: In-t slavianovedeniia RAN.

Received on 16 January 2020

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИИ, СЪЕЗДЫ, СИМПОЗИУМЫ

XVII Международная научная конференция «Ономастика Поволжья»

Конференция «Ономастика Поволжья», ведущая отсчет своих заседаний с 1967 г., уже давно переросла заявленный в названии региональный формат и стала крупнейшим форумом отечественных ономатологов, приобретшим в XXI в. международный масштаб. Последнее заседание состоялось 17–19 сентября 2019 г. в Великом Новгороде — городе, который не имеет гидрографической связи с бассейном Волги. Таким образом, проприатив «Ономастика Поволжья», который можно отнести к разряду собственных имен, называемому набирающим в последнее время силу термином «эвентонимы» (или «ивентонимы»), а по значению для участников события — к геортонимам, теряет свою отобъектную мотивировку и становится условно-символической номинацией, манифестирующей единство ономастики как науки и преемственность традиций среди нескольких поколений ономатологов. Впрочем, председатель оргкомитета текущей конференции, проф. В. Л. Васильев, на пленарном заседании напомнил, что Новгородская земля все-таки частично попадает в Волжский бассейн, а сопредседатель оргкомитета, проф. В. И. Супрун, от имени всех собравшихся выразил духовное родство с Поволжьем песенной строкой «Волга в сердце впадает мое».

На открывшем конференцию пленарном заседании после приветственных слов В. Л. Васильева, проректора Новгородского государственного университета (НовГУ) А. Б. Ефременкова и директора Гуманитарного института НовГУ Е. В. Тороповой было представлено восемь докладов, охватывающих самые разные аспекты ономастических исследований. Открыл научную часть заседания *В. И. Супрун* (Волгоград), который показал, опираясь на данные ассоциативного эксперимента, как в сознании носителя языка из разноразрядных, связанных с определенным фрагментом картины мира собственных имен формируется ономастическое поле, имеющее, как и во всем ономастиконе, антропонимическое ядро. Несколько докладов пленарного заседания были посвящены семантической, в частности коннотативной, ономастической проблематике. *А. М. Мезенко* (Витебск, Белоруссия) обратила внимание на проявление сущностного языкового качества эмотивности во внутриселенческих названиях, что приводит к появлению у последних положительной (ул. *Мирная*, ул. *Светлая* и т. п.) и отрицательной коннотаций (ул. *Пустынная*, *Тупиковый* пер. и т. п.). *И. В. Крюкова* (Волгоград) выделила три типа коннотативных значений в эргонимии — доонимический, онимический и постонимический — и на конкретных

примерах, выбранных, в частности, из «Национального корпуса русского языка», показала, как эргонимы становятся инструментами эмоциональной оценки и пополняют фонд разноуровневых оценочных средств русского языка. *Л. А. Климкова* (Арзамас) описала пути формирования семантики микропонимов: для непроецируемых единиц это возможно только в плане фонетических ассоциаций, но производные названия — в зависимости от особенностей мотивированности и деривации — включаются в процесс семантического проецирования и получают конкретное значение, отражающее освоенное природное пространство. Доклад *Р. Левушкиной* (Белград, Сербия) был выполнен в теолингвистическом ключе, исследовательница показала возможности и перспективы изучения православной сакральной ономастики в сербском языке с генетической, структурной, картографической, литературно-ономастической и иных точек зрения. Прикладной и социально значимый аспект ономастики был раскрыт в докладе *М. В. Голомидовой* (Екатеринбург), посвященном вопросам именования и переименования городских объектов; особое внимание было уделено ошибкам топонимических комиссий, вызвавшим большой общественный резонанс, и необходимости профессиональной нейминговой экспертизы. Классическая для ономастики историко-топонимическая проблематика была представлена в двух докладах. *И. И. Муллонен* (Петрозаводск) рассмотрела карельские топонимы типа *Большой Двор*, отражающие историю домосковской Карелии, — большая часть таких названий, обозначавших боярское землевладение, постепенно исчезает после присоединения Новгородской республики к Москве и конфискации боярских земель. В совместном докладе *В. Л. Васильева* и *Н. Н. Вихровой* (Великий Новгород) было представлено теоретическое понятие топонимической микросистемы и показано формирование таких микросистем в результате транstopонимизации и топонимической аналогии, иллюстративным материалом послужили гидронимы исторических Новгородско-Псковских земель.

Указанная проблематика была продолжена на заседании секции, посвященной историко-этимологическим аспектам региональной топонимии и *А. А. Афанасьева* (Петрозаводск) показала эффективность ареально-типологического метода в исследовании региональной топонимии и микропонимии на примере карельского Сямозера, особо подчеркнув значение ойконимии и гидронимии. Совместный доклад *В. В. Васильева* и *Н. Н. Вихровой* был посвящен дославянской топонимии водораздела Волги, Западной Двины и Днепра. Авторы показали ряд страт, до древнеиндоевропейского наследия включительно, оговаривая, впрочем, что факты такового не обязательно являются исконными, но могли появиться в результате балтийского заселения региона. *С. Торкар* (Любляна, Словения) представил авторскую этимологию названия люблянского квартала *Колезия* и сопоставил с ним название *Резия* (река и долина в итальянском приграничье) по исторически схожему суффиксу, добавив в параллель также само название страны — *Словения*. *И. Ю. Анкудинов* (Великий Новгород), исследуя материалы новгородских поземельных актов XII–XV вв., отметил важность локализации топонимов не только как точечных объектов, но и как площадных, поскольку это дает ценную информацию о средневековом землевладении и — шире — о социально-экономической истории Новгородской

земли. *И. Л. Копылов* (Минск, Белоруссия) обобщил итоги изучения старобелорусской топонимии по данным памятников деловой письменности XIV–XVIII вв. и рассказал о перспективах дальнейшего развития, в частности о созданном реестре, включающем уже более 10 тыс. названий, и источниках его расширения. В докладе *Е. В. Захаровой* (Петрозаводск) были рассмотрены не собственно топонимы, а географические термины в материалах подготовленной к печати рукописи «Словаря карельской народной географической терминологии», причем особое внимание было уделено именно таким терминам, которые не участвуют в образовании топонимов. *А. А. Макарова* (Екатеринбург) обратила внимание на сложность этимологической интерпретации субстратных топонимов Белозерья, восходящих к «нетопоническим» по семантике апелляциям, и показала ряд возможных путей метафорического переноса значений, приведших к закреплению новых единиц в топонимической системе. В исследовании *А. С. Егоровой* (Чебоксары) были в структурном аспекте типологизированы чувашские гидронимы.

Предметом рассмотрения еще одной топонимической секции стали источники и методы изучения топонимии и микротопонимии. В совместном докладе *Л. П. Михайловой* и *А. В. Приображенского* (Петрозаводск) были рассмотрены деловые документы как источник изучения топонимии Карельского Поморья; обращение к историческим источникам традиционно для топонимии, но данный доклад показал, что историей уже стали документы 1930–1950-х гг. Источники более раннего периода, конца XIX — начала XX в., были рассмотрены в выступлении *Р. В. Гайдамашко* (Санкт-Петербург), который продемонстрировал, как коми-язвинская ономастика отразилась в опубликованных тогда заметках этнографов, краеведов, фольклористов. *И. А. Дамбуев* (Улан-Удэ), анализируя современные нормативные документы и карты, показал сложность употребления прописных букв для обозначения топонимов и предложил ввести понятие «квазитопоним» — обозначение топообъекта, чаще всего поселения, через название находящегося в нем организаций и учреждений. *С. А. Попов* (Воронеж) выступил с общим обзором истории словарного описания топонимии Воронежского края, от первой публикации 1966 г. до современного состояния. От себя добавим, что частью этого описания являются также труды докладчика. Следующий доклад показал, что описание топонимии Воронежской земли отнюдь не закончено — в выступлении *Д. Н. Гальцовой* (Воронеж) была рассмотрена и классифицирована в мотивационном аспекте гидронимия двух сел Воронежской области. Микротопонимическую тему продолжила *Е. В. Цветкова* (Кострома), представив исследование названий пастбищ и продемонстрировав, что они являются важным источником сведений о костромских говорах. В завершение работы секции *В. А. Шклярник* (Минск, Белоруссия) рассмотрел конкретный микротопоним — *Кацярынінскі Шлях* ‘Екатерининский тракт’, встречающийся на территории Белоруссии 13 раз, причем положение топообъектов не совпадает с реальным маршрутом путешествия Екатерины II в 1787 г.

На текущей конференции «Ономастика Поволжья» впервые в истории отечественных ономастологических конференций была особо выделена проблематика городского ономастического пространства, причем соответствующая секция

выдержала два заседания, включивших в общей сложности 13 докладов. Утреннее заседание открыл доклад *Т. В. Шмелевой* (Великий Новгород), исследовательница отметила существенный по сравнению с советским периодом рост количества урбанонимов разных разрядов и предложила концепцию ономастического портрета города в качестве модели описания городской ономастики. *Р. В. Разумов* (Ярославль) с опорой на результаты анкетирования рассмотрел официальные и неофициальные названия — ориентиры в городском онимическом пространстве, типологизировал их по размеру, характеру и происхождению объекта (природные / антропогенные). *Ю. В. Железнова* (Ижевск) обратилась к эргонимическому материалу для выявления степени репрезентированности в нем социальных ценностей, из которых автор выделил три «беспорных» — семья, здоровье, богатство. *М. Л. Дорофенко* (Витебск, Белоруссия) сопоставила отантропонимные урбанонимы в Реймсе и Витебске, показав особенности меморативной номинации, в частности тяготение французских названий к увековечению участников Первой мировой войны, а белорусских — Второй. В докладе *В. С. Картавенко* (Смоленск) наряду с обзором официальных и неофициальных урбанонимов Смоленска была выделена категория «полуофициальные названия» — это обозначения городских районов, не зафиксированные в документах, но известные всему городскому сообществу. *Т. В. Горлова* (Кострома) рассмотрела различные структурные типы урбанонимов Нерехты и отметила, что в реальной речи горожан часто происходит преобразование официальных названий с существительными по модели «прилагательное + слово-термин». Выступление *В. В. Заонегиной* (Торжок) было посвящено одному из разрядов урбанонимов Торжка, который был обозначен автором как *агиотопонимы*, или «церковная» *топонимия*: имеются в виду обозначения городских объектов, производные от названий церквей. В совместном докладе *А. П. Рассадина* и *В. Н. Ильина* (Ульяновск) рассматривались «необоснованные» урбанонимы Ульяновска, по сути доклад являлся конструктивной критикой ряда урбанонимических номинаций, не имеющих внятной мотивированности и логики присвоения имени.

На втором заседании секции *С. О. Горяев* (Екатеринбург) и *Бай Шаньшань* (Тунляо, Китай) показали сходство детской урбанонимии, т. е. названий детских садов, в России и Китае, проявившееся, несмотря на принципиальное различие языков и культур. *Е. А. Казнина* (Ярославль) продолжила тематику прозвучавших ранее докладов, посвященных урбанонимии малых городов, и рассмотрела урбанонимы Углича с точки зрения мотивированности, выделив три основные группы названий: меморативные, дескриптивные и условно-символические. *Л. Ю. Кодынева* (Великий Новгород) обратилась к лексикографическим проблемам и показала возможный словарный подход к системному описанию урбанонимии конкретного города. Педагогический потенциал ономастики был рассмотрен в докладе *Е. О. Орловой* (Великий Новгород), продемонстрировавшей, что топонимическая грамотность предполагает ориентацию не только в географическом, но и в культурном пространстве. Культурологический подход продолжил завершающий секцию доклад *Г. Д. Негановой* (Кострома), посвященный не урбанонимам, а названиям более крупных объектов — историческим хоронимам (названиям станом и волостей) Костромского края.

Специальная секция была посвящена разнообразным проблемам антропонимии. *Юнус Ф. Ш. Пашаева* (Карс, Турция) сопоставила «профессиональные» фамилии тюркского происхождения в русском языке, связанные в основном с военным делом, и болгарском языке, имеющем богатый набор тюркизмов в сфере профессий и ремесел. *И. М. Ганжина* и *М. Ю. Черненко* (Тверь) исследовали выбор антропонимов в дворянском роде Бакуниных как отражение типичной для XVIII–XIX вв. традиции именования в среде образованных дворян, основанной на приоритете семейных ценностей. Доклад *Т. И. Кошелевой* (Великий Новгород) был посвящен прецедентным именам в православном дискурсе, в частности именам библейских персонажей из Ветхого и Нового Заветов в богослужебных текстах Великого поста. Новейшая антропонимическая ситуация оказалась представлена в двух следующих докладах. *А. В. Цепкова* (Новосибирск) провела исследование метафорических моделей прозвищной номинации, т. е. создания неофициальных имен, производных от апеллятивов или антропонимов и характеризующих внешность их носителя; источником материала стало анкетирование учащихся и студентов Новосибирска. *А. Е. Деникина* (Самара) исследовала механизмы приспособления личных имен иностранных студентов к русскоязычной среде, включающие как фонетическую и морфологическую адаптацию со стороны носителя имени или русского окружения, так и случаи полной смены имени. Но все-таки большая часть докладов секции касалась исторического аспекта антропонимии. *Е. Н. Николаев* (Якутск) показал, насколько важным источником по истории якутского языка может стать изучение бытовавших до 1632 г. якутских дохристианских личных имен. *М. Мордань* (Белосток, Польша) обратился к изучению польско-белорусского этнокультурного пограничья в очень конкретном аспекте — для анализа исследователь выбрал из приходских книг конца XIX в. образованные от антропонимов фамилии с суффиксом *-ук/-чук-*. В исследовании *Л. Н. Верховых* (Борисоглебск) рассматривались русские фамилии по материалам ревизских сказок Новохоперского уезда Воронежской губернии, автор поддерживает представление о том, что фамильная система русского крестьянства начинает формироваться в начале XIX в. *Е. П. Черногрудова* (Борисоглебск) с опорой на работы Ф. Б. Успенского показала разницу в двуименности Рюриковичей домонгольского периода, основанной на мирских языческих именах, и более позднего периода формирования христианских княжеских имен.

Семь докладов были объединены в секцию теории и методов ономастических исследований. В докладе *Н. В. Бубновой* (Смоленск) была поставлена проблема создания и сохранения в условиях глобализационного вызова единого национального культурного пространства, маркерами которого выступают собственные имена; теоретические идеи были подкреплены данными ассоциативного эксперимента. *О. В. Врублевская* (Волгоград) исследовала динамику изменений коннотативных значений антропонимов политического дискурса на примере фамилий *Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев*, данные были получены методом контекстного анализа по синхронным срезам 1990-х, 2000-х и 2010-х гг. *О. И. Копач* (Минск, Белоруссия) пересмотрел традиционный лексикологический подход к топонимической категоризации, при котором базовыми являются географические апеллятивы,

и предложил в функциональном аспекте считать базовыми единицы, сочетающие показатели категорий предмета и признака. *Н. А. Максимчук* (Смоленск) выступила с докладом «Структура ономастического пространства и проблема терминологической номинации». *С. В. Лесников* (Санкт-Петербург) подверг компьютерной обработке материалы словарей ономастических терминов и исследований, касающихся ономастической терминологии, и систематизировал все источники, вычислив математическими алгоритмами вес как отдельного термина, так и ранг источника. *И. Ю. Русанова* (Ижевск) обобщила теоретические представления о национально-культурном компоненте в семантике эргонима, показала его возможные виды — интернациональный, общенациональный, этнический, региональный — и способы репрезентации, в частности эксплицитный или имплицитный, на уровне денотата или коннотации. Нужно особенно отметить доклад *Н. В. Васильевой* (Москва), посвященный не теории или методам ономастики, но крупнейшему отечественному теоретику-ономатологу *А. В. Суперанской* (1929–2013), которой в год проведения конференции исполнилось бы 90 лет.

Организаторы сочли необходимым вынести в особую секцию аспекты ономастической периферии, в работе которой прозвучали доклады, посвященные самым разнообразным, не затронутым на других секциях разрядам собственных имен и смежным с ономастикой явлениям языка. Примеры последних были приведены в докладе *М. В. Ахметовой* (Москва), которая осуществила сплошную выборку материала в трех советских периодических изданиях за более чем 30 лет их существования и показала, как «трудящиеся и прочие классовые номинации» постепенно заменяются катойконимами — с конца 1930-х гг. и особенно в военное время. *А. А. Бурыкин* (Санкт-Петербург) не ограничился одним разрядом собственных имен, но рассмотрел ценные ономастические данные из поволжских путеводителей 1854–1941 гг. — топонимические, урбанонимические единицы, экклезионимы, эргонимы, топонимические термины, названия пароходов и т. д. Два доклада коснулись имен животных. *Е. Н. Варникова* (Вологда) показала, как вслед за антропонимиконом менялся русский зоонимикон: так, с XVI в. появляются клички животных, мотивированные христианскими личными именами. Также она отметила сохранение исторической ядерной части в системе зоонимов. Конкретный вид зоонимов представили в совместном докладе *С. А. Залужанская, О. С. Попцова и Т. В. Шеремета* (Пермь): авторы рассмотрели принципы выбора кличек служебных собак в питомниках Федеральной службы исполнения наказаний, показали общие тенденции и региональные особенности, отметив, например, что только в Сибири злобных собак черного окраса называют *Колчак*. Два доклада коснулись религиозной ономастики. *Е. В. Генералова* (Санкт-Петербург) исследовала функционирование в современном русском языке имен библейского происхождения — они становятся культурными символами, включаются во фразеологизмы и развивают переносные значения, причем их употребление может иметь как интернациональный характер, так и яркую национальную специфику. *О. А. Лукина* (Могилев, Белоруссия) обратилась к изучению экклезионимов и показала на белорусском материале, включающем названия православных, католических и протестантских культовых сооружений,

конфессиональную специфику этого разряда собственных имен. *А. В. Антонов* (Ярославль) классифицировал названия советских детских кинофильмов, находившихся в прокате в 1965–1982 гг., в аспекте проявления «знаков адресата», т. е. указания в фильмонимах направленности на детскую или подростковую аудиторию. *Б. Болеста-Врона* и *Я. Врона* (Белосток, Польша) рассмотрели функционирование в рамках рекламного текста наименований часов российского производства; интересно отметить, что докладчики сознательно предпочли непопулярный в последнее время термин «ктематоним».

Не осталась без внимания участников конференции л и т е р а т у р н а я о н о м а с т и к а. Хотя в названии секции была также заявлена фольклорная ономастика, реально прозвучали доклады, посвященные именно авторской литературе. Общетеоретическое по характеру выступление *Г. Ф. Ковалева* (Воронеж) было посвящено изучению литературной ономастики с позиций автобиографизма, т. е. влияния жизненного опыта автора на формирование ономастикона художественного произведения. Отметим также, что на закрытии конференции докладчик критически оценил некоторые современные исследования литературно-ономастического плана, каковые, по его мнению, слишком сосредоточены на извлечении ономастического материала из конкретных текстов в ущерб теоретической глубине. На текущей же конференции исследованию ономастики конкретных текстов было посвящено четыре доклада. *М. М. Репенкова* (Москва) исследовала творчество современного турецкого беллетриста *З. Ливанели* и на примере романа «Тревожность» показала значимость географических названий — турецких, иранских, христианских и езидских — с точки зрения их историко-культурной и религиозной составляющей. *Г. Н. Гиржева* и *В. И. Заика* (Великий Новгород) в совместном докладе рассмотрели номинации персонажей сборника рассказов *Ю. Буйды* «Прусская невеста» — как проприативные, так и не выраженные собственным именем, особенно подчеркнув роль прозвищ в формировании художественного образа. Доклад *Н. В. Комлевой* (Вологда) был посвящен ономастикону романа *В. И. Белова* «Кануны» и роли собственных имен в субъектной организации текста; фактически исследовательница ограничилась только антропонимиконем произведения. *Н. В. Летаева* (Одинцово) выбрала для изучения рассказ эмигрантской писательницы *Е. Бакуниной* «Шторм» и представила свою интерпретацию семантики имен главных героев, культурные смыслы которых поддерживаются также топонимическим корпусом поэтонимов текста. *А. В. Батулина* (Великий Новгород) обратилась к изучению ономастикона не конкретного автора, а целого литературного направления — современного женского детектива; предметом рассмотрения стали метаязыковые комментарии к собственным именам, осуществляющие просветительскую функцию массовой литературы. Иной аспект литературной ономастики был представлен в выступлении *Н. Н. Вихровой* (Великий Новгород), посвященном псевдонимам *И. С. Аксакова* в газете «День», выбор которых был обусловлен стилистикой публикации, личными политическими убеждениями автора и идеологической направленностью издания. Совместный доклад *Т. В. Хвесько* и *С. Ю. Третьяковой* (Тюмень) носил теоретический характер — авторы рассмотрели лингвопрагматическую функцию антропонимов в рамках художественного текста,

понимаемого как единый речевой акт; в качестве иллюстрации использовались антропонимы из романа Дж. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень».

Отметим в заключение, что конференция стала достойным продолжением всей серии заседаний «Ономастики Поволжья». Вполне традиционным, например, стал «ядерный» набор участников, в частности это представители Волгоградской ономастической школы. Материалы конференции были изданы в виде сборника. В целом «Ономастика Поволжья» в последнее время получила второе дыхание — за последние четыре года прошло уже три конференции, а следующая состоится в сентябре 2020 г., принимающей стороной выступит Костромской государственный университет.

С. О. Горяев

кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
gorajev@yandex.ru

Научное издание

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

2020. Т. 17. № 1

Выпускающий редактор	<i>А. А. Макарова</i>
Редакторы	<i>Д. В. Спиридонов</i> <i>О. Д. Сурикова</i>
Перевод	<i>Е. С. Ессяк</i>
Корректор	<i>Л. А. Феоктистова</i>
Компьютерная верстка	<i>Л. А. Хухаревой</i>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-75393 от 05.04.2019.

Учредители: ФГБУН Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

121019, Москва, ул. Волхонка, 18/2;

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».

620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Дата выхода в свет 27.03.2020. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 21,16. Усл. печ. л. 22,42. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 87.

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Общие правила

- Статья объемом до 1 уч.-изд. (авт.) листа (40 000 знаков) может быть опубликована на русском, английском (британском или американском варианте), французском или немецком языке. Объем статьи может быть увеличен по согласованию с редакцией. Краткие сообщения не должны превышать по объему 0,5 уч.-изд. (авт.) листа (20 000 знаков).
- Статьи, уже опубликованные или направленные автором в редакции других журналов, не принимаются.
- Статья проходит рецензирование как минимум двумя членами редколлегии и, если это необходимо, другими специалистами из числа членов экспертного совета журнала или внешними экспертами («слепое» рецензирование), обладающими необходимыми компетенциями. В течение двух-трех месяцев после поступления рукописи в редакцию автор письменно извещается о возможности публикации в журнале.

Общие требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал предоставляется в электронной версии (на диске или по электронной почте). Параметры: Word 6.0/7.0 (формат doc или rtf), шрифт Times New Roman, кегль основного текста 14-й, сноска — 12-й, интервал — 1,5, абзац 0,7 (установленный через меню). Если вы используете нестандартный шрифт, приложите к письму файл с шрифтом, а также копию статьи в формате pdf.

2. Фамилии авторов должны быть перечислены в алфавитном порядке над заголовком. Там, где имя может быть прочитано неоднозначно (например, двойное имя и фамилия), автору следует ясно указать правильный вариант чтения.

3. Под заголовком на языке статьи размещаются резюме (200–250 слов) и ключевые слова (5–10).

Для статей, сообщающих об оригинальных исследованиях, резюме должно содержать следующее описание: основную цель и гипотезу исследования, изучаемый материал, методы и процедуры исследования, основные итоги, результаты и выводы, а также указание на значение этих выводов для последующего исследования или практического применения.

Список ключевых слов должен быть информативным и отражать содержание статьи.

4. Языковой иллюстративный материал выделяется в тексте работы курсивом. Для выделения лексического значения используются марровские кавычки (‘’), при цитировании — угловые («»), при цитировании внутри цитаты — английские двойные кавычки (“”). Смысловые выделения обозначаются разрядкой.

5. Иллюстрации (карты, изображения, фотографии) должны быть хорошего качества. Их следует приложить отдельными файлами (формат jpeg, разрешение 300 dpi, ширина изображения не менее 13 см).

6. Примечания — подстрочные (даются в сносках внизу страницы), нумерация сквозная.

7. Библиографические ссылки — затекстовые (алфавитный список). Форма связи ссылки с основным текстом — с помощью фамилии автора (названия книги) и года издания (страницы, если это необходимо) в квадратных скобках.

8. Если статья публикуется на русском языке, то после списка литературы на английском языке приводятся метатекстовые данные (все то, что предшествует основному тексту), а также список литературы в формате APA (подробнее см. ниже). Если статья подается на английском языке, то список литературы сразу же выполняется в формате APA.

9. При наличии в статье авторских сокращений после списка литературы приводится их перечень.

10. В конце статьи необходимо поместить краткие сведения об авторе: ФИО, ученая степень и ученое звание, должность, место работы, рабочий адрес (и адрес для отправки авторского экземпляра, если не совпадает с рабочим), рабочий телефон, e-mail.

Правила оформления библиографических ссылок

Форма связи ссылок с основным текстом с помощью фамилии автора и года издания может различаться для разных видов цитируемых изданий.

1. Книга или статья одного, двух авторов: [Степанов, 1989, 28], [Мамонтова, Муллонен, 1991, 52].

2. Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков указывается номер тома или выпуска: [СРНГ, 12, 270].

3. Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенной аббревиатуры к году: [Макарова 2007а, 182]. В этом случае необходимо сделать соответствующее указание в списке литературы:

Макарова А. А. Из материалов экспедиции Уральского университета в Кадуйский район Вологодской области // *Вопр. ономастики.* 2007а. № 4. С. 179–184.

4. Сборник, коллективный труд, словарь, атлас и т. д. (в том числе — сокращенное название): [Уральские имена, 73], [МДС, 81], [ААЕ, 9].

5. Архивные материалы: [ГААО, ф. 198, оп. 7, д. 68, 22] — курсивом выделен лист документа, все остальные элементы ссылки (указание на фонд, описание, дело) даются сокращенно и разделяются запятой.

6. Карты, словники, картотеки и т. п. — с помощью сокращенного названия: [КСГРС].

Правила оформления списка литературы

Список литературы и источников дается в конце статьи в алфавитном порядке. Для сокращенных названий сначала приводится аббревиатура, а затем полное описание работы. Список литературы должен быть разделен на две рубрики: *Источники* (сюда включаются словари, архивные материалы, литературные произведения, исторические источники) и *Исследования*.

Если статья подается на русском языке, то библиографическое описание должно соответствовать требованиям ГОСТ 7.0.5–2008 и обязательно содержать наименование издательства, фамилии редакторов, составителей (для сборников, материалов конференций, справочных изданий), наименование научной организации (для диссертаций и авторефератов диссертаций). Например:

Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // *Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки* / отв. ред. В. С. Расторгуева. М. : Наука, 1979. С. 272–346.

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007. БТС — Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2000.

Зализняк А. А., Янин В. Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2002 г. // *Вопр. языкознания.* 2003. № 4. С. 3–11.

Лысова Е. В. Орнитонимия Русского Севера : дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2002. DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Electronic resource]. URL: <http://www.dwds.de/>.

Gammeltoft P. Islands great and small: a brief survey of the names of islands and skerries in Shetland // *Cultural contacts in the North Atlantic Region: the Evidence of Names* / ed. by P. Gammeltoft, C. Hough and D. Waugh. Lerwick : NORNA, 2005. P. 119–126.

Harvalik M. Synchronní a diachronní aspekty české onymie. Praha : Academia, 2004.

Kleiber G. Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques // *Journal of French Language Studies.* 1992. № 2. P. 185–205.

Room A. Bloomsbury Dictionary of Place-Names in the British Isles. London : Bloomsbury, 1988.

Список литературы, составленный в соответствии с российским ГОСТом, должен быть про-дублирован в формате APA (American Psychological Association) с обязательной транслитерацией

и переводом кириллических названий (за исключением названий периодических изданий). Дублировать следует только рубрику *Исследования*.

Названия изданий на языке, использующем не латинский алфавит (например, кириллицу), должны быть транслитерированы и переведены на английский язык, при этом в качестве основного названия используется транслитерация оригинального названия, а английский перевод дается в квадратных скобках сразу после нее.

Ввиду многообразия стандартов транслитерации и необходимости унификации ее принципов редакция журнала просит авторов использовать правила транслитерации Библиотеки Конгресса США (ALA-LC romanization или LC romanization). Обратите внимание, что при транслитерации следует делать исключения для имен собственных и названий периодических изданий, которые необходимо транслитерировать в соответствии со сложившейся традицией (например: В. Янин = V. Yanin, а не V. Ianin; Вопросы языкознания = Voprosy jazykoznanija, а не Voprosy iazykoznaniiа и т. п.).

Пример приведенного выше списка, оформленного в соответствии с требованиями журнала (записи располагаются в алфавитном порядке):

- Abaev, V. I. (1979). Skifo-sarmatskie narechiiа [Scytho-Sarmatian languages]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), *Osnovy iranskogo iazykoznaniiа. Drevneiranskie iazyki* [Elements of Iranian Linguistics. Ancient Iranian Languages] (pp. 272–346). Moscow: Nauka.
- Berezovich, E. L. (2007). *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvistiicheskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik.
- DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Electronic Dictionary of the German Language]. Retrieved from <http://www.dwds.de/>.
- Gammeltoft, P. (2005). Islands Great and Small: A Brief Survey of the Names of Islands and Skerries in Shetland. In P. Gammeltoft, C. Hough & D. Waugh (Eds.), *Cultural Contacts in the North Atlantic Region: the Evidence of Names* (pp. 119–126). Lerwick: NORNA.
- Harvalik, M. (2004). *Synchronní a diachronní aspekty české onymie* [Synchronic and Diachronic Aspects of Czech Proper Names]. Praha: Academia.
- Kleiber, G. (1992). Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques [When a Proper Name Takes an Article: the Case of Metonymic Proper Names]. *Journal of French Language Studies*, 2, 185–205.
- Kuznetsov, S. A. (Ed.). (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [A Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint.
- Lysova, E. V. (2002). *Ornitoniimiiа Russkogo Severа* [Ornithonymy of the Russian North] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg.
- Room, A. (1988). *Bloomsbury Dictionary of Place-Names in the British Isles*. London: Bloomsbury.
- Zaliznyak, A. A., & Yanin, V. L. (2003). Berestianye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2002 g. [Birch Bark Manuscripts from Novgorod Excavations in 2000]. *Voprosy jazykoznanija*, 4, 3–11.

Принципы оформления библиографической записи в формате APA описаны на сайте <http://www.apastyle.org/>, а также на многочисленных сайтах библиотек. Правила транслитерации Библиотеки Конгресса США (ALA-LC romanization) описаны на сайте <http://www.loc.gov/catdir/cpsol/roman.html>. При транслитерации кириллических названий можно воспользоваться автоматическими системами транслитерации, например translit.ru (в выпадающем меню «Варианты...» выбрать LC).

Более подробная информация о правилах публикации рукописей размещена на сайте журнала: opomastics.ru — в разделе «Информация для авторов». Для отправки рукописи в редакцию можно воспользоваться размещенной там же формой обратной связи.

INSTRUCTIONS FOR CONTRIBUTORS

General Principles

- The article may be published in the Russian, English (American or British variant), French or German language. The article generally should not exceed 40 000 characters (spaces included), although exceptions are possible. A brief communication should not exceed 20 000 characters (spaces included).
- The journal does not accept papers previously published or being under consideration in other journals.
- Every submitted article is evaluated by at least two members of the editorial board and, if needed, by other reviewers (blind peer-review) with relevant experience and expertise. Within two to three month, the author receives the editors' response with their decision and a list of any changes needed for the article to be accepted for publication.

General Manuscript Formatting Guide

1. Your manuscript should be typeset using Microsoft Word and a 'standard' font, preferably 14-point Times New Roman (12-point for footnotes), with a line spacing of 1.5 and a first line indent of 0.7 cm on each paragraph. If you use a non-standard font, please attach the font file to your message as well as a copy of your paper in PDF format.

2. The names of authors must be listed in the alphabetical order above the title. Where the family name may be ambiguous (e.g. a double name), please indicate this clearly.

3. The abstract of 200–250 words and the list of key words (5–10) must be placed under the title. For papers reporting original research, the abstract should describe: the primary objective and any hypothesis tested; the data studied in the article and the methods and procedures of research applied to those data; the main outcomes, results and conclusions that might be drawn from these data and results, including their implications for further research or practice. The list of key words must be informative and specific to the content of the article.

4. Language units and illustrations cited in the article should be italicised. To indicate meaning, please, use English single quotes (''), also use French quotation marks («») for long citations, English double quotes ("") for citations within citations and letter-spacing for emphasis.

5. Any illustrations (maps, images, photos) should be of good quality, in JPEG format with a resolution of at least 300 dpi and the width of at least 13 cm.

6. Please, use footnotes with a continuous numbering.

7. The bibliography should be put into alphabetical order and placed at the end of the document. The references in square brackets should contain the author's name or the book title, the year of publication and, if necessary, page numbers.

8. If the article is submitted in the Russian, French, German, Polish, Czech, Serbian or Bulgarian languages supplement your article with parallel metadata (authors' names, title, abstract, key words) and reference list in English.

9. Please, include a list of the abbreviations and acronyms you use in your article. The list should be placed at the end of the document.

10. Place the detailed information about the article's author(s) (name, academic degree, affiliation, position, mailing address, electronic address, phone number) at the end of the document.

References

References may have different formats depending on the type of the publication referred to.

1. Book by one, two or more authors: [Smith, 1989, 28], [Smith & Bright, 1991, 52], [Smith, Bright et al., 1993, 140], etc.

2. For multivolume editions include the volume number: [CPHG, 12, 270], [CPJ, 2, 23].

3. Where there are two or more publications by a same author and the years of publication are the same, a lower-case "a" should feature after the date in the first entry, a "b" in the second, and so on: [Bright, 2003a, 676]. Please, include the same indications in the bibliography at the end of the document:

Bright, W. (2003a). What is a Name? Reflections on Onomastics. *Language and Linguistics*, 4(4), 669–681.

4. Collections of articles, conference proceedings, dictionaries and atlases: [Smith (ed.), 1999, 73], [Smith & Bright (eds.), 1997, 142], [AAE, 9], etc. — the reference should include the editor's name or the abbreviated title.

5. Archival materials: [ГАОО, ф. 198, оп. 7, д. 68, 22] — the pages are the only element to be italicized, all the other indications are given in an abridged form and separated by a comma.

6. Maps, card indexes, glossaries etc. are referred to by their abbreviated name or title: [КСГПС], [LGPN] etc.

Bibliography

The bibliography should be put into alphabetical order and placed at the end of the document. For abbreviated titles, please, first indicate the abbreviation. The bibliography must be divided using 2 categories: *Sources* (included here are: dictionaries, archive materials, literary works, historical sources) and *References*.

If you submit your article in Russian, the bibliography should follow the Russian National Standard for Bibliography Items (ГОСТ 7.0.5–2008). Please note that in this case the name of the publisher and of the editor (for collections of articles, dictionaries etc.), as well as the name of the research institution or university (for dissertations) must not be omitted. For example:

Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки / отв. ред. В. С. Расторгуева. М. : Наука, 1979. С. 272–346.

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007. БТС — Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2000.

Зализняк А. А., Янин В. Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2002 г. // Вopr. языкознания. 2003. № 4. С. 3–11.

Лысова Е. В. Орнитонимия Русского Севера : дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2002. DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Electronic resource]. URL: <http://www.dwds.de/>.

Gammeltoft P. Islands great and small: a brief survey of the names of islands and skerries in Shetland // Cultural contacts in the North Atlantic Region: the Evidence of Names / ed. by P. Gammeltoft, C. Hough and D. Waugh. Lerwick : NORNA, 2005. P. 119–126.

Harvalík M. Synchronní a diachronní aspekty české onymie. Praha : Academia, 2004.

Kleiber G. Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques // Journal of French Language Studies. 1992. № 2. P. 185–205.

Room A. Bloomsbury Dictionary of Place-Names in the British Isles. London : Bloomsbury, 1988.

In case of an article in English, please, follow the APA style, in other cases follow your national bibliography standard and supplement your reference list with a parallel list in English made in the APA style. Duplication is only done for the category of *References*.

The titles in a non-roman alphabet should be romanized and translated into English. The romanization should conform to the ALA-LC romanization principles (a transliteration standard approved by the Library of Congress and the American Library Association). Please note that proper names and titles of periodicals are romanized according to the existing tradition and not to the ALA-LC rules (e.g.: Валентин Янин = Valentin Yanin, and not *Valentin Ianin; Вопросы языкознания = Voprosy jazykoznanija, and not *Voprosy iazykoznaniiia, etc.).

Here is the same reference list as remade according to the APA style and romanized following the ALA-LC Romanization tables:

- Abaev, V. I. (1979). Skifo-sarmatskie narechiia [Scytho-Sarmatian languages]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), *Osnovy iranskogo iazykoznaniiia. Drevneiranskie iazyki* [Elements of Iranian Linguistics. Ancient Iranian Languages] (pp. 272–346). Moscow: Nauka.
- Berezovich, E. L. (2007). *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvističeskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik.
- DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Electronic Dictionary of the German Language]. Retrieved from <http://www.dwds.de/>.
- Gammeltoft, P. (2005). Islands Great and Small: A Brief Survey of the Names of Islands and Skerries in Shetland. In P. Gammeltoft, C. Hough & D. Waugh (Eds.), *Cultural Contacts in the North Atlantic Region: the Evidence of Names* (pp. 119–126). Lerwick: NORNA.
- Harvalik, M. (2004). *Synchronní a diachronní aspekty české onymie* [Synchronic and Diachronic Aspects of Czech Proper Names]. Praha: Academia.
- Kleiber, G. (1992). Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques [When a Proper Name Takes an Article: the Case of Metonymic Proper Names]. *Journal of French Language Studies*, 2, 185–205.
- Kuznetsov, S. A. (Ed.). (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [A Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint.
- Lysova, E. V. (2002). *Ornitonomiia Russkogo Severa* [Ornithonymy of the Russian North] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg.
- Room, A. (1988). *Bloomsbury Dictionary of Place-Names in the British Isles*. London: Bloomsbury.
- Zaliznyak, A. A., & Yanin, V. L. (2003). Berestianye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2002 g. [Birch Bark Manuscripts from Novgorod Excavations in 2000]. *Voprosy jazykoznanija*, 4, 3–11.

The rules of APA Style are described on the official site: <http://www.apastyle.org/>, as well as on many other Internet resources. The ALA-LC Romanization tables: <http://www.loc.gov/catdir/cpso/roman.html>. For romanization you may also use numerous automatic systems of transliteration, e.g. for the items in Russian: translit.ru (in the pull-down menu «варианты...» choose LC, i.e. Library of Congress).

For further information and for article submission, please visit the journal's website: onomastics.ru (page Call for papers).